А 2.6
+ 82

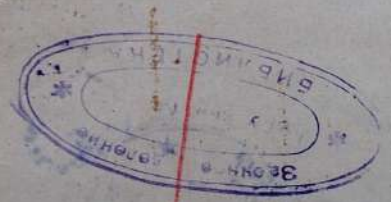
А. Н. Москаленко

Городище Титчиха

А. Н. МОСКАЛЕНКО

ГОРОДИЩЕ ТИТЧИХА

Из истории древнерусских поселений на Дону



ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОРОНЕЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ВОРОНЕЖ 1965

902.6
М-82

*Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Воронежского госуниверситета*

2-575339
68

Государственный университет
Библиотека
ВГУ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Археологические исследования на славянских городищах Среднего и Верхнего Подонья, проведенные в последние годы Воронежским университетом, привели к серьезным научным результатам. По сути дела, ими окончательно решен вопрос о юго-восточной границе Древней Руси, о славянах на Дону, являвшийся предметом дискуссии в нашей историографии в течение многих десятилетий. Вместе с тем в результате этих исследований получен большой материал для характеристики экономики, быта и общественных отношений обитавшей на Дону древнерусской группировки IX—X вв.

Как известно, Начальная летопись не сообщает ничего определенного о славянах на Дону. На этом основании создавалось впечатление, разделяемое рядом исследователей, что эта область издавна была для славян «диким полем», лишенным постоянного населения и находящимся под контролем кочевников. Отдельные исследователи, основывающиеся на некоторых известиях восточных авторов, придерживались другой точки зрения. Они полагали, что летопись, составленная в XI—XII вв., отразила на своих страницах обстановку, современную ее авторам, когда кочевники потеснили юго-восточные рубежи Руси, а что раньше, в предыдущие столетия, на Дону было какое-то славяно-русское население.

Раскопки на воронежских городищах, произведенные в 20—30-х годах Воронежским краеведческим музеем и центральными археологическими учреждениями, подготовили почву для решения этого спорного вопроса. Но их объем был сравнительно небольшим и полученные данные недостаточны для окончательных выводов. Многолетние исследования, проведенные под руководством А. Н. Москаленко, особенно раскопки на городище Титчиха, дали значительно больший материал о славянских поселениях Среднего и Верхнего Подонья IX—X вв., не оставляющий уже никакого сомнения в том, что в указанные столетия эта обширная область безраздельно принадлежала компактной и многолюдной восточно-

славянской группировке, прочно освоившей берега Дона и Воронежа и игравшей, по-видимому, весьма значительную роль в обороне древнерусских земель от набегов кочевников.

В работе о древнерусском поселении у хутора Титчиха дана подробная и всесторонняя характеристика экономики, жизни и быта славянского населения Подонья в IX—X вв. Автор вносит серьезные коррективы в те представления об уровне культуры этого населения, которые сложились на основании раскопок 20—30-х годов, когда создалось впечатление о значительной культурной отсталости славян Подонья, о том, что здесь был «глухой угол» Древней Руси. Оказалось, и это вполне доказано А. Н. Москаленко, что донская восточнославянская группировка, принадлежавшая, по-видимому, к племени вятичей, по уровню своей культуры не отличалась от населения других периферийных древнерусских областей. Конечно, как и в каждой области, здесь имелись свои особенности. На окраине, по соседству со степным миром, они были особенно отчетливыми. Но они не касались основных показателей, определяющих общий уровень культуры: техники земледелия, промыслов, уровня ремесла, домостроительства, оборонительных сооружений и др.

На основании своих материалов автор работы дает обстоятельный анализ производительных сил общества славян Подонья IX—X вв., не вызывающий каких-либо сомнений ни с методической, ни с методологической стороны. Сравнительно меньшим материалом автор располагает для характеристики общественных отношений. Здесь необходимы новые целеустремленно направленные исследования (сравнительное изучение различных частей поселений, раскопки курганов и др.). Но те общие положения об общественном строе славян Подонья, которые высказаны в книге, являются, несомненно, правильными.

Таким образом, в результате археологических исследований вопрос о Среднем и Верхнем Подонье в эпоху Древней Руси перестал быть загадкой. Эта область заняла, наконец, свое подлинное место в начальной истории русского народа и его древнего государства. Это несомненно большой вклад в наше историческое знание. Не приходится сомневаться, что результаты археологических работ Воронежского университета будут встречены с большим интересом как научной общественностью, так и всеми, кто интересуется прошлым нашей Родины.

Член-корреспондент АН СССР П. Н. Третьяков

ВВЕДЕНИЕ

Изучение древнейшей истории славян, несмотря на значительные успехи, достигнутые за последние десятилетия советскими, а также болгарскими, польскими, чехословацкими и югославскими историками и археологами, продолжает оставаться одной из важнейших задач нашей науки. В настоящее время стало очевидным, что культура славянских племен второй половины I тысячелетия нашей эры на всей славянской ойкумене в общих чертах была сходной[1]. Однако в отдельных районах, заселенных славянами, в развитии материальной и духовной культуры имелись свои отличительные черты, обусловленные ходом исторического процесса, географическим положением и рядом других причин. Для того чтобы воссоздать историю славянских народов во всей полноте, необходимо выявить особенности культуры каждого локального района.

Интересующая нас группа славян обитала в Верхнем и Среднем Подонье[2], т. е. на восточных рубежах славянского мира, в период складывания и расцвета Древнерусского государства с центром в Киеве. На историю донских славян наложили отпечаток события, которые происходили в последние века I тысячелетия не только в алано-хазарском мире и в среде кочевников, но и у соседних финно-угорских народов.

Письменные источники по истории древнерусских поселений на Верхнем и Среднем Дону отсутствуют, поэтому источники вещественные являются основными. Первые серь-

[1] А. В. Арциховский. Культурное единство славян в средние века. СЭ, 1946, № 1; И. И. Ляпушкин. К вопросу о культурном единстве славян. «Исследования по археологии СССР». Сб. ст. в честь М. И. Артамонова, 1961.

[2] По вопросу о том, какие участки Дона считать верхним и нижним течением, в литературе нет единого мнения. Под Верхним Доном мы подразумеваем участок реки от истоков до устья р. Воронеж, а под Средним — участок реки от устья р. Воронеж до г. Павловска Воронежской области.

езные исследования славянских археологических древностей в этом районе проведены советскими археологами в 20—30-х годах текущего столетия. Тогда были выявлены основные черты местной славянской культуры, получившей позднее название боршевской. Наше изучение городища Титчиха и других памятников боршевского типа в 1948—1963 гг. является продолжением указанных работ.

Городище Титчиха по своей сохранности выгодно отличается от всех ранее изученных древнерусских поселений на Дону. Его раскопки проведены на площади, значительно превышающей участки, вскрытые на других городищах Верхнего и Среднего Дона. Полученные материалы позволяют не только более обстоятельно, но в ряде моментов совершенно по-новому осветить отдельные стороны жизни донских славян в конце I тысячелетия.

Задачей настоящего исследования является публикация материалов городища Титчиха и их историческая интерпретация. Ею определяется и структура книги. С одной стороны, мы стремились дать по возможности более полное представление о самом памятнике как вещественном источнике, с другой стороны, на основании полученных материалов мы пытаемся определить уровень развития социально-экономических отношений у жителей этого поселения. При этом нам хотелось по возможности избежать излишних подробностей и сделать книгу доступной не только специалистам-археологам, но и широкому кругу читателей.

Работа состоит из двух частей, которые взаимно дополняют друг друга, — основного текста и приложений, где даны выписки из полевых дневников, а также статьи и заключения по результатам анализов различных материалов с городища Титчиха. Остеологический материал исследовался в лаборатории Института археологии АН СССР В. И. Цалкиным; остатки ихтиофауны—в Палеонтологическом институте АН СССР Е. К. Сычевской; металлические изделия и шлаки подвергались анализу в лаборатории спектрального и структурного анализа при кафедре археологии Московского университета Н. В. Рындиной, а также в лабораториях Института археологии АН СССР Г. А. Вознесенской (Москва) и В. Н. Сидоровым (Ленинград). В лаборатории спектрального и структурного анализа Ю. Л. Щаповой и А. Н. Репиным были изучены и стеклянные изделия. Куфические монеты определила сотрудник Государственного исторического музея С. А. Янина. Остатки древесины анализировал профессор кафедры ботаники и дендрологии Воронежского лесотехнического института П. Б. Раскатов. Знаки на глиняной посуде исследовал старший научный сотрудник Института языкознания АН СССР Г. Ф. Турчанинов. Породы камня определены доцентом Воронежского университета В. Н. Преображенской, злаки — доцентом Е. А. Федосеевой.

Раскопки городища Титчиха (1954—1963 гг.) были организованы Воронежским университетом и Областным музеем краеведения. В них принимали участие члены студенческого археологического кружка (П. Немченко, А. Несова, З. Мочалина, Н. Плахотников, В. Мирошников, М. Князева, Л. Иванкова, Д. Попов, А. Пряхин, А. Винников, А. Синюк и многие другие), студенты-практиканты исторического факультета ВГУ, учащиеся Старо-Хворостанской школы Лискинского района, а также 30, 33-й и других школ Воронежа, учителя Н. М. Анучин, Т. С. Сегал, С. Н. Логунов и В. П. Сотников, студенты Ивановского педагогического института. Большую помощь в работе экспедиции оказывали члены правления колхоза «Тихий Дон» — председатель Н. Я. Анучин, И. Е. Каширин и др. Считаю своим долгом выразить искреннюю благодарность всем принявшим участие в полевых исследованиях, помогавшим в последующей обработке материала, а также тем, кто взял на себя нелегкий труд прочитать рукопись и сделал ряд важных замечаний,— П. Н. Третьякову, В. П. Левашевой, П. А. Раппопорту и Л. П. Гуссаковскому.

Глава I

Полевые исследования памятников боршевской культуры[1]

Изучение археологических памятников, называемых ныне боршевскими, было начато во второй половине XIX в. Уже в 70-е годы Воронежский статистический комитет получил задание от Археологической комиссии — центрального археологического учреждения России — собрать сведения о курганах и городищах на территории Воронежской губернии. Это задание было возложено на уездных исправников. В их донесениях описано большое количество памятников[2], среди которых широко известные сейчас в литературе Большое Боршевское, Голышевское, или Архангельское, и другие городища.

В 80-х годах секретарь Воронежского губернского статистического комитета энтузиаст-краевед Л. Б. Вейнберг впервые специально обследовал часть интересующих нас памятников. Он осмотрел четыре городища на правом берегу р. Воронеж в городском общественном лесу[3] и провел небольшие раскопки курганного могильника на Лысой горе. «Я бесполезно рылся в течение лета в искусственных земляных сооружениях, в которых, кроме угля, золы и костей жвачных животных, более ничего не находил,—пишет Л. Б. Вейнберг в отчете, представленном в Археологическую комиссию, —

[1] В настоящей главе частично использована наша статья «Изучение славянских археологических памятников в бассейне Верхнего и Среднего Дона», «Славянский сборник», 1, выпуск исторический. Воронеж, 1958.

[2] «Сведения о курганах и городищах Воронежской губернии», 1873, Архив ИА, ф. 4, д. 193. Материалы донесений исправников частично опубликованы — «Записки русского археологического общества», т. VIII, вып. 1—2, новая серия, СПб., 1896, стр. 286—306; «Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронежские акты», т. 1, Воронеж, 1887, приложение.

[3] В настоящее время эта территория входит в черту г. Воронежа.

между тем как на совершенно, по-видимому, ровном, ничего не обещающем месте, беспрестанно попадались черепки сосудов»[4]. В 1890 г. Л. Б. Вейнберг снова совершил экскурсию в те же места. На сей раз его сопровождал краевед Е. Л. Марков, который сделал зарисовки[5] и посвятил обследованным памятникам специальный очерк[6]. Он описывает 6 городищ (Хазарское[7], Михайловское, три Белогорских, одно у Зубовской лощины и могильник на Лысой горе). На Белой горе были проведены небольшие земляные работы. «При самой поверхностной раскопке, — пишет Е. Л. Марков, — которую мы могли произвести, и везде, где только пробовали мы, сейчас же... показывались во всей своей наготе кости..., куски кирпичей и угля, железо, обращенное в ржавчину, и прочее»[8]. Осмотрев также ряд городищ в черте г. Воронежа, Л. Б. Вейнберг и Е. Л. Марков все обследованные ими памятники считали хазарскими. Они полагали, что хазары поселились в этих местах в XII в.[9]

В начале XX в. члены Воронежского губернского статистического комитета, Ученой архивной комиссии и Комиссии по устройству музея А. И. Милютин, С. Е. Зверев, В. Д. Языков, А. И. Мартинович продолжили изучение памятников по р. Воронеж. Их внимание привлек Лысогорский могильник. Было установлено, что он насчитывает до 350 курганов[10]. В 1905—1906 гг. тринадцать из них были раскопаны. Работы позволили выяснить некоторые особенности погребального обряда. А. И. Мартинович впервые высказал предположение, что эти курганы оставлены не хазарами, как полагали Л. Б. Вейнберг и Е. Л. Марков, а одним из славянских племен[11].

[4] Архив ИА, ф. 1, 1889, д. 49, л. 11 след.

[5] Зарисовки Е. Л. Маркова опубликованы в книге Л. Б. Вейнберга «Очерк замечательнейших древностей Воронежской губернии», Воронеж, 1891, стр. 39.

[6] Е. Л. Марков. Хазарские городища на реке Воронеж. «Русский вестник», т. 217, 1891, ноябрь.

[7] Хазарским Е. Л. Марков называл городище, которое в литературе известно как Кузнецовское. В настоящее время на его территории расположен дом отдыха им. М. Горького.

[8] Е. Л. Марков. Указ. соч., стр. 126—127.

[9] Л. Б. Вейнберг. Указ. соч., стр. 63—64; Е. Л. Марков. Указ. соч., стр. 134.

[10] «Археологические исследования и раскопки. Из отчета за 1903—1904 гг.», «Труды ВУАК», вып. IV, 1908, стр. XXXVII.

[11] А. И. Мартинович. Раскопки курганов вблизи Хазарского городища в 1906 г. «Труды ВУАК», вып. IV, Воронеж, 1908, стр. 61 след.; Архив ИА, ф. 1, 1906, д. 71, л. 6 след.

В первом десятилетии XX в. подверглись специальному изучению и славянские памятники в Среднем Подонье. В период подготовки к XII археологическому съезду в Харькове (1902) местный краевед Л. М. Савелов составил археологическую карту Коротоякского уезда. Им было зарегистрировано и описано 12 городищ и свыше 630 курганов по рекам Дон, Девица и Потудань. Среди них Большое Боршевское, Малое Боршевское, Голышевское (Архангельское) и Сторожевое городища[12], а также Боршевский могильник.

В 1905 г. А. А. Спицын обследовал славянские памятники в с. Борщево. Он осмотрел Большое Боршевское городище и отметил, что оно укреплено валом, «идущим дугою»[13]. На основании характера керамики А. А. Спицын отнес его к типу донецких городищ[14]. А. А. Спицын раскопал две полуземлянки на селище, примыкающем к Большому Боршевскому городищу. Они находились на юго-восточном склоне мыса. Площадь полуземлянок 3,55×3,2 и 4,64×3,55 м. Обе они в свое время погибли от пожара, о чем свидетельствуют остатки обугленного дерева. Одна полуземлянка отапливалась очагом, в другой была печь. Во время раскопок найдены кости животных (коровы, лося и др.), рыб, птиц, черепки посуды и куски шлака[15]. А. А. Спицын отмечает, что керамика из этих жилищ сходна с черепками, найденными на городище[16]. А. А. Спицын исследовал также курганный могильник. В его отчете приводится схематический план расположения 8 раскопанных курганов и их описание[17].

Кроме памятников в с. Борщево А. А. Спицын осмотрел городище в соседнем с. Голышевка (ныне Архангельское Хохольского района) и собрал здесь небольшую коллекцию керамики. По мнению А. А. Спицына, это городище в целом позднее входило в систему русских укреплений XVI—XVII вв. Вместе с тем А. А. Спицын выделяет на площади Голышевского городища два древних небольших городка,

[12] Л. М. Савелов. Коротоякский уезд Воронежской губернии в археологическом отношении. «Труды XII АС», т. 1, М., 1905, стр. 160 след.; его же. Расположение курганов и городищ в Коротоякском уезде. «Труды ВУАК», вып. 1, 1902.

[13] А. А. Спицын. Поездка в Воронежскую губернию в 1905 и 1906 гг. Архив ИА, ф. 5, д. 90, л. 4.

[14] «Отчет ИАК за 1905 г.». СПб., 1908, стр. 83.

[15] А. А. Спицын. Поездка в Воронежскую губернию.., л. 4. В последующем при публикации им указаны иные размеры жилищ (3,55×3 м. и 4,45×3,55 м.) и отмечено, что печи были сложены из камней на глине. См.: «Отчет ИАК за 1905 г.», стр. 84.

[16] «Отчет ИАК за 1905 г.», стр. 84.

[17] А. А. Спицын. Поездка в Воронежскую губернию.., л. 2. Курган № 7 раскопан неполностью.

«судя по черепкам, относящихся ко времени, близкому к Боршевскому»[18].

Позже Голышевское городище посетил Н. Е. Макаренко. Он описал его внешний вид, составил план и подтвердил наблюдения А. А. Спицына[19].

Таким образом, в результате небольших работ разведочного характера, проведенных во второй половине XIX и начале XX в., стали вырисовываться некоторые особенности интересующей нас культуры. Уже тогда было отмечено, что обследованные городища располагались на высоких, труднодоступных мысах. Для их укрепления с напольной стороны использовались земляные валы. Были изучены первые жилища, которые оказались полуземлянками, и получены некоторые данные для характеристики культурного слоя в целом. Исследования курганных могильников позволяли говорить о языческом обряде погребения. Был поставлен вопрос о времени существования этих памятников и о народе, которому они принадлежали. Эти исследования как бы проложили дорогу для последующих работ.

Новый этап в изучении славянских памятников в бассейне Верхнего и Среднего Дона связан с работами советских археологов и краеведов. Еще шли бои на фронтах гражданской войны, когда возобновились археологические исследования. Воронежский губернский музей одной из своих основных задач считал изучение славянских древностей[20]. Славянские памятники Верхнего и Среднего Дона привлекали внимание и центрального археологического учреждения—Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК). Вплоть до Великой Отечественной войны основные работы по-прежнему были сосредоточены на обследовавшихся ранее городищах и могильниках по рекам Воронеж и Дон. В 1922 г. С. Н. Замятин раскопал одну курганную насыпь на Боршевском могильнике, а в 1924 г. Д. Д. Леоновым были вскрыты три кургана на Лысогорском могильнике[21].

Особенно большое значение для изучения памятников

[18] «Отчет ИАК за 1905 г.», стр. 84.

[19] Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 годов. «Известия ИАК», вып. 43, СПб., 1911, стр. 76 след.

[20] «Отчет по историко-археологическому и этнографическому отделу Воронежского губернского музея с 1 июля 1918 по 1 июля 1919 г.». стр. 10 — Научный архив Воронежского областного краеведческого музея.

[21] «Отчет Воронежского государственного историко-культурного музея за 1923/1924 гг.», л. 17 — Научный архив Воронежского областного краеведческого музея.

боршевской культуры имели работы экспедиции ГАИМК в 1928—1929 гг. под руководством П. П. Ефименко. Экспедиция провела значительные по тому времени раскопки на Большом Боршевском городище. Кроме того, изучались Малое Боршевское городище и прилегающее к нему селище, а также городища Кузнецовское и Михайловское. В общей сложности на всех пяти поселениях было вскрыто 1085 кв. м. На этой площади исследовано 25 жилищ, несколько полуземляных и наземных хозяйственных помещений и ямы для хранения продуктов. В то же время велись раскопки четырех курганов на Боршевском и одного на Лысогорском могильниках и двух курганов на небольшом могильнике вблизи Кузнецовского городища[22]. Во время этих работ впервые был получен большой и хорошо документированный материал, который лег в основу характеристики боршевской культуры[23].

В конце 20-х и в 30-е годы продолжались разведочные работы Воронежского краеведческого музея. Его сотрудники Т. М. Олейников, Н. В. Валукинский, И. Д. Смирнов и Д. Д. Леонов систематически посещали известные ранее славянские поселения и могильники, собирали подъемный материал, следили за земляными работами, проводившимися в черте города и в его окрестностях. Это помогло выявить новые памятники. Именно в эти годы были открыты славянские городища в черте г. Воронежа[24], вблизи г. Семилуки[25], в селах Шилово, Устье, Костенки, вблизи пос. Рамонь[26] и в других районах области[27]. Во время осмотра Кузнецовского городища на нем по числу западин было зафиксировано около 80 землянок. Это наблюдение заслуживает особого внимания, так как в настоящее время территория городища занята постройками дома отдыха имени М. Горького. Во время строительства дома отдыха культурный слой городища разрушался. Рабочие отмечали, что им попадались кости, камни от очагов, много обломков керамики. Наиболее интересными находками были два железных серпа, металлический браслет и шесть глиняных грузил[28]. Сотрудникам краеведческого музея в строительных траншеях удалось зафиксировать 13 полуземлянок и собрать значительное число различных вещей (поделки из рога оленя и лося, глиняные пряслица, грузила, часть жернова, шлаки, фрагменты керамики)[29]. В 1933—1934 гг. Н. В. Валукинский и И. Д. Смирнов раскопали 12 и обследовали 18 полуземлянок. Здесь были открыты хранилища зерна и помещения для плавки железной руды. Исследование городища было продолжено в 1940 г. Тогда в прорытой поперек городища траншее удалось дополнительно изучить стратиграфию культурных отложений[30].

Накопленный в 20 и 30-е годы материал позволил перейти к обобщениям. В работах П. П. Ефименко[31], В. И. Равдоникаса[32], Н. В. Валукинского[33] особое внимание уделялось характеристике хозяйства, домостроительства, общественных отношений и религиозных представлений донских славян. Уже после Великой Отечественной войны в 1948 г. вышел в свет упомянутый выше совместный труд П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова «Древнерусские поселения на Дону», в котором подведены итоги довоенных исследований славянских памятников в бассейне Верхнего и Среднего Дона и дана наиболее исчерпывающая характеристика боршевской культуры. В работе определяется место донских славян в истории восточнославянского мира, характеризуются их социально-экономический строй и религиозные представления. Авторы описывают каждый из раскопанных памятников и особенно подробно — Большое Боршевское городище. По их мнению, основным занятием донских славян было земледелие. Показано значение скотоводства, охоты и рыбной ловли. В работе отмечалось слабое развитие ремесленного производства и торговли. Ввиду того что материал, полученный во время раскопок, содержал мало данных для выяснения характера общественных отношений, авторы касались этой проблемы лишь попутно. При описании погребального

[22] Отчеты об этих работах хранятся в архиве ИА, ф. 2, 1929, д. 218, ф. 2, 1930, д. 113. Коллекция вещей находится в ОИПК Эрмитажа (опись хранения № 785, 786, 850, 854).

[23] П. П. Ефименко. Раннеславянские поселения на Среднем Дону. «Сообщения ГАИМК», 1931, вып. 2.

[24] Архив ИА, ф. 2, 1930, № 168, лл. 4, 9.

[25] Архив ИА, ф. 2, 1927, д. 208.

[26] Архив ИА, ф. 2, 1934, д. 96.

[27] Н. В. Валукинский. По следам древних предков. Воронеж, 1940, стр. 46.

[28] Архив ИА, ф. 2, 1933, д. 215, л. 10. Подробного описания браслета и серпов нет. Они не сохранились.

[29] Там же, л. 10.

[30] Результаты раскопок Воронежского областного краеведческого музея опубликованы в работах: П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, МИА, № 8, 1948, стр. 102 след.; Н. В. Валукинский. Материалы к археологической карте территории г. Воронежа. СА, X, 1948, стр. 299—300. Коллекция находок хранилась в Воронежском областном краеведческом музее и почти полностью погибла в годы Великой Отечественной войны.

[31] П. П. Ефименко. Раннеславянские поселения на Среднем Дону.

[32] С. И. Ковалев, Е. К. Некрасов, В. И. Равдоникас, И. И. Смирнов. Краткое введение в историю докапиталистических формаций. «Известия ГАИМК», вып. 99, 1934, стр. 15 след.

[33] Н. В. Валукинский. По следам древних предков. Воронеж, 1940, стр. 46 след.

обряда П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков обращали внимание на то, что курганы являлись коллективными усыпальницами, а коллективные погребения, по их мнению, отражали «черты обрядности еще родового строя». Прочными устоями родового строя П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков объясняли и наличие на Большом Боршевском городище соединенных между собой групп жилищ и прилегающих к ним хозяйственных сооружений[34]. В целом авторы представляли себе Верхнее и Среднее Подонье VIII—X вв. как глухую окраину, «в быту населения здесь сохранялись многие архаические черты, присущие эпохе, предшествующей возникновению Киевской Руси»[35]. Эта характеристика боршевской культуры вошла в специальные исследования[36], в научно-популярную литературу[37] и в учебники[38].

О времени существования боршевской культуры в литературе имелись разногласия. В 30-е гг. были высказаны две точки зрения. П. П. Ефименко датировал обследованные им памятники боршевского типа VIII—X веками[39]. Б. А. Рыбаков связывал роменские, а вместе с ними и боршевские памятники с антами и относил их к VI—VII вв.[40] В 1947 г. со специальной статьей по поводу датировки городищ роменской и боршевской культуры выступил И. И. Ляпушкин[41]. Он убедительно показал ошибочность датировки Б. А. Рыбакова и полностью присоединился к мнению П. П. Ефименко. После выхода в свет монографии П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова датировка памятников боршевского типа VIII—X веками стала общепризнанной.

Работы советских археологов подтвердили правильность высказанного еще в начале XX в. предположения о том, что памятники боршевской культуры принадлежали славянам.

[34] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 11.

[35] Там же, стр. 8.

[36] В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства, Л., 1945, стр. 118; И. И. Ляпушкин. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья, СА, XVI, 1952, стр. 36; П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, М., 1953, стр. 288; А. Л. Монгайт. Рязанская земля, М., 1961, стр. 255.

[37] П. Н. Третьяков. У истоков древней Руси. Сб. «По следам древних культур. Древняя Русь». М., 1953, стр. 22—23; А. Л. Монгайт. Археология в СССР, М., 1955, стр. 322—323.

[38] А. В. Арциховский. Основы археологии. М., 1954, стр. 202.

[39] П. П. Ефименко. Раннеславянские поселения на Среднем Дону, стр. 6.

[40] Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. ВДИ, 1939, № 1, стр. 322.

[41] И. И. Ляпушкин. О датировке городищ Роменско-боршевской культуры. СА, IX, 1947.

Таким образом, в результате довоенных исследований советских археологов на Среднем и Верхнем Дону была выделена особая (боршевская) культура и определены ее основные черты[42].

Тогда в качестве особенностей боршевской культуры было отмечено, что главным в хозяйстве населения являлось земледелие; кроме того, боршевцы занимались скотоводством, промыслами, плавкой руды и обработкой металла, вели торговлю. В целом же хозяйство населения, оставившего памятники боршевского типа, определялось как примитивное и архаичное. Это проявлялось в неразвитом характере земледелия, в преобладании костяных и роговых орудий, в отсутствии гончарной керамики местного производства. Для общественных отношений у населения боршевской культуры считались типичными прочные устои родового строя.

Однако незначительное число обследованных памятников, сравнительно небольшая систематически раскопанная площадь поселений и ограниченный район исследования не дали возможности выяснить со всей полнотой интересующие исследователей проблемы: происхождение, племенную принадлежность, дальнейшую судьбу славянского населения Подонья, его общественный строй. Требовали уточнения границы распространения боршевской культуры, тип домостроительства, характер погребального обряда. Совершенно не были изучены укрепления. Для решения всех этих вопросов необходимо было продолжить полевые исследования.

В 1948 г. Воронежский университет возобновил полевые исследования славянских памятников, прерванные во время войны. Работы проводились ежегодно в трех основных районах: по берегам р. Воронеж, в бассейне Быстрой Сосны и Красивой Мечи и по берегам Дона, в его среднем течении.

На протяжении ряда лет (1949, 1952, 1961, 1962 гг.) обследовались берега р. Воронеж начиная от г. Воронежа до Липецка. Наибольшее количество славянских памятников было зарегистрировано на участке от дома отдыха имени М. Горького до поселка Рамонь. Особого внимания заслуживают два памятника — Лысогорский могильник и Белогорское городище. Первый интересен не только как обширное

[42] И. И. Ляпушкин на основании некоторого сходства боршевской и роменской культуры объединил их в единую роменско-боршевскую культуру (И. И. Ляпушкин. О датировке городищ Роменско-боршевской культуры, стр. 121). Этот вывод впоследствии был принят рядом исследователей.

славянское кладбище. Еще Л. Б. Вейнберг при раскопках Лысогорских курганов, как указывалось выше, находил черепки сосудов возле курганов. Уже по этим данным можно было предполагать, что могильнику здесь предшествовало поселение. Это подтвердилось нашими исследованиями. В 1952 г. на территории курганного могильника в обрыве высокого берега была обнаружена полуземлянка[43]. Во время разведки 1961 г. участники нашей экспедиции в обнажении берега зафиксировали культурный слой толщиною в 15—20 см. Он содержал обломки посуды боршевского типа и раздробленные кости животных. Здесь же была зачищена хозяйственная яма, в которой находились остатки разбитого сосуда боршевского типа. Таким образом, теперь мы располагаем вполне достаточными фактами, чтобы говорить о славянском поселении на месте Лысогорского могильника. Оно, вероятно, было более древним, чем соседние Кузнецовское и Михайловское городища.

Белогорское городище обращает на себя внимание своими размерами, его площадь около 4 га. Это самое большое городище по р. Воронеж. Толщина культурного слоя 60—70 см. В нем встречены фрагменты керамики боршевского типа, шлаки, кости животных. В обнажении культурного слоя со стороны реки были зачищены остатки двух полуземлянок и две хозяйственные ямы. По форме и устройству все эти постройки подобны постройкам боршевского типа. Любопытной деталью, которую удалось уловить по профилю заполнения одного из жилищ, была прослойка обожженной глины. Это, вероятно, остатки глиняной обмазки крыши. Таким образом, Белогорское городище—это большое и хорошо сохранившееся до наших дней древнее поселение славян. Возле городища находятся три курганных группы. Есть все основания думать, что здесь хоронили своих умерших жители этого поселения.

Обследование правых притоков верхнего течения Дона—Быстрой Сосны и Красивой Мечи проводилось с тем, чтобы, во-первых, проследить распространение в этом районе памятников боршевского типа и выявить их особенности, во-вторых, установить конкретные пути для связи славянского населения Подонья с населением Верхнего и Среднего течения Оки.

Разведка на Быстрой Сосне проводилась нашей экспедицией в 1959, 1961 и 1962 гг. За это время был обследован участок от с. Талица Елецкого района Липецкой области до

[43] А. Н. Москаленко. Изучение славянских археологических памятников.., стр. 143.

с. Сословки Ливенского района Орловской области. Здесь было открыто 10 неукрепленных поселений боршевского типа. Культурный слой на них очень беден находками.

Тогда же экспедиция обследовала и нижнее течение р. Воргол[44], притока Быстрой Сосны. Здесь зафиксировано 6 открытых поселений и 2 городища. Все они относятся к боршевскому времени. Особый интерес среди этой группы памятников представляют неукрепленные поселения и Воргольское городище. Оно расположено на одном из мысов правого берега реки, в центре села Нижний Воргол Елецкого района. Со стороны плато мыс защищен мощным валом и глубоким рвом. На южном участке мыса был заложен раскоп 6×6 м. В нижней части культурного слоя встречается материал эпохи бронзы, в верхней же преобладает славянская керамика боршевского типа. На этом поселении раскопана полуземлянка, которая, возможно, являлась мастерской ремесленника, и хозяйственная яма[45]. Открытые поселения были обнаружены между селами Нижний Воргол и Казаки. Они располагались на мысах и так же, как на Быстрой Сосне, имели незначительный культурный слой. Наряду с керамикой боршевского типа здесь встречены и отдельные фрагменты сосудов салтово-маяцкого типа.

Разведка по реке Красивая Меча проводилась в 1963 г. Был обследован левый берег реки от города Ефремова до с. Алексеевки Ефремовского района. Здесь открыты 2 городища и 4 неукрепленных поселения боршевской культуры.

Третий район, который обследовался в послевоенный период, — это среднее течение Дона. На протяжении ряда лет (1948—1950 гг.) проводились разведки по правому берегу Дона от с. Орловки до Дома отдыха в Дивногорье и по левому берегу от с. Малышево до с. Старая Хворостань. Были осмотрены ранее известные славянские городища у с. Устье, в с. Костенках, Борщево, Архангельском, Сторожевом, у хут. Титчиха и курганный могильник возле Большого Боршевского городища. В 1952—1963 гг. на пяти из этих памятников велись раскопки. В 1952—1953 гг. раскапывалось Архангельское городище, где была вскрыта площадь около 1500 кв. м. Раскопки показали, что городище многослойно. Здесь обна-

[44] В 1960 г. на р. Воргол в Елецком районе побывала экспедиция Ленинградского отделения Института археологии (начальник В. П. Левенок), которая провела шурфовку Ворольского городища и осмотрела окрестные памятники.

[45] А. Д. Прячин. Археологические памятники Боршевской культуры на реке Воргол. «Вопросы истории славян», выпуск I. Воронеж, 1963, стр. 115 след.

2 - 575339

Воронежского государственного университета

ружены поселения эпохи бронзы, раннего железного века и славян. Остатки славянской культуры боршевского типа находятся преимущественно в верхней части культурного слоя и сосредоточиваются главным образом на оконечности северного мыса, где были раскопаны отстатки наземной столбовой постройки и две хозяйственные ямы. В процессе раскопок собрана интересная коллекция вещей[46]. В 1963 г. раскопки велись в с. Борщево на хорошо известных Малом и Большом Боршевских городищах, на селище и курганных группах. В задачу раскопок Малого Боршевского городища входило изучение вала и площади поселения, преимущественно свободной от каких-либо построек. Всего на этом городище нами было раскопано 364 кв. м. Мощность культурного слоя на вскрытом участке 30—50 см. Он сложен из чернозема с меловой щебенкой. Его насыщенность материальными остатками очень незначительна. Встречаются отдельные фрагменты керамики эпохи бронзы, небольшое количество обломков посуды боршевского типа и кости животных. Из отдельных вещей найдены железный топор, два ножа, пряслице, амулет, заготовка для жернова, костяное острие и обломок железного котла. Острие обнаружено в жилище, а обломок котла—в хозяйственной яме. Остальные вещи встречены на свободной от построек площади.

В процессе раскопок были изучены 2 полуземлянки, 2 жилища, слегка углубленных в землю, и 2 хозяйственные ямы. Отличительной особенностью всех жилищ является то, что котлованы для них вырублены небрежно. Эта особенность отмечалась и во время довоенных раскопок[47]. И полуземлянки, и слегка углубленные в землю жилища отапливались очагами, от которых сохранились развалки камней.

Изучение вала показало, что его высота 1,2 м. Он был сложен из чернозема с меловой щебенкой. В его насыпи сохранились остатки деревянных конструкций. Со стороны плато у подножья вала был выкопан ров глубиною до 0,70 м, шириною до 4,5 м.

Вторым объектом раскопок было Большое Боршевское городище. Здесь нами исследовалась система укреплений. Выяснилось, что городище было защищено не валом и рвом, как полагали предшествующие исследователи, а тремя рвами.

[46] А. Н. Москаленко. Раскопки на Архангельском городище в 1952—1953 гг., КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 91 след. Коллекция вещей и полевая документация хранятся в кабинете археологии Воронежского университета и в фондах Воронежского областного краеведческого музея.

[47] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 73.

Третьим пунктом, который подвергался раскопкам, являлось селище, прилегающее к Большому Боршевскому городищу. Здесь был вскрыт участок в 100 кв. м. Толщина культурного слоя в пределах раскопа 30—40 см. Он состоял из чернозема с меловой щебенкой. В слое встречено незначительное число фрагментов керамики, подобной керамике Большого Боршевского городища. На этом участке было раскопано 4 хозяйственные ямы.

Четвертый объект, который раскапывался в с. Борщево,—курганы. Для исследования была взята одна насыпь из курганной группы, расположенной на противоположной от Большого Боршевского городища стороне лога, и пять — из основного могильника. Устройство раскопанных нами курганов почти не отличается от курганов, изученных ранее. В некоторых из них прекрасно сохранились погребальные камеры, которые располагались в северо-восточном секторе курганов. Во всех погребениях были найдены глиняные сосуды. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает находка в двух курганах остатков обгорелых столбов, расположенных в центре насыпи, что прекрасно иллюстрирует слова летописца о погребальном обряде вятичей: «И аще кто умряше, творяху тризну надъ нимъ, и по семь творяху кладу велику, и възложахуть и на кладу, мертвеца сожьжаху, и посемь собравше кости вложаху в судину малу, и поставляху на столпе на путех...»[48]. Кроме того, в процессе раскопок были уточнены некоторые данные, позволяющие понять в целом принцип устройства погребального сооружения.

Таким образом, охарактеризованные выше работы послевоенных лет позволили значительно расширить границы распространения памятников боршевского типа, выявили открытые поселения, которые до Великой Отечественной войны были известны лишь возле боршевских городищ. За эти годы получены новые данные о системе укреплений, о типах жилищ, устройстве погребальных памятников. Получены новые материалы для характеристики хозяйства и общественных отношений донских славян.

Особое место в послевоенных исследованиях боршевской культуры занимают раскопки городища Титчиха.

[48] «Повесть временных лет», часть первая. Подготовка текста Д. С. Лихачева. Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950, стр. 15.

Глава II

Городище Титчиха

Городище Титчиха расположено в 600 м севернее хутора Титчиха[1] Старо-Хворостанского сельского совета Лискинского района Воронежской области на землях колхоза «Тихий Дон». Оно занимает один из отрогов и часть плато третьей террасы правого берега Дона, сложенных из меловых отложений. От реки городище отделено неширокими пойменной и надпойменной террасами. Площадка городища возвышается над поймой на 85—98 м. Мысовая часть поселения с западной и восточной стороны ограничена широкими оврагами. Северная оконечность мыса, обращенная в сторону реки, имеет следы подрезки[2]. Протяженность мыса с юга на север 120 м., с запада на восток (в центре площадки) — около 100 м. С южной и частично восточной стороны мыс окаймлен валом, который мы называем внутренним. В настоящее время большая часть площадки мыса, а также его западный, восточный и кое-где северный склоны поросли лиственным лесом.

Поселение на плато начинается у подножья внутреннего вала. Оно занимает не только довольно ровную открытую площадку, но и часть восточного склона. С южной стороны его ограничивает второй вал — наружный. Протяженность поселения на плато с запада на восток около 350 м., с юга на север — около 170 м. Все городище занимает площадь около 7,5 га.

Поверхность городища хорошо задернована. Лишь на отдельных участках имеются остатки траншей и блиндажей военного времени, а также ямы от разработок мела. На современной дневной поверхности отчетливо видны округлые западины, которые образовались на месте древних полуземлянок. На мысу основная масса западин располагается в центральной части. На плато их больше всего на участке, прилегающем к внутреннему валу, и на восточном склоне. Всего на городище насчитывается около ста таких западин[3].

[1] Хутор Титчиха находится в 90 км южнее г. Воронежа.

[2] Мыс, на котором расположено городище, местное население называет горой Трудень и связывает с ним легенды о Степане Разине.

Рис. 1. Мыс и плато, на котором располагается городище Титчиха.

Первые сведения о городище Титчиха мы получили от сотрудника Воронежского краеведческого музея Д. Д. Леонова. В 1949 г. нами было проведено обследование этого городища и собран подъемный материал. В 1950 г. на городище проездом побывали участники экспедиции Ленинградского отделения ИИМК во главе с И. И. Ляпушкиным[4]. В 1953 г. члены экспедиции Воронежского университета, работавшей в с. Архангельском, вновь обследовали Титчиху. На мысу был заложен разведочный шурф 2×4 м. В нем встречена керамика боршевского типа.

Уже разведка показала, что Титчиха отличается от ранее изученных городищ боршевского типа не только своими размерами, но и хорошей сохранностью культурного слоя. Это и побудило начать систематическое исследование городища.

[3] В это число включены только большие западины.

[4] Архив ИА, ф. 35, 1950, д. 70.

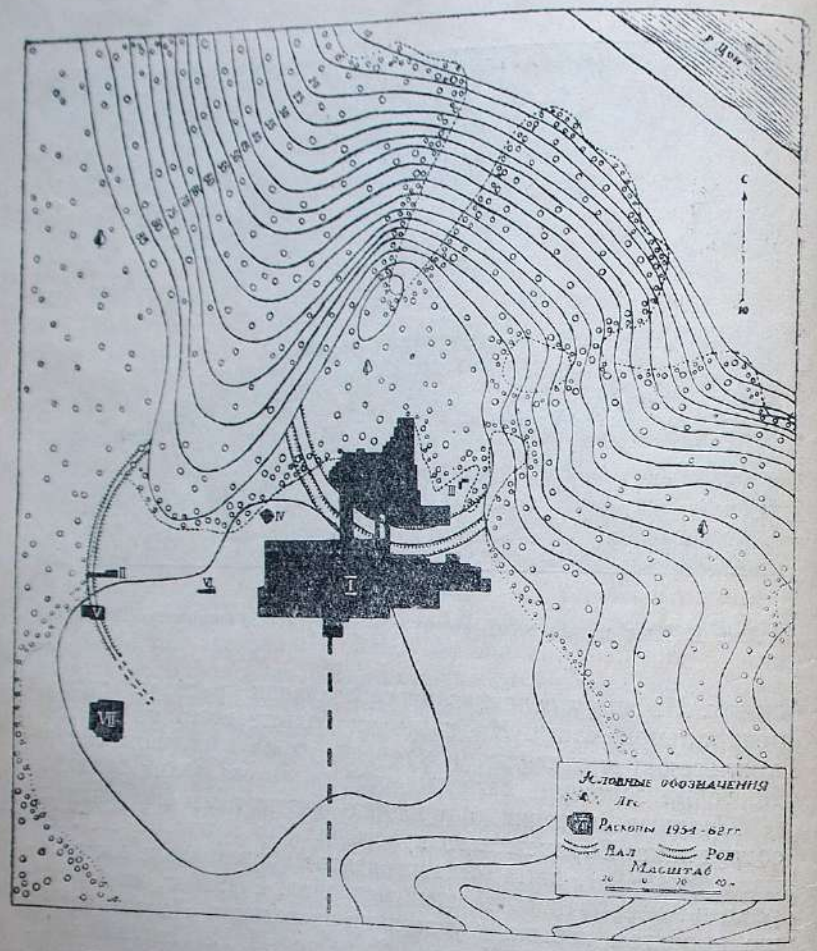


Рис. 2. План городища Титчиха и раскопанной площади.

Раскопки велись с 1954 по 1962 г.[5] В 1954 г. раскоп был заложен в центральной части мыса и на плато близ внутреннего вала. Обе части раскопа были соединены двухметровой траншеей, прорезавшей вал. Весь вскрытый участок назван раскопом I. В последующие годы основные работы были направлены на исследование прилегающих площадей, и раскоп

[5] Полевая документация и коллекция вещей, собранных в 1954—1961 гг., хранятся в Воронежском областном краеведческом музее, а собранных в 1962 г. — в археологическом кабинете ВГУ. Там же находится вся коллекция керамики и шлака.

I все время расширялся[6]. Всего на этом раскопе была вскрыта площадь 6788 кв. м. Кроме того, работы велись и на других участках городища.

В 1955 г. были заложены еще два раскопа и траншея. Первый из раскопов 1955 г. площадью 56 кв. м, обозначенный на сводном плане цифрой II, находился в юго-западной части плато и захватывал отрезок наружного вала и участок плато. Траншея площадью 16 кв. м. была заложена в восточной стороне мыса (обозначена цифрой III). Второй из раскопов 1955 г. площадью 44 кв. м находился на западной окраине плато (обозначен цифрой IV). Здесь было раскопано жилище, которое в настоящей публикации названо полуземлянкой № 46[7].

В 1957 г. в юго-западной части плато, в 25 м южнее раскопа II, через внешний вал была проложена траншея 2×8 м[8]. В 1962 г. к этой траншее с севера прирезан раскоп площадью в 84 кв. м. На сводном плане весь вскрытый участок обозначен цифрой V. В том же году на западной окраине плато проложена траншея 2×12 м. Эта траншея на сводном плане обозначена цифрой VI[9]. Тогда же, чтобы выяснить распространение культурного слоя на нераскопанной площади плато, от края раскопа I (по линии $П_1$) на юг через все городище была проложена прерывистая траншея.

Таким образом, по площади (7188 кв. м)[10], вскрытой в результате работ экспедиции, городище Титчиха значительно превосходит все ранее исследованные городища боршевского типа.[11].

[6] Сетка раскопа I за все годы имела единую систему обозначений. Квадраты нумеровались буквами и цифрами.

[7] В полевой документации это жилище числится как $Я_1$ раскопа IV.

[8] В полевой документации 1957 г. эта траншея названа раскопом II.

[9] В полевой документации — траншея II.

[10] Площадь раскопа VII, расположенного за пределами наружного вала, в эту цифру не включена. Здесь находилось поселение раннего железного века.

[11] Некоторые результаты раскопок городища Титчиха предварительно публиковались в ряде наших статей и научно-популярных работ: А. Н. Москаленко. Раскопки городища у хутора Титчиха Воронежской области в 1954 г. (предварительное сообщение). «Труды ВГУ», т. 42, вып. 3, 1955; Памятники древнейшего прошлого Верхнего и Среднего Дона. Воронеж, 1955; Тысячу лет назад. «Подъем», Воронеж, 1958, № 4; Изучение славянских археологических памятников в бассейне Верхнего и Среднего Дона. «Славянский сборник», 1, выпуск исторический, Воронеж, 1958; Воронежский край в эпоху первобытнообщинного строя и становления феодализма. «Очерки истории Воронежского края», том I, Воронеж, 1961, гл. 1; Новые материалы о хозяйстве и домостроительстве боршевцев. «Вопросы истории славян», выпуск 1, Воронеж, 1963.

Культурные остатки на Титчихинском городище залегают под тонким дерновым слоем непосредственно в черноземе. На большей части этого городища порода, подстилающая чернозем, — меловые отложения, а на отдельных участках между мелом и черноземом залегает еще слой коричневато-бурых покровных четвертичных суглинков. Суглинки встречены на восточной части мыса вблизи вала, в отдельных местах—под валом и на значительном участке плато, особенно к западу от полуземлянок № 28 и 31. Окраска чернозема зависит от подстилающего грунта. В черноземе, залегающем на мелу, встречаются вкрапления меловой щебенки, придающей слою белесый оттенок. Чернозем, лежащий на суглинках, более темного цвета.

Толщина культурного слоя в различных частях поселения неодинакова. На мысу она в среднем 50—60 см, а на отдельных участках доходит до 1 м. На плато средняя толщина культурного слоя 30—50 см, по мере удаления от внутреннего вала он становится тоньше.

Степень насыщенности слоя культурными остатками различна. Наибольшее количество вещей встречено в центральной части мыса. На плато в целом культурных остатков меньше, чем на мысу. При этом чем дальше от внутреннего вала, тем находок меньше. Траншея, проложенная через плато с севера на юг, показала, что в этом направлении славянское поселение раскопано почти полностью.

Древнюю дневную поверхность по стратиграфии определить не удалось. Для того чтобы выявить ее, на отдельных участках культурный слой был разобран по пластам толщиною в 10 см. На плато наибольшее количество находок оказалось на глубине 10—20 см от современной дневной поверхности. Здесь же находились куски мела, выброшенные в свое время при рытье котлованов под жилища. Таким образом, на плато древняя дневная поверхность лежала, по-видимому, на глубине 10—20 см. от современной поверхности почвы. Это подтверждается и тем, что большая часть находок и на остальной площади плато сделана в первом штыке. На мысу же, где мощность культурного слоя больше, древняя дневная поверхность, судя по расположению находок, была на глубине около 30—40 см.

На всей раскопанной площади обнаружено 46 полуземляных жилищ, 123 хозяйственные ямы[12], а также множество

[12] Из этого числа 44 хозяйственные ямы относятся к поселению раннего железного века.

ямок от столбов различных наземных построек, изгородей и т. п. В процессе работы собрана большая и разнообразная коллекция вещей из глины, металла, стекла, кости и камня, а также найдены куски шлака, кости животных, рыб, птиц, обгорелое и необгорелое дерево, обгорелые злаки и семена гороха, кусок воска.

Как и вообще при раскопках поселений, самую многочисленную группу находок составляют глиняные изделия, их более 10 тысяч. Это прежде всего обломки посуды (целых сосудов найдено мало), а также пряслица от веретен, рыболовные грузила, тигли для плавки металла, детские игрушки.

Глиняная посуда городища Титчиха неоднородна, и поэтому возник вопрос о принципах ее классификации. Классификацией глиняной посуды занимались многие исследователи. Одни за основу принимали состав теста[13], другие — форму сосудов[14]. Сторонница классификации по формам сосудов Г. П. Смирнова считает состав теста второстепенным признаком, так как он обусловлен сырьем[15]. Этот довод представляется недостаточно убедительным. Часто на одном и том же месте люди селились в различные исторические эпохи. Например, на площади городища у с. Архангельского Воронежской области поселения существовали в эпоху бронзы, в период раннего железного века и, наконец, в конце I тысячелетия нашей эры — славянское поселение[16]. Глина, которой пользовалось население, была одинаковой, а между тем состав керамического теста в различные исторические эпохи неодинаков. Это наглядно показывает, что состав теста определяется не только качеством глины, но и мастерством человека, добавляющего те или иные примеси. В случае, когда речь идет о разнородной, особенно лепной керамике, на наш взгляд, определяющим фактором при ее классификации должно являться тесто, из которого вылеплен сосуд, а затем уже форма и орнамент.

[13] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 35 след.; С. А. Плетнева. Керамика Саркела-Белой Вежи. «Труды Волго-Донской археологической экспедиции», т. II, МИА, № 75, 1959, стр. 212 след.

[14] Я. В. Станкевич. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги. СА, XV, 1951, стр. 219; Г. П. Смирнова. Опыт классификации керамики древнего Новгорода. «Труды Новгородской археологической экспедиции», т. 1, МИА, № 55, 1956, стр. 228 след.; И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА, № 74, 1958, стр. 32 след.; А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, № 49, 1955, стр. 123.

[15] Г. П. Смирнова., Опыт классификации., стр. 228.

[16] А. Н. Москаленко. Раскопки на Архангельском городище в 1952—1953 гг., стр. 84 след.

Титчихинские сосуды во многом напоминают посуду ранее изученных памятников боршевского типа. Поэтому в основу их характеристики положена классификация, предложенная П. П. Ефименко и П. Н. Третьяковым[17]. Лепные от руки сосуды, сходные с боршевскими по качеству теста, делятся нами также на две группы: «А» и «Б». Сосуды группы «А» отличаются от сосудов группы «Б» значительными примесями в тесте зерен шамота, а иногда и песка. Формы основной массы сосудов обеих керамических групп (горшки, миски и сковородки) сходны. Но есть сосуды, которые лепились из глины только определенного качества. Сырницы (рис. 30 в) всегда делались из теста со значительными примесями шамота, что типично для керамики группы «А», а светильники по составу теста могут быть отнесены к керамике группы «Б». К этой же группе керамики относятся и миниатюрные горшочки (рис. 35).

На городище Титчиха преобладают сосуды группы «А» (рис. 30, 31). Они составляют около 77 процентов. Сосудов группы «Б» (рис. 32) значительно меньше, всего около 8 процентов[18]. Керамика обеих групп встречается по всей площади поселения и употреблялась в одно и то же время. Это особенно наглядно можно было наблюдать при раскопках хозяйственной пристройки к полуземлянке № 3, где на полу стояли горшки группы «А» и группы «Б» (рис. 3). Обломки горшков той и другой группы встречены также и на полу во многих жилищах[19].

Одновременно с описанной выше керамикой жители городища употребляли сосуды салтово-маяцкого типа (по П. П. Ефименко и П. Н. Третьякову — группа «В»). Обломки от них встречены во многих жилищах, хозяйственных ямах, в насыпи внутреннего вала и на свободной от построек площади городища. Наибольшее скопление этой керамики наблюдалось в центральной части мыса под валом в районе полуземлянок № 16 и 22 и в западной части плато. Керамика группы «В» составляет около 10 процентов всего керамического материала. Наряду с гончарной керамикой этой группы (рис. 43), известной по прежним раскопкам памятников боршевского типа, на Титчихе встречены лепные сосуды, а

[17] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 35 след.

[18] При вычислении процентов принимались во внимание лишь фрагменты днищ, венчиков и тех стенок сосудов, которые имели орнамент.

[19] Более подробная характеристика керамики групп «А», «Б» и «В» будет дана в главе IV.

Рис. 3. Сосуды на дне хозяйственной пристройки к полуземлянке № 3.

также сосуды, сделанные с подправкой на гончарном круге (рис. 33).

Четвертую группу керамики (по П. П. Ефименко и П. Н. Третьякову—группа «Г») составляют несколько фрагментов сосудов из плотного, хорошо промешанного теста, вылепленных на гончарном круге. Край венчика у этих горшков отогнут и с внутренней стороны имеет бороздку. Два из этих фрагментов украшены линейным орнаментом (рис. 34 а). Эти сосуды имели более развитую форму, чем посуда группы «Г» с Большого Боршевского городища, и были более поздними, чем вся описанная выше керамика.

Наряду с четырьмя группами керамики, сходными с керамикой ранее раскопанных боршевских памятников, на Титчихе встречены и еще две группы керамики, которые мы выделяем в группы «Д» и «Е».

К керамике группы «Д» относятся лепные сосуды, которые по фактуре и форме отличаются как от посуды боршевского типа, так и от салтово-маяцкой посуды. Они встречались по всему городищу. Особенно много их было в полуземлянке № 2. Отдельные фрагменты горшков найдены в полуземлянках № 3, 11, 12, 37, 42 и 43. По отношению ко всей керамике

с городища эта группа составляет 5 процентов. Большинство фрагментов сосудов вылеплено из глины с примесью песка, а в ряде фрагментов встречаются и вкрапления мелких зерен шамота. Тесто очень плотное, хорошо промешанное, поверхность довольно гладкая. Цвет большинства сосудов в изломе черный, а по краям желтоватый. Толщина стенок 0,6—0,8 см. От горшков сохранились лишь небольшие разрозненные обломки, что затрудняет их реставрацию. У одного типа горшков (рис. 34 а) высокая шейка слегка отклоненная наружу и плоско срезанный венчик. На грани тулова и шейки по сырой глине горизонтально была нанесена линия. Диаметр этих горшков от 22 до 28 см. Другая группа отличается иным оформлением венчика. Он плоский и слегка выдается наружу. По верху многих венчиков палочкой нанесен орнамент из продолговатых вдавлений (рис. 34 б). Наиболее близкая аналогия этой керамике встречена А. Е. Алиховой на территории древней мордвы по среднему течению р. Мокша на Синдровском городище и на городище Горьковской области близ с. Саконы[20]. Известна такая же керамика в древних мордовских могильниках[21]. Это позволяет и подобную титчихинскую керамику связывать с древней мордвой (угро-финским населением); такая керамика находилась в употреблении в то же время, что и сосуды описанных выше типов.

Керамика группы «Е» также немногочисленна[22]. Отдельные черепки этой посуды встречены преимущественно во втором штыке и глубже. Они найдены в заполнении некоторых хозяйственных ям и в насыпи обоих валов. Это обломки горшков, а также мисок с загнутыми внутрь краями, вылепленных из хорошо промешанной, плотной глины, нередко с примесью мелкого песка, иногда и очень мелких кусочков шамота. Такая посуда хорошо известна по памятникам раннего железного века[23].

Таким образом, основная часть сосудов, встреченных на городище,—лепные горшки. По тесту и форме они сходны с керамикой ранее изученных памятников боршевского типа. Кроме того, здесь найдено значительное число фрагментов

[20] Хранилище Института археологии АН СССР, коллекционная опись № 254, 255.

[21] «Материалы по истории мордвы VIII—XI вв.», Моршанск, 1952, табл. XLI, рис. 1, 4, табл. XLII, рис. 1, 2. Эрмитаж, ОИПК, коллекционные описи № 759/1857, 759/147 и др.

[22] Поскольку эта керамика не имеет отношения к славянскому поселению, она не учтена при вычислении процентного соотношения различных групп керамики с городища.

[23] Эта керамика была встречена и на некоторых ранее изученных городищах боршевского типа, но в публикациях не упоминалась.

сосудов салтово-маяцкого типа (не только гончарных, но и лепных) и впервые на поселениях боршевской культуры выделена древнемордовская керамика. Особую группу посуды составляет керамика раннего железного века.

Кроме горшков, мисок, сковородок, сырниц и светильников из глины делались также противни и тигли. Все противни сохранились в обломках. Они встречены в жилищах, в мусорных ямах, на площади городища. Для изготовления противней использовалась глина с растительными примесями.

Тигли в нашей коллекции представлены двумя экземплярами. Они вылеплены из глины с примесью мелкого песка и имеют форму стаканчиков с округленным дном и треугольной горловиной (рис. 27 а, б).

Вторую группу глиняных изделий составляют пряслица (более 200). Их лепили из глины и делали из черепков посуды салтово-маяцкого типа. Таких пряслиц найдено 25 (рис. 37).

Лепные пряслица (рис. 36) разнообразны по форме: усеченнобиконические, плоские округлые, напоминающие пряслица из черепков (рис. 36 в), шаровидные, конусовидные, цилиндрические, фигурные, повторяющие форму сосудов и др. К культуре славян относятся лишь первые два типа пряслиц, остальные были в обиходе главным образом в период раннего железного века.

Третья группа глиняных поделок — рыболовные грузила. Их найдено 10. Девять из них цилиндрические (рис. 18 а) и одно продолговатое из обломка сосуда салтово-маяцкого типа (рис. 18б).

Для характеристики хозяйства населения городища наибольший интерес представляют железные орудия. В процессе раскопок было найдено 235 металлических вещей, из них 164 железных. Среди железных изделий больше всего ножей (40). Орудия, применяемые в сельском хозяйстве и промыслах, немногочисленны: небольшой обломок наральника (рис. 12), целый серп (рис. 4) и три обломка, бабка для отбивки кос, 6 рыболовных крючков (рис. 17 а—е), часть остроги (рис. 17 ж), пешня (рис. 17 з) и пружинные ножницы (рис. 5). Из ремесленных инструментов встречены ножницы для резания металла (рис. 28), пинцет (рис. 29а), долото, три шила (рис. 29 г), кочедык (рис. 40), обломки зубила, топора и сверла.

Особую группу железных изделий составляют предметы вооружения. Среди них 12 наконечников стрел (рис. 50), обломок меча и обрывки кольчуги.

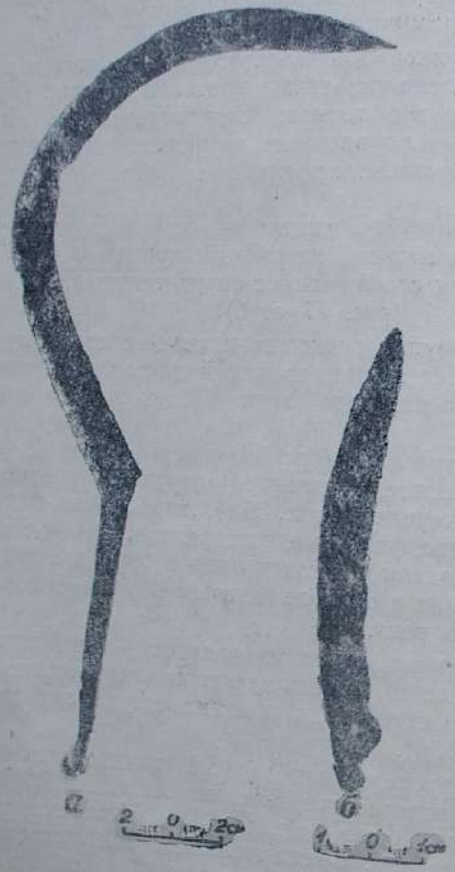


Рис. 4. Серп и обломок серпа.

В числе бытовых железных изделий найдены 2 кресала (рис. 53), футляр для фитиля, навесной двухцилиндровый замок (рис. 56), ключ от внутреннего засова (рис. 57), 7 скоб, обломок дужки, бритва, пряжка, обломки оковок, кольца различной формы и размера. Кроме перечисленных вещей встречено еще 54 обломка железных предметов, назначение которых трудно определить. Среди них, вероятно, есть обломки ножей, шильев, оковок, пластинок и т. д. Найдены также два ножа с горбатой спинкой, подобные тем, которые употреблялись в этоху раннего железного века.

Рис. 5. Пружинные ножницы.

Вторую группу металлических изделий составляют предметы из цветных металлов — бронзы и серебра. Бронзовых изделий 30. Это главным образом украшения, различные бубенчики (рис. 58), хорошо известные среди славянских и салтово-маяцких древностей; лунницы (рис. 42), округлые (рис. 42) и трапециевидная (рис. 42) подвески, кольца из плоской и округлой в сечении проволоки, перстни (рис. 42), две литые пуговицы (рис. 42), продолговатая застежка (рис. 42), бляшка в форме сердечка (рис. 42), цепочка (рис. 42) и кольцо с надетой на него пластинкой (рис. 42).

Наибольшую группу серебряных предметов составляют монеты. Среди них 28 целых дирхемов и два обломка. Кроме того, встречено 5 височных колец, 2 из них пятилучевые (рис. 42), одно семилучевое (рис. 42) и 3 круглые проволочные с несомкнутыми концами (рис. 42).

Значительную часть коллекции представляют изделия из стекла (71 бусина, 3 обломка браслетов и одна сережка). Большинство бусин (рис. 41) относится к двум отделам —

округлых и ребристых[24]. В отделе округлых бусин различаются бусины четырех типов: лимонные, шарообразные, зонные и цилиндрические. Больше всего (55) лимонных бусин, среди которых «лимонки» — бусины желтого цвета с сосковидными выступами на концах и бусины такой же формы, но иного цвета — золоченые, серебреные, синие и т. д. Лимоновидные бусины преимущественно одинарные, но встречаются двухчастные и трехчастные. Шарообразных бусин три, все они синего цвета. Зонных бусин пять. Две из них из синего, третья из зеленоватого прозрачного стекла, четвертая светлая, а пятая из голубого стекла. Цилиндрические бусины представлены одним обломком.

К отделу ребристых бусин принадлежат бусины двух типов — цилиндрические и овальные. В каждом типе по одной бусине. Цилиндрическая бусина серебреная из непрозрачного стекла, овальная — из стекла красного цвета.

Пять глазчатых бусин из непрозрачного стекла мы выделяем особо. У трех из них глазки рельефные, а у двух гладкие (рис. 41). Высота бусин с рельефными глазками 1,3 см, 1,4 см, 1,6 см, диаметр соответственно 1,5 и 1,4 см.[25] У первой бусины поле голубоватого цвета. Глазки синие с красными ресничками. Поле второй бусины черное, глазки того же цвета и обрамлены красными и белыми ресничками, и каждый глазок окаймлен петлей белого цвета. Поле третьей бусины красного цвета, глазки черные, окаймленные голубой полоской, реснички цвета бусины. У двух бусин с гладкими глазками поле черного цвета. У одной из них глазки красные, а реснички белые и голубые, у другой глазок черный, а реснички белого, зеленого и красного цвета. Глазки у этих бусин заключены в петли светлого тона. Высота первой бусины 1,2 см, диаметр 1,5 см.[26]

Браслеты различаются по цвету стекла и форме. От них сохранилось три обломка. Первый был от ложновитого браслета из фиолетового прозрачного стекла (рис. 6 а), два других — от браслетов из круглого стержня черного цвета (рис. 44).

---

[24] В основу классификации титчихинских бусин положен принцип, предложенный А. В. Арциховским. Все родственные по материалу бусины он делит на отделы и типы. По отделам бусины распределяются в зависимости от их формы в поперечном сечении. В каждый отдел могут входить бусины нескольких типов. Тип бусин зависит от их формы в продольном сечении (А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930. стр. 27 след.).

[25] От третьей бусины сохранилась только часть.

[26] От второй бусины сохранился только обломок.

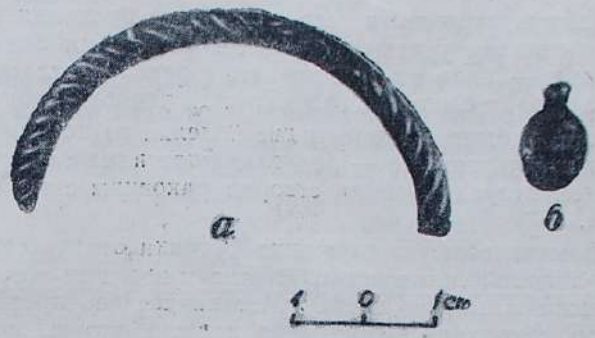


Рис. 6. а — обломок стеклянного браслета, б — стеклянная серьга.

Серьга бесцветная из прозрачного стекла представляет собою боченковидную подвеску с шишечкой на конце (рис. 6 б).

Значительную группу находок составляют изделия из кости, рога и зубов животных (207). Больше всего различных костяных острий (85), причем большинство из них (57) поломаны. В числе орудий труда два скребка (рис. 19 а), скобели (рис. 19 б). Кроме того, найдено два костяных наконечника стрел (рис. 16 а, б), 9 роговых рукояток (рис. 20), гребень (рис. 7), 6 цилиндриков из полых костей (рис. 23 б, 24 а, б), две трехконечные подвески (рис. 54), многочисленные амулеты из астрагалов бобра и косули (рис. 59 а, б), из зубов медведя и других животных (рис. 60), а также из костей рыб. Из прочих изделий отметим роговой псалий (рис. 23 а), стилизованное изображение рыбы (рис. 24 в) и астрагалы для игры. Кроме того, встречены куски рога, кости с зарубками, заготовки для поделок и бусины.

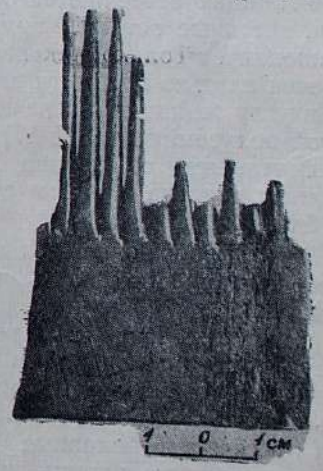


Рис. 7. Костяной гребень.

Каменные изделия представлены 65 обломками жерновов, точильными камнями, зернотеркой, пестиками, тиглем (рис. 27 в), двумя призмати-

ческими и двумя округлыми сердоликовыми бусинами, формочкой для отливки украшений (рис. 27) и двумя округлыми поделками — одна из них, вероятно, использовалась как пряслице, а вторая была заготовкой для подобной поделки.

Кроме того, были встречены две поделки из перламутра. Одна из них — украшение — округлая пластинка с отверстием посредине, вторая — часть створки раковины с вырезанным углом.

Большинство вещей с городища Титчиха отличается хорошей сохранностью. Изделия из стекла и кости не потеряли своего первоначального цвета. Металлические предметы, как правило, сохранились настолько хорошо, что не нуждались в специальной обработке. Лишь несколько вещей оказались сильно коррозированными.

В сравнении с ранее изученными поселениями боршевской культуры на Титчихе собрана значительно бóльшая и более разнообразная коллекция вещей. Наиболее показательным является количество железных изделий. Как указывалось выше, на городище встречено 164 железных предмета, а на четырех поселениях, исследованных до Великой Отечественной войны, только 15. Многие изделия из металла, кости, стекла и камня, встреченные на Титчихе, не были известны по прежним раскопкам памятников боршевского типа. Большая часть вещей на Титчихе, как и на других поселениях боршевского типа, найдена за пределами жилищ. В самих жилищах встречаются обычно лишь некоторые вещи — ножи, костяные острия, пряслица от веретен и отдельные украшения[27]. Только как исключение в полуземлянке № 16 встречен клад из двадцати двух дирхемов, который был спрятан в углу жилища за печкой под облицовкой стены, а в другой полуземлянке (№ 17) в развалке печи найдены сцепленными между собою два пятилучевых и два проволочных височных колечка и рядом с ними бусина. Это тоже, вероятно, был клад.

В расположении отдельных находок на свободной от построек площади удалось установить некоторую закономерность. Так, пряслица встречаются в большинстве случаев вблизи жилищ. Например, вблизи жилища № 16 находилось четыре пряслица, а рядом с полуземлянкой № 28 — два. Различные рыболовные принадлежности, вероятно, хранились либо возле дома, либо на крыше. Именно поэтому грузила от сетей, рыболовные крючки встречаются в верхней части заполнения жилищ или вблизи от них. Орудия для

[27] Имеются в виду те предметы, которые найдены на полу жилищ.

плетения сетей чаще находятся на участках, свободных от построек. Например, на площади в 20 кв. м (в квадратах 30 л, 30 м, 31 л, 31 м, 32 о) найдено пять костяных острий. На этом месте, вероятно, было удобно плести сети и растягивать их для починки. Основная часть вещей с Титчихинского поселения, как и на других городищах боршевского типа, оказалась поломанной. Среди целых вещей чаще всего встречаются пряслица, амулеты и бусы, реже — костяные острия и некоторые металлические украшения. Из числа железных изделий целых сравнительно немного. Обращает на себя внимание и другая особенность коллекции. В ней почти нельзя выделить серий предметов. На городище найдено только 4 серпа. Ножницы по металлу, пешня, кочедык, ключ и т. д. представлены единственными экземплярами. От топора и наральника сохранилось лишь по одному обломку. Только ножи, рыболовные крючки, наконечники стрел и бусины встречены в большем количестве. Трудно представить себе, что многочисленное население городища могло обходиться одной пешней или одним топором, одним наральником, одним кочедыком. Конечно, этих орудий у титчихинских жителей было значительно больше и они, вероятно, были еще более разнообразны, чем те, что встречены в процессе раскопок. Создается такое впечатление, что здесь сохранились лишь те предметы, которые в свое время их владельцы потеряли или выбросили, и лишь о некоторых вещах (клады монет и украшений) можно предполагать, что они были случайно забыты. На Титчихе не обнаружено каких-либо явных следов сражения или осады, как это отмечает, например, И. И. Ляпушкин на Новотроицком городище[28]. Среди 11 535 костей с городища Титчиха не оказалось ни одной кости человека. Все это позволяет считать, что городище было оставлено жителями в относительно спокойной обстановке. Они смогли взять с собой все наиболее ценное и прежде всего орудия труда. По-видимому, условия, при которых было покинуто городище Титчиха, сходны с обстановкой прекращения жизни и на других городищах боршевского типа[29].

Однако хорошая сохранность культурного слоя и раскопки, проведенные на большой площади, позволили собрать на Титчихе значительную коллекцию вещей, которая дает возможность более полно охарактеризовать уровень развития материальной культуры боршевцев.

[28] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, стр. 188.
[29] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 12.

Наряду с материальной культурой боршевского типа в процессе раскопок, как было уже отмечено, встречены предметы, относящиеся к раннему железному веку. К этому же времени, судя по заполнению, относится и часть хозяйственных ям. Большая часть керамики и пряслиц, а также хозяйственные ямы раннего железного века встречены на плато (раскоп I) к западу от линии $К_1$. Фрагменты керамики раннего железного века встречаются и на остальной части плато. Центр поселения раннего железного века был расположен на южной оконечности плато за наружным валом. Здесь раскопаны два жилища и комплекс хозяйственных ям[30].

[30] В настоящей работе поселение железного века не рассматривается.

Глава III

Жилые и хозяйственные постройки[1]

Изучение жилых и хозяйственных построек тех или иных народов интересно не только с точки зрения истории архитектуры. Размеры домов, кладовых, погребов, их устройство и планировка позволяют понять семейные, а иногда и социальные отношения. В какой-то мере по жилым и хозяйственным постройкам можно судить и об уровне развития производительных сил в данном обществе.

Из 46 жилищ[2], раскопанных на городище, 19 находилось на мысу и 27 на плато. На месте 44 жилищ были отчетливо видны округлые западины диаметром от 3,6 до 9 м, глубиной от 18 до 100 см. Подобные западины встречаются и на других городищах боршевского типа, а также на славянских поселениях этого времени в более западных районах лесостепной полосы, где имеются полуземляные жилища[3]. Западины сохраняются лишь в том случае, если жилища не были заброшены во время существования поселка или если на этом месте не было более поздних поселений и культурный слой древнего поселения в последующем не поврежден распашкой или другими земляными работами. Как показали раскопки, размеры западин находятся в прямой зависимости от площади и глубины полуземляных жилищ; чем больше жилище, тем больше диаметр западины. При площади жилищ в 10—15 кв. м диаметр западин обычно не пре-

[1] В настоящей главе частично использована наша статья «Новые материалы о хозяйстве и домостроительстве боршевцев».

[2] Четыре из них раскопаны неполностью.

[3] И. И. Ляпушкин. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XVI, 1952, стр. 27.

вышает 5 м., тогда как над жилищами площадью свыше 20 кв. м диаметр западин 6—9 м. Размеры западин зависят также от глубины котлована жилища. При равной площади над более глубокими котлованами западины имеют больший диаметр. Кроме того, на диаметр и глубину западин влияет местоположение жилищ на поселении. Например, если полуземлянка расположена вблизи вала, насыпь которого сползала в ее сторону, западина постепенно заплывала и теряла свои очертания. Нарушает размеры западин также и лесная растительность.

Благодаря тому, что грунт (мел и глина), в котором были вырыты котлованы, очень плотный, они не потеряли своей первоначальной формы. Хорошо сохранились отвесные стены, закругленные углы, пол. Глубина котлованов от 20 до 125 см. Поскольку площадка поселения почти отлогая, разница в высоте стен в котлованах колеблется незначительно. Лишь в двух жилищах, расположенных на склоне, она достигала 40 и 75 см. Все котлованы четырехугольные. Квадратных котлованов шесть. У остальных либо все стороны разной длины, либо равны лишь противоположные. Но все котлованы в плане приближаются к квадратам, так как разница в длине сторон незначительна. Площадь котлованов от 10 до 28 кв. м[4]. Такие формы и размеры домов обычны для других славянских поселений этого времени как в лесостепной, так и в лесной полосе[5]. В полу котлованов хорошо сохранились столбовые ямки. В большинстве котлованов встречается обгорелое дерево — остатки деревянных конструкций домов[6].

Таким образом, от полуземлянок на Титчихе сохранилась только та часть, которая была углублена в материк, — котлованы, сравнительно незначительные остатки обгорелого дерева и столбовые ямки. Этих материалов, к сожалению, недостаточно для полной реконструкции жилищ. Одни детали их устройства могут быть восстановлены с большей определенностью, о других придется говорить лишь предположительно.

Все жилища Титчихи однокамерные. На вскрытой площади лишь дважды встречены как бы соединенные между

[4] Котлованов площадью 10—13 кв м встречено три, 14—17 кв. м — двадцать один, 18—20 кв. м, — десять и 21—28 кв. м — одиннадцать.

[5] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 21; И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное Левобережье, стр. 225; В. И. Равдоникас. Старая Ладога. СА, XI, 1949, стр. 15; Л. П. Гуссаковский. Древнерусское народное жилище VIII—XIII вв. М., 1956 (рукопись кандидатской диссертации). Архив ИА, ф. 2, д. 1320, стр. 175.

[6] Лишь в нескольких столбовых ямках была обнаружена рыжеватая труха.

собою полуземлянки № 11 и 12, а также № 21 и 27, но в действительности и они были однокамерными. Все эти жилища расположены на мысу. Полуземлянки № 11 и 12—в центре мыса, № 21 и 27—возле вала. На современной дневной поверхности западины были отчетливо видны лишь над полуземлянками № 12 и 21.

Котлованы полуземлянок № 11 и 12 (рис. 8) были вырублены в материковом мелу. Их соединял как бы проход шириною около 1,5 м. «Проход» находился в юго-восточной стене полуземлянки № 12 и в северо-восточном углу полуземлянки № 11. Грунт, заполнявший полуземлянку № 11, отличался от грунта большинства других жилищ Титчихи. Это была сильно слежавшаяся меловая щебенка почти без примеси чернозема. Культурные остатки (керамика, кости животных и т. д.) найдены лишь вблизи северо-восточного угла жилища, причем в слое над жилищем скопление различных находок было именно на этом же участке. На остальной площади жилища находок почти совсем не было. Полуземлянка № 12 была заполнена грунтом, обычным для большинства жилищ городища,—черноземом с меловой щебенкой. Значительное количество обгорелого дерева вдоль стен и в середине ямы свидетельствует о том, что это жилище погибло от пожара. Отдельные находки (фрагменты керамики, кости животных, орудия труда и украшения) встречены по всей площади жилища. Более ранней была полуземлянка № 11. Жители ее покинули еще до того, как прекратилась жизнь на поселении в целом, о чем свидетельствует отсутствие следов пожара. Вскоре эта заброшенная постройка была превращена в мусорную яму и большая ее часть засыпана меловой щебенкой. Не исключена возможность, что полуземлянка № 11 была засыпана грунтом, который вынимали из котлована при сооружении полуземлянки № 12.

Жилища № 21 и 27 были вырыты в глине. Полуземлянка № 27 раскопана не полностью. Ее южная часть уходит под насыпь вала. Верхняя половина этой полуземлянки была заполнена черной углистой землей, которая прослеживается и в культурном слое, перекрывавшем полуземлянку. В углистой земле встречено большое количество фрагментов керамики (до 200 на 4 кв. м при толщине слоя 20 см) боршевского и салтово-маяцкого типов, костей животных и отдельных вещей. Нижнюю половину жилища заполнял суглинок с черноземом. Находки здесь единичны. Создается впечатление, что эта полуземлянка, как и полуземлянка № 11, была заброшена еще в период жизни поселка и превращена в место свалки. Такое предположение подтверждается и отсутствием обгорелого дерева.

Рис. 8. Остатки полуземлянок № 11 и № 12.

Полуземлянка № 21 частью юго-восточной стенки и юго-западным углом заходила на площадь полуземлянки № 27, в результате чего образовался «проход» шириною в 1,8 м. Жилище заполнял чернозем с небольшим вкраплением мело-

вой щебенки. Возле стен лежали остатки обгорелого дерева. Обгорелые плахи были и у юго-восточной стены вдоль «прохода». Это свидетельствует о том, что жилище № 21 было отделено от полуземлянки № 27 деревянной стеной. При расчистке жилища № 21 встречены фрагменты керамики, несколько кусков шлака и отдельные вещи.

По ряду признаков (необычное заполнение, отсутствие обгорелого дерева, скопление культурных остатков, взаимное расположение котлованов обоих жилищ и т. д.) можно заключить, что когда сооружалось жилище № 21, полуземлянка № 27 была заброшена. Они также были разновременны.

Одно жилище (полуземлянка № 3) имело соединенную с ним хозяйственную пристройку. Площадь жилища 14 кв. м., площадь пристройки несколько больше 2 кв. м. На ее дне оказалось 6 горшков, что свидетельствует об использовании этого помещения в качестве кладовой (рис. 3). Подобные хозяйственные пристройки не встречались ранее на поселениях боршевского типа.

Отличается своим устройством и полуземлянка № 44. На современной дневной поверхности была обычная округлая западина диаметром 6 м., глубиной 50 см. Котлован полуземлянки был как бы разделен на две неравные части. Северная часть (8 кв. м) была более глубокой (1 м), а южная (6 кв. м) углублена в материк на 56—81 см. Таким образом, внутри одного котлована было как бы два помещения с различным уровнем пола. В северной части котлована сохранился под печи, на котором лежало два камня. В южной половине помещения никаких следов печи не было. О том, что обе части котлована находились под одной крышей, свидетельствует перекрывающая их зольная прослойка. В последующем меньший котлован был превращен в место свалки. Следовательно, полуземлянка № 44 отличалась своим устройством от остальных жилищ городища Титчиха, но и ее также следует отнести к однокамерным постройкам.

Раскопки Титчихи еще раз убеждают в том, что для боршевской культуры были типичны не соединенные между собою крытыми переходами жилища, как полагает ряд исследователей[7], а однокамерные постройки, на что в свое время

---

[7] П. П. Ефименко. Раннеславянские поселения на Среднем Дону, стр. 8; В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства. Л., 1945, стр. 118; П. Н. Третьяков. Восточно-славянские племена, М., 1953, стр. 288; А. В. Арциховский. Основы археологии, стр. 202.

обратил внимание И. И. Ляпушкин[8]. Однокамерные жилища вообще характерны для восточных славян в конце I тысячелетия. Они встречаются и позже[9].

Остатки обгорелого дерева вдоль стен имелись почти во всех жилищах Титчихи. Их не было только в тех домах, которые жители забросили еще в период существования поселка: в полуземлянках № 11, 27, 37 и 44. Однако наличие столбовых ям в этих жилищах позволяет полагать, что и здесь существовала деревянная облицовка. Вероятно, она была и в полуземлянке № 44, где имелась одна столбовая ямка. Таким образом, во всех полуземлянках городища стены были деревянными. На облицовку стен шли пластины и нетолстые дубовые бревна, о подлинных размерах которых судить трудно, так как они сильно обуглены. Ширина пластин чаще всего около 20 см, хотя встречаются пластины и более узкие. Толщина их 2—3 см. Примерно такого же размера пластины использовались при сооружении полуземлянок роменцами[10] и населением Старой Рязани[11]. Диаметр бревен на нашем, как и на других боршевских городищах, равнялся всего 10—15 см. В ряде жилищ сохранились столбы. Их диаметр от 9 до 30 см. Чаще встречаются столбы диаметром 18—30 см. В некоторых полуземлянках вместо целых столбов применялись расколотые пополам бревна, что косвенно свидетельствует о недостатке строительного материала.

Остатки обгорелого дерева в полуземлянках находятся на различном расстоянии от материковых стен. В одних жилищах дерево лежит почти вплотную к стенам, в других — на расстоянии 10—15 см., в третьих — на расстоянии 20 и более сантиметров. По расположению остатков дерева и при-стенных столбовых ям различаются три типа облицовки стен: столбовая система с горизонтальной облицовкой, срубно-столбовая и срубная. Наиболее четко столбовая система с горизонтальной облицовкой прослеживается в полуземлянках № 2, 4, 6, 9, 10, 12, 16, 22, 24 и 39. Во всех этих жилищах расчищены столбовые ямки по углам, а также по

[8] И. И. Ляпушкин. О жилищах восточных славян Днепровского Левобережья в VIII—X вв. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 13; Городище Новотроицкое, стр. 179.

[9] Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. «Восточнославянский этнографический сборник», «Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая». М., 1956, новая серия, т. XXXI, стр. 135—136; С. Георгиева-Стойкова. Огнището в българския бит. София, 1956, стр. 16.

[10] И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. МИА, № 104, 1961, стр. 226.

[11] А. Л. Монгайт. Древнерусские жилища XI—XIII вв., СЭ, 1948, № 4, стр. 64.

одной и более у середины стены. При этом ямки располагались иногда вплотную к материковым стенам или на незначительном расстоянии от них. Пластины были либо врезаны в столбы, либо заложены за них со стороны материковых стен. При этой системе облицовки между материковой и деревянной стенами нередко встречается забутовка. К этой группе жилищ, вероятно, следует отнести и полуземлянки № 1, 3, 8, 11, 15, 42 и 46. От описанных выше полуземлянок они отличались тем, что в них не была так четко выражена система расположения столбовых ямок.

Особенно хорошо деревянные стены сохранились в полуземлянках № 9 и 46. В первой полуземлянке примерно посередине юго-восточной стены стоял столб, который поддерживал пять ярусов обгорелых пластин, лежащих за ним друг на друге. Высота сохранившейся части столба около 70 см. Нижний ярус пластин не сохранился. Пространство между деревянной и материковой стеной было забито меловой щебенкой. В полуземлянке № 46 вдоль северо-восточной материковой стены лежали одна на другой две обгорелые пластины шириной 10 и 15 см. С внутренней стороны жилища их поддерживали два массивных столба, стоявшие в одной яме. Столбы были сделаны из бревен, расколотых пополам. Один из них высотой 45 см, другой — 30. Их ширина соответственно 25 и 18 см. На плахе из полуземлянки № 39 в том месте, где она скреплялась со столбом, было вырублено углубление.

Подобная система облицовки известна и по довоенным раскопкам городищ боршевского типа. В отличие от ранее изученных городищ, где исследователи отмечают лишь один случай облицовки с внутренней стороны[12], на Титчихе этот прием был распространен в большей степени, чем закладка за стояки. Такой способ облицовки был распространен в Старой Рязани[13] и других древнерусских поселениях.

Вторая система облицовки представляет собою сочетание сруба и столбовой конструкции. Столбы в таких жилищах являлись главным образом опорами для крыши. Особенно наглядно эту конструкцию можно увидеть в полуземлянках № 14, 23, 29 и 32.

В жилище № 23 столбы стояли в углах между срубом и материковой стеной. Сами столбы не сохранились. Об их местоположении можно судить по пустотам, которые образовались в забутовке из меловой щебенки, и по незначитель-

[12] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 26.

[13] А. Л. Монгайт. Древнерусские жилища XI—XIII вв., стр. 64.

ному количеству углей, уцелевших в одном из углов. При сооружении такого рода жилища, по-видимому, последовательность установления сруба и столбов была следующая. Сначала возводился сруб, а после этого по углам ставили столбы и все свободное пространство между срубом и материковыми стенками забивали меловой щебенкой. Забутовка обеспечивала надежную устойчивость столбов, поэтому в полу этого жилища столбовых ям по углам не было.

В полуземлянках № 14 и 29 опорные столбы для матицы крыши устанавливались в ямки возле стен. Жилища с такой системой облицовки были встречены на Новотроицком городище[14].

Третья система облицовки — сруб. В жилищах со срубом отсутствует какая-либо закономерность в расположении столбовых ям (полуземлянки № 13, 19, 20, 25, 26, 31, 33, 37 и 44). Примерный диаметр бревен у срубов 10—15 см. Мы вполне согласны с П. П. Ефименко и П. Н. Третьяковым, что постройка из таких тонких венцов «являлась слишком слабой для того, чтобы конструктивно отвечать назначению сруба», и такие срубы, как и облицовка из досок, имели одно и то же назначение — покрытие стен земляной камеры[15].

Жилища с системой облицовки всех трех типов встречаются и на мысу, и на плато. Из 18 жилищ, раскопанных на мысу, в семи полуземлянках можно предположить облицовку срубом, а в остальных—пластинами. На плато из 27 в 15 был сруб, а в остальных — облицовка пластинами.

В жилищах Титчихи, за исключением полуземлянки № 37, имелись остатки печей или очагов[16]. Все печи сооружались на полу, при этом не было встречено ни печей на материковом останце, ни печей, целиком вырезанных в материке, что типично для роменских жилищ[17].

По материалу, из которого сложены печи, их можно разделить на четыре типа: печи из камней, из глины и камней, из глины, и печи, при сооружении которых наряду с другими материалами частично использован материк[18].

---

[14] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА, № 74, 1958, стр. 243, 271 и др.

[15] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 26.

[16] В раскопанной части полуземлянки № 18 печи не обнаружено.

[17] И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное Левобережье... стр. 228

[18] От печей в полуземлянках № 40 и 44 сохранились только углубленные в материк поды, заполненные золой, и несколько камней, поэтому нельзя определенно говорить об их устройстве.

Все десять печей-каменок (полуземлянки № 9, 10, 17, 22, 24, 28, 30, 38, 39 и 41) оказались разрушенными[19]. При сооружении этих печей использовалась одна порода камня — песчаник. Камни имели естественную форму. Их размеры, как правило, невелики (16×18 см, 20×18 см), лишь в развалках некоторых печей встречаются более крупные камни.

В основании печей расчищены поды овальной, реже округлой формы, углубленные в материк на 5—25 см. Ширина подов от 48 до 80 см, длина от 74 до 100 см, диаметр округлых подов 80—85 см. Лишь в одной печи (полуземлянка № 28) основание пода было обмазано слоем глины толщиной 2 см. В остальных печах под не имел никаких подмазок. На подах большинства печей сохранились остатки золы. Ее не было только в полуземлянках № 17 и 22. Возле двух печей (полуземлянки № 10 и 39) были столбовые ямки.

Форму печей восстановить трудно. Возможно, некоторые из них имели своды. Более близкими аналогиями этим печам являются печи с Большого и Малого Боршевских, а также Кузнецовского городищ[20], из Плиснеского городища[21], со славянского поселения в Ужгороде[22] и с Алчедарского городища[23].

Только одна печь (полуземлянка № 17) была устроена несколько иначе. Здесь с трех сторон по краям пода стояли на ребре три почти плоских обтесанных камня, остальные камни были такими же, как в других описанных выше печах. Они лежали на поду и вблизи печи[24].

Печи второго типа — из глины и камней — наиболее многочисленны (полуземлянки № 1—8, 11, 14, 15, 16, 19, 20, 23, 26, 27, 29, 31—33, 35, 36, 42, 43, 45 и 46). По своему устройству они неодинаковы. Одни из них сложены из глины и мелких камней песчаника. Они имели форму подковы. Высота стенок печей до 45 см, толщина — 20—40 см. В основании их были поды овальной или округлой формы. Ширина оваль-

---

[19] Возможно, некоторые из этих печей были очагами.

[20] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 29, 60, 68, 69, 74, 99, 101, 104.

[21] М. П. Кучера. Древній Пліснеськ. АП, т. XII, 1962, стр. 23.

[22] К. В. Бернякович. Исследования древнеславянского поселения VIII—IX вв. в г. Ужгороде. КСИА АН УССР, вып. 3, 1954, стр. 41.

[23] Г. Б. Федоров. Работа Прутско-Днестровской экспедиции в 1959 г. КСИИМК, вып. 86, 1961, стр. 83.

[24] Печи, в основании которых лежали обтесанные камни, встречены на городище Плиснеско (М. П. Кучера. Указ. соч., стр. 21).

ных подов 44—90 см, длина 60—100 см, глубина 10—20 см. Округлые поды встречены лишь в двух печах, их диаметры 80 и 85 см, глубина соответственно 5 и 12 см. Поды в двух печах (полуземлянки № 15 и 26) были обмазаны глиной. В печах полуземлянок № 4, 5 и 29 заполнение подов оказалось многослойным. В основании пода лежала зола, на золе слой глины, сильно обожженной в верхней части, а поверх глины снова слой золы. Такое заполнение подов свидетельствует о длительном использовании печей. С подобным явлением исследователи встречались и на других поселениях. Так, в печи-каменке из полуземлянки X в. на территории древнего Галича под состоял из прослоек сильно обожженной глины, на каждой из которых лежал слой золы и угля[25]. Три прослойки глины на подах встречены и в глинобитных сводчатых печах полуземлянок XII—XIII вв. в Переяславе[26].

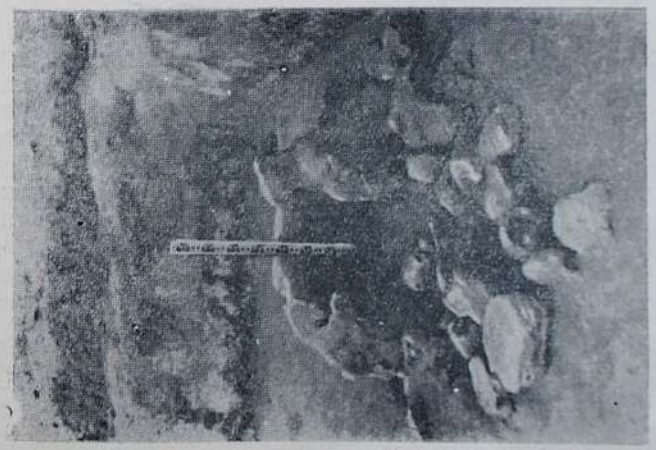
Печи из глины и камней, сходные с печами Титчихи, обнаружены на ранее изученных городищах боршевской культуры[27]. При этом следует отметить, что на Большом Боршевском городище, где было раскопано 13 полуземлянок, подобная печь встречена один раз.

У других печей (полуземлянки № 6, 23, 32, 33, 35, 36, 42 и 45) основу составлял глиняный остов, который снаружи, а иногда и изнутри был обложен камнями песчаника. Камни образовывали и своды печей. У некоторых из этих печей были, кроме того, и свои особенности. В полуземлянке № 6 глиняный остов покоился не на полу, а на выкладке из мелових камней неправильной формы. В полуземлянке № 33 из глины выложена лишь задняя стенка, боковые стенки так же, как и свод, были из камней песчаника (рис. 10). В печи из полуземлянки № 23 при сооружении стенок к глине было примешано небольшое количество камней песчаника и черепков посуды. В печи из полуземлянки № 42 камни были использованы только для возведения свода.

Судя по лучше сохранившимся печам в полуземлянках № 6, 23, 35 и 36, все они несколько напоминали подкову с вытянутыми концами. В полуземлянках № 23, 35 и 36 длина стенок печей была одинакова (120×120 см и 100×100 см), и лишь в полуземлянке № 6 боковые стенки (1,3 м) были длиннее, чем задняя (110 см). Высота печей примерно оди-

[25] М. К. Каргер. Основные итоги раскопок древнего Галича в 1955 году. КСИИМК, вып. 81, 1960, стр. 62.
[26] М. К. Каргер. Раскопки в Переяславе-Хмельницком в 1952—1953 гг. СА, XX, 1954, стр. 9.
[27] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 61, 68, 100, 101, 108.

Рис. 9. а — печь из полуземлянки № 5, б — печь из полуземлянки № 23.



накова — 40—60 см. В их основании были поды овальной формы длиной от 74 до 90 см, шириной от 44 до 60 см, глубиной от 10 до 16 см. В печи полуземлянки № 23 основание пода было обмазано слоем глины толщиной 7 см. Во всех печах на поду лежала зола. В трех полуземлянках возле печей были столбовые ямки.

Рис. 10. Расчистка остатков печи в полуземлянке № 33.

Печи с глиняным остовом на ранее изученных городищах встречены лишь в двух полуземлянках Малого Боршевского городища. Их глиняные стенки были обложены некрупными камнями песчаника[28]. Довольно близкими по конструкции были печи, открытые на Плиснеском городище[29].

Печи третьего типа (из глины) встречены лишь в двух полуземлянках (№ 12 и 13). Их устройство не похоже на глиняные печи городищ роменского типа, где они делались в материке[30]. Отличаются они и от глинобитных печей из Саркела-Белой Вежи, в основании которых были деревянные колья[31], а также от печей из Киевских полуземлянок[32]. Печи на Титчихе складывались из чистой глины, и лишь за их задней стенкой была выкладка из небольших камней песчаника. Печь в полуземлянке № 12 (рис. 11) по форме напоминала подкову с вытянутыми концами. Ее длина 126 см, ширина 118 см, толщина стенок 30—35 см. Они сохранились на 22—25 см. В основании печи был под овальной формы (50×80 см) глубиной 10 см. На его дне находились зола и камни.

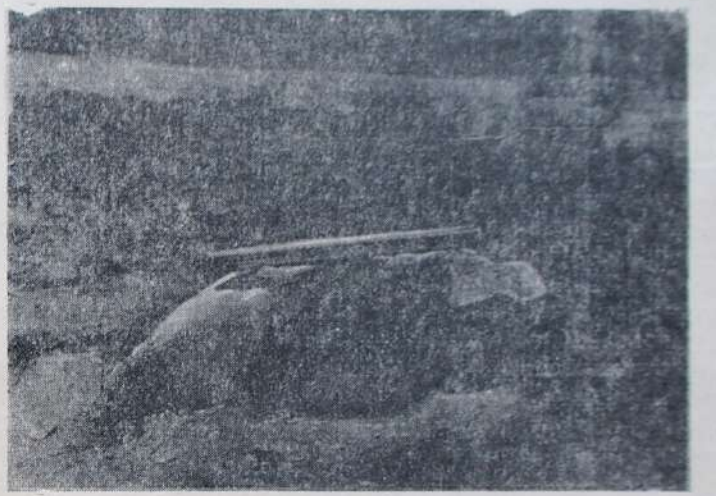


Рис. 11. Разрез печи из полуземлянки № 12.

Печь в полуземлянке № 13 сильно деформировалась, и края ее как бы слились. Примерная длина печи 110 см, ширина 100 см, высота 32—34 см. В основании печи также был под овальной формы (60×80 см) глубиной 13 см. На его дне под слоем глиняной обмазки оказалась зола. Возможно, что обе печи первоначально имели свод.

Глинобитные печи не были известны на городищах боршевской культуры. Подобное устройство печей вообще встречается редко. В качестве примера можно привести печи из «Малого городка» летописного Городеска[33]. Там глинобитные

[28] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 74.

[29] І. Д. Старчук. Розкопки городища Пліснеська в 1947—1948 рр. АП, т. III, 1952, стр. 383.

[30] И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное Левобережье, стр. 228.

[31] В. Д. Белецкий. Жилища Саркела-Белой Вежи. «Труды Волго-Донской археологической экспедиции», т. II, МИА, № 75, 1959, стр. 92.

[32] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев. 1950, стр. 11.

[33] Р. И. Вышеславцев. Раскопки «Малого городища» летописного Городеска. КСИА АН УССР, вып. 10, 1960, стр. 128.

печи были без деревянных каркасов. Одни из них возводились на материковых возвышениях высотою 25—35 см от пола, а другие непосредственно на полу, так же, как и печи с городища Титчиха.

К четвертому типу печей, при сооружении которых частично использовался материковый останец, относятся две печи (полуземлянки № 21 и 25). Обе они оказались разрушенными, так что об их форме судить трудно. Печь в полуземлянке № 21 была сооружена частично из глиняного останца, частично из некрупных камней песчаника. Поскольку глиняный останец имеется только на месте задней стенки печи, возможно, что боковые стенки были выложены из камней. В основании был под овальной формы (54×74 см.) глубиной 13 см., на нем лежала зола, заполнявшая под до краев.

При сооружении печи в полуземлянке № 25 частично использовался меловой останец. Он сохранился у северной и западной стенок. По всей видимости, наряду с останцом для сооружения стенок печи применяли и камни песчаника, которые находились возле меловых стенок. Овальный под (50×64 см.) был углублен в материк на 5 см. На нем лежала зола. Такого рода печи были встречены в трех полуземлянках на Большом Боршевском городище[34]. Эти печи по своему устройству совершенно не похожи на кубовидные материковые печи с роменских городищ.

В связи с описанием печей следует также остановиться и еще на одной подробности. В полуземлянке № 13, где печь была глиняной, на поду находилось несколько камней. Возможно, на них ставили горшки с пищей. Кроме того, они могли иметь и другое назначение. Арабский писатель Ибн-да Русте, описывая жилище славян, отмечает, что славяне, желая нагреть свой дом, раскаляют камни и поливают водой, отчего распространяется пар, нагревающий жилье до того, что снимают одежды[35].

Кроме печей на Титчихе встречен один разрушенный очаг (полуземлянка № 34). От него сохранилось небольшое число камней, немного глины и округлое в плане зольное пятно. Очажного блюдца, углубленного в материк, здесь не было. Подобного рода очаги встречались и ранее на Большом Боршевском и Кузнецовском городищах, а также на городище у Михайловского кордона[36].

[34] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 64, 67, 69.

[35] Известия о харазах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Ибн-Даста. Издал, перевел и объяснил Д. А. Хвольсон. СПб., 1869, стр. 33.

[36] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 62, 101, 109.

Одновременное существование на одном поселении печей и очагов известно и на других славянских поселениях как на территории нашей страны[37], так и за рубежом[38] и на поселениях салтово-маяцкой культуры[39]. В литературе высказывалось мнение, что открытые очаги характерны для поселений салтово-маяцкой культуры, а в жилищах славян были только печи со сводами[40]. С. А. Плетнева на основании материалов, полученных при исследовании жилищ салтово-маяцкой культуры, показала, что и в них кроме очагов иногда сооружались печи[41]. Как говорилось выше, очаги наряду с печами встречены на большинстве городищ боршевского типа и на более поздних славянских поселениях. Л. Скружный в специальном исследовании об отопительных сооружениях славян на территории ЧССР подчеркивает, что и очаги, и печи в одинаковой степени были типичны для славянских жилищ[42]. Таким образом, нет оснований считать, что очаг является главной отличительной особенностью только жилищ салтово-маяцкой культуры.

Различие в устройстве отопительных сооружений в жилищах на Титчихе легко было бы объяснить разновременностью жилищ и прийти к выводу, что полуземлянка с очагом более ранняя, чем полуземлянки с печами. Однако данные раскопок не дают права на такое заключение. Очаг и печи существовали в одно и то же время.

Возникает также вопрос, почему на одном и том же поселении печи одних типов были сложены из разных материалов. И. И. Ляпушкин считает, что различие в устройстве печей объясняется исключительно условиями, «в которых данные жилища сооружались, — в зависимости от наличия строительных материалов. В Новотроицком поселении материковая глина, в которой вырезается нижняя, углубленная часть жилища, является прекрасным материалом для сооружения из нее печей, она пластична и огнеупорна. В условиях

[37] Р. И. Вышежев. Раскопки «Малого городища» летописного Городеска, стр. 128; И. И. Ляпушкин. К вопросу о памятниках волынцевского типа. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 65 след.; А. Л. Монгайт. Древнерусские жилища XI—XIII вв., стр. 61.

[38] L. Skružný. Příspěvek k třídění a chronologii slovanských otopných zařízení na území ČSSR. PA. 1963, 2, str. 234 sq.

[39] С. А. Плетнева. О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII—IX вв. СА, 1962, 1, стр. 90.

[40] И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. «Труды Волго-Донской археологической экспедиции», т. I, МИА, № 62, 1958, стр. 98 след.

[41] С. А. Плетнева. О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII—IX вв., стр. 90.

[42] L. Skružný. Указ. соч., стр. 248.

Б. Боршевского городища ямы жилищ вырезались в мелу — материале, непригодном для устройства печей; вот почему там сооружались печи-каменки»[43]. Мнение автора о том, что печи сооружались из тех материалов, которыми располагали жители городищ, совершенно справедливо.

Однако выбор материала для сооружения печей, как показали раскопки Титчихи, не всегда определялся только его наличием. На городище в одинаковых природных условиях одни жители делали печи только из глины, другие из камней и глины, третьи только из камней, а четвертые при сооружении печей использовали и материк. Это, на наш взгляд, может быть объяснено, с одной стороны, определенной традицией, сложившейся в данном районе, а с другой стороны — этнографическим фактором. Некоторые исследователи полагают, что печи-каменки следует связывать с северорусской традицией, ссылаясь при этом на широкое их распространение в Новгородской земле уже с IX—X вв. и существование их на севере европейской части СССР вплоть до недавнего времени[44]. Подобная точка зрения представляется недостаточно убедительной. Печи-каменки на поселениях VIII—XII вв. известны не только на очень широкой территории от Дона до Днестра, но и у южных и западных славян. Трудно предположить, что появление их на всей этой территории обязательно следует связывать с северорусской традицией. Не проще ли представить себе печь-каменку как усовершенствование открытого очага? Очаг же из камней известен в лесостепной полосе еще с периода первобытнообщинного строя, так что речь должна идти о давно сложившейся местной традиции.

Что же касается другого типа печей, при сооружении которых использовались материковые останцы, то этот прием, по-видимому, не характерен для поселений боршевского типа. И не потому, что здесь для этого не было подходящего материала. На Титчихинском и на Большом Боршевском городищах использовался и меловой и глиняный останец, но лишь в одном случае печь была сделана полностью из останца. При этом она, так же, как и другие печи, сохранила обычную для этих поселений форму подковы. Использование останцов типично для поселений роменского типа. Возможно, что этот непривычный для боршевцев прием был занесен кем-то из западных соседей — роменцев. Не исключена возможность, что и столь редкое для боршевцев явление, как глинобитная печь, появилось также под влиянием роменцев.

[43] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, стр. 168.

[44] В. В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земля (VIII—XV вв.). МИА, № 92, 1960, стр. 72—73.

Все печи в жилищах Титчихи располагались в одном из углов. Так же, как и на других городищах боршевского типа, ни разу не было встречено печи в центре полуземлянки, в отличие от ряда жилищ древнего Новгорода, Пскова и Старой Ладоги[45].

Большинство печей в жилищах на Титчихе располагалось в северной половине жилища, в северо-восточном или северо-западном углу. В отдельных полуземлянках расположение печей в южном углу можно объяснить местоположением жилищ в одном случае вблизи от края плато, которое, вероятно, тогда было покрыто лесом, защищавшим жилище от северных ветров (полуземлянки № 15, 23, 24, 46), в другом случае — под валом (полуземлянка № 6).

Для реконструкции наземной части полуземлянок мы располагаем незначительными данными. П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков считают, что «вырубленные в мелу ямы являлись лишь основанием жилищ. В среднем надземные части стен возвышались на 50 см, в тех же случаях, когда ямы были неполными, стены целиком выходили на поверхность»[46]. При этом они отмечают, что если у полуземлянок со срубом легче представить себе их наземную часть, то в жилищах с досчатыми стенами наземная часть, вероятно, «чаще всего делалась плетневой» и снаружи засыпалась «толстым слоем земли, вернее меловой щебенки, которая служила не только для отепления жилища, но и способствовала лучшей сохранности дерева»[47].

И. И. Ляпушкин, изучивший большое число полуземлянок на Новотроицком городище, предлагает несколько иную реконструкцию наземной части жилищ. Он считает, что высота жилищ увеличивалась не за счет высоты стен, а за счет крыши, которая опиралась с одной стороны на сохи, а с другой — на края ямы полуземлянки, допуская при этом, что у срубных жилищ стены сруба могли подниматься выше котлована,

[45] Л. П. Гуссаковский. Древнерусское народное жилище VIII—XIII вв. М., 1956 (рукопись кандидатской диссертации). Архив ИА АН СССР, ф. 2, д. 1320, стр. 176. В славянских жилищах на Балканах центральное расположение печи сохранилось во многих местах до XIX в., а в отдельных селах Болгарии печи в центре жилища встречались в XX в. (С. Георгиева-Стойкова. Огнището в българския бит, стр. 15—17, 25 след.).

[46] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 26.

[47] Там же.

но и в этом случае края крыши перекрывали стены и также опирались на землю[48].

Во время раскопок полуземлянок на Титчихе не было получено каких-либо новых данных, которые помогли бы определенно решить вопрос о высоте стен в жилищах. Нам представляется, что в полуземлянках, котлованы которых были неглубокими, высота жилища определялась не только высотой крыши, но и стен. Маловероятно, чтобы сруб, возвышавшийся над такими котлованами, был полностью скрыт под крышей. Что представляла собою наземная часть домов, облицованных пластинами, сказать трудно. Однако вряд ли это был плетень. Никаких данных для этого нет.

Не менее сложным является вопрос о форме крыши. Прежние исследования городищ боршевского типа позволили прийти к заключению, что крыша в полуземлянках была деревянной, невысокой, двускатной. Ее матица укреплялась на двойных опорных столбах[49]. На Титчихе, так же как и на других поселениях боршевского типа, крыша всегда делалась только из дерева. Здесь не встречено ни камыша, ни соломы, как это, например, было на Новотроицком городище или в жилищах Старой Рязани[50]. Большая часть жилищ и на нашем городище имела двускатные крыши. О таком устройстве крыши можно судить по определенному расположению в полу жилищ ям для опорных столбов, поддерживающих матицу крыши, и остатков самого перекрытия. Ямы для опорных столбов всегда находились на определенном месте. Одна из них располагалась у стены возле устья печи, другая—у противоположной стены. Они имели округлую или продолговатую форму и обычно отличались от остальных столбовых ям своими размерами. Нередко в одной такой яме стояло сразу два столба, как это было, например, в полуземлянке № 46. Сохи—опорные столбы для матицы—были более массивными, чем остальные столбы. Плахи в ряде жилищ лежали перпендикулярно к матице. Они всегда примерно одной ширины—около 20 см. Особенно хорошо плахи сохранились в полуземлянке № 12.

Подобное расположение столбов и остатков крыши встречено и за пределами распространения памятников боршевского типа—в полуземлянках на Опошнянском[51], Новотроицком[52], Волынцевском[53] городищах, в древнем Киеве[54], в Саркеле-Белой Веже[55], в Старом замке под Брно[56].

Кроме полуземлянок, крытых двускатной крышей, на Титчихе были и полуземлянки с односкатной и четырехскатной крышами. В жилищах с односкатными крышами вдоль одной из стен располагался ряд ям для опорных столбов. Четырехскатной крышей была покрыта полуземлянка № 23. Крыша опиралась на четыре угловых столба. Это перекрытие по своему устройству, вероятно, напоминало крышу грязного двора в деревне Борок Псковской области. Здесь крыша также покоится на четырех угловых столбах. Вверху они связаны между собою слегами—«погонинами» и «связями»[57]. К стенам сруба, возведенного под самую крышу, эти столбы отношения не имели. Четырехскатные крыши были встречены и на других древних славянских поселениях[58].

В некоторых полуземлянках крыша была обмазана глиной. Крыши, обмазанные глиной, были известны и за пределами боршевской культуры. Они встречены у роменцев[59], в жилищах XI—XIII вв. древнего Киева[60]. Сверху на крышу наваливалась земля, так что со стороны жилище было похоже на холм.

Место входа в полуземлянку хорошо определяется в том случае, если сохраняются материковые ступеньки, как это было, например, на Малом городище летописного Городеска[61], в древнем Плиснеске[62], на городище Курган близ с. Волынцево Сумской области[63], или когда от края жилища до пола из

---

[48] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, стр. 194, 195.

[49] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 10.

[50] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, стр. 194; А. Л. Монгайт. Древнерусские жилища в XI—XIII вв., стр. 66.

[51] И. И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X вв. КСИИМК, вып. 12, 1946, стр. 120.

[52] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, стр. 249, 253 и др.

[53] Д. Т. Березовець. До питання про літописних сіверян. А, т. VIII, 1953, стр. 34.

[54] М. К. Каргер. Древний Киев. Т. 1, стр. 104.

[55] В. Д. Белецкий. Жилища Саркела-Белой Вежи, стр. 47.

[56] Č. Staňa. Slovenské obytné objekty na hradišti Staré Zámky u Lišně. „Památky archeologické", 1960, č. 1, str. 253, obr. 9.

[57] Н. Яснецкий. Деревенское строительство в Печорском крае. Псковская область. «Материалы и исследования по этнографии русского населения европейской части СССР», «Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», новая серия, т. LVII, М., 1960, стр. 295, 296.

[58] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, стр. 195.

[59] Там же, стр. 194.

[60] М. К. Каргер. Древний Киев, т. 1, стр. 323.

[61] Р. И. Выезжев. Раскопки «Малого городища» летописного Городеска, стр. 128.

[62] М. П. Кучера. Древній Пліснеськ, стр. 20.

[63] В. Й. Довженок. Розкопки біля с. Волинцевого, Сумської області. АП, т. III, 1952, стр. 254.

материка оставлялся пологий скат, по которому удобно было спускаться[64]. На Титчихе лишь в одной полуземлянке (№ 20) были встречены остатки ступенек, вырубленных в материке. В остальных полуземлянках подобных следов от входа не было. В то же время нельзя не обратить внимания на то, что почти у половины раскопанных жилищ (20) у стены, примерно против устья печи, находились дополнительные столбовые ямки, не связанные с деревянной облицовкой стен или с крышей. В одних жилищах было по одной, по две, в других — по три и четыре столбовых ямки. Такого рода ямки встречаются и в других жилищах полуземляночного типа на Большом Боршевском городище[65], на городище Плиснеска[66], в полуземлянках Саркела-Белой Вежи[67]. Очевидно, прав В. Д. Белецкий, утверждая, что пространство между этими дополнительными столбами и углом жилища было местом, где находился вход в полуземлянку[68]. По всей видимости, жители спускались в дома по бревнам с зарубками. Такие «лестницы» были известны еще в I тысячелетии до н. э. Их удалось зафиксировать в курганах на Алтае, где, благодаря консервирующим свойствам холода, хорошо сохранилось дерево[69].

На Титчихе, в тех жилищах, где удается определить место входа, он, как правило, находился против устья печи. Этнографы такое расположение входа и печи считают древнейшим и полагают, что оно было распространено в эпоху раннего феодализма на огромной территории расселения восточнославянских (и финских) народов[70].

Пол во всех жилищах был материковым без каких-либо следов подмазки глиной. Земляные полы типичны для славянских жилищ и в более позднее время. Не случайно у словаков пол назывался zem[71]. В полу жилищ кроме столбовых ямок, связанных с деревянной конструкцией домов и с устройством печей, встречены ямки другого назначения. В полуземлянке № 7 неподалеку от печи находилась группа небольших и неглубоких округлых ямок, расположенных по овалу; в полуземлянке № 9 ямки располагались по углам квадрата. По всей видимости, в обоих случаях на указанных местах находился стол. Подобное расположение столбовых ямок отмечалось и в одной из полуземлянок Большого Боршевского городища[72]. Столбовые ямки в полуземлянке № 23, расположенные к северу от печи, возможно, служили опорами для ножек скамьи или лежанки.

Некоторые жилища снаружи были огорожены частоколом. От него сохранились столбовые ямки. Они особенно отчетливо видны возле полуземлянок № 34 и 35. У полуземлянки № 35 находились и хозяйственные ямы.

Хозяйственные постройки

На славянском поселении было 79 хозяйственных ям, две удлиненные полуземляные постройки и несколько наземных сооружений. Форма хозяйственных ям различна. Одни из них к основанию расширяются, другие, наоборот, сужаются, у третьих размеры горловины и дна одинаковы, четвертые не имеют правильных очертаний.

Ям первой формы встречено двадцать (№ 1, 2, 7, 12—14, 17—19, 21, 26, 31, 39, 46, 53, 58, 59, 62, 68, 79). У большинства горловины и основания овальные. Длина горловин 65—185 см, ширина 60—155 см., длина основания 80—220 см, ширина от 60 до 190 см. Округлые горловины и основания встречены только в трех ямах с диаметрами горловин от 93 до 105 см. и диаметрами оснований от 120 до 136 см.

Характерной особенностью ям этой формы является сравнительно небольшая разница между размерами горловины и основания (10—40 см, и лишь в одной яме разница была 60 см). Эти ямы были наиболее глубокими (70—120 см). Только три имели глубину 40—50 см. В ямах найдены отдельные фрагменты керамики боршевского и салтово-маяцкого типа, кости животных, рыб, рыбья чешуя, 5 усеченнобиконических пряслиц, 2 костяных острия, 2 обломка жернова, обработанная раковина и угли.

---

[64] Там же, стр. 256.

[65] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 24, 25, 31, 70.

[66] І. Д. Старчук. Розкопки городища Пліснеська в 1947—1948 рр. АП, т. III, 1952, стр. 381.

[67] В. Д. Белецкий. Жилища Саркела-Белой Вежи, стр. 84.

[68] В. Д. Белецкий. Указ. соч., стр. 84.

[69] С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953, стр. 31, рис. 8.

[70] Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов, стр. 234, 238.

[71] Н. Н. Грацианская. Постройки словацкого крестьянства в XIX—начале XX вв. «Славянский этнографический сборник», «Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», новая серия, т. LXII, стр. 217.

[72] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 30—31.

Ям второй формы тридцать три (№ 3, 4, 15, 16, 20, 23, 25, 28, 35, 36, 38, 47—52, 54, 56, 57, 60, 61, 63, 64, 66, 67, 71—77). Семнадцать из них округлые и шестнадцать овальные. У овальных ям длина горловины 70—160 см, ширина 50—150 см. Длина по дну от 20 до 132 см, ширина 95—120 см. В среднем горловины таких ям шире основания на 20—30 см. У округлых ям диаметр горловины 42—150 см, диаметр основания 30—75 см. Ямы неглубокие (20—62 см), только у пяти из них (№ 23, 25, 52, 67, 74) глубина равнялась 70—128 см. Стенки и дно более глубоких ям ровнее, чем у остальных. В ямах, как правило, встречаются отдельные фрагменты керамики боршевского и салтово-маяцкого типа, раздробленные кости животных, иногда куски шлака и отдельные фрагменты керамики раннего железного века. В четырех ямах (№ 23, 25, 63, 64) сохранились небольшие обломки обгоревших плах.

К ямам третьей формы относится четырнадцать ям (№ 5, 6, 8—11, 22, 24, 27, 29, 30, 32—34). Среди них прямоугольные, округлые и овальные. Прямоугольных ям пять (№ 8, 24, 27, 32, 34). Ямы № 8 и 34 имели почти правильную квадратную форму. Их площадь несколько больше 2 кв. м, глубина соответственно 120 и 70 см. В обеих ямах вдоль стен лежали остатки обгорелых плах, в заполнении встречены отдельные фрагменты керамики боршевского типа и кости животных. Ямы № 27 и 32 прямоугольные (132 × 168 см и 138 × 348 см), их глубина 20—80 см. В яме № 32 найдено два фрагмента сосудов боршевского типа и несколько костей. В яме № 27 находок не было. Круглых ям три (№ 5, 9, 33). Их диаметр 78—120 см, глубина 25—58 см. В этих ямах встречено незначительное количество фрагментов керамики боршевского типа и костей животных. Остальные ямы овальные. Их длина 50—160 см, ширина 40—150 см, глубина 28—62 см. В большинстве овальных ям найдены отдельные фрагменты керамики боршевского типа и кости животных. В яме № 6 на полу лежала зернотерка.

Последнюю группу составляют двенадцать ям неправильной формы (№ 37, 40—45, 55, 65, 69, 70, 78). У многих из них пол либо покатый, либо сильно бугристый. Большинство из них неглубокие. В этих ямах встречены единичные фрагменты керамики боршевского типа и костей животных. Кроме того, в одной найдены угли, а в другой фрагмент керамики салтово-маяцкого типа. Особо следует выделить ямы № 70, 78 и 55. Две первых отличались от остальных формой, глубиной и заполнением. У северной стенки ямы № 70 был уступ внутрь, а ее южная стенка углублена в виде подбоя. Горловина ямы больше, чем основание, ее глубина 80 см. В яме найдено 136 фрагментов керамики боршевского типа, 3 фрагмента керамики салтово-маяцкого типа, кусок шлака и 83 кости. Яма № 78 также имеет одну стенку в виде подбоя, а противоположная стенка скошена к основанию. Горловина ямы напоминает овал, а форма основания скорее округлая. Глубина этой ямы 96 см. Верхнюю часть ямы заполнял тучный чернозем с вкраплением углей, а ниже лежал чернозем с меловой щебенкой. В верхней части ямы встречено 84 куска железного шлака, а ниже—160 фрагментов керамики боршевского типа (обломки от разных сосудов) и 65 костей.

Яма № 55 не похожа на все другие ямы, встреченные на городище. Она имела неправильные очертания и в западной части была глубже, чем в восточной. Ее площадь 3,5 кв. м, наибольшая глубина 50 см. Примерно в центре ямы находились зола и сильно обожженные камни песчаника. Яма была заполнена черноземом с небольшим вкраплением меловой щебенки. В ней найдены 42 фрагмента керамики боршевского типа, 3 обломка посуды салтово-маяцкого типа и 5 костей.

Таким образом, хозяйственные ямы на городище различаются по форме, размерам и тщательности отделки. Часть ям предназначалась для отбросов. Это скорее всего были ямы четвертого типа. Подобные ямы для отбросов были известны и на других поселениях[73]. Остальные ямы служили для хранения продуктов и прежде всего зерна. Об обычае славян хранить зерно в ямах известно по данным письменных источников, ямы были открыты на многих древних поселениях не только на территории нашей страны, но и за рубежом[74]. Зерновые ямы иногда обкладывались берестой[75], соломой, обмазывались глиной[76]. На Титчихе их следы ни разу не встречены.

Горловины титчихинских ям-хранилищ снаружи закрывались крышками. Над ямами нередко сооружались конические или трехскатные шалаши. Для большей прочности столбики от шалаша устанавливались в ямки, следы которых отчетливо видны в материке. Особенно хорошо они сохранились возле ям № 35, 46, 60, 61 и 63. Например, яму № 35 окружало 11 ямок глубиной от 10 до 16 см. Судя по их расположению, вход был с юго-западной стороны. Следы подобных ша-

[73] Р. И. Вышеславцева. Раскопки «Малого городища» летописного Городеска, стр. 130.

[74] J. Kudrnáč. Skladování obilí v jamách-obilicích. „Vznik a počátky Slovanů", II, Praha, 1958.

[75] Архив Института этнографии АН СССР, ед. хран. 4/3, стр. 30.

[76] J. Kudrnáč. Skladování obilí.., str. 242.

лашей встречены на Новотроицком городище[77]. Такое перекрытие хозяйственных ям известно и у народов Западной Европы[78].

Хозяйственные ямы на городище Титчиха располагались в большинстве своем по одной, вблизи от жилищ. Их сооружали сбоку от домов и позади них. Лишь на одном участке поселения между полуземлянками № 43, 44 и 45 было сосредоточено восемь ям. Четыре хозяйственных ямы № 55, 57, 66, 68 были вырыты внутри наземных построек.

Кроме ям на городище Титчиха встречена, как указывалось выше, одна хозяйственная кладовая, вход в которую вел из жилища.

Удлиненные полуземляные постройки располагались на плато вблизи от внутреннего вала. Одна из них раскопана полностью, другая частично. Длина первой ямы около 16 м, ширина от 1,4 до 2,5 м, глубина 70—100 см. К основанию она сужалась. С западной стороны был отчетливо виден спуск в яму в виде четырех уступов. Яма заполнена сильно слежавшимся черноземом с большой примесью меловой щебенки. В ней найдены отдельные фрагменты посуды боршевского типа, раздробленные кости животных и усеченное биконическое пряслице. Вторая яма отделялась от первой полутораметровой перемычкой. В раскопанной части ширина ее горловины 170 см., ширина основания 70 см и глубина 90 см. Характер заполнения этой ямы такой же, как и первой. Подобные корытообразные сооружения на славянских памятниках ранее не встречались. Некоторую, хотя и отдаленную, аналогию с титчихинскими сооружениями составляют длинные ямы, открытые на Карнауховском поселении. В отличие от титчихинских они имеют отвесные стенки и углубление в полу по центру помещения. И. И. Ляпушкин, раскапывавший это поселение, затрудняется определить назначение подобных ям[79]. Назначение титчихинских ям нам также осталось непонятным.

Наряду с различными хозяйственными постройками, углубленными в грунт и материк, на Титчихе были и наземные сооружения. От наземных сооружений сохранились опорные ямки для столбов. Два из них располагались на площадке

[77] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, стр. 207.

[78] W. Buttler. Gruben und Grubenwohnungen in Südosteuropa. „Bonner Jahrbücher", 139, 1934, S. 134 ff. Z. 2—5.

[79] И. И. Ляпушкин. Карнауховское поселение. «Труды Волго-Донской археологической экспедиции», т. 1, МИА, № 62, 1958, стр. 301.

между полуземлянками № 34, 35 и № 36, 37. Длина первого сооружения около 5 м, ширина около 4 м. Вторая постройка (8×6 м) имела вход шириною около 3 м. К этой постройке с востока примыкало еще несколько помещений продолговатой формы. Третья постройка находилась между полуземлянками № 39, 40 и 41. Она была почти правильной квадратной формы, площадью около 36 кв. м. Ширина входа несколько более 2 м. Четвертая постройка находилась между полуземлянками № 38 и 39. Ее площадь около 24 кв. м. Пятая постройка была возле полуземлянки № 38. Ее длина около 6 м, ширина 4 м. В трех из этих помещений, как указывалось выше, были вырыты хозяйственные ямы. Принцип сооружения этих построек одинаков. По углам и кое-где вдоль стен устанавливались массивные столбы. Между этими столбами в ряде построек ставились вспомогательные столбики. Остов таких построек, вероятно, оплетался прутьями. Некоторые из построек являлись, по-видимому, стойлами для скота. Именно поэтому вход в них был таким широким. Стойловое содержание скота в зимнее время широко известно на Руси[80]. Довольно близкую аналогию хлевам с городища Титчиха представляет скотный двор Старой Ладоги[81]. Он также был сооружен из оплетенных кольев. Мощные пласты навоза, залегавшие внутри двора, свидетельствовали о его длительном использовании.

Наряду с большими наземными постройками сооружались и небольшие хозяйственные постройки — кладовые для хранения различных припасов и утвари.

В планировке поселка не было какой-либо строгой закономерности. Часть домов стояла изолированно, а некоторые дома располагались группами. Такие группы домов составляли, например, полуземлянки № 1, 2 и 30; № 17 и 18; № 16, 21 и 22; № 20 и 19; № 31 и 32 и т. д.[82]. На мысу несколько жилищ располагалось вдоль вала. Между полуземлянками № 6, 13 и 19 и полуземлянками № 3, 1, 2, 7, 12, вероятно, был проезд. Его ширина до 6 м. Судя по расположению печей и столбовых ямок, которые мы связываем с устройством входа, эти две линии домов располагались так, что вход в них был с юго-восточной стороны[83]. Такое расположение жи-

[80] В. И. Цалкин. Материалы для истории скотоводства и охоты в древней Руси. МИА, № 51, 1956, стр. 152.

[81] В. И. Равдоникас. Старая Ладога, стр. 18.

[82] В эти группы не включены жилища № 11, 27, 37 и 44, которые были оставлены их обитателями ранее, чем прекратилась жизнь на поселке в целом.

[83] Исключение составляют только полуземлянки № 6 и 2. У первой вход был с северо-восточной, а у второй—с северо-западной стороны.

лищ принято называть линейной планировкой. На Титчихе наблюдаются лишь зачатки подобной планировки.

Итак, изучение жилых и хозяйственных построек на городище Титчиха позволило, с одной стороны, уточнить некоторые спорные вопросы, связанные с принципами домостроительства славян на Дону (например, о соединенных между собой жилищах), с другой—дало новые материалы для характеристики домов и хозяйственных построек.

Глава IV

Хозяйство

Раскопки городища Титчиха дали не только новые материалы об известных ранее отраслях хозяйства у населения боршевской культуры, но и позволили внести некоторые коррективы в сложившееся представление о степени развития производительных сил этого общества.

Земледелие

Уже в результате полевых исследований довоенных лет стало очевидным, что главным занятием населения, оставившего памятники боршевской культуры, являлось земледелие. Однако орудия для обработки почвы в те годы найдены не были, и поскольку вся культура в целом представлялась примитивной и архаичной, то исследователи этих памятников высказали предположение, что боршевцы не применяли железных орудий для обработки почвы. В их хозяйстве, по мнению П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова, в качестве основного орудия «могли еще удерживаться деревянный плуг или рало»[1].

Раскопки городища Титчиха позволяют более определенно говорить об уровне земледелия у донских славян. В этом плане самой существенной находкой является обломок железного наральника. От него уцелел только конец рабочей части (рис. 12). Это обломок широколопастного наральника подошвенного рала. Его длина, вероятно, около 19 см. Наибольшая ширина рабочей части примерно 10 см., длина трубки около 7 см. Наиболее близкой аналогией ему является один из наральников Новотроицкого городища[2]. Вообще же

[1] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 12.

[2] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, стр. 15, рис. 7, 1.

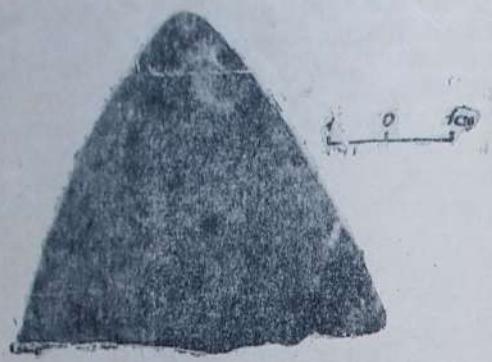


Рис. 12. Обломок наральника.

широколопастные наральники в период становления Киевского государства встречаются по всей лесостепной зоне[3]. Они насаживались не на наклонно поставленный стержень, как узколопастные, а на горизонтальный полоз. При этом грунт подрезался горизонтально, что способствовало уничтожению сорняков[4].

Таким образом, в настоящее время есть основание говорить, что боршевцы обрабатывали пашню плугом или подошвенным ралом с железным наконечником, т. е. точно так же, как обрабатывали землю в это время и славяне в других районах нашей страны[5].

Пашню древние титчихинцы бороновали, как и другие славяне, деревянной бороной. Для уборки урожая служили серпы и косы. На Титчихе встречен один целый серп (рис. 4) и три небольших обломка. Целый серп принадлежит к типу серпов, распространенных на Руси в X—XIII вв.[6] По форме он во многом напоминает современные серпы. С рукояткой соединялся при помощи черешка. Длина клинка 19,5 см, ширина средней части клинка 2 см, высота дуги равна 1/2 длины ее основания. Изгиб лезвия в начальной части клинка составляет с основанием дуги изгиба угол 80°. Углы резания в разных точках лезвия приближаются к 53°. Такой серп был до-

[3] В. И. Довженок. Землеробство древньої Русі, Київ, 1961, стр. 66.
[4] Там же, стр. 69.
[5] Там же, стр. 64 след.
[6] В. П. Левашева. Сельское хозяйство. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.». «Труды ГИМ», вып. 32. М., 1956, стр. 63.

статочно удобен в работе. Его рабочие качества улучшались также за счет того, что лезвие было зубчатым.

О применении кос древними титчихинцами может свидетельствовать бабка для их отбивания. Она представляет собою железную поделку длиной 8,5 см, по форме напоминающую клин. Ее рабочая площадка слегка расплющена. Близкое по форме орудие было найдено на Новотроицком городище[7].

Из письменных источников известно, что славяне выращивали рожь, пшеницу, ячмень, овес, просо, бобовые (горох, бобы) и технические культуры — лен, коноплю. Хлеб являлся главным продуктом питания восточных славян. Не случайно белгородцы, осажденные печенегами, говорили своим врагам: нас не перестоять, «имеемъ бо кормлю от земле»[8]. О хлебе, как основной пище славян, можно судить и по свидетельствам арабского путешественника X в. Ахмеда ибн-Фадлана. Больному русу, сообщает он, соотечественники разбивают палатку и кладут вместе с ним некоторое количество хлеба и воды[9].

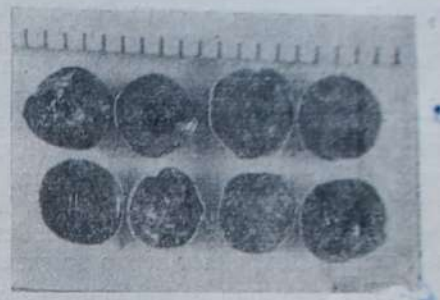


Рис. 13. Обгорелые семена гороха.

Во время довоенных раскопок на городищах боршевской культуры были найдены обгорелые зерна пшеницы, проса и бобов. На Титчихе злаков сохранилось очень немного. Они встречены в полуземлянке № 22. Это были сильно обгорелые зерна ячменя, ржи и одно зернышко проса. Нечеткие отпечатки каких-то зерен

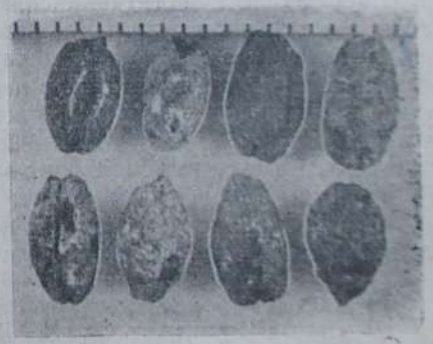


Рис. 14. Обгорелые зерна ячменя.

[7] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, стр. 24, рис. 1, 5.
[8] Повесть временных лет, часть первая, стр. 88.
[9] А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг., Харьков, 1956, стр. 143.

видны и на днищах некоторых сосудов. Таким образом, раскопки городища Титчиха позволяют дополнить к числу известных ранее зерновых культур, возделываемых боршевцами, ячмень и рожь. Кроме зерновых культур на Титчихе также был встречен и горох. Скопление обгорелых зерен гороха найдено на дне горшка в полуземлянке № 16 и одно зерно в слое вблизи от этого жилища.

Для хранения зерна жители городища использовали главным образом зерновые ямы, а, возможно, также глиняную и деревянную посуду и мешки[10]. О зерновых ямах, как известно, упоминается и в Пространной редакции Русской Правды. Закон предусматривал наказание за кражу жита из ямы[11].

Этот способ хранения зерна, по справедливому замечанию чешского исследователя Я. Кудрнача, нельзя рассматривать как примитивнейший способ сохранения злаков[12]. Он имеет много своих преимуществ. Ямы, как правило, не промерзают. Микроклимат не способствует развитию микрофлоры, что предохраняет зерно от гниения и прорастания[13].

Для размола зерна древние титчихинцы, как и их соседи, пользовались главным образом ручными жерновами, 65 обломков которых встречено на Титчихе. Почти все они найдены за пределами жилищ. Лишь четыре обломка лежали на полу полуземлянки № 28. Все жернова сделаны из девонского песчано-глинистого известняка (крепкого ракушечника). Их размеры примерно одинаковы. Диаметр около 50 см, толщина 6—8 см, диаметр отверстия 4—5,5 см. Ближайшей аналогией титчихинским жерновам являются жернова Малого и Большого Боршевских городищ.

Применение жерновов на территории нашей страны началось еще в I тысячелетии до н. э. Ручные мельницы, подобные титчихинским, широкое распространение получают с конца I тысячелетия н. э. Они встречаются и в сельских поселениях и в городах[14]. Находка заготовки жернова на Малом Боршевском городище позволяет говорить о том, что жернова изготавливались на месте и не только городскими ремесленниками, но и сельскими умельцами.

[10] В. И. Довженок. Землеробство древньої Русі, стр. 157.
[11] Правда Русская, т. II, М.—Л., 1947, стр. 393.
[12] J. Kudrnáč. Skladování obilí., str. 233.
[13] Там же, стр. 238 след.
[14] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, стр. 46, 48; Г. Б. Федоров. Итоги трехлетних работ в Молдавии в области славяно-русской археологии, КСИИМК, вып. 56, 1954, стр. 19; Н. Н. Воронин. Древнее Гродно, МИА № 41, М., 1954, стр. 56; Б. А. Рыбаков. Жерновa Вщижского городища. КСИИМК, вып. 11, 1945, стр. 15 и др. См. также

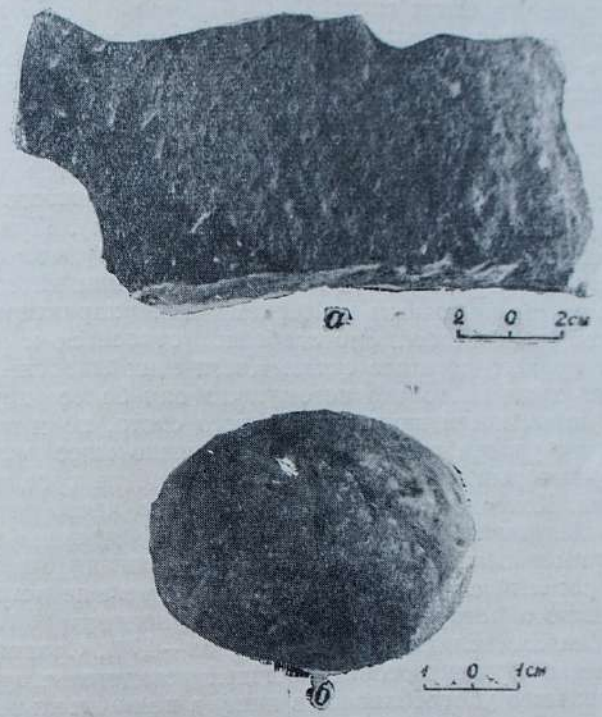


Рис. 15. а — обломок жернова, *б* — пестик от зернотерки.

Кроме жерновов титчихинцы использовали и зернотерки. Одна такая зернотерка найдена в хозяйственной яме. В слое встречено несколько пестиков. Работа на зернотерке требовала больших усилий. Ручная мельница (жернова) была значительно более эффективна. На ней зерно перемалывалось в несколько раз быстрее, мука получалась лучшего качества[15].

K. Černohorzký. Žernovy v hospodářsko – společenském vývoji časného středověku. PA, 1957, 2, str. 533—534; В. И. Довженок. Землеробство древньої Русі, стр. 248 след. В двух последних работах имеются указания на те археологические памятники, где были встречены жернова.

[15] А. Ф. Шоков. Древние жернова с берегов Дона. «Известия Воронежского государственного пединститута», т. XIX, Воронеж, 1955, стр. 102.

Скотоводство

О стаде у древних титчихинцев можно судить на основании исследования остеологического материала. Костный материал с городища представляет собою кухонные остатки. Всего исследовано 11 535 костей, из них 4369 экземпляров оказались пригодными для определения. Среди этих костей были кости домашних и диких животных, рыб и птиц. Кости домашних животных составляют 42,2% (1029 костей крупного рогатого скота, 766—свиных, 155—мелкого рогатого скота, 304—лошадиных, 27—собачьих и 1—верблюжья). При этом, как отмечает В. И. Цалкин, следует иметь в виду, что количественное соотношение костей животных того или иного вида является менее надежным критерием для характеристики стада, чем число особей. Это особенно относится к костям свиней и мелкого рогатого скота. Кости этих животных сохраняются хуже не только потому, что они более хрупкие, чем, например, кости крупного рогатого скота, но и потому, что в пищу употреблялось преимущественно мясо молодых особей, у которых эпифизы конечностей еще не срослись с диафизами. Конечности, лишенные эпифизов, часто не могут быть определены[16]. По числу особей в стаде древних титчихинцев примерно равное место занимают свиньи (34,6%) и крупный рогатый скот (33%). Значительно меньше встречено особей мелкого рогатого скота (15%) и лошадей (10,7%). Особи собак составляют 3,7%, верблюдов—0,7%. Сравнительно небольшой процент особей лошадей свидетельствует о том, что их мясо употреблялось в пищу в незначительном количестве. Верблюд—животное не типичное для Верхнего и Среднего Дона. Не случайно от него встречена только одна кость. Кроме Титчихи 6 костей верблюда от трех особей найдены на Большом Боршевском городище[17].

В. И. Цалкин на основании анализа остеологического материала ранее раскопанных городищ боршевской культуры вывел средние показатели процентного состава стада, типичные для боршевцев: крупный рогатый скот 38,2%, свиньи 31,7%, мелкий рогатый скот 15,4%, лошади 14,7%[18]. Данные Титчихи почти полностью подходят к этим средним цифрам. Это позволяет говорить об устойчивости видового

[16] В. И. Цалкин. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси. МИА, № 51, 1956, стр. 120 след.

[17] В. И. Громова. Остатки млекопитающих из раннеславянских городищ вблизи г. Воронежа, МИА, № 8, 1948, стр. 121.

[18] В. И. Цалкин. Указ. соч., стр. 142.

состава стада и об определенной роли отдельных животных в хозяйстве боршевцев в целом. Примерно такой же состав стада был в это время на поселениях роменской культуры[19] и у жителей более северных районов (Псков, Старая Ладога)[20]. Некоторое отличие по отдельным поселениям наблюдается лишь в числе особей лошадей. В целом же можно говорить, что в конце I тысячелетия в стаде восточных славян преобладали крупный рогатый скот и свиньи.

Охота

О роли охоты в хозяйстве древнерусского населения на Дону в литературе высказано по существу две противоположных точки зрения. П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков отводят охоте второстепенную роль, подчеркивая, что главным в хозяйстве было земледелие[21]. Охота, по их мнению, велась лишь для восполнения недостатка в мясе[22]. В. И. Громова, изучавшая остеологический материал, полученный за время довоенных раскопок Боршевских и Кузнецовского городищ, напротив, обратила внимание на то, что на обоих боршевских городищах костей диких животных встречено значительно больше, чем костей домашних животных, и объясняет это тем, что «жители воронежских городищ были прежде всего охотниками»[23].

Если сравнить данные исследования костей диких животных, найденных на Титчихе и на ранее раскопанных памятниках, то картина будет примерно сходная. На Титчихе диких животных по числу особей (57,8%) также больше, чем домашних. Среди видов диких животных, кости которых встречены здесь, как и на ранее изученных поселениях, преобладают зубры, лоси, кабаны, благородные олени, косули, т. е. животные, которых убивали для восполнения недостатка в мясе. Кости пушных зверей, за исключением бобра, встре-

[19] Там же, стр. 142; И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, стр. 214; П. Н. Третьяков. Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскла. «Археология», Київ, 1947, стр. 138.

[20] В. И. Цалкин. Указ. соч., стр. 142.

[21] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 12.

[22] Там же, стр. 56.

[23] В. И. Громова. Остатки млекопитающих из раннеславянских городищ вблизи г. Воронежа, стр. 114. В. И. Громова выделяет Кузнецовское городище, где по числу костей кости домашних животных преобладали. Однако, если принять во внимание более надежный критерий—число особей животных, то и здесь особей диких животных будет больше (57,2%)—В. И. Цалкин. Материалы для истории скотоводства.., табл. 80.

чаются единично. Это наблюдение в свое время привело П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова к заключению, что боршевцы охотились главным образом ради мяса. Из пушных зверей они выделяют лишь бобра, «видимо, бобровый мех являлся одним из главных средств торгового обмена с южными странами»[24].

Нам представляется, что П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков преуменьшают роль охоты в хозяйстве донских славян. В действительности охота на пушных зверей имела очень большое значение. Единичные кости этих животных не являются показателем размеров охоты потому, что они попали на поселение чисто случайно. Охотники, как правило, приносили с охоты лишь шкурки убитых ими пушных животных, а тушки выбрасывали. Исключение составляли только тушки бобров, мясо которых шло в пищу. Но даже незначительное число костей пушных зверей позволяет говорить о тех видах животных, на которых охотились славяне Подонья, в том числе и древние титчихинцы. Это бобры, лисицы, куницы, белки, выдры, зайцы, водяные полевки, хорьки и хомяки.

Пушнина в то время очень ценилась. Из сочинений арабских авторов IX и X вв. известно, что славянские купцы продавали меха выдр, черных лисиц, соболей, бобров, белок. Русские князья, заинтересованные в приобретении пушнины, брали дань с населения мехами. Цены славянским мехам знали и хазары. Они, как сообщает летописец, получали от полян, северян и вятичей дань «по беле и веверице от дыма»[25]. О большой ценности пушнины свидетельствуют и меховые деньги, которые имели хождение на Руси. Особенно интересные сведения о меховых деньгах имеются в сочинении арабского путешественника XII в. Абу Хамид ал-Гарнати. «Они осуществляют торговые сделки между собою при помощи старых беличьих шкурок, на которых нет шерсти, когда из них нельзя извлечь никакой пользы и они абсолютно ни для чего не пригодны... И каждые 18 шкурок в счете их идут за один серебряный дирхем... За каждую шкурку из этих шкур дают краюху превосходного хлеба... За них можно купить все: невольниц, отроков, золото, серебро, шкурки бобра (куницы) и другие товары...»[26]. Несмотря на то, что арабский путешественник побывал в русских землях примерно на два века позже интересующего нас времени, все же и по его словам можно судить об относительной цене меховых денег и пушнины, которая упоминается наряду с рабами, золотом и серебром.

[24] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 56.

[25] Повесть временных лет, часть первая, стр. 18.

[26] А. Л. Монгайт. Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие в русские земли в 1150—1153 гг. «История СССР», 1959, № 1, стр. 176.

Таким образом, у древних титчихинцев, как и у населения боршевской культуры в целом, охота позволяла в значительной мере восполнять не только потребности в мясе, но давала пушнину, шедшую на одежду, на уплату дани и на продажу. Значительная роль охоты в жизни боршевцев не свидетельствует о примитивности их хозяйства. Развитию охоты способствовали благоприятные природные условия. В этих местах, на границе леса и степи, в ту пору водилось много лесных (медведи, лоси, косули, зубры, белки, барсуки, кабаны, благородные олени и т. д.), степных животных (сурок, байбак, сайгак) и зверей, которые приспособлены к жизни как в лесу, так и в степи (волки, зайцы, лисицы).

От охотничьего оснащения на городище Титчиха сохранились только наконечники стрел. Два наконечника костяные, один из них относится к типу ромбовидных. Он сделан с большой тщательностью и прекрасно отполирован. Его длина 9,2 см. (рис. 16 а). Другой — листовидный, длиной 7,1 см. (рис. 16 б). Костяные стрелы не были особенной редкостью в средневековье. Они известны в древнем Киеве[27], составляют 10 процентов всех наконечников стрел древнего Новгорода[28], встречены в г. Тушкове[29], известны на городище

Рис. 16. Костяные наконечники стрел.

[27] А. М. Шовкопляс. Некоторые данные о костерезном ремесле в древнем Киеве. КСИА АН УССР, вып. 3, 1954, стр. 30, табл. II, рис. 14; Л. А. Голубева. Киевский некрополь. «Материалы и исследования по археологии древнерусских городов», т. 1, МИА, № 11, 1949, стр. 115.

[28] А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. «Труды Новгородской археологической экспедиции», т. II, МИА, № 65, 1959, стр. 171 след.

[29] М. Г. Рабинович. Крепость и город Тушков. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 277.

Вышгород в Польше[30] и других памятниках. Костяные наконечники стрел употреблялись наряду с железными. Судя по этнографическим данным, стрелы с железными наконечниками употреблялись для охоты на крупных зверей[31]. На Титчихе встречено 7 ромбовидных железных наконечников стрел. У четырех имелся упор для древка. Длина наконечников от 6,9 до 9,9 см. Подобные стрелы были широко распространены на Руси и особенно характерны для памятников IX—X вв.[32]. На охоте использовались и двушипные втульчатые наконечники стрел (рис. 50 м). Один такой наконечник найден на Титчихе. Его длина 11,4 см. Такие стрелы на Руси были распространены с VIII—IX по XIII в. Наиболее близкие по форме стрелы известны среди стрел Новотроицкого городища [33], Гнездовского могильника [34], в верхнем слое (VIII—X вв.) городища Хотомель[35] в Полесье, на Великоморавском городище IX—X вв. «Поганско» у г. Бржецлав[36]. По всей вероятности, население городища Титчиха, как и вообще славяне, применяло на охоте и деревянные стрелы[37], которые до наших дней не сохранились.

На охоте древние титчихинцы, вероятно, устраивали облавы, загоны, широко использовали всякого рода ловушки. Простейшими ловушками были замаскированные ямы с заостренными кольями на дне. Многих животных, особенно пушных, ловили с помощью петель, о чем свидетельствует и древнерусский фольклор.

[30] L. Rauhut, J. Rauhotova, C. Potemski. Sprawozdanie z badań wykopaliskowych w Fordonie pow. Bydgoszcz na grodzisku „Wyszogród" w roku 1958. „Wiadómości archeologiczne", t. XXVI, z. 3—4, Warszawa, 1959—1960, tabl. XXVI, rys. 11—17.

[31] У башкир, например, для этой цели использовались лавролистные и ромбические наконечники стрел (С. И. Руденко. Башкиры. М.—Л., 1955, стр. 73).

[32] А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. «Труды Новгородской археологической экспедиции», т. II, МИА, № 65, 1959, стр. 165.

[33] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, стр. 126, рис. 83, 12.

[34] Д. А. Авдусин. Гнездовская экспедиция. КСИИМК, вып. 44, 1952, рис. 27, 8.

[35] Ю. В. Кухаренко. Средневековые памятники Полесья. «Археология СССР. Свод археологических источников», вып. Е1—57. М., 1961, табл. 8, рис. 3.

[36] F. Kalousek. Velkomoravské hradiště, Pohansko u Břeclavě. „Archeologické rozhledy", 1960, s. 4, obr. 188.

[37] В. А. Мальм. Промысел древнерусской деревни. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.», «Труды ГИМ», вып. 32, М., 1956, стр. 109.

«Вейте веревочки шелковые,
Становите веревочки по темну лесу,
Становите веревочки по сырой земли,
А ловите вы куниц, лисиц,
Диких зверей, черных соболей
И подкопучних белых заячков,
Белых заячков, малых горностаюшков,
И ловите по три дня, по три ночи»[38].

Кроме простейших ловушек, по-видимому, применялись и более сложные капканы. Как отмечает В. И. Цалкин, в раскопках нередко встречаются черепа куниц с разрушениями лобно-теменной части. Такие разрушения черепов обычно бывают у животных, попадающих в самоловы давящего действия (пасти, слопцы)[39].

В целом охота у донских славян играла, несомненно, большую роль, чем у славянского населения других районов. Об этом можно говорить хотя бы уже на том основании, что на роменских поселениях и на поселениях северо-запада (Старая Ладога, Псков и т. д.) число особей домашних животных превосходит число особей диких животных[40]. В то же время ставить охоту на первое место в хозяйстве боршевцев, как полагает В. И. Громова, неверно. Донские славяне были прежде всего земледельцами.

Рыболовство

Остатки костей и чешуи рыб, находки рыболовных снастей и орудий для плетения сетей — все это свидетельствует о занятии населения городища Титчиха рыбной ловлей.

По чешуе и костям рыб удалось выяснить не только виды рыб (щука, сом, судак, лещь, вырезуб, линь, красноперка, язь, карась, окунь, стерлядь и севрюга), но их возраст и размеры. В уловах древних титчихинцев преобладали рыбы старших возрастных групп. Так, основу улова сомов составляли 9—15-летние особи. Средний возраст судаков 7—11 лет. Возрастной состав сказался и на размерах рыб. Самыми крупными рыбами, которые вылавливали древние титчихинцы, были сомы. Длина некоторых сомов достигала 2 м. 38 см. Как отмечает Е. К. Сычевская, средние размеры некоторых видов рыб из раскопок (щука, лещ, судак, сом) превосходят средние размеры современных рыб.

В процессе раскопок встречено 6 рыболовных крючков. По форме их можно разделить на три типа. К первому типу

[38] «Былины» в двух томах, т. 1, М., 1958. Подготовка текста, вступительная статья и комментарии В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова, стр. 15.

[39] В. И. Цалкин. Материалы для истории скотоводства.., стр. 136

[40] Там же, табл. 80.

принадлежат 2 массивных крючка из четырехгранного стержня, у которых на жале имеется бородка, а на противоположном конце—петля (рис. 17 а, б). Длина этих крючков 9—13 см. Подобные крючки известны в Саркеле-Белой Веже[41], в Старой Рязани[42]. Крючки второго типа не имеют петель для лески. У одного из них на стержне сделаны насечки, а у другого стержень совершенно гладкий. Длина первого крючка 2,7 см (рис. 17 в), второго—8,3 см (рис. 17 г). К третьему типу относятся 2 крючка, у которых на жале нет зубца. Их длина 3,4 и 6,4 см (рис. 17 д, е). Крючки последних двух типов известны по раскопкам в Саркеле-Белой Веже[43], на городище Новотроицком[44], на селище Лебедка[45], а также и других памятниках конца I тысячелетия и более позднего времени[46]. Все титчихинские крючки предназначались для ловли крупной рыбы. Среди них есть и такие, которые напоминают современные крючки для ловли щук и сомов[47]. Для ловли рыбы древние титчихинцы также применяли остроги, сети и невода. От остроги на городище встречен один коленчатый зуб. Его длина около 18 см (рис. 17 ж). Некоторые исследователи считают, что на Руси были распространены однозубые остроги[48]. Однако нам представляется более убедительным мнение Р. Л. Розенфельдта, что так называемые однозубые коленчатые остроги были лишь частью — боковыми зубьями трехзубой остроги. Подобный набор деталей от трехзубой остроги был встречен на Вщижском городище[49]. Части трехзубой остроги найдены в Лядинском могильнике[50], в Калужской области[51]. Рыбная ловля с острогой требовала большой сноровки. Острогой, насаженной на длинную палку, били рыбу во

[41] С. С. Сорокин. Железные изделия Саркела-Белой Вежи. «Труды Волго-Донской археологической экспедиции», т. II, МИА, № 75, 1959, стр. 167, рис. 17.

[42] В. А. Мальм. Промыслы древнерусской деревни, стр. 119, рис. 4, 3, 4.

[43] С. С. Сорокин. Указ. соч., стр. 167, рис. 17.

[44] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, рис. 11, 1—3.

[45] Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА, № 72, 1959, рис. 25, 9.

[46] В. А. Мальм. Указ. соч., стр. 117.

[47] Л. П. Сабанеев. Жизнь и ловля пресноводных рыб. Киев, 1959, стр. 208, рис. 82, стр. 539, рис. 191.

[48] В. А. Мальм. Указ. соч., стр. 120.

[49] Р. Л. Розенфельдт. О конструкции и назначении некоторых железных изделий, СА, 1960, № 2, стр. 276, рис. 1, 2, 3.

[50] В. Н. Ястребов. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии. МАР, № 10, СПб., 1893, табл. X, рис. 28, ГИМ коллекционный № 25280.

[51] В. А. Мальм. Указ. соч., рис. 5, 5.

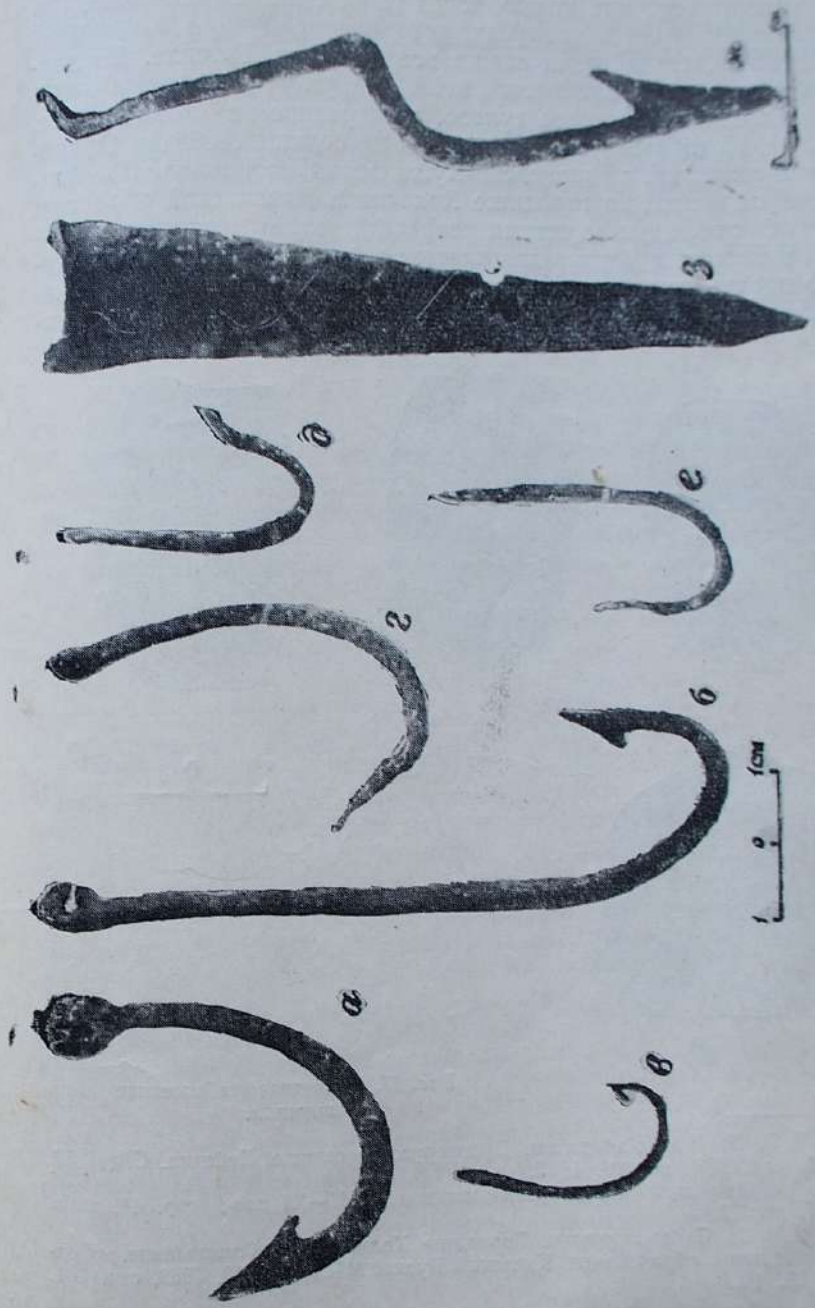


Рис. 17. Рыболовные крючки, наконечник остроги, вещи.

время нереста или ночью, когда рыба стоит неподвижно. Зимой рыбу били в прорубях, которые прорубали железными пешнями. Одна такая пешня встречена на Титчихе. Ее длина 20 см. В верхней части пешня округлая и полая, а книзу переходит в сплошное тулово, заостренное на конце (рис. 17 з). Подобные пешни встречены на селище Лебедка Орловской области[52], в Крюковско-Кужновском могильнике Тамбовской области[53], на городище Колочин в Гомельской области[54].

О ловле рыбы сетями свидетельствуют глиняные грузила и костяные острия для плетения сетей. На Титчихе найдено девять грузил цилиндрической формы длиною от 2,5 до 4,3 см., диаметром от 1,8 до 3,4 см (рис. 18 а). Встречено так-

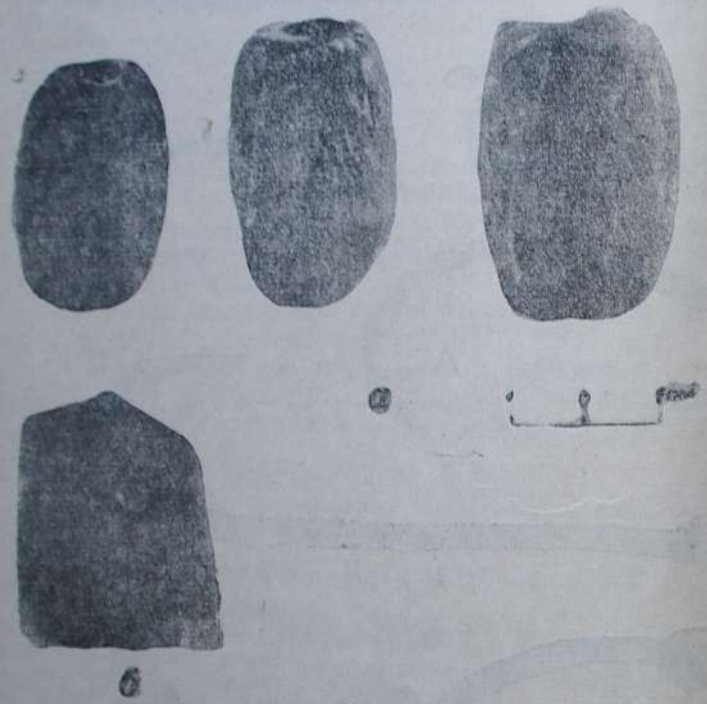


Рис. 18. Глиняные рыболовные грузила.

[52] Т. Н. Никольская. Древнерусское селище Лебедка. СА, 1957, № 3, стр. 187, рис. 9, 1, 2.

[53] «Материалы по истории мордвы VIII—XI вв.», стр. 44, табл. XXIV, рис. 2.

[54] Э. А. Сымонович. Городище Колчин I на Гомельщине. «Славяне накануне образования Киевской Руси». МИА, № 108, 1963, стр. 131, рис. 25, 10.

же грузило, сделанное из обломка сосуда салтово-маяцкого типа (рис. 18 б). Оно продолговатое, с отверстием в верхней части. Применение обломков посуды в качестве грузил отмечено и на других славянских поселениях[55]. В то время, вероятно, были распространены и ловушки запорной системы, особенно езы[56]. Нам представляется, что рыбной ловлей занимались не отдельные лица-«любители», как пишет И. И. Ляпушкин[57], а каждая семья. Существовавшие в то время способы лова (удочка, сети, езы и т. п.) не требовали ни особой сноровки, ни особого оснащения.

Бортничество

О занятии бортничеством населения боршевской культуры до недавнего времени говорилось лишь предположительно, поскольку было известно, что вообще восточные славяне добывали мед. Находка комка воска в заполнении одного из жилищ городища Титчиха является конкретным свидетельством этого промысла в те времена. Простейшее бортничество, которым могли заниматься и донские славяне, сводилось, как известно, к тому, что в лесу отыскивали дупло с пчелами и извлекали мед. Не исключена возможность, что в то время титчихинцы уже делали искусственные борти. Борти представляли большую ценность. Именно поэтому они охранялись законом. По Русской Правде за выжженную или разломанную княжескую борть взымалось 3 гривны штрафа[58]. Такой же штраф платили и за похищенного княжеского коня с клеймом. Таким образом, стоимость бортного дерева приравнивалась к стоимости коня. Бортное дерево ценилось лишь на две гривны дешевле жизни смерда. За убитого смерда полагалось платить штраф в 5 гривен[59].

Мед и воск наряду с пушниной являлись основным товаром, который славяне продавали иноземным купцам. Поэтому не случайно арабский путешественник Абу Хамид, описывая богатства страны славян, на первое место ставит мед. «И когда я прибыл в их (славян) страну, я увидел страну обширную, богатую медом, пшеницей, ячменем и крупными яблоками...»[60].

[55] В. А. Мальм. Указ. соч., стр. 124.

[56] Там же, стр. 125.

[57] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, стр. 216.

[58] Правда Русская, т. II, стр. 197.

[59] Правда Русская, т. II, стр. 171.

[60] Цит. по статье А. Л. Монгайта «Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие...», стр. 175.

Прядение, ткачество

Земледелие, скотоводство и промыслы не только обеспечивали население необходимыми продуктами питания, но и сырьем для изготовления некоторых предметов первой необходимости и различной утвари.

Многочисленные находки пряслиц от веретен свидетельствуют о том, что женщины с Титчихинского поселения пряли волокно. Как известно, у славян основным материалом для прядения и ткачества служили овечья шерсть, лен и конопля[61]. К сожалению, на городище остатки этих культур не встречены, а об использовании овечьей шерсти косвенно могут свидетельствовать лишь пружинные ножницы, которые использовались для стрижки овец. Их длина 16 см (рис. 5). Подобные ножницы ранее на городищах боршевского типа известны не были, но вообще во время раскопок славянских памятников они встречаются часто. Наиболее близкими по форме являются ножницы с городища Плиснеско[62], в Микульчицах[63], из клада конца X—начала XI в. из м. Могилы Краковского уезда[64].

Обработка кожи

Об обработке кожи косвенно могут свидетельствовать лишь некоторые орудия труда. Это прежде всего костяные скребки, скобели, приспособленные для разминания ремней. Скребки представляют собою фрагменты трубчатых костей, обработанных с одной из сторон (рис. 19 а). Скобели (рис. 19 б) сделаны из ребер животных. Один из них отшлифован. Близкий по форме скобель был встречен на Родановском городище в верхнем Прикамье[65]. С обработкой кожи, вероятно, можно связать и довольно большой (длина 22 см.) продолговатой формы камень (обломок плиты мелкозернистого

[61] М. Н. Левинсон-Нечаева. Ткачество. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.», «Труды ГИМ, вып. 33», М., 1959, стр. 9.

[62] І. Старчук. Розкопки на городищі Пліснесько. АП, т. І, Київ, 1949, стр. 84, рис. 5.

[63] J. Poulík. Výsledky výzkumu na velkomoravském hradišti „Valy" u Mikulčic. „Památky archeologické" 1957, č. 2, str. 357 obr. 111, 3.

[64] R. Hachulska-Ledwos. Wczesnośredniowieczny skarb żelazny z Mogiły pow. Kraków. „Wiadomości archeologiczne," t. XXVI, z. 3—4, Warszawa, 1959—1960, tabl. LXV, rys. 4.

[65] М. В. Талицкий. Верхнее Прикамье в X—XIV вв. «Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья», т. III, МИА, № 22, 1951, стр. 53, рис. 19, 5.

Рис. 19. Изделия из кости: а — скребки, б — скобель.

песчаника) с заглаженной до блеска поверхностью. Такие камни служили для выглаживания внутренней и полировки внешней поверхности кожи[66].

Обработка кости и рога

Кость и рог шли на различные изделия. Из кости делали острия, иглы для плетения сетей и кочедыки, стрелы, лощила, скребки, цилиндрики, рукоятки, украшения; из рога—псалии, гребни и т. д.; из зубов животных—амулеты.

Титчихинские костяные и роговые изделия по форме, размерам и приемам изготовления не отличаются от подобных поделок с других поселений, существовавших на рубеже I тысячелетия. За последнее время ряд советских (Б. А. Рыбаков[67], С. А. Изюмова[68], А. М. Шовкопляс[69], А. А. Ратич[70], О. И. Давидан[71]) и зарубежных (К. Цуровский[72], В. Грубый[73], И. Каван[74], Т. Тотев[75]) археологов специально занимались изучением технологии производства костяных и роговых изделий интересующего нас времени. Судя по исследованиям костяных и роговых вещей с различных памятников, для их изготовления использовались кости рога крупных домашних и диких животных (лосей, оленей, коров, быков, туров, лошадей). По вещам из коллекции, собранной на Титчихе, не всегда удается определить, из костей или рога какого животного они изготовлены. С уверенностью можно лишь сказать, что

[66] В. П. Левашева. Обработка кожи, меха и других видов животного сырья. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.». М., 1959, стр. 45.

[67] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 413 след.

[68] С. А. Изюмова. Техника обработки кости в дьяковское время и в древней Руси. КСИИМК, вып. 30, 1949, стр. 15 след.

[69] А. М. Шовкопляс. Некоторые данные о костерезном ремесле в древнем Киеве. КСИА АН УССР, вып. 3, Киев, 1954, стр. 27 след.

[70] О. О. Ратич. Древньоруські вироби з кості і рогу, знайдені на території Галицької і Волинської земель. «Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині», вип. 2, Київ, 1959, стр. 119 след.

[71] О. И. Давидан. Гребни Старой Ладоги. «Археологический сборник», № 4, Л., 1962, стр. 95 след.

[72] K. Zurowski. Uwagi na temat obrobki rogu w okresi ewczesnaredniwiecznym. „Przeglad archeologiczny", IX, 2. Poznan, 1953.

[73] V. Hrubý. Slovanské kostěné předměty a jejich výroba na Moravě. „Památky archeologické", 1957, č. 1.

[74] J. Kavan. O zpracování a vyzdobě kosti u západních Slovanů v době hradištní. „Vznik a počátky Slovanů", II, Praha, 1958.

[75] Т. Тотев. За обработка на кост в средновековна България. «Археология». Орган на Археологическия институт и музей при Българската академия на науките, 1963, кн. 3, стр. 83 след.

основная масса острий сделана из костей лося, а некоторые, возможно, и из костей лошади. На амулеты шли кости бобра и косули, а также зубы медведя, лисицы и каких-то других животных. Роговые поделки изготовлены из рога оленя и лося. Заготовки для поделок, обрубки рога и кости со следами обработки — все это позволяет говорить о местном производстве.

Кость и рог трудно поддаются обработке без предварительного размягчения. Опыты С. А. Изюмовой показали, что лезвие ножа входит в кость на глубину 2—3 мм, а если ее предварительно размягчить, то без особых усилий можно делать надрезы на глубину 5—6 мм[76]. Для того чтобы размягчить кость и рог, судя по опыту современных костерезов, достаточно было длительное время мочить их в горячей воде[77]

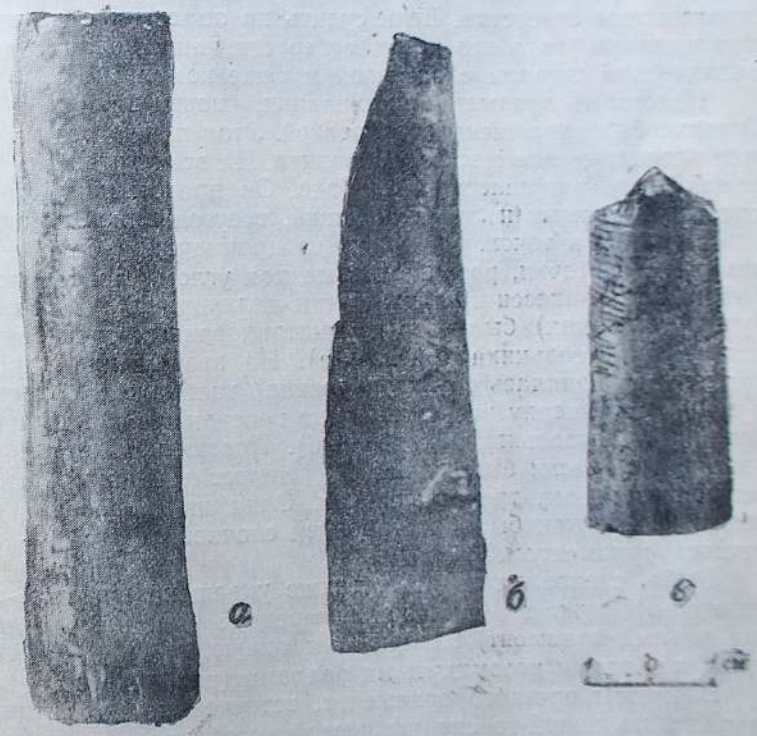


Рис. 20. Фрагменты костяных рукояток.

[76] С. А. Изюмова. Техника обработки кости.., стр. 16, 19.

[77] J. Kavan. Указ. соч., стр. 254.

или кипятить в закрытой посуде[78]. Титчихинские костерезы обрабатывали как сухие, так и размягченные кости. При этом они использовали топор, нож, а иногда и пилу. Топором выполняли главным образом предварительные работы — разрубали кость и отделяли рога. Основные работы выполнялись ножом. На поверхности некоторых костяных изделий, особенно рукояток (рис. 20) и стрелы (рис. 16 б), на обрезках костей (рис. 21 а) и рогов (рис. 21 б, в, г) отчетливо видны продолговатые фасетки — следы обработки их ножом. Пилу использовали при изготовлении цилиндриков и гребней. После того как вещь была сделана, ее подвергали шлифованию и полировке. Полировка хорошо видна на костяных остриях, на некоторых рукоятках и особенно на ромботидном наконечнике стрелы и цилиндриках. На некоторых изделиях (псалий, острия, астрагалы для игры и амулеты) просверлены отверстия. Если судить по аналогии с другими памятниками, то в это время отверстия чаще делались металлическим сверлом с нарезкой и реже каменным[79].

Некоторые предметы (цилиндрики, подвески и т. д.) с Титчихи были украшены гравировкой. Этот прием резьбы по кости известен еще с эпохи палеолита. На всех титчихинских вещах узор был нанесен неглубоко. Он представлял собою сочетание прямых и ломаных линий, треугольников, квадратов, кружков и точек. На одном из цилиндриков были едва заметные черточки, расположенные под углом. Более сложный рисунок нанесен на двух других цилиндриках. На одном (уцелел обломок) был узор из заштрихованных треугольников и прямоугольника (рис. 24 а). На втором цилиндрике (от него сохранилась только половина) изображено «древо» с поднятыми кверху ветвями. Грунт передан в виде заштрихованных треугольников (рис. 24 б). Поверхность трехрогой костяной подвески была украшена полосой и двумя также заштрихованными треугольниками. Один из астрагалов орнаментирован как бы односторонней елочкой, другой — точечным орнаментом.

Рыба, сделанная из рога, также украшена врезным орнаментом. Кружочки с точкой посередине (так называемый циркульный орнамент) изображали чешую, глаза рыбы обозначались двумя несомкнутыми овалами (рис. 24 в).

Элементы врезного орнамента, встреченные на Титчихе, не являлись какой-то специфической особенностью только данного поселения. Они были широко известны в то время и у славянских, и у неславянских народов.

[78] С. А. Изюмова, Указ соч., стр. 19.
[79] Там же, стр. 23.

Рис. 21. Кость и рог со следами обработки.

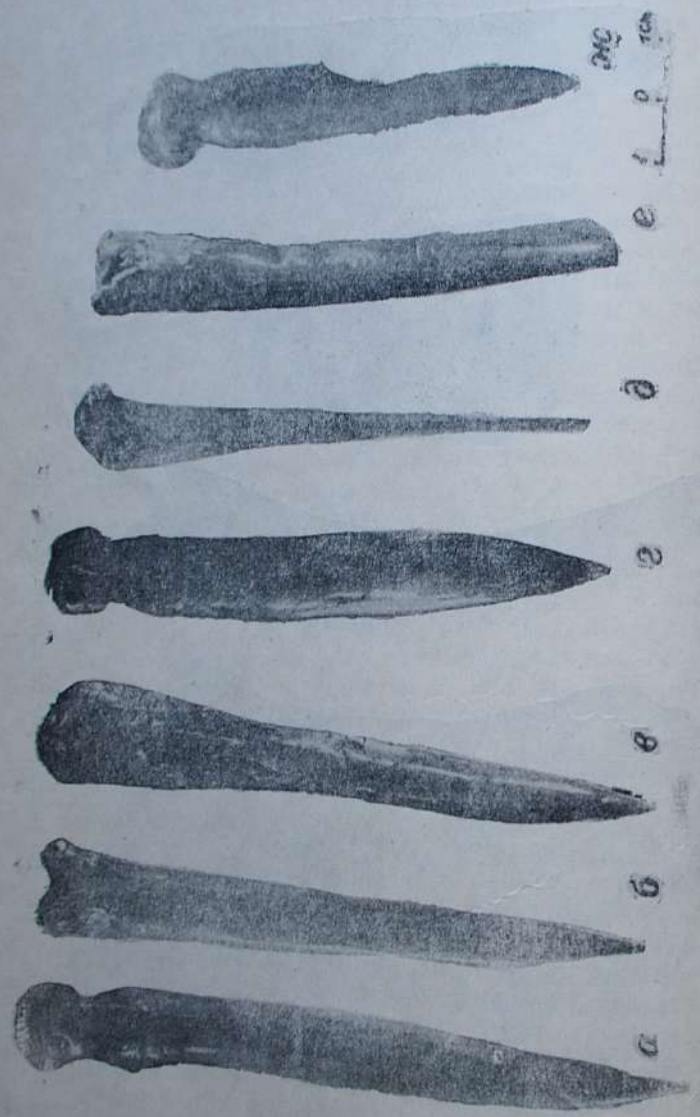


Рис. 22. Костяные острия.

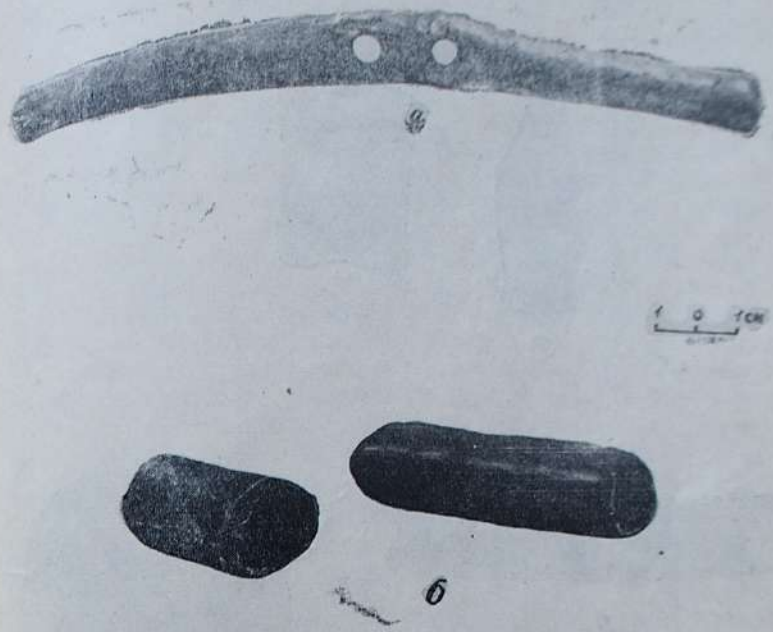


Рис. 23. а — роговой псалий, б — костяные цилиндрики.

Орнамент из заштрихованных треугольников известен на изделиях из кости в древнем Киеве[80], на городище у Звенигорода на Билци[81], у западных славян[82]. Особенно часто он встречается у древней мери. Геометрический узор, состоящий из треугольников или соединенных углами ромбов, заполненных штриховкой, как указывает Е. И. Горюнова, является у этого народа одним из типичных элементов орнамента[83]. Узоры из прямых и ломаных полос, циркульный орнамент были распространены как на земле восточных и западных

[80] А. М. Шовкопляс. Некоторые данные о костерезном ремесле в древнем Киеве, стр. 30, табл. II, рис. 16.
[81] О. О. Ратич. Древньоруські вироби з кості і рогу.., стр. 124, табл. III, рис. 52.
[82] J. Kavan. Указ. соч., стр. 281, табл. XIV, рис. 1.
[83] Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, № 94, 1961, стр. 137.

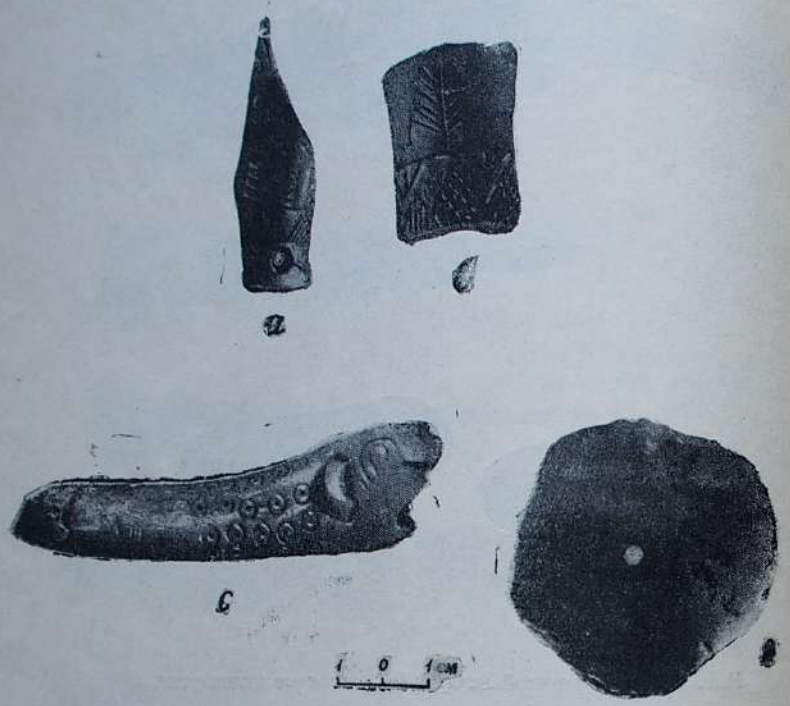


Рис. 24. Изделия из кости, рога и перламутра.

славян (например, в Моравии[84], в Болгарии[85]), так и у их соседей (мери[86], мордвы[87] и булгар[88]).

Кроме гравировки по кости и рогу древние титчихинцы выполняли и объемную резьбу, что видно на изображении той же рыбы, жабры которой не прочерчены, а вырезаны.

Виды костяных и роговых предметов и качество их изготовления позволяют говорить, что все они домашнего производства. Аналогичные костяные и роговые изделия встречены

[84] V. Hrubý. Указ. соч., рис. 25.
[85] Т. Тотев. За обработка на кост.., стр. 87, рис. 46, стр. 86, рис. 36.
[86] Е. И. Горюнова. Указ соч., рис. 61, 18, 20.
[87] «Альбом древностей мордовского народа». Табл. XXII, рис. 8.
[88] А. П. Смирнов. Очерки по истории волжских булгар. «Сборник статей по археологии СССР». «Труды ГИМ», вып. XI, М., 1940, табл. VI, 1.

и на других боршевских[89] и роменских поселениях[90], где эти вещи также делались каждой семьей для своего потребления. Поэтому тезис С. А. Изюмовой о том, что «в период IX—XIII вв. костерезное дело выделяется в самостоятельную отрасль ремесла... на всей славянской территории»[91], безоговорочно принять нельзя.

Численное преобладание костяных и роговых изделий в коллекции с ранее раскопанных городищ боршевского типа являлось, по мнению некоторых авторов, одним из показателей большой примитивности этой культуры[92]. На Титчихе изделий из кости и рога встречено также больше, чем из металла. При этом их коллекция даже более разнообразна, чем с поселений, раскопанных ранее. Тем не менее нет основания говорить, что изделия из кости и рога в хозяйстве древних титчихинцев играли основную роль и были предназначены компенсировать недостаточное количество изделий из железа[93]. Ни на Титчихе, ни на других городищах боршевского типа не встречено ни одного костяного или рогового изделия, которое играло бы в хозяйстве ведущую роль. Костяные и роговые изделия предназначались только для использования в подсобных отраслях хозяйства (плетение, ткачество, рыбная ловля, охота и т. д.). Кость и рог являлись наиболее подходящим материалом для изготовления таких поделок, и, следовательно, их широкое распространение нельзя объяснять недостатком железа, а значительное число изделий из кости и рога, встреченных на Титчихе и других городищах боршевского типа, еще не может свидетельствовать об архаичности боршевской культуры.

Металлургия и металлообработка

Из раскопок довоенных лет было известно, что боршевцы занимались плавкой кричного железа из местной руды. На изученных в 20 и 30-е годы городищах найдены не только шлаки и крицы, но и помещения, где производилась выплав-

[89] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, табл. VII—IX.
[90] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, рис. 29, рис. 30, 1.
[91] С. А. Изюмова. Техника обработки кости.., стр. 21.
[92] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 13; В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства, Л., 1945, стр. 118; И. И. Ляпушкин. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XIII, М.—Л., 1950, стр. 26.
[93] Нам представляется совершенно правильным замечание В. Грубого, что костяные изделия у славян не были призваны заменять дорогие железные изделия (V. Hrubý. Slovenské kostěné předměty.., стр. 200).

ка железа[94]. На Титчихе в процессе раскопок постоянно встре-
чались шлаки. Они были найдены на площади, свободной от
построек, в некоторых жилищах и в местах свалок. Нередко
шлак лежал вместе с обломками пережженной до синевы
толстостенной керамики. Дважды он найден на дне сильно
пережженных сосудов; иногда куски шлаков повторяли фор-
му глиняных горшков. Уже само наличие шлаков на городи-
ще свидетельствует о том, что здесь плавили руду. Исследо-
вание шлаков с городища показало, что в них содержится
большое количество железистых минералов[95]. Судя по пло-
щади, занимаемой магнетитом, выход железа в шлак состав-
лял 50—70 процентов. Такая высокая потеря железа типична
для сыродутного процесса восстановления. Находки шлаков
в сосудах или вместе с сильно пережженной керамикой из-
вестны не только на Титчихе, но и на других поселениях[96].
Как полагает Н. В. Рындина, древние титчихинцы собирали
шлаки в горшки, чтобы использовать их в новой плавке в
качестве флюса и избежать большой потери железа.

Технология сыродутного производства железа в Древней Руси и у ее соседей в настоящее время хорошо известна[97], поэтому на ее описании мы останавливаться не будем. На рубеже II тысячелетия у восточных славян была широко распространена плавка руды в различных по своему устройству сыродутных горнах[98]. Для плавки руды использовался древесный уголь.

На городище Титчиха, как указывалось выше, найдено 164 железных предмета. Среди них орудия труда, оружие и бытовые вещи. Спектральный анализ ряда вещей показывает, что железо, из которого были сделаны эти вещи, и шлаки, встреченные на городище, родственны по составу. Это позво-

[94] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 13.

[95] Анализу были подвергнуты три образца шлака.

[96] А. Л. Монгайт. Рязанская земля, стр. 35, 46; В. А. Богусевич. Археологічні розкопки в Києві на Подолі в 1950 р. А, IX, Київ, 1954, стр. 51.

[97] Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА, № 32, 1955; R. Pleiner. Základy slovanského železářského hutnictví v českých zemích. Praha, 1958.

[98] Б. А. Колчин. Указ. соч., стр. 26 след.; А. В. Успенская. Металлургическое производство по материалам древнерусских селищ. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.». «Труды ГИМ», вып. 33, М., 1959, стр. 113 след.; И. Смирнов. Славянское городище под Воронежем. Архив ИА АН СССР, ф. 2, опись 1, 1933, № 215, стр. 19 след.; Т. И. Никольская. Древнерусское селище Лебедка. СА, 1957, 3, стр. 182.

ляет говорить о местном производстве основной массы изделий из железа и на основании их исследования судить об уровне мастерства титчихинских кузнецов.

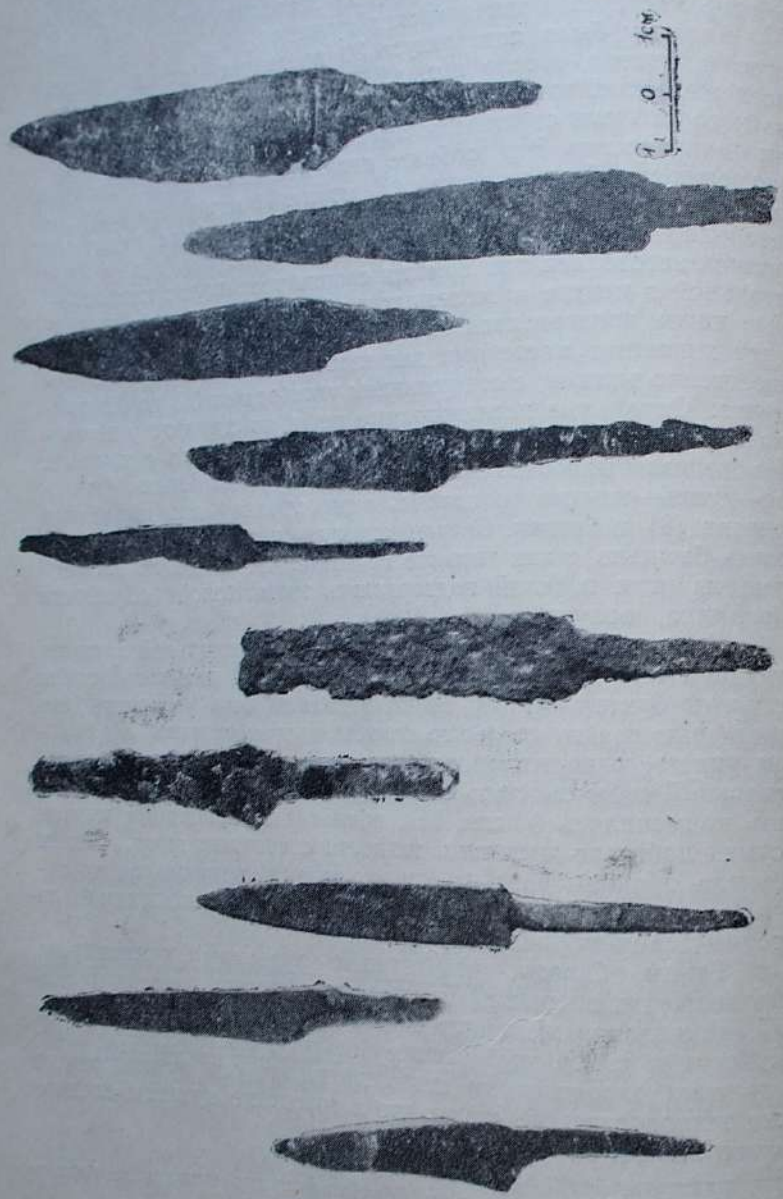
Анализу было подвергнуто 30 предметов (ножи, серпы, стрелы, бритва, сверло и т. д.[99]), т. е. около 20 процентов всех железных изделий, встреченных на городище. Металл, из которого они сделаны, и приемы их изготовления не были одинаковыми. Это особенно наглядно видно на основании изучения целой серии ножей (20 штук). 11 исследованных ножей железные, у трех на железную основу была наварена стальная полоса, 4 ножа были сделаны из стали и у двух клинок изготовлен при помощи сварки трех полос металла—стальной в центре и железных по бокам. Некоторые железные ножи подвергались цементации. Сталь, использованная титчихинскими мастерами для изготовления ножей, преимущественно мягкая, с содержанием углерода от 0,1 до 0,3 процента. Остальные исследованные вещи по характеру металла и технике изготовления имеют много общего с ножами. Из железа была сделана одна стрела; трехслойными (железо—сталь—железо) оказались серп, орудие для обработки дерева (?) и бритва. Сверло, стрела и четырехгранный стержень были из стали того же качества, что и ножи. Некоторые из этих изделий подвергались термической обработке (закалка, отпуск).

Изготовление ряда вещей требовало длительной затраты труда и высокой квалификации. Например, для того чтобы сделать бритву, кузнец сначала должен был отковать две железных и одну стальную полосы, затем сварить эти полосы вместе, выдерживая определенный температурный режим сварки. Чтобы очистить свариваемые поверхности от окалины, применялись флюсы. Как показали исследования, кузнец сумел добиться чистоты и тонкости сварочных швов. Затем бритва проковывалась и клинок лезвия вытачивался на точильном круге. Заключительным этапом ее изготовления была термическая обработка.

Таким образом, титчихинским кузнецам приходилось проделывать операции (многослойная сварка железа и стали, цементация железного клинка, различные виды термообработки и т. д.), требовавшие большого мастерства. В изготовлении определенных видов продукции они применяли те же технологические схемы, что и городские кузнецы славянских земель X—XI вв.[100].

[99] Г. А. Вознесенская. Обработка черного металла на городище Титчиха. Приложение к настоящей работе, стр. 251 след.

[100] Там же, стр. 262.



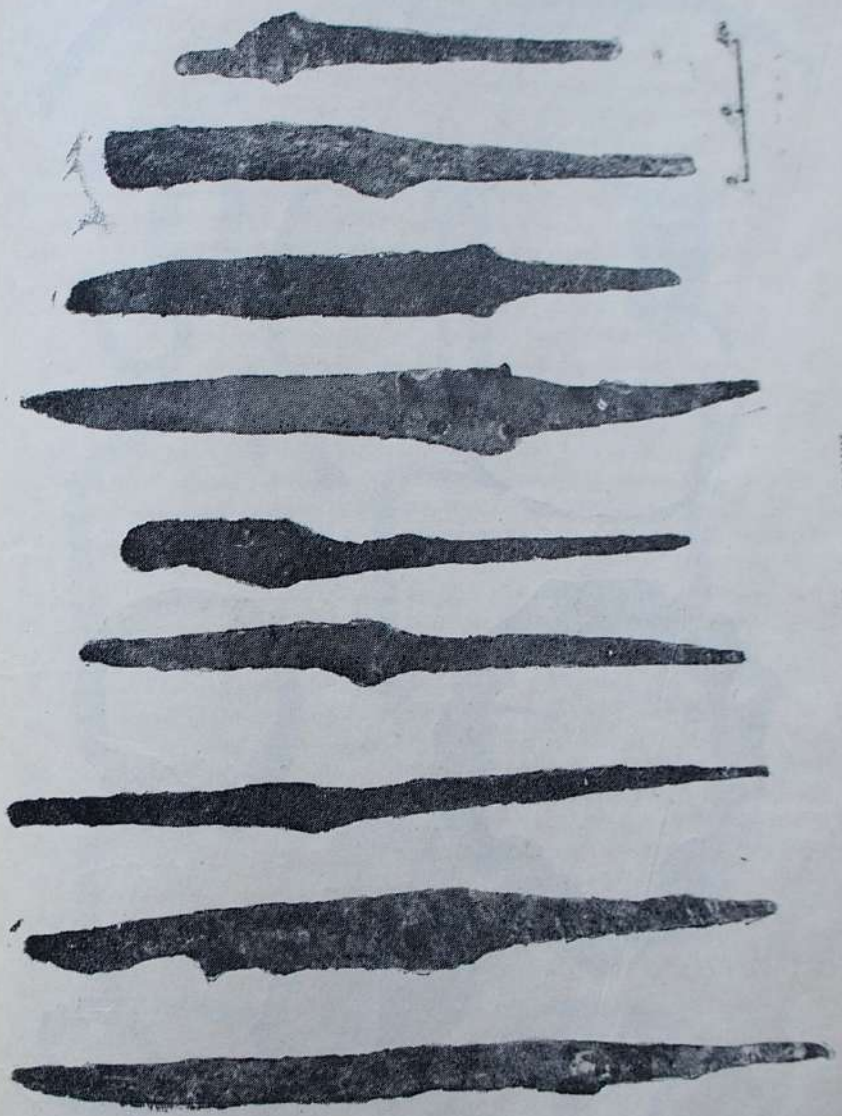


Рис. 25. Железные ножи.

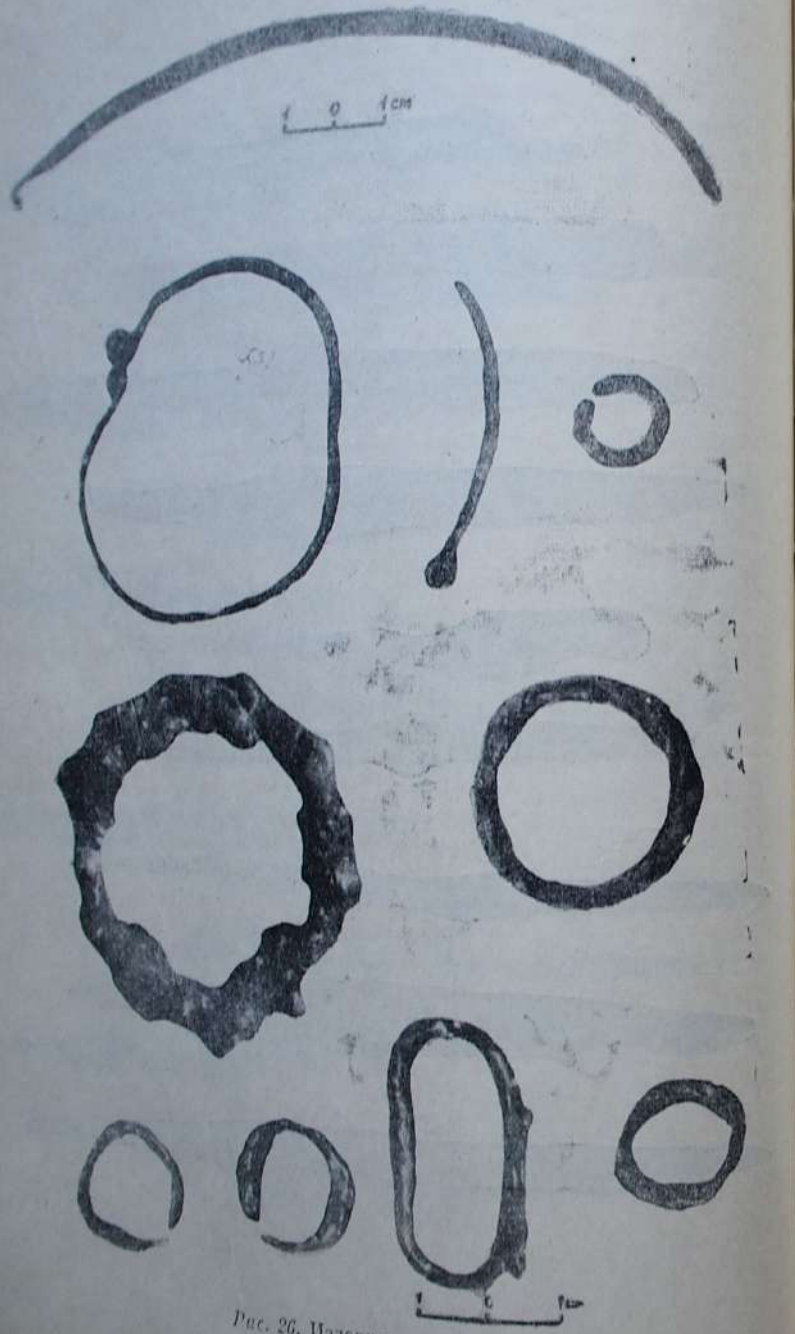


Рис. 26. Изделия из железа.

На Титчихе обрабатывался и цветной металл, из которого делались украшения. В процессе раскопок встречено два обломка от формочки для отливки украшения с ложной зернью.

Формочка представляла собою брусочек длиною 4 см, шириною 2 см, высотою 1,2 см. На бруске с одной стороны был воронкообразный литник, который подводил металл к пяти лучам, заканчивающимся мелкими округлыми ячейками (рис. 27 г, д). Обломок такого типа формочки известен и с Большого Боршевского городища[101]. Кроме того, ряд сходных формочек найден на территории древних мордвы[102] и мери[103]. Как полагает Б. А. Рыбаков, подобные формочки использовались для пробных отливок с тем, чтобы определить жидкотекучесть металла, прежде чем залить его в сложную глиняную форму. Подобные каменные формочки найдены только в районах литья по восковой модели[104]. Это наблюдение Б. А. Рыбакова позволяет думать, что способ литья по восковой модели был известен и на городище Титчиха. Другим, пожалуй, наиболее распространенным приемом изготовления украшений из цветных металлов был оттиск готовых изделий на сырой глине с последующей отливкой в полученную форму. Именно таким образом были сделаны пяти- и семилучевые кольца, лунницы и некоторые другие украшения, найденные на городище.

Цветной металл древние титчихинцы плавили в глиняных и каменных тиглях. Глиняных тиглей встречено два, оба в заброшенной полуземлянке № 37, а каменный тигель найден в культурном слое на плато за пределами построек. Один из глиняных тиглей сохранился полностью (рис. 27 а). Это сосуд продолговатой формы (длина 5,2 см) с округлым дном. Его наружная поверхность оказалась сильно закопченной. От другого тигля уцелел лишь обломок (рис. 27 б). Каменный тигель сделан из песчаника (рис. 27 в). Тигли подобной формы были широко распространены. Они встречены на Большом Боршевском городище[105], в Старой Ладоге[106], в

[101] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 50, рис. 21.

[102] М. Ф. Жиганов. Новые археологические памятники в долинах рек Вад и Тёша. В кн. А. Е. Алиховой, М. Ф. Жиганова, П. Д. Степанова «Из древней и средневековой истории мордовского народа». Саранск, 1959, стр. 68, табл. 25, рис. 4.

[103] Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья, стр. 102, рис. 43, 11, стр. 114, рис. 53, 6.

[104] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 91.

[105] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 51, рис. 21.

[106] Ф. Д. Гуревич. Древнейшие бусы Старой Ладоги. СА, XIV, 1950, стр. 186, рис. 6.

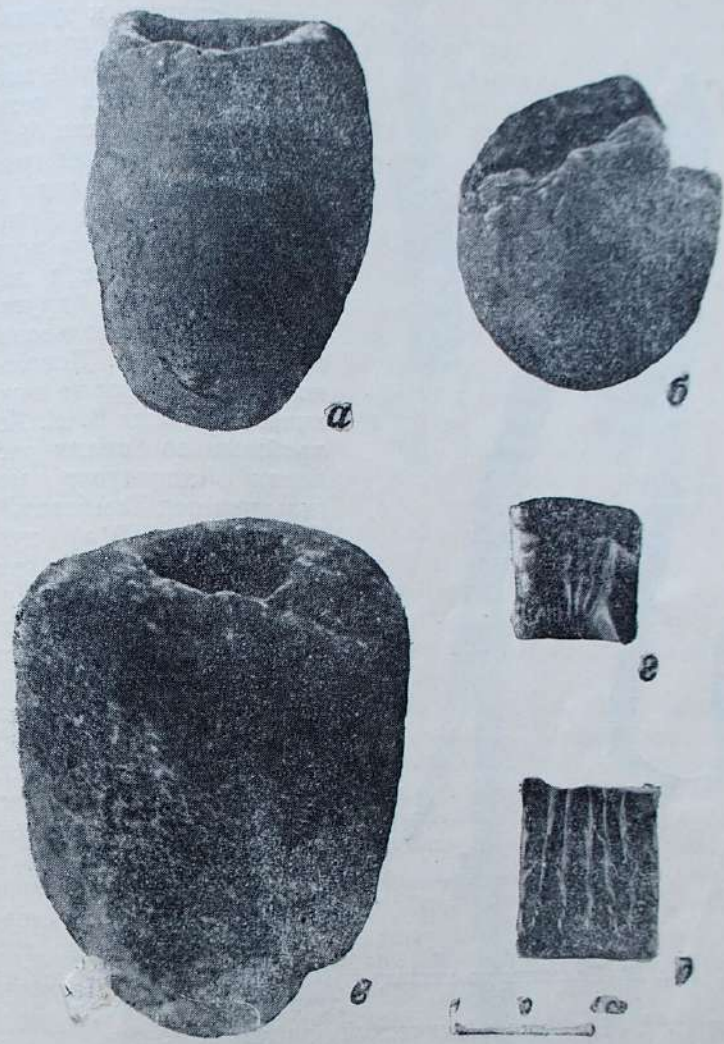


Рис. 27. Тигли и обломки формочки для литья металла.

Древнем Новгороде[107], в раннесредневековом Херсонесе, в Саркеле[108].

Из инструментов ювелиров сохранились ножницы по ме-

[107] Н. В. Рындина. Технология производства Новгородских ювелиров. «Новые методы в археологии». МИА, № 117, 1963, стр. 213—214.

[108] А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. МИА, № 63, 1959, стр. 331, рис. 81.

таллу, пинцет и зубило. Не исключена возможность, что некоторые плохо сохранившиеся четырехгранные стержни были чеканами. Ножницы (рис. 28) шарнирные; соединены заклепкой. Их длина 22,3 см. Одна ручка ножниц загнута почти под прямым углом, другая заострена и использовалась для упора. Довольно близкие по форме ножницы встречены В. Н. Ястребовым во время раскопок Лядинского могильника под Тамбовом[109]. Пинцет (рис. 29 а) худшей сохранности, чем ножницы. Его длина 8,2 см. Он изготовлен из сложенной вдвое пружинящей пластины. Рабочие концы у пинцета обломаны. Они, вероятно, были загнуты вовнутрь. Такими пинцетами широко пользовались ремесленники по обработке цветных металлов[110]. Близкие по форме и по размеру пинцеты найдены во время раскопок Мощинского городища[111], на городище Плиснеск[112]. Их хронологический диапазон очень велик. В Новгороде они встречались в слоях X—XIV вв.[113]. Зубило небольших размеров сохранилось неполностью (рис. 29 б). Сырье для изделий из цветных металлов было привозным.

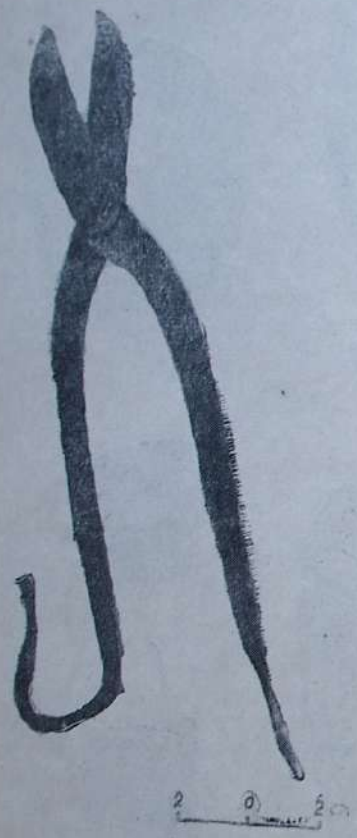


Рис. 28. Ножницы по металлу.

[109] ГИМ, коллекция № 25280.
[110] Н. В. Рыблина. Технология производства.., стр. 224.
[111] Н. И. Булычев. Журнал раскопок 1898 года по берегам Оки. М., 1899, табл. XIV, рис. 17.
[112] М. П. Кучера. Древній Пліснеськ, рис. 11, 8.
[113] Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого, стр. 22.

Рис. 29. Железные инструменты.

Как было замечено во время раскопок погребальных памятников, принадлежности литейного дела обычно встречаются в женских погребениях. Это и еще некоторые данные позволили прийти к заключению, что литьем занимались женщины[114]. Они плавили металл либо в горне, либо в домашних печах.

Лепка изделий из глины

Изучение многочисленных обломков глиняной посуды, целых сосудов, прясел от веретен, рыболовных грузил, тиглей, детских игрушек, встреченных на городище, позволяет говорить о том, что почти все они вылеплены из местных глин.

Вся посуда местного производства с городища Титчиха (керамика «А», «Б», «В», «Д») была сделана без применения гончарного круга[115]. Многие сосуды лепились на твердой подставке. Для того чтобы сосуд не прилипал к ней, подсыпали полову, мелкий песок, а иногда растолченный мел. Сначала лепилась нижняя часть сосуда. В одном случае готовили широкую глиняную ленту и из нее делали как бы кольцо, которое ставили ребром на подставку, и чтобы оно лучше держалось, его в обе стороны слегка расплющивали. Кольцо являлось нижней частью стенок будущего горшка. Затем делали лепешку для дна и изнутри прилепляли ее к расплющенным по подставке стенкам. Они образовывали края днища, а лепешка — его середину. При такой формовке на дне горшков образовывалась как бы вмятина, которая часто имела довольно правильную округлую форму диаметром от 3 до 5 см. В изломе днищ таких горшков прослеживается слоистость, характерная для подобного приема лепки.

В другом случае при формовке горшков на подставку также устанавливалась нижняя часть стенок, но в отличие от первого приема дно лепилось без дополнительной лепешки, а за счет смещения глины от стенок к центру. У этих сосудов изнутри стенки плавно переходят в дно и в изломе отсутствует слоистость, характерная для предыдущего способа лепки. Верхняя часть горшков делалась с помощью ленточной, а возможно, и спиральной техники.

[114] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 91—92; М. Ф. Жиганов. Старший Кужендеевский могильник, СА, 1959, № 1, стр. 225.

[115] При изучении лепной посуды пользовались консультацией А. А. Бобринского и Н. П. Хожаинова, за что выражаем им благодарность.

После того как сосуд был готов, его обравнивали, подрезали и заглаживали. Многие сосуды украшались орнаментом. Он наносился по сырой глине после того, как заканчивалась формовка. На всех сосудах узор был врезным. Для нанесения орнамента использовались очень несложные приспособления — палочки, тонкая веревка или нитка, штампик, полая кость, а нередко сосуды украшались вдавлениями пальцев.

После того как сосуд был полностью готов, его несколько дней просушивали[116], а затем обжигали. Поскольку на Титчихинском городище ни разу не было встречено специальных печей для обжига керамики, вполне возможно, что ее обжигали в печах жилых помещений. Судя по характеру теста, температура в печах чаще была до 500°. Обжиг сосудов, как правило, неравномерный.

Лепкой горшков на Титчихе, по всей видимости, занимались женщины. Это предположение подтверждается многочисленными аналогиями из жизни различных народов. У многих первобытных народов гончарное дело и до наших дней является женской работой[117]. Об этом же свидетельствуют и дактилоскопические отпечатки пальцев женских рук на глиняной посуде[118].

Как уже указывалось, по тесту, из которого вылеплены сосуды, мы делим их на шесть групп: «А», «Б», «В», «Г», «Д», «Е». Поскольку в данном разделе речь идет об изготовлении глиняной посуды местным населением, то здесь будет рассмотрена лишь керамика групп «А», «Б», «В», «Д».

Среди керамики группы «А» по тесту различаются два типа сосудов. У одних в глине большие примеси крупнозернистого шамота, у других в качестве примеси встречаются зерна более мелкого шамота. У тех и у других сосудов в тесте нередко бывает и песок. Все сосуды группы «А» плохо обожжены, поверхность (особенно у первых) сильно бугристая. Из глины с крупными зернами шамота найдено сравнительно незначительное число сосудов. Из такого теста лепились горшки, миски, сковородки, а также сырницы. Большинство горшков имеет удлиненные формы. От дна тулово сосуда постепенно расширяется и у плечиков достигает наи-

[116] В. А. Мальм. Производство глиняных изделий. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.», «Труды ГИМ», вып. 33, М., 1959, стр. 132.

[117] Д. К. Зеленин. Примитивная техника гончарства «налепом» в Восточной Европе. «Этнография», 1927, № 1 и 2, стр. 103.

[118] «История культуры древней Руси», т. 1, М.—Л., 1948, стр. 101.

большей ширины. Диаметр горловины несколько больше диаметра основания. Самой массивной частью таких горшков (до 3 см) является днище. Толщина стенок (от 0,8 см до 1,5 см) всегда больше толщины венчиков (0,5—0,7 см). Высота шейки сосудов 1,5—2 см. Большинство сосудов по верху венчика украшалось пальцевыми вдавлениями, а один из них—оттисками нити. Орнамент на стенках встречен только у одного горшка. Это были отпечатки веревочки. Они располагались вертикальными рядами. Орнамент был нанесен очень небрежно.

Небольшое число горшков по своим формам напоминало миски. Один из них сохранился почти полностью (рис. 30 а). Его высота 12,5 см, диаметр основания 10,5 см, диаметр горловины 12 см. От основания сосуд постепенно расширяется к горловине. Его края слегка загнуты вовнутрь. Орнамента на нем не было.

Миски дошли до нас в обломках. Лишь одна из них сохранилась достаточно хорошо (рис. 30 б). Ее высота 6,5 см, диаметр основания 7 см, диаметр горловины 13,5 см.

От сковородок также уцелели только разрозненные обломки. Сковородки имели прямой или слегка отклоненный наружу бортик. Их высота от 2,5 до 5 см, диаметр основания 14—32 см. Орнамент встречен лишь на одном фрагменте. Обрез венчика был украшен оттисками палочки.

Сырницы представляют собой большие миски с плавно отогнутыми наружу стенками. Один такой сосуд сохранился лучше других. Его высота 10,5 см, диаметр основания 9 см, диаметр горловины 21,5 см. Толщина стенок и днища сосуда одинаковая — 1,5 см, диаметр отверстия — 2,5 см (рис. 30 в).

Основная масса керамики группы «А» вылеплена из глины с примесью более мелкого шамота. Семь горшков сохранились почти полностью, о форме остальных можно судить лишь по отдельным фрагментам. Чаще встречаются горшки с вытянутым туловом. Их высота (от 11 до 24 см.) почти в два раза больше основания и приближается к диаметру горловины (рис. 31). У одних сосудов шейка и венчик прямые, у других слегка отогнуты наружу. Край венчиков, как правило, округлый. От горшков с крупным шамотом эти сосуды отличаются более высокими шейками (2—2,5 см, реже — 1,5 см). Большинство горшков этой группы были украшены орнаментом. По обрезу венчика чаще всего наносились пальцевые и ногтевые вдавления или только ногтевые. Кроме того, по венчику встречены также оттиски тонкой веревочки. Этот орнамент располагался отдельными косо поста-

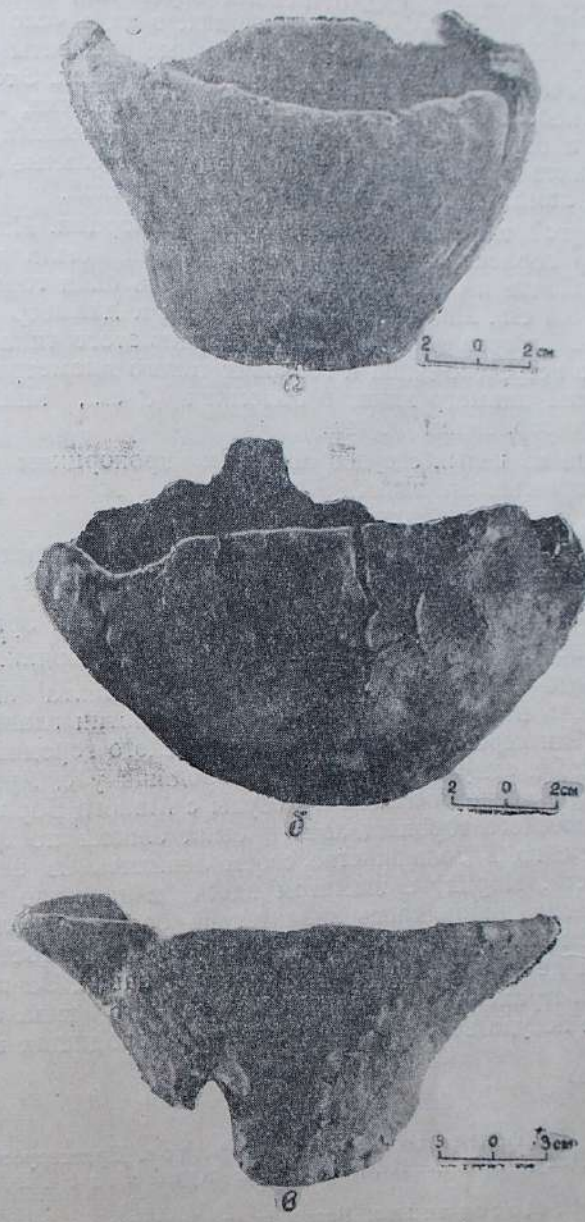


Рис. 30. Керамика группы «А».

ленными рядами или сплошь покрывал обрез венчика. Стенки сосудов украшались оттисками веревочки, которые располагались в различных комбинациях: в виде «елочки», зигзагов, в форме ромбов и т. д. Остальные элементы орнамента встречаются лишь на отдельных фрагментах. Это оттиски нитки, небольшие треугольные вдавления, ямочки, продолговатые и округлые вдавления, сделанные пальцами, оттиски штампиков в виде тройных лепестков, отдельные прерывистые и ломаные линии, прочерченные палочкой.

Другой тип горшков имел иные пропорции. Их высота, диаметр горловины и диаметр основания были примерно равны. Почти полностью сохранился лишь один горшок. Его высота 5,5 см, диаметр основания 4 см и диаметр горловины 6 см. Во всей массе обломков сосудов этого типа ни разу не было встречено днищ и горловин такого диаметра. Самый маленький диаметр днищ в обломках 8 см, наименьший диаметр горловины 10 см.

Один из целых сосудов по своим пропорциям приближался к миске. Его высота 9 см, диаметр горловины около 12 см, диаметр основания 5,5 см.

Довольно распространенным типом посуды были сковородки различных размеров. Их форма та же, что и у сковородок, описанных выше. Некоторые из них были орнаментированы по венчику защипами и оттисками веревочки.

Формы сосудов и основные типы орнамента керамики группы «А» находят себе ближайшие аналогии главным образом среди керамики Большого Боршевского городища, прилегающего к нему могильника[119] и городища у с. Архангельского Воронежской области[120]. Сосуды с Малого Боршевского и Кузнецовского городищ хотя и были близки по форме и орнаменту, но в большинстве своем лепились из несколько иного теста. Наряду с шамотом здесь в качестве примеси почти всегда добавлялось значительно большее количество песка, чем в сосудах Титчихи. От этого поверхность горшков была не только бугристая, но и шершавая. За пределами распространения памятников боршевского типа близкая по форме посуда встречена на роменских городищах в с. Новотроицком[121] и у с. Опошня[122], в верхнем течении Оки на селище Лебедка[123], а также в Саркеле-Белой Веже[124].

[119] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, табл. II, III, XIII, рис. 6. Курганы № 1 и 2 (раскопки 1963 г.).

[120] А. Н. Москаленко. Раскопки на Архангельском городище в 1952—1953 гг., стр. 91.

Некоторые элементы орнамента (отпечатки веревочки или нитей, намотанных на палочку, расположенных в различных комбинациях по венчику и на стенках, и пальцевые защипы или отжимы по венчику) были широко распространены в конце I тысячелетия по всей славянской территории. Такой орнамент встречен на роменских городищах[125], в Саркеле-Белой Веже[126], на селище Лебедка[127], на городище Старая Ладога[128] и на других славянских поселениях. При этом следует отметить, что на славянской керамике этот орнамент получает широкое распространение только в конце I тысячелетия. На керамике ранних славян его еще не было. Об этом наглядно свидетельствуют, например, данные раскопок поселений и погребальных памятников на значительной территории бассейна Среднего и Нижнего Днепра[129]. Не типичен этот орнамент и для более поздних гончарных сосудов. Вдавления от пальцев встречаются реже. Они известны на сосудах Большого Боршевского городища[130], Малого Боршевского городища[131].

Как указывалось выше, сосуды группы «Б» вылеплены из глины, в которой либо вообще отсутствует шамот, либо он встречен в небольшом количестве в виде очень мелких зерен, а иногда в качестве примеси использовался и мелкий песок. Тесто этих сосудов плотное, хорошо промешанное, поверхность стенок довольно гладкая, толщина стенок меньше, чем

[121] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, рис. 19, 1—8, 12.

[122] И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное Левобережье, рис. 118, 2.

[123] Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э., рис. 29, 11.

[124] С. А. Плетнева. Керамика Саркела-Белой Вежи, рис. 12, рис. 13, 2—6.

[125] М. Макаренко. Орнаментація керамічних виробів в культурі городищ роменського типу. Niederluv Sbornik. Praha, 1925, табл. 1, рис. 1, 2, 4—7, табл. II, рис. 9—10; И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, рис. 19; І. Ляпушкин. Старослов'янське поселення VIII—XIII ст. ст. на території м. Полтави. АП, т. 1, Київ, 1949, табл. 1, рис. 1, 3—6; П. Третьяков. Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскла, табл. 1, 2.

[126] С. А. Плетнева. Керамика Саркела-Белой Вежи, рис. 12, 1, 2, 4, 7; рис. 13, 2, 3, 6, 7, 10, 13.

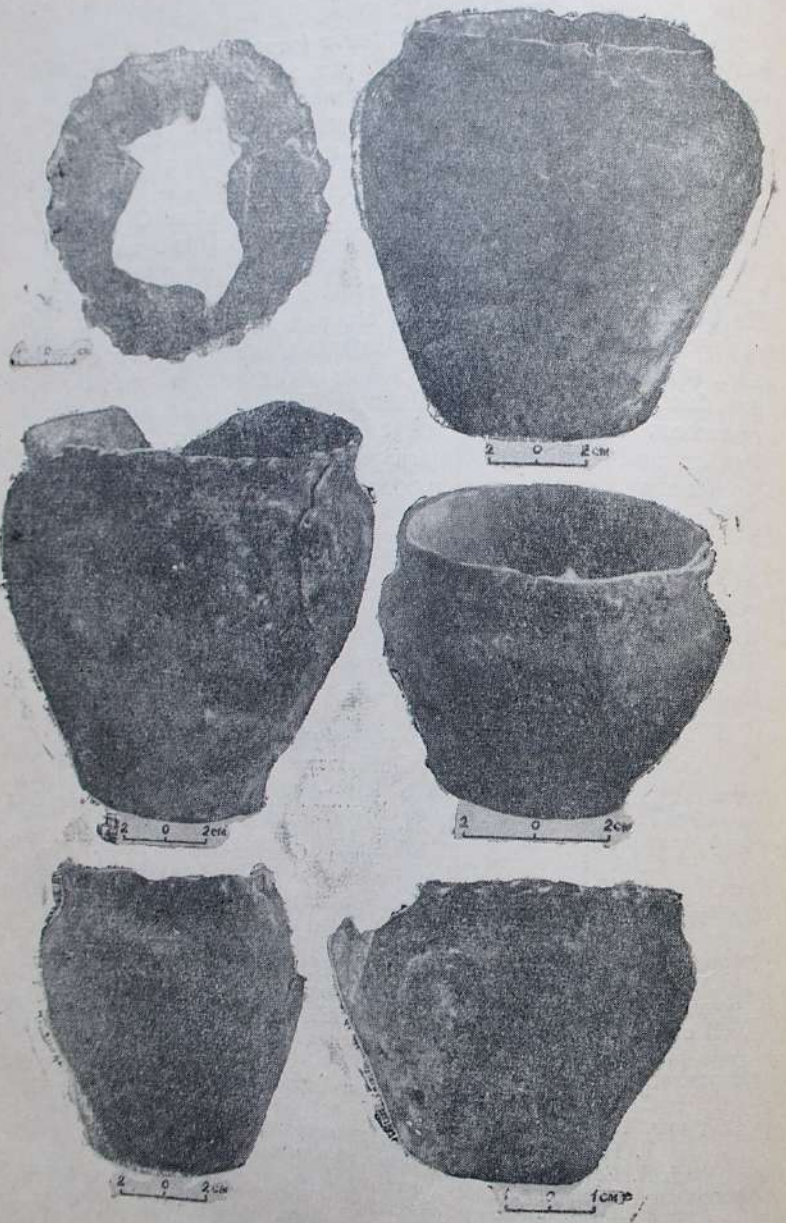
[127] Т. Н. Никольская. Древнерусское селище Лебедка, рис. 14.

[128] Я. В. Станкевич. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги, рис. 5, 2, 5.

[129] Славяне накануне образования Киевской Руси, МИА, № 108, 1963.

[130] Эрмитаж. ОИПК, опись хранения № 785/507, 788/911 и др.

[131] Раскопки Воронежского университета 1963 г.



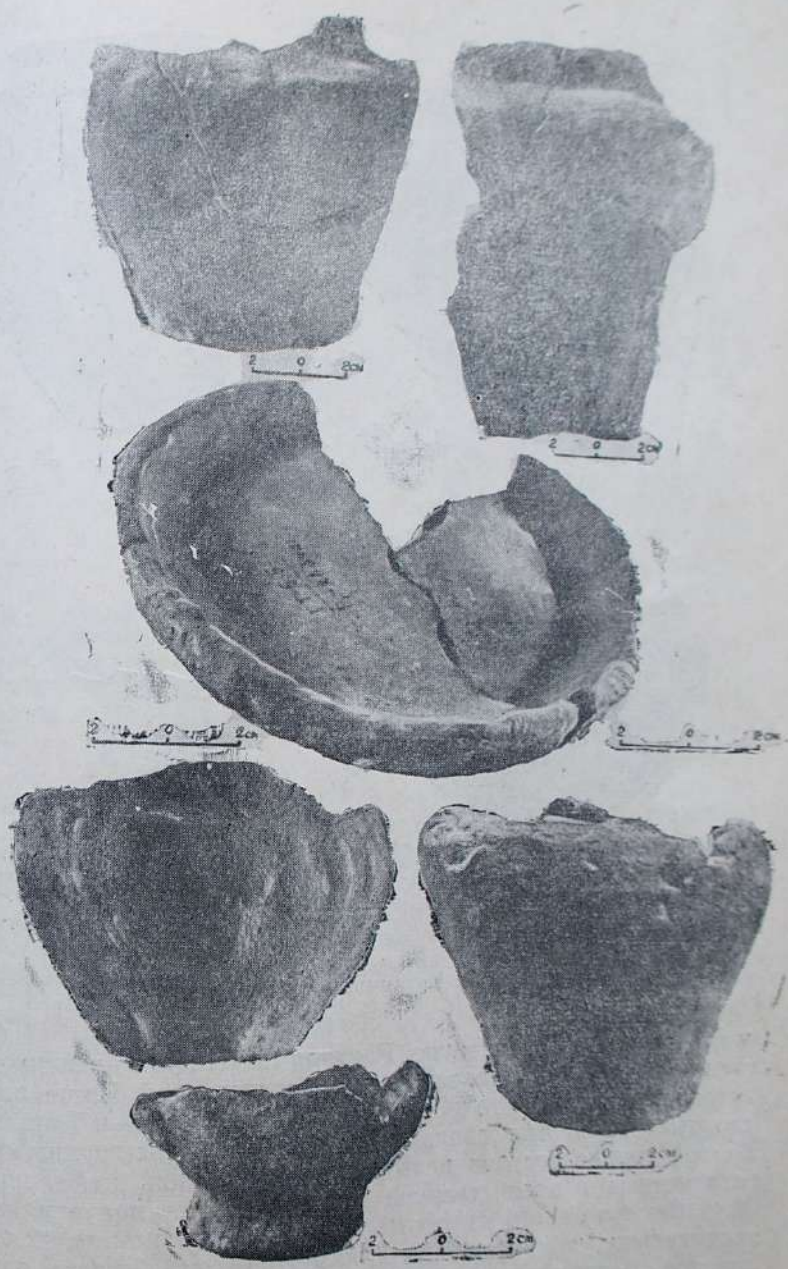


Рис. 31. Керамика группы «А».

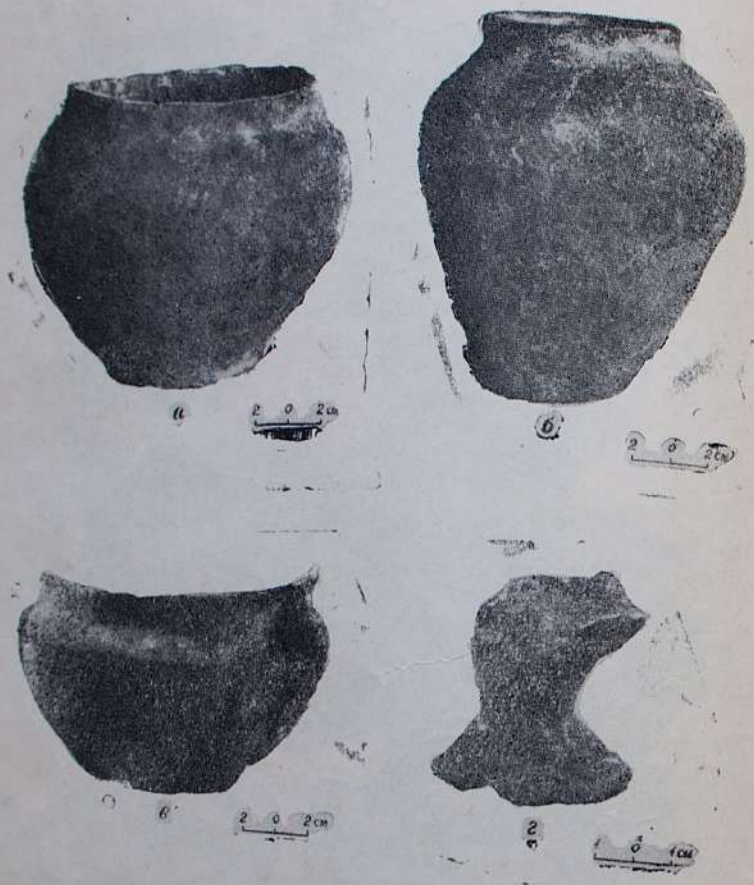


Рис. 32. Керамика группы «Б».

у сосудов, описанных выше. Разница в толщине венчиков и стенок здесь, как правило, менее значительна. Чаще всего встречаются стенки толщиною 0,7 см, а венчики—0,5 см. Эти сосуды обожжены несколько лучше, чем сосуды группы «А». В этой группе сосудов целыми оказались лишь два горшка, встреченные в хозяйственной пристройке к полуземлянке № 3. Высота одного из них 21 см. Его дно (диаметр 12 см) значительно уже горловины (диаметр 19 см), тулово одутловатое. Венчик прямой, местами по краю имеет срез, местами округлый. Сосуд асимметричен. Поверхность его довольно гладкая (рис. 32 а). Второй из сохранившихся сосудов несколько иной формы (рис. 32 б), но также асимметричен. Его высота 24 см., диаметр основания (11 см) почти равен диаметру горловины (13 см), край венчика закруглен. Поверхность сосуда гладкая.

Кроме того, сохранилось много обломков приземистых широкогорлых горшков с прямой шейкой. Диаметр их горловины от 12 до 18 см, край венчика слегка срезан. В одной из хозяйственных ям был найден большой обломок такого сосуда, позволяющий более определенно установить его размеры (высота 10 см, диаметр основания 13 см, диаметр горловины 17 см.). Поверхность этих сосудов гладкая (рис. 32 в). На стенках встречается орнамент из округлых пальцевых вдавлений, оттисков веревочки, повторяющих узоры сосудов группы «А», оттисков штампика в виде серпа. Венчики этих горшков украшались редко. Лишь на нескольких фрагментах по обрезу встречены оттиски веревочки.

Из подобного теста делались также миски, сковородки и светильники (рис. 32 г). Все они сохранились в обломках. Формы сосудов группы «Б» с Титчихи более разнообразны, чем на Большом Боршевском городище[132].

Кроме сосудов группы «А» и «Б» к посуде местного производства относится лепная от руки керамика группы «В» и группы «Д». Среди лепной посуды салтово-маяцкого типа есть и посуда значительно худшего качества, вылепленная из той же глины, что и керамика группы «А» и «Б». Об изготовлении этой посуды на месте свидетельствует состав глины. Лепные горшки группы «В» сделаны из теста с примесью мелкого песка и мелкого шамота. От сосудов боршевского типа они отличаются не только своей фактурой, но и формой. Для них характерна значительно большая округлость стенок. Некоторые из этих сосудов орнаментированы рядами горизонтальных и волнистых линий (рис. 33 а—г). На стенках одного из горшков был узор из отпечатков веревочки. По форме и орнаменту эта посуда имеет сходство с посудой Верхне-Салтовского городища[133]. Сосуды близких форм, хотя и более грубые по фактуре, встречены и на Димитровском поселении на Северском Донце[134]. Керамика группы «Д»

---

[132] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, табл. IV, рис. 1 и 2.

[133] Б. А. Шрамко. Кераміка салтівської культури. «Труди історичного факультету Харківського університету», том 7, Харків, 1959, рис. III, рис. IV. рис. V, 1—7.

[134] С. А. Плетнева. Средневековые поселения верховьев Северского Донца. КСИИМК, вып. 79, 1960, рис. 5, 6.

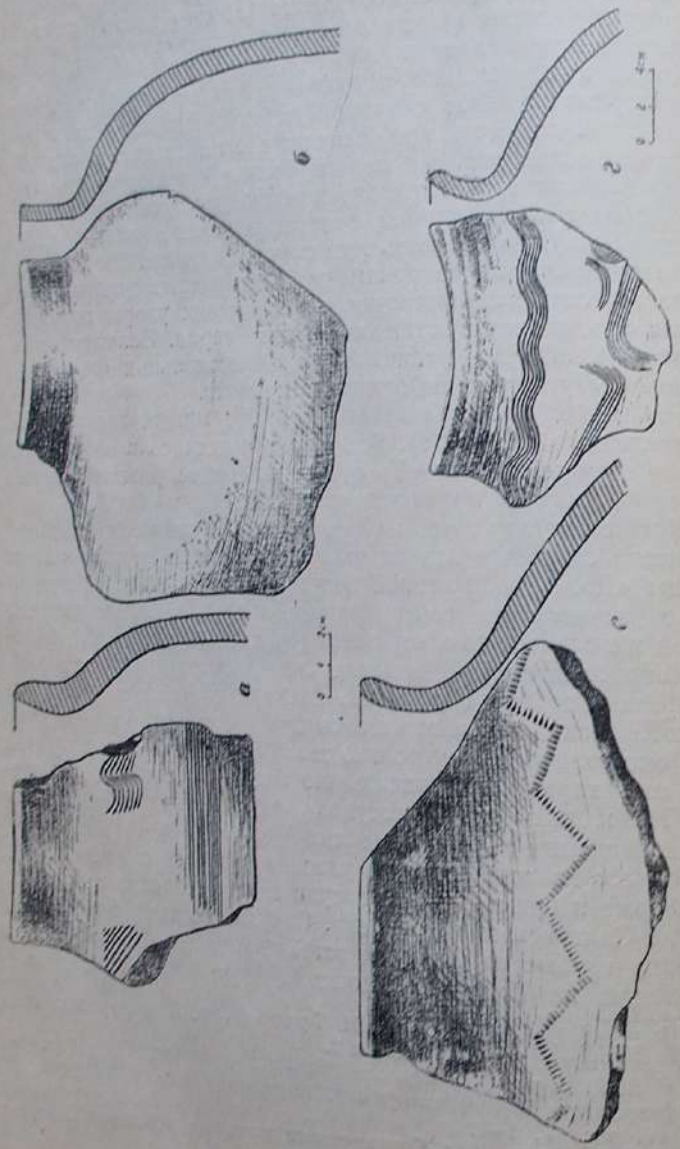


Рис. 33. Керамика группы «В».

(рис. 34) описана нами во II главе, поэтому здесь на ее характеристике останавливаться не будем.

Кроме различных сосудов из глины, как указывалось выше, титчихинцы лепили противни. В отличие от всех

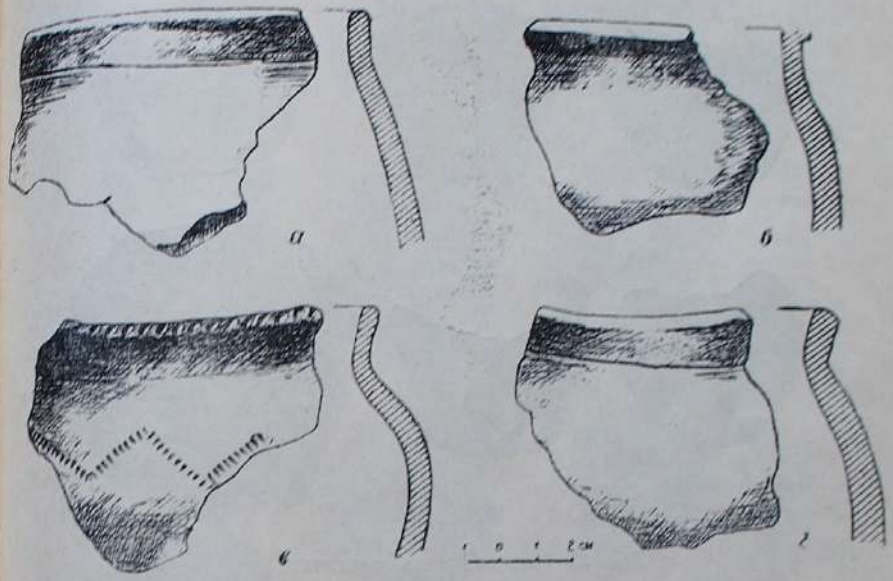


Рис. 34. Керамика группы «Д».

Рис. 34а. Фрагмент сосуда группы «Г».

остальных типов посуды противни лепились из глины, к которой было примешано значительное количество растительных примесей. В процессе обжига они выгорели, и поэтому в тесте противней имеются поры. Отличительной особенностью противней являются их размеры и массивность. Толщина стенок 2—2,5 см, толщина дна до 5 см. О форме противней по сохранившимся обломкам судить трудно. Можно лишь сказать, что они имели высокие вертикальные бортики

(до 10 см). Их ближайшей аналогией являются противни с Большого Боршевского городища[135]. В современном крестьянском хозяйстве Болгарии и Югославии до сих пор существуют подобные противни-«подницы». Они служат для выпечки хлеба. Подница ставится на очаг, внутрь нее насыпают

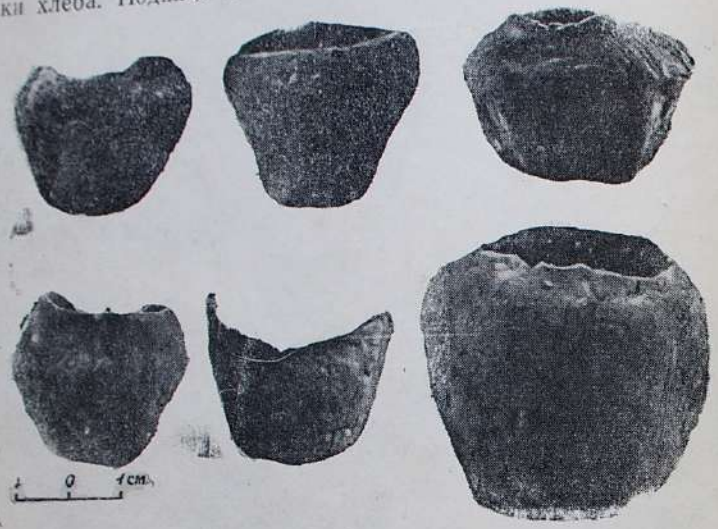


Рис. 35. Миниатюрные горшочки.

раскаленные угли, прогревают ее, а затем угли убирают и тесто кладут на дно в виде лепешки. Подницу с тестом закрывают крышкой и засыпают горячей золой и углями[136].

Изготовлением глиняных пряслиц и рыболовных грузил, как и сосудов, занимались в каждом доме. Одни пряслица и грузила лепились из глины, другие делались из обломков посуды.

На пряслица и грузила шла та же глина, что и на посуду. В качестве примесей в глине чаще всего встречается песок, реже — мелкие зерна шамота и растительные примеси. Большая часть пряслиц усеченнобиконической формы. Их высота от 1,6 до 3,5 см. Отличительной особенностью этих пряслиц является довольно широкое отверстие (0,7—1,2 см). Все пряслица, за исключением одного, без орнамента. Лишь на одном был врезной узор (рис. 36 а).

[135] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 37.

[136] П. Н. Третьяков. Восточнославянские черты в быту населения придунайской Болгарии, СЭ, 1948, № 2, стр. 182.

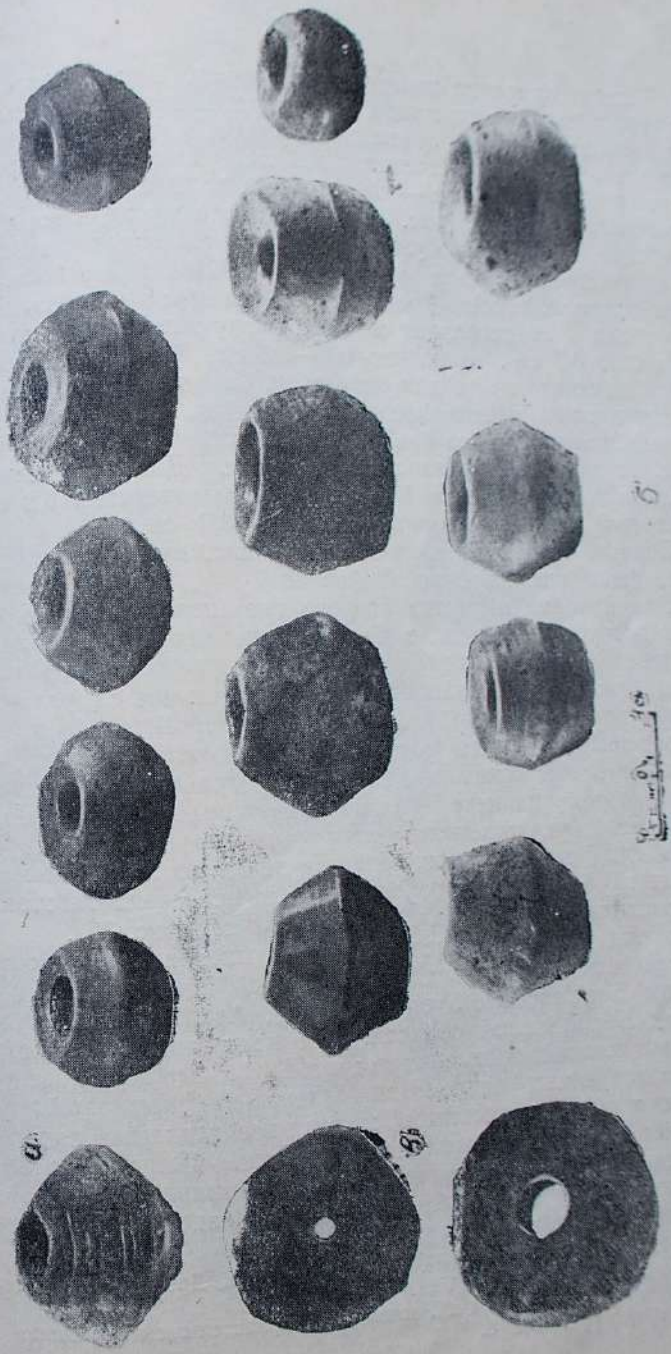


Рис. 36. Глиняные пряслица.

Четыре пряслица имеют иную форму. Они представляют собою плоские кружки. Одно из них вылеплено из плохо промешанной глины с небольшой примесью мелкого шамота. Его диаметр 3,5 см, толщина 1,2 см, диаметр отверстия 1 см. (рис. 36). Другое — из глины с примесью песка. Размеры этого пряслица (рис. 36 в) те же, что и у первого, лишь отверстие значительно уже (0,4 см). На городище встречена и заготовка для подобных изделий. Она вылеплена из плотной, хорошо промешанной глины с примесью мелкого песка и представляет собою округлую лепешку диаметром около 3,6 см, толщиною 0,8—1,3 см. В центре с обеих сторон намечено место для отверстия. Сходную форму с этими пряслицами имеют и еще два пряслица. Они вылеплены из очень плотного теста без заметных примесей. Одно из них целое, от другого уцелел лишь обломок. Диаметр целого пряслица 2,5 см, высота 1,2 см, диаметр отверстия 0,8 см; примерный диаметр второго пряслица 3,3 см.

Лепные от руки рыболовные грузила, как указывалось выше, были цилиндрической формы.

Для пряслиц и грузил второго типа использовались обломки привозной посуды, в большинстве случаев гончарной. Их изготовление заключалось в том, что черепку, вероятно, ножом придавалась нужная форма (у пряслиц округлая, у грузила продолговатая) и делалось отверстие. По краям пряслиц заметны следы подтески. Поверхность черепков, из которых сделаны пряслица, вторичной обработке не подвергалась, поэтому на некоторых из них видны следы лощения и орнамента, украшавшего сосуд. Диаметр пряслиц из черепков от 2,7 до 4,5 см., их толщина от 0,4 до 1 см, диаметр отверстия 0,8—1 см. На городище была встречена заготовка для пряслица такого рода. Ее диаметр 3 см (рис. 37).

Круглые плоские пряслица из обломков подобных сосудов известны и на других памятниках. Их находили на Большом Боршевском, Кузнецовском[137], Архангельском[138] городищах Воронежской области. На всех этих городищах встречена также и привозная посуда. Подобные пряслица были распространены у населения салтово-маяцкой культуры.

Таким образом, местные жители все глиняные изделия для нужд своего хозяйства делали сами. Для того чтобы получить глину нужного качества, они добавляли к ней соответствующие примеси. Обжиг глиняных изделий, вероятно, осуществлялся в жилищах.

[137] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, табл. X, XVI.

[138] А. Н. Москаленко. Раскопки на Архангельском городище в 1952—1953 гг., рис. 36, 8.

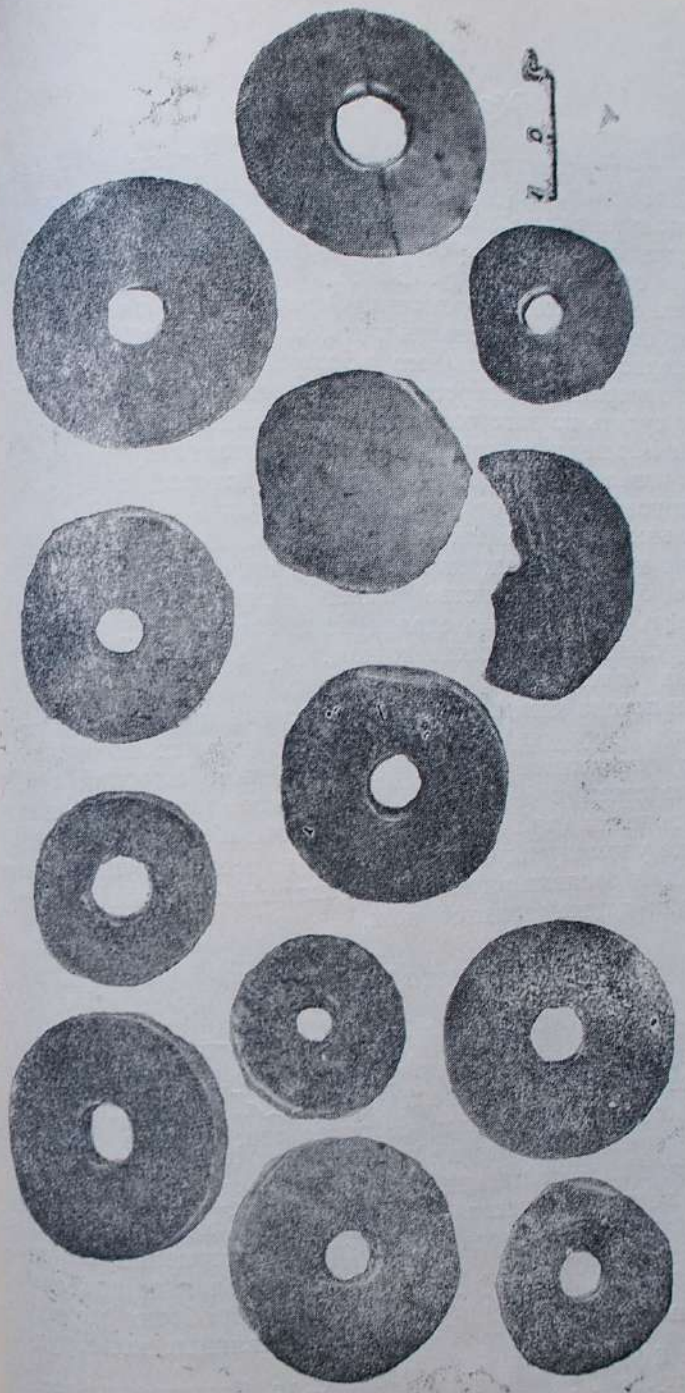


Рис. 37. Пряслица и заготовка для пряслица.

Обработка камня

Древние титчихинцы, как и их соседи, делали из камня жернова, точильные бруски и тигли. Для изготовления жерновов использовались девонские песчано-глинистые известняки, которые встречаются в отложениях поймы Дона. Камням придавали округлую форму. Более тщательно обрабатывались плоские трущие поверхности. Отверстия в титчихинских жерновах, вероятно, высверливались, а не выдалбливались, как на жерновах с Большого Боршевского городища[139]. О приемах сверления отверстий в жерновах довольно наглядно можно судить по заготовке жернова, найденного в 1963 г. на Малом Боршевском городище. Эта заготовка представляла собой известняковую плиту, в центре которой отчетливо виден округлый след от трубчатого сверла.

Точильные камни и тигли изготовлялись из песчаника. Некоторым из точильных камней придана форма брусков (рис. 38 а, б), а большинство имеет неправильную форму (рис. 38 в, г, д, е,). Тигель сделан из целого камня. Железным инструментом, возможно ножом, ему придана яйцевидная форма (рис. 27 в).

Третья порода камня, который подвергался обработке, — мел. Из мела встречено 3 изделия. Одно из них по форме (рис. 39 а) напоминает пряслице из черепка (плоский кружок с отверстием в центре). Другое было заготовкой для подобной поделки (рис. 39 б). Оба они обработаны ножами. Третья, уже упомянутая выше, поделка из мела — литейная формочка для отливки украшения. Главным орудием при ее изготовлении также являлся нож.

Обработка дерева

Исследуя хозяйство древних титчихинцев, невозможно обойти вопрос об обработке дерева, игравшей, безусловно, большую роль в жизни населения городища. Дерево широко использовалось не только при строительстве домов, хозяйственных помещений и укрытий. Из дерева изготовляли мебель (лавки, нары, столы, сундуки), домашнюю утварь (ложки, миски, ведра), средства передвижения (лодки, сани) и т. п. Дерево использовалось также при изготовлении самих орудий труда и оружия. К сожалению, деревянных поделок на Титчихе не найдено и о приемах деревообработки можно судить лишь на основании остатков деревянных конструк-

[139] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 53.

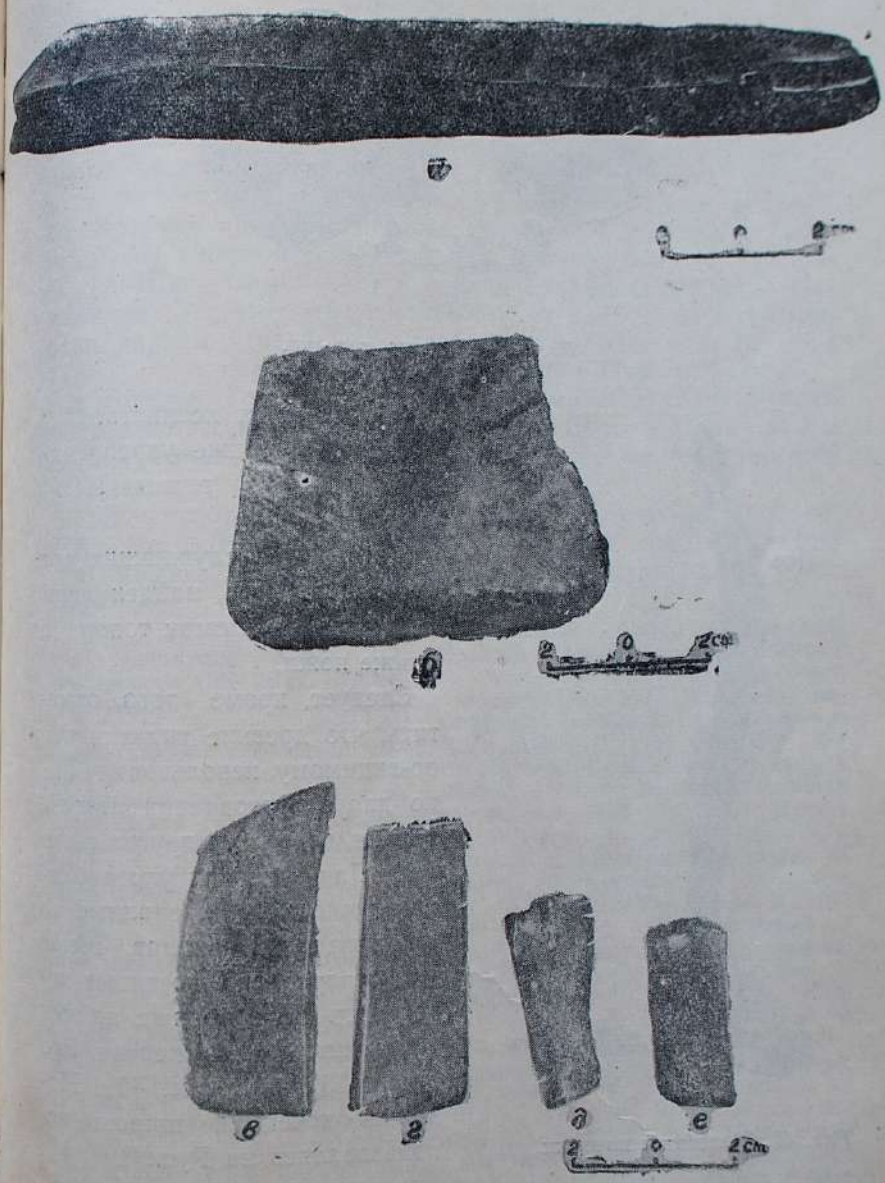


Рис. 38. Точильные бруски.

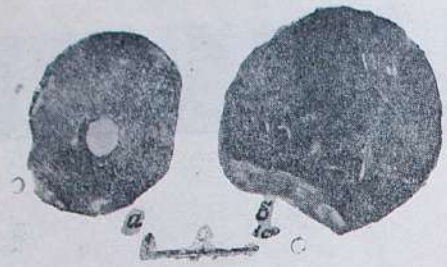


Рис. 39. Меловые поделки.

ций жилых и хозяйственных построек, а также укреплений (об этом см. главы III и V).

Из орудий, служивших при деревообработке, найден лишь небольшой обломок топора, а также ножи.

Следует, кроме того, отметить, что древние титчихинцы, по-видимому, использовали лыко для изготовления лаптей, корзин, веревок и других изделий. Для плетения употреблялись кочедыки, сделанные из различных материалов. Выше уже говорилось о костяных кочедыках. На городище найден также кочедык из железа. Его длина 13,5 см. (рис. 40). Подобные кочедыки широко использовались на Руси[140].

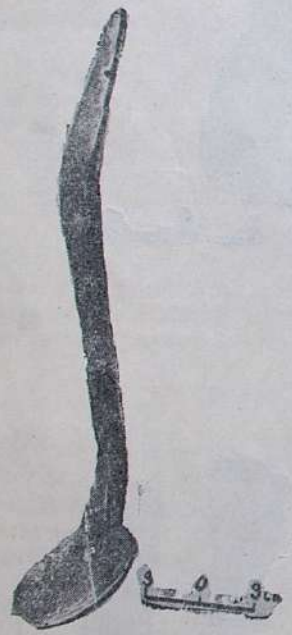


Рис. 40. Железный кочедык.

[140] Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого, стр. 69.

Раскопки городища Титчиха значительно дополнили материал о торговых связях населения боршевской культуры.

В конце I тысячелетия в древнерусской торговле важное место занимала торговля с Востоком. К вещам восточного происхождения, найденным на Титчихе, относятся прежде всего монеты. На городище, как указывалось выше, встречено 28 целых монет и 2 обрезка. 27 монет и 2 обрезка были чеканены в первой четверти X в. в Средней Азии (г. Андераба, аш-Шаш, Самарканд) в период правления династии Саманидов. Вес этих монет колебался от 2,21 до 3,09 грамма, один дирхем чеканен в арабском халифате в г. Васит в 728/729 г. в период правления династии Омайядов, вес его 2,26 грамма. Городище Титчиха не является единственным местом в бассейне Среднего и Верхнего Дона, где были встречены куфические монеты. В настоящее время известно еще 9 пунктов с находками подобных монет[141].

Таким образом, в настоящее время в бассейне Среднего и Верхнего Дона нам известно 10 пунктов, где были встречены куфические монеты. При этом в трех пунктах они обна-

[141] В 1939 г. около с. Девица Воронежской области был найден клад, содержащий 323 монеты. Большую часть клада составляли аббасидские монеты (206 штук); кроме того, здесь находились 5 сасанидских, 1 омайядская наместников Ирана, 1 табаристанская и 17 омайядских монет. Самая поздняя монета клада датируется 837/838 г. (А. А. Быков. Новые находки куфических монет. КСИИМК, VIII, 1940, стр. 119). Две монеты были встречены в районе села Боршево. Одна из них чеканена в Самарканде при Наср б Ахмаде в 914/915 г. (Н. Второв. О заселении Воронежской губернии. «Воронежская беседа», 1862, стр. 267). Другая монета относится ко времени аббасида Мустаина—вторая половина IX в. (П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 55). Один дирхем был найден на Кузнецовском городище (И. Смирнов. Славянское городище под Воронежем. Архив ИА АН СССР, ф. 2, опись 1, 1933, № 215, стр. 32). Более точных сведений об этой монете нет. У слободы Макашеевки Новохоперского уезда встречен дирхем VIII в. («Труды Воронежской ученой архивной комиссии», вып. 4, 1908, стр. XXXVIII). В г. Боброве найдена половина дирхема, три монеты обнаружены в с. Павловском (А. А. Спицын. Сводка сведений о древностях Воронежской губ. Архив ИА АН СССР, ф. 5, № 148, л. 11). В б. Острогожском уезде найден клад арабских монет весом около 2 кг. В 1925 г. в Острогожский музей жительницей сл. Нижне-Покровка из этого клада доставлена одна монета IX в. (Госархив Воронежской обл., арх. № 1 а, ф. 904, оп. № 20/1925 и № 17). В музее в настоящее время этой монеты нет. В с. Урыв Воронежской области встречен дирхем халифа Махди, чеканенный в Ифрикии в 782/783 г. (В. В. Кропоткин. Византийские монеты из Таматархи-Тмутаракани. «Керамика и стекло древней Тмутаракани», М., 1963, стр. 184). Два дирхема найдены на территории Елецкого района Липецкой области (монеты хранятся в Елецком краеведческом музее).

ружены в процессе раскопок. Надо полагать, что на поселениях по берегам Дона и его притокам в действительности их было значительно больше. Они, безусловно, будут найдены в процессе последующих работ.

Серебряные монеты на Руси представляли большую ценность. Они были средством обращения[142], их использовали также и как сырье для ювелирного производства[143]. Часто монеты служили украшениями.

О торговых связях титчихинцев можно судить и по найденным на городище привозным украшениям. Из украшений восточного производства на городище встречены каменные и стеклянные бусины. Каменные сердоликовые бусины (их найдено четыре) сделаны в Средней Азии[144]. О том, что многие стеклянные бусины с городища Титчиха именно восточного происхождения, свидетельствует результат спектрального анализа. Для анализа было отобрано 8 бусин. Семь из них (серебряная лимоновидная, три лимонки, зонная бесцветная и зонная голубая, красная глазчатая) оказались сходными между собой и по технике изготовления, и по составу стекла. Ю. Л. Щапова, занимавшаяся их исследованием, отмечает, что эти, как и многочисленные подобные им бусины, встречающиеся и на территории Древней Руси, были изготовлены в мастерских Ближнего Востока[145]. Поскольку бусины, сходные

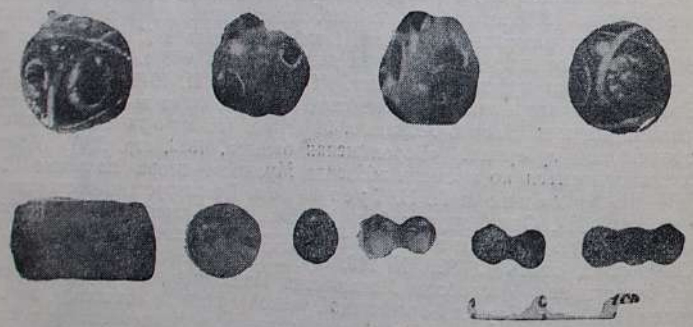


Рис. 41. Бусины.

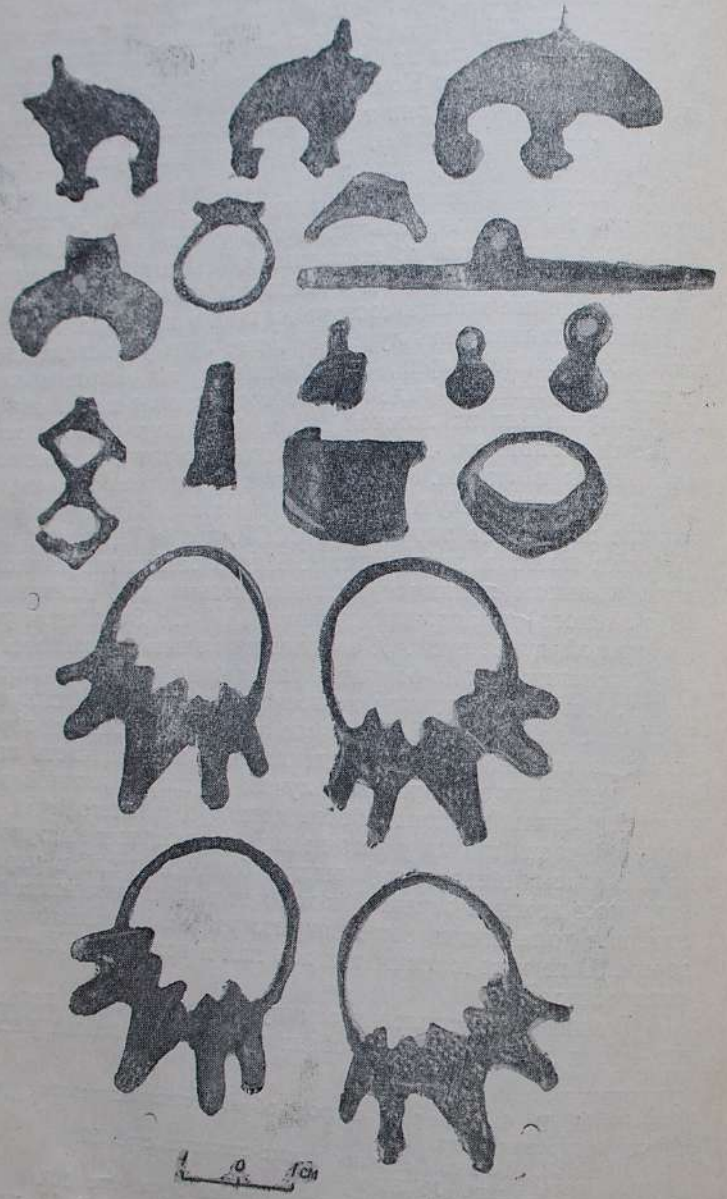
[142] И. Г. Спасский. Русская монетная система, Л., 1962, стр. 34.
[143] В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956, стр. 107.
[144] М. В. Фехнер. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.». «Труды ГИМ», вып. 33. М., 1959, стр. 154—155.
[145] Ю. Л. Щапова. Результаты спектрального анализа бусин и браслета с Титчихинского городища. См. приложение к настоящей работе, стр. 268.

с теми, что подвергались анализу, составляют около 85 процентов всех бусин с городища, то есть полное основание говорить, что большая часть бусин с Титчихи ближневосточного происхождения. Бусы на Руси служили не только украшением. Находки бусин в Новгороде вместе с набором гирек позволяют думать, что они также использовались как разновесы[146]. В. Л. Янин полагает, что бусины могли служить и средством денежного обращения[147].

О распространении на Титчихе восточных украшений косвенно могут свидетельствовать и украшения, сделанные местными мастерами по восточным образцам (два пятилучевых височных кольца, одно семилучевое и лунницы). Пятилучевые височные кольца состоят из щитка и кольца. На нижней части щитка пять лучей. Боковые лучи украшены одним шариком ложной зерни, а остальные—тремя. Верхняя часть щитка оформлена в виде пяти зубцов. На поле щитка хорошо виден орнамент из ложной зерни. Обратная сторона колец плоская и гладкая, что говорит о том, что титчихинские кольца отлиты в форме. Мастер оттиснул готовое изделие на глине и в полученную форму залил металл. Пятилучевые височные кольца на территории СССР, кроме Титчихи, известны пока всего в двух пунктах. Наиболее близкой аналогией этим кольцам являются височные кольца из Железницкого (Зарайского) клада, найденного в 1855 г. в Зарайском уезде Рязанской губернии[148]. Железницкие кольца отличаются от титчихинских лишь большим размером и способом изготовления. Они были отлиты по восковой модели[149]. Пятилучевое височное кольцо было встречено и на Новотроицком городище. Оно меньше титчихинских колец. Нижнюю часть щитка здесь украшают также пять лучей, но шарик ложной зерни имеется лишь на конце более длинного среднего луча. На верхней части щитка у него не пять треугольных выступов, а три, причем центральный выступ более длинный и украшен шариком ложной зерни. Так же, как и на титчихинских кольцах, все поле щитка было покрыто узором из мелкой ложной зерни. Они изготовлены так же, как и кольца из Железницкого клада[150].

Техника изготовления семилучевого височного кольца та же, что и пятилучевых. С обеих сторон поля щитка располо-

[146] М. В. Фехнер. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни, стр. 150.
[147] В. Л. Янин. Денежно-весовые системы.., стр. 189.
[148] ГИМ, инв. № 54746.
[149] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 107.
[150] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, рис. 13, стр. 185.



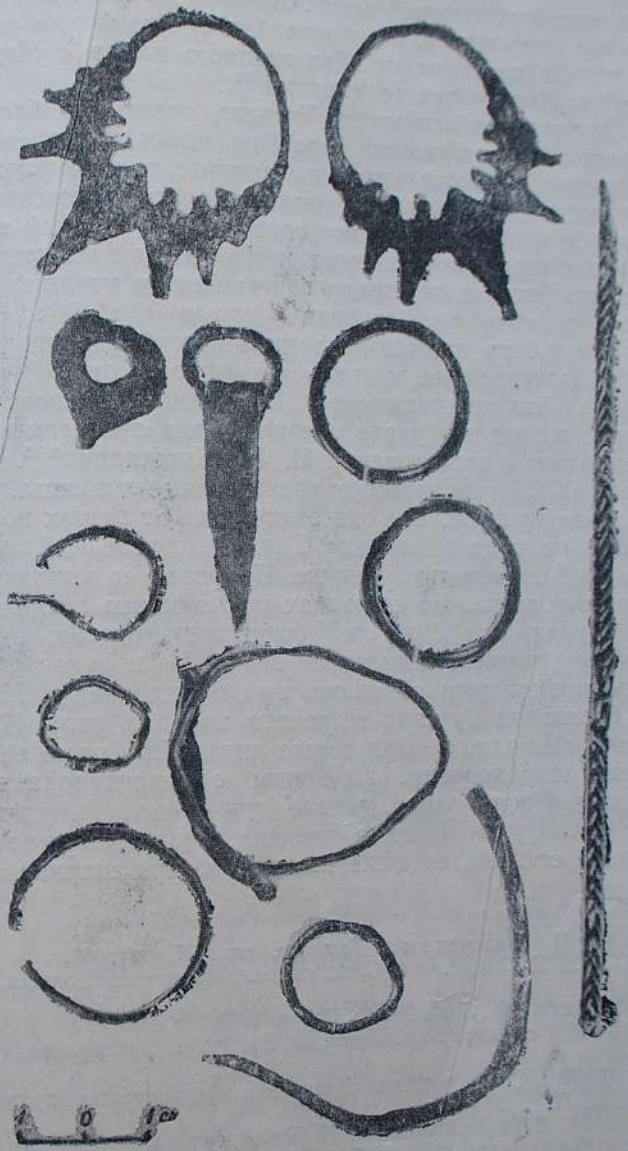


Рис. 42. Украшения из цветных металлов.

жено по семь лучей, более длинных в нижней части щитка и более коротких в верхней части. Наружные лучи заканчиваются шариками ложной зерни. Ложной зернью было украшено и все поле щитка. Наиболее близкие по форме семилучевые кольца известны из Железницкого клада, с Новотроицкого[151] и Хотомельского городищ[152].

Лунницы, найденные на Титчихе, отлиты из бронзы по готовым образцам тем же способом, что и височные кольца. Две лунницы, к сожалению, поломанные, редкой формы. Они отличаются от обычных лунниц тем, что посередине у них имеется язычок. Чешский исследователь В. Грубый называет такие лунницы трехконечными[153]. На каждом из концов титчихинских лунниц отчетливо видны по три утолщения, имитирующих зернь, а на горбике — петля (рис. 42). Эти лунницы могут быть отнесены к типу широкорогих среднего размера[154]. Трехконечные лунницы встречаются очень редко. Не случайно о них не упоминает В. В. Гольмстен в своей классификации, их нет и в числе древнерусских привесок-амулетов в специальном исследовании Н. П. Журжалиной[155]. На территории СССР нам известны трехконечные лунницы лишь из нескольких пунктов. Все они отличались от наших по форме, а некоторые и по орнаменту. Так, лунница с Кузнецовского городища[156] значительно меньше. По форме ее можно отнести к типу круторогих. На ее концах также видны следы ложной зерни. Лунница из Екимауц[157] более широкорогая, чем наша. Ее концы украшены имитацией зерни. Несколько трехконечных лунниц найдено на славянских памятниках в Моравии. Одна бронзовая лунница встречена там в могиле 47/51 могильника «На валах». Она также литая. По форме ее можно отнести к широкорогим. Ее концы орнаментированы тремя шариками ложной зерни, а поле украшено прочерченными линиями[158]. Другая лунница найдена в погребении во Вановичах. На ее концах также имеется по три шарика ложной

[151] И. И. Ляпушкин. Там же, стр. 97, рис. 63.
[152] Ю. В. Кухаренко. Средневековые памятники Полесья, табл. 8, 21.
[153] V. Hrubý. Staré Město. Praha, 1955, str. 263.
[154] В. В. Гольмстен. Лунницы Российского исторического музея. М., 1914.
[155] Н. П. Журжалина. Датировка древнерусских привесок-амулетов, СА, 1961, № 2.
[156] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 103, табл. XVIII, рис. 4.
[157] Г. Б. Федоров. Городище Екимауцы. КСИИМК, вып. 50, 1953, стр. 113, рис. 48, 1.
[158] V. Hrubý. Staré Město, str. 262—263, tabl. 75, obr. 1.

зерни, а центр поля украшен прочерченным орнаментом в виде ромбов. И. Поулик полагает, что эта лунница древнее IX в.[159]. Еще одна лунница встречена в могильнике IX—первой половины X в. у пос. Дольни Вестонице. Как и титчихинская лунница, она широкорогая, средних размеров, на концах по шесть шариков зерни, кроме того, зернь окаймляет и нижнюю часть поля[160].

Третья лунница (рис. 42) с Титчихи может быть отнесена к типу остророгих средней величины. Ее наибольшая ширина 3 см, расстояние между концами 1,5 см. В верхней части имеется дужка. Орнамента на луннице нет. Подобные украшения встречены на Екимауцком городище[161], на Тумовском селище IX—XI вв.[162]. В отличие от нашей, обе эти лунницы орнаментированы.

На городище были найдены также причерноморские и аланохазарские вещи. С берегов Черного моря, из Херсонеса, были завезены, вероятно, в качестве тары красноглиняные кувшины. К сожалению, от них уцелели лишь обломки. Судя по сохранившимся фрагментам, эти кувшины имели высокое и неширокое (от 10 до 12 см) горло. Их венчики украшались однорядным и двухрядными валиками (рис. 43). На двух фрагментах шеек были заметны следы от ручек. Некоторые кувшины орнаментированы прочерченными линиями. Подобные целые кувшины встречены в Херсонесе[163], Тамани[164], в Белой Веже[165]. Сравнение с ними позволяет представить себе форму наших сосудов. Их высота более 50 см, диаметр дна примерно равен диаметру горловины, плечики покатые. На них были плоские широкие ручки, прикрепленные одним концом к плечику кувшина, другим — к его средней или нижней части. Как полагает А. Л. Якобсон, центром изготовления подобных сосудов в X в. был Херсонес[166]. На дне некоторых

[159] J. Poulík. Staroslovanská Morava. Praha, 1948, str. 66, tabl. XLV.
[160] J. Poulík. Jižni Morava země dávných slovanů. Brno, 1948—1950, str. 83, obr. 48 b.
[161] Г. Б. Федоров. Городище Екимауцы, стр. 113, рис. 48, 2.
[162] Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья, рис. 78, 25.
[163] Г. Д. Белов, С. Ф. Стрежелецкий и А. Л. Якобсон. Квартал XVIII (раскопки 1941, 1947 и 1948 гг.). «Археологические памятники юго-западного Крыма», МИА, № 34, 1953, стр. 221.
[164] А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес, стр. 311.
[165] С. А. Плетнева. Керамика Саркела-Белой Вежи, стр. 249, рис. 34.
[166] А. Л. Якобсон. Указ. соч., стр. 311.

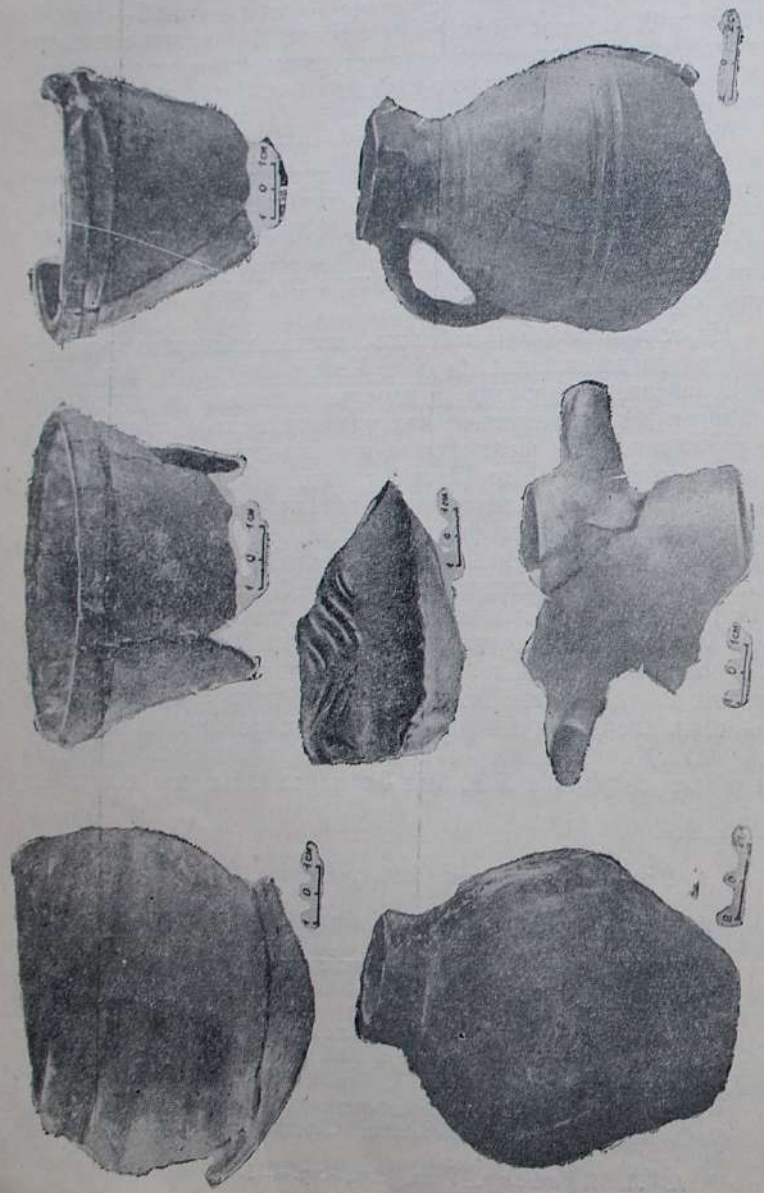


Рис. 43. Привозная посуда.

кувшинов из Херсонеса найдены остатки перепревшей хамсы[167].

Второй тип привозной посуды — амфоры. От них также уцелели лишь обломки. Тесто амфор плотное, без заметных примесей, цвет их красный. Лучше других сохранилась одна круглодонная амфора (рис. 43). От нее уцелело дно и часть стенок. Диаметр дна амфоры около 13 см, толщина стенок 0,8 см. Наружная поверхность бороздчатая. Подобные амфоры известны в Салтове[168] и в Крыму[169]. По определению А. Л. Якобсона, они относятся к VIII—IX вв.

Привозная посуда салтово-маяцкого типа сделана или на гончарном круге, или вылеплена от руки лишь с подправкой на нем. Гончарная посуда представлена обломками сосудов и сковородок. Поверхность этих сосудов украшена орнаментом из горизонтальных и волнистых линий (рис. 43). Орнамент нанесен небрежно, местами прерывается. Подобные сосуды известны среди керамики салтовской культуры[170]. Гончарные сковородки представлены на городище одним фрагментом. Сковородка была вылеплена из плотного теста с примесью песка. Обжиг ее неравномерный. Толщина днища 1,2 см, высота бортика 2,8 см. Наружная стенка сковородки украшена орнаментом из волнистых линий (рис. 45).

Из сосудов, вылепленных от руки с подправкой на гончарном круге, сохранился полностью только один. Его высота 29 см. Более узкий у основания, он расширяется к плечикам и снова сужается у горловины. Диаметр горловины 8 см, диаметр основания 13 см. Край горловины срезан. По верху плечиков сосуд орнаментирован мелкой волнистой линией (рис. 43). На дне имеется рельефное клеймо в виде круга (диаметр 4,5 см), с пересекающимися в центре линиями. Такие клейма известны и на других сосудах салтово-маяцкого типа[171].

Кроме посуды на городище Титчиха встречены и украшения, типичные для алано-хазарского мира (два бронзовых перстня, подвеска, застежка, стеклянные браслеты). Перстни литые. У одного из них полукруглая в сечении проволочная дужка, переходящая в четырехлепестковую розетку с четырехугольной накладкой. Диаметр этого перстня 1,8 см

---

[167] Г. Д. Белов, С. Ф. Стрежелецкий и А. Л. Якобсон. Указ. соч., стр. 221.

[168] Б. А. Шрамко. Кераміка салтівської культури, стр. 259, рис. XIII, 1.

[169] А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры северного Причерноморья. СА, XV, 1951, стр. 332 след.

[170] Б. А. Шрамко. Указ. соч., стр. 245 след.

[171] Там же, стр. 263.

(рис. 42). От другого перстня сохранился лишь обломок. Этот перстень такого же типа, как и первый, но с овальной дужкой и овальным щитком. Подобные перстни иногда встречаются на славянской территории[172], известны они и у мордвы[173], но основной район их распространения—это территория алан (Салтово-Маяцкая культура и могильники Северного Кавказа)[174]. Бронзовая подвеска сохранилась неполностью. По форме она несколько напоминает описанное выше клеймо на днище сосуда (рис. 42). Сходные подвески известны из могильника у с. Верхнее Салтово[175]. Они входили в состав ожерелий или нашивались на одежду[176]. Застежка представляет собой округлый стержень с утолщениями на концах и с ушком посредине (рис. 42). Подобные застежки, названные М. И. Артамоновым украшениями, встречены в Верхнем Салтове в Правобережном городище также салтовской культуры[177]. Близкие по форме застежки найдены в могильнике у аула Саниба в Осетии[178], в Лядинском могильнике[179] в могилах с полным и неполным трупосожжением и в детской могиле. Есть такая застежка и среди вещей аланского типа из могильника близ г. Нови Пазар в Болгарии. Ее длина 6 см. По обоим краям этой застежки по три ряда утолщений, а средняя часть расплющена и в ней пробито отверстие[180].

Стеклянные браслеты представлены двумя обломками черных браслетов, круглых в сечении. Их диаметр 5,5 см, толщина 0,7 см, 0,9 см (рис. 44). Подобные браслеты известны в хазарском слое Саркела-Белой Вежи. Они бытуют на всем протяжении существования города и особенно часто встречаются в слоях IX—X вв. З. А. Львова полагает, что в хазарское время в Белой Веже было собственное производство неинкрустированных черных стеклянных браслетов про-

[172] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, стр. 26, рис. 13.
[173] А. Е. Алихова. Некоторые хронологические и племенные отличия в культуре мордвы конца I и начала II тысячелетия н. э. СА, 1958, № 2, стр. 73.
[174] В. В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 годах. ИАК, вып. 56, СПб., 1914, табл. V, рис. 16, 17.
[175] С. Семенов-Зусер. Розкопки коло с. Верхнього Салтова 1946 р. АП, т. I, Київ, 1949, табл. 1, рис. 22.
[176] А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник. «Труды XII АС», т. I, М., 1905, стр. 473, табл. XXI, рис. 40, 42.
[177] М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 297, 322.
[178] «Материалы по археологии Кавказа», вып. I, М., 1888, табл. XIII, рис. 7.
[179] «Альбом древностей мордовского народа», стр. 35, табл. VII, рис. 17.
[180] С. Станчев, С. Иванов. Некрополът до Нови пазар. София, 1958, стр. 96, табл. XXIII, 1.

Рис. 44. Обломки стеклянных браслетов

стейших форм[181]. Кроме Саркела-Белой Вежи близкие по форме браслеты известны в Закавказье и в Херсонесе[182].

С северо-востока к поселениям донских славян ближе всего примыкали поселения финно-угорских народов (мордвы и др.). По всей видимости, с этими народами у донских славян и, в частности, у населения городища Титчиха также существовали торговые связи, о чем свидетельствует ряд украшений, встреченных на городище.

Безусловно привозным является слиток свинца. Он представляет собою стержень длиною 10,2 см., шириною 1,3 см., толщиной 0,5 см. Один конец его обломан[183]. Кусочки свинца были встречены также и при раскопках Кузнецовского городища[184]. Свинец восточные славяне получали через Новгород[185].

Главным направлением торговых связей титчихинцев, как и боршевцев в целом, являлась торговля с Востоком и алано-хазарским миром. Она осуществлялась, вероятно, через посредство крупного международного рынка-торжища—Итиля. Торговые пути на другой международный рынок того времени Булгар для славян Среднего и Верхнего Дона были более сложными, и, вероятно, донские славяне им пользовались реже. О связях с Волжской Булгарией свидетельствует лишь одна вещь с Большого Боршевского городи-

[181] З. А. Львова. Стеклянные браслеты и бусы из Саркела-Белой Вежи. «Труды Волго-Донской археологической экспедиции», т. II, МИА, № 75, 1959, стр. 310, 321.
[182] Там же, стр. 311.
[183] Спектральный анализ этого слитка был проведен в лаборатории археологической технологии Ленинградского отделения Института археологии АН СССР.
[184] И. Смирнов. Славянское городище под Воронежем. Архив ИА АН СССР, ф. 2, оп. 1, 1933, № 215, л. 32.
[185] Б. А. Рыбаков. Торговля и торговые пути. «История культуры древней Руси», т. I. М.—Л., 1948, стр. 329.

ща — имитация саманидского дирхема[186]. Подобными имитациями в X в. занимались в Волжской Булгарии[187].

Итак, материалы раскопок городища Титчиха свидетельствуют о значительных торговых связях его населения не только с ближними соседями, но и с Хазарией, Причерноморьем, Средней Азией и северными районами Руси. Следует отказаться от сложившегося в литературе представления, что в конце I тысячелетия район Среднего и Верхнего Дона был глухой окраиной древнерусского государства со слаборазвитыми торговыми связями.

В целом материалы раскопок дают основание говорить о достаточно высоком уровне развития хозяйства на древнерусском поселении у хутора Титчиха.

Основу хозяйства, как и у славян в других районах, составляло здесь пашенное земледелие. Развитие металлургии позволяло удовлетворять потребность жителей в железных орудиях. Некоторой особенностью хозяйства древних титчихинцев, как и вообще населения боршевской культуры, являлось то, что здесь были значительно развиты охота и рыбная ловля, чему способствовали благоприятные природные условия.

[186] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 55.

[187] В. Л. Янин. Денежно-весовые системы.., стр. 116 след.

Глава V

Система укреплений. Вооружение

Укрепления

Укрепления на древнерусских поселениях в бассейне Среднего и Верхнего Дона до недавнего времени не раскапывались. Об их устройстве судили лишь на основании визуальных наблюдений. Поэтому сложилось представление, что крутые склоны мысов являлись естественной защитой поселений, а искусственные укрепления сооружались только с напольной стороны. Это были главным образом рвы[1].

Городище Титчиха — первое поселение боршевской культуры, на котором были проведены раскопки укреплений. Как указывалось выше, оно располагалось на мысу и прилегающем к нему плато. С мыса прекрасно просматривается весь левый берег Дона, что давало возможность следить за появлением кочевников. Крутизна склонов мыса, усиленная подрезкой, являлась значительным препятствием на подступах к городищу. Внутренний вал, защищавший мыс, еще и в наши дни производит впечатление довольно мощного укрепления. Его протяженность около 130 м. Над современной дневной поверхностью рва он поднимается на высоту до 3,5 м. С западной стороны вал доходит до оврага, а с восточной стороны несколько заходит на мыс. Наружный вал лучше сохранился на юго-западной окраине поселения, в остальной части он едва заметен.

Исследованиям были подвергнуты обе линии укреплений. Мысовые укрепления раскапывались на трех участках.

[1] И. И. Ляпушкин. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья, стр. 11 след. П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. МИА, № 52, 1956, стр. 67 след.

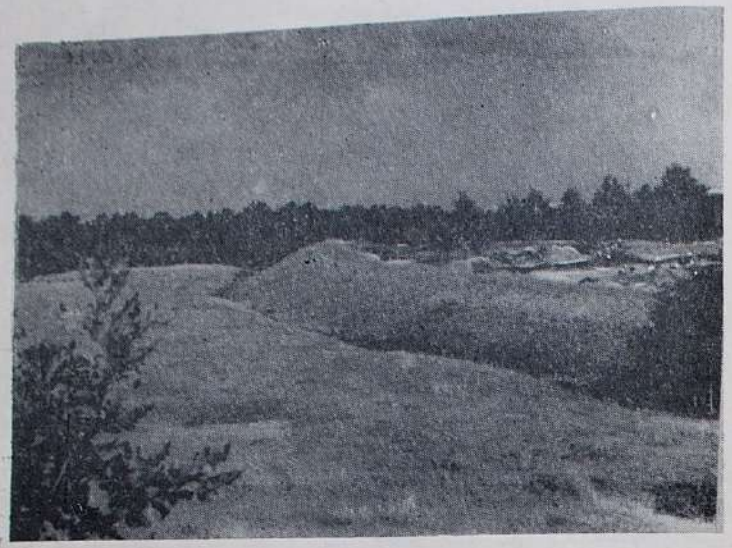


Рис. 45. Вид на внутренний вал со стороны плато.

В 1954 г. по линии «в» была проложена траншея шириной 2 м, длиной 18 м. В 1955 г. в 4 метрах западнее была проложена вторая траншея такой же ширины, длиной 28 м. В 1961 и 1962 гг. раскапывался третий участок. Он находится в 14 м западнее траншеи 1955 г. Площадь этого участка 60 кв. м. Таким образом, всего для изучения укреплений раскопано 152 кв м.[2].

Раскопки показали, что в сооружении внутреннего вала было два строительных периода, которым соответствовало два рва. Насыпь вала первого периода сложена из чернозема, в ней встречаются вкрапления меловой щебенки. Там, где меловой щебенки много, насыпь приобрела белесый цвет. Эта часть вала в настоящее время возвышается над материком на 0,5—1,2 м. В отдельных местах насыпь подправляли, о чем свидетельствуют следы обожженной глины. Вдоль вала проходит небольшой ров, вырытый в мелу. Его дно на всех раскопанных участках плоское, а стенки различной крутизны. Более крутой была северная стенка. Ширина рва 3,2—3,4 м., глубина от уровня материка 1,1—1,6 м., а от современной дневной поверхности 1,7—2,4 м. Над рвом вал возвышается на 2,5—2,8 м. В процессе раскопок можно было отчетливо видеть, что вал сильно ополз, особенно в сторону рва. Количества земли, сползшей только в ров, было бы достаточно, чтобы насыпать второй такой же вал. Первоначально этот вал, вероятно, был почти в два раза выше и значительно круче, чем в наши дни.

[2] Все раскопанные участки входят в сетку раскопа I.

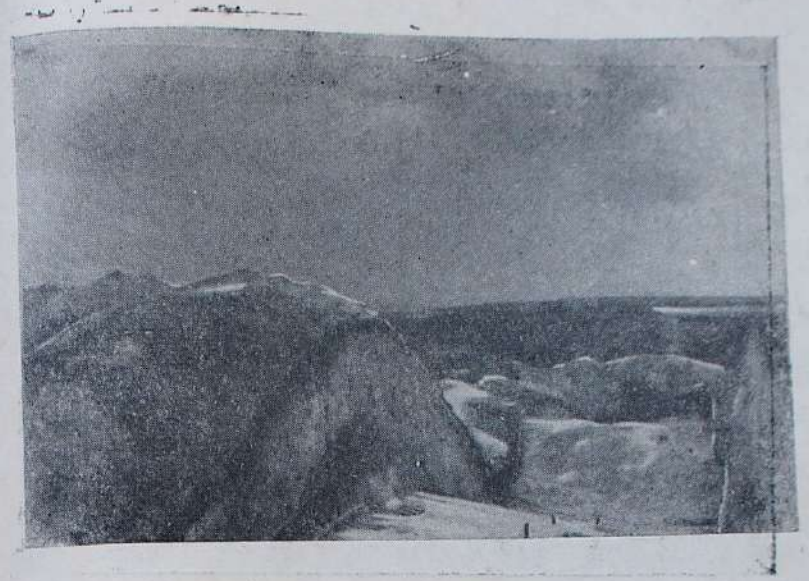


Рис. 46. Раскопки внутреннего вала.

В связи с усилением внешней опасности укрепления были реконструированы. Перед началом работ на валу и во рву была сожжена растительность. Об этом свидетельствует сплошная тонкая зольная прослойка, перекрывающая тогдашнюю дневную поверхность вала и рва. Подобный прием выжигания травы и деревьев перед сооружением вала отмечен и на Старом Рязанском городище[3]. Затем вдоль вала на расстоянии 3 м. друг от друга были установлены две линии разных по устройству срубов. Первая, наружная, линия состояла из трехстенных, вторая, внутренняя, вероятно, из четырехстенных срубов. В обеих линиях срубы ставились почти вплотную друг к другу. На отдельных участках лицевая стена у трехстенных срубов сохранилась на 5—9 венцов. Попеременно ущелели значительно хуже. Их удалось проследить только по нижним венцам. Длина каждого из срубов около 2 м, ширина до 1 м. Срубы крепились в обло с остатком в

[3] А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 37.

Рис. 47. Остатки деревянных конструкций в насыпи внутреннего вала.

15—18 см. Толщина бревен, из которых сложены срубы, до 25 см. С наружной стороны и изнутри до определенной высоты (приблизительно 2 м) эта конструкция была засыпана грунтом. Грунт, присыпанный к внешней стене, образовывал вал, а засыпка изнутри делала всю эту конструкцию еще более устойчивой.

Вторая линия срубов сохранилась значительно хуже, так как срубы не были засыпаны землей. От них частично уцелели только обгоревшие нижние венцы. Обе линии срубов сооружались одновременно, о чем свидетельствует не только расположение тех и других на зольном слое, но и их одинаковая ориентировка. Тогда же на дневной поверхности, на зольный слой рва, вдоль его, был установлен частокол из массивных дубовых бревен диаметром 25—30 см. Часть их уцелела на высоту до 2 м. Почти у всех столбов основание сгнило, и на месте столба образовалась пустота. Это дает возможность проследить, как устанавливался частокол. Столбы ставили на дневную поверхность рва, а затем засыпали землей. Верхняя часть столбов не сохранилась полностью. Надо полагать, что они значительно выступали из земли и концы их, вероятно, были заострены.

Как уже упоминалось выше, второму валу соответствовал второй ров. Он так же, как и первый, был вырыт в мелу.

Его ширина 5—7,2 м, глубина от современной дневной поверхности 1,55—2 м. Дно рва почти плоское.

В целом система внутренних укреплений выглядела следующим образом. Первым препятствием с напольной стороны на подступах к мысовой части поселения был ров, затем частокол и, наконец, вал. Насыпь вала начиналась примерно на расстоянии 1 м от внутреннего края рва и имела уклон около 35°. Есть основания полагать, что конструкция из трехстенных срубов возвышалась над валом примерно на высоту роста человека. Защитники крепости размещались на площадке на уровне девятого венца срубов и могли следить за действием противника через бойницы, прорубленные в наземной части укрепления. Не исключена возможность, что эта часть конструкции имела перекрытие[4]. Четырехстенные срубы, как уже указывалось, землей засыпаны не были. Их перекрывали бревенчатые накаты.

При датировке укреплений прежде всего следует учесть остатки хозяйственных построек под насыпью вала. На площади раскопа под валом оказались столбовые ямки и четыре хозяйственные ямы. Две из них (№ 1 и 2) были неглубо-

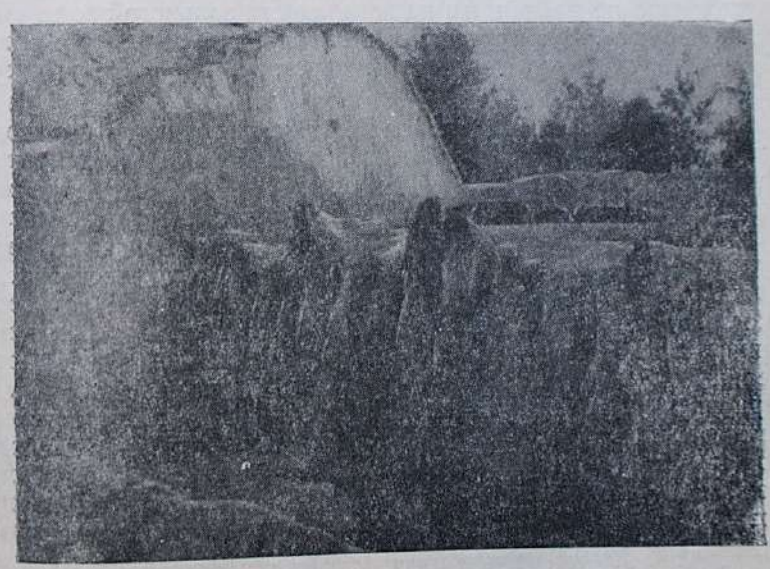


Рис. 48. Остатки частокола.

[4] В реконструкции укрепления большую помощь нам оказал П. А. Раппопорт.

ками, неправильной формы, находок в них не было. Яма № 3 находилась за пределами первого вала. Она имела почти отвесные стенки, ее диаметр около 1 м, глубина 0,9 м. Ее заполнял сползший грунт первого вала и чернозем с большим количеством меловой щебенки от сооружения второго строительного периода. В ней встречено лишь два фрагмента керамики боршевского типа и две кости. Форма ямы и найденная в ней керамика позволяют связать ее с культурой славян. Яма № 4 относится к более раннему поселению. Она была овальной формы и незначительной глубины (14 см). В ней встречено 6 фрагментов стенок сосудов раннего железного века. Таким образом, вал был насыпан на том участке, где в I тысячелетии до н. э. было поселение раннего железного века, а в конце I тысячелетия н. э.—поселение славян.

В насыпи первого строительного периода встречены фрагменты керамики раннего железного века, боршевской и салтово-маяцкой культуры, а также раздробленные кости животных, рыбья чешуя, несколько кусков шлака, два пряслица, одна кость со следами обработки.

Начало второго строительного периода может быть определено по найденным на поверхности зольного слоя керамике и бусам. Бусы относятся к типам лимоновидных с серебряной прокладкой. Фрагменты керамики принадежат сосудам боршевского типа.

В грунте, который был засыпан между двумя линиями укреплений, и в валу встречено гораздо больше фрагментов керамики, чем в нижней части вала. Эта керамика также может быть разбита на две группы: фрагменты сосудов раннего железного века и боршевской культуры. Основную массу составляла лепная славянская керамика боршевского типа. В этой части насыпи найдены обломки посуды салтово-маяцкого типа, а также точильный брусок, сильно окисливший железный предмет, половина пряслица, амулет, отдельные куски шлака и раздробленные кости животных. При датировке обоих строительных периодов можно основываться преимущественно на керамическом материале. Начало строительства укреплений на мысу относится к тому времени, когда славянское поселение уже существовало. Именно поэтому в древнейшей части укрепления встречается лепная славянская керамика боршевского и салтово-маяцкого типа. Среди фрагментов сосудов нет таких, которые помогли бы в установлении более точной даты сооружения этой части укрепления. Начало второго строительного периода датируется более определенно по лимоновидным бусам. Эти бусы на Руси особенно широко были распространены в IX—XI вв.

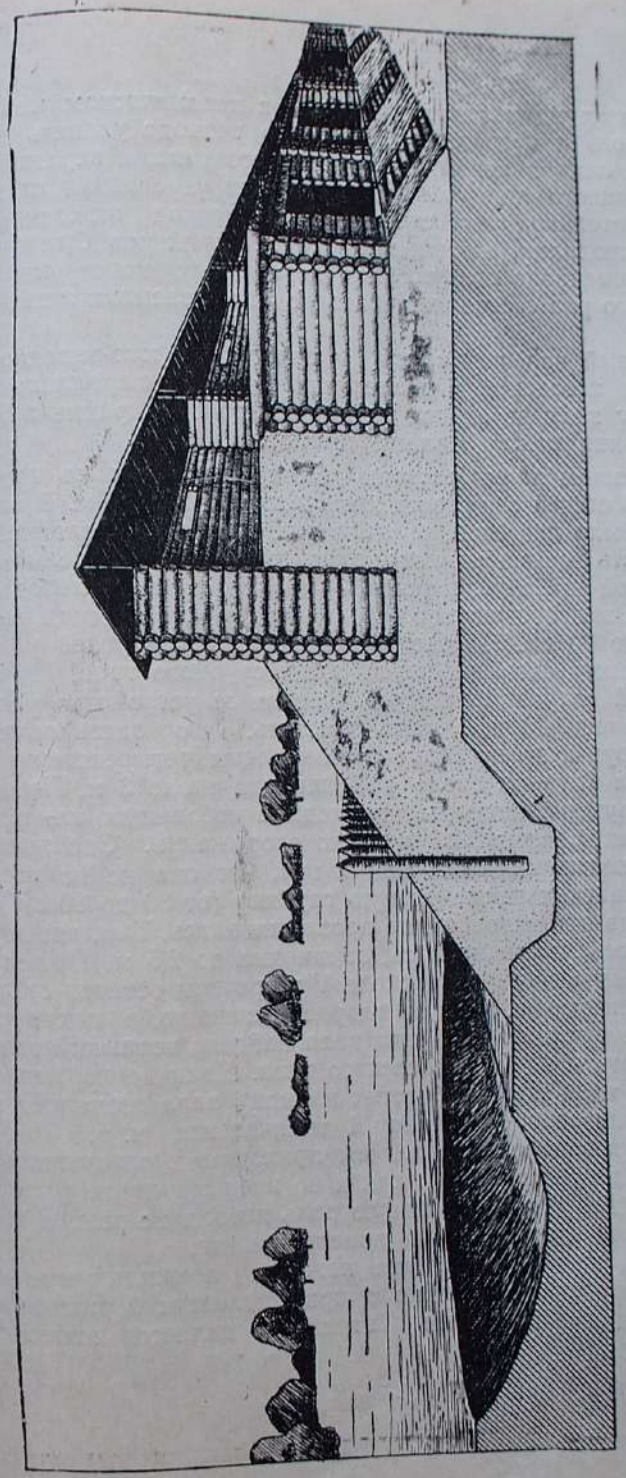


Рис. 49. Реконструкция деревянных укреплений на внутреннем валу.

Какой-либо принципиальной разницы в керамическом материале первого и второго строительного периода уловить не удалось. И лепная керамика боршевского типа, и керамика салтово-маяцкого типа в той и другой части укрепления сходны. Следовательно, один строительный период отделен от другого непродолжительным временем. Второй ров был вырыт одновременно с сооружением деревянных конструкций. Мел из этого рва составляет большую часть засыпки и насыпи вала.

Наружный вал начинался у оврага на юго-западной оконечности поселения и далее тянулся почти параллельно внутреннему валу до оврага на юго-восточной окраине плато. Расстояние между валами примерно 150 м.

На внешнем валу раскопы были заложены на двух участках[5]. В общей сложности здесь вскрыто 156 кв. м. В насыпи вала было два слоя, разделенных углистой прослойкой. Нижняя часть насыпи сложена из чернозема с включением глины и меловой щебенки, верхняя — из чернозема с меловой щебенкой. Высота нижней части насыпи до 45 см, общая высота вала до 70 см. По расположению остатков углей удалось проследить остатки конструкции срубного типа. Из-за очень плохой сохранности дерева детали ее устройства уловить не удалось. Можно лишь отметить, что здесь почти вплотную друг к другу были установлены четырехстенные срубы, длина которых около 4 м, ширина около 3 м. Перед валом с наружной стороны проходила небольшая канава, образовавшаяся, вероятно, при его сооружении. Это предположение подтверждается еще и тем, что она не на всех вскрытых участках имела равную глубину (от 30 до 80 см), а на одном из них и вообще не прослеживалась. Там, где эту канаву удалось зафиксировать, ее ширина до 2,5 м. При зачистке основания вала на раскопе V встречены остатки столбовых ямок, которые, судя по их расположению, с конструкцией вала не связаны. В насыпи вала найдена керамика раннего железного века и боршевского типа. Наличие керамики боршевского типа в обеих частях насыпи вала позволяет и это укрепление отнести к концу I тысячелетия н. э.

Суммируя вышесказанное, мы приходим к следующему выводу: как во внутренней, так и во внешней линии укреплений городища Титчиха главную роль играли не рвы, а валы, усиленные деревянными конструкциями.

Такие сложные укрепления кажутся неожиданными в свете прежнего представления о примитивности боршевской культуры. Однако городище Титчиха не является исключением. Во время раскопок вала на Малом Боршевском городище в насыпи были открыты остатки деревянных конструкций, сходных с конструкциями внутреннего вала Титчихи[6]. Здесь были сооружены те же трехстенные срубы. На раскопанном участке сохранились шесть венцов. С наружной стороны стены был насыпан вал. Со стороны мыса деревянные конструкции оставались открытыми и сильно обгорели. Укрепления Малого Боршевского городища датируются примерно тем же зременем, что и титчихинские.

Конструкция титчихинских укреплений хотя и имеет своеобразие, но по отдельным элементам находит себе аналогии среди славянских крепостей конца I тысячелетия (Судова Вишня, Белгород, Переяславь, Киев и др.). В Судовой Вишне были обнаружены остатки деревянной конструкции из четырехстенных срубов[7]. Четырехстенные срубы раскопаны и в валу древнего Переяславя[8]. Основу деревянных конструкций вала древнего Белгорода[9], как и на Титчихе, составляли трехстенные срубы, скрепленные в обло с длинными остатками. Длина белгородских срубов (от 3,35 до 4,95 м) примерно такая же, как и титчихинских. Частокол у подножья вала также не является исключительной особенностью только титчихинских укреплений. Частокол был открыт на склоне рва в древнем Киеве[10], на Белевском городище у г. Луцка[11] и ряде других укреплений.

Раскопки укреплений на городище Титчиха, а вслед за ним и на Малом и Большом Боршевских городищах положили начало полевым исследованиям боршевских укреплений. Уже сейчас можно сказать, что не только планировка, но и устройство укреплений на различных городищах боршевской культуры были различны. Большое Боршевское городище было укреплено не валом, как полагали ранее[12], а тремя рвами. Вал мысового Малого Боршевского городища оказался более сложного устройства, чем это представлялось

---

[5] Раскопы II и V.

[6] В 1964 г. экспедицией ВГУ обнаружены деревянные конструкции и в насыпи вала на северном мысу Архангельского городища.

[7] О. О. Ратич. Результати досліджень древньоруського городища Замчиська в м. Судова Вишня Львівської області в 1957—1959 рр. «Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині», вып. 4, Київ, 1962, стр. 106 след.

[8] П. А. Раппопорт. Указ. соч., стр. 82 след.

[9] Там же, стр. 75.

[10] М. К. Каргер. Древний Киев, стр. 100.

[11] О частоколе во рву Белевского городища нам сообщил П. А. Раппопорт.

[12] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 15.

до раскопок[13]. По системе укреплений городище Титчиха можно отнести к городищам сложного плана. Являясь самым южным городищем боршевской культуры, оно не случайно было укреплено лучше других поселений. Уже само местоположение этого поселения превращало его в важный стратегический пункт. Городища сложного плана встречаются довольно редко. Большей частью это остатки крупных городов Древней Руси конца X — начала XI в.[14] Если по данным материальной культуры нельзя говорить о городище Титчиха, как о городе, то, несомненно, оно было одним из важных сторожевых форпостов на окраине славянского мира.

Главными врагами, постоянно совершавшими в это время опустошительные набеги на славянские земли, были печенеги. Именно для защиты от печенежских набегов при князе Владимире, как сообщает летописец, «нача ставити городы по Десне и по Востри, и по Трубежеви, и по Суле, и по Стугне»[15]. Б. А. Рыбаков полагает, что такие укрепления сооружались тогда и далее по Пслу[16]. Городище Титчиха являлось одной из опорных крепостей на Дону в пограничном районе на стыке леса и степи.

Вооружение

Древним титчихинцам, вероятно, не раз приходилось отбивать нападения кочевников и выдерживать осаду. Об этом свидетельствуют находки оружия и обрывки кольчуги. На городище встречены небольшой обломок меча (рис. 51) и наконечники стрел (ромбовидные, двухшипные и бронебойные). Бронебойных наконечников[17] найдено три. Первый из них ланцетовидной формы с черенком (рис. 50 и). Его длина 7,5 см. Перо наконечника в сечении ромбовидное, а черенок квадратный. Подобные наконечники стрел имеются в коллекции Поломского могильника IX—X вв. (погребения 18, 26, 42)[18] и на городище Екимауцы[19]. Ланцетовидные нако-

[13] Там же, стр. 72.
[14] П. А. Раппопорт. Указ. соч., стр. 56, 58.
[15] «Повесть временных лет», стр. 83.
[16] Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963, стр. 72.
[17] Описание ромбовидных и двухшипных наконечников стрел дано в IV главе.
[18] Раскопки П. Г. Тарасова 1906 г. Коллекция хранится в Государственном Эрмитаже. См. также «Вятская губерния». Отчет ИАК за 1906 г., СПб., 1909, стр. 115—116.
[19] Г. Б. Федоров. Городище Екимауцы, стр. 116.

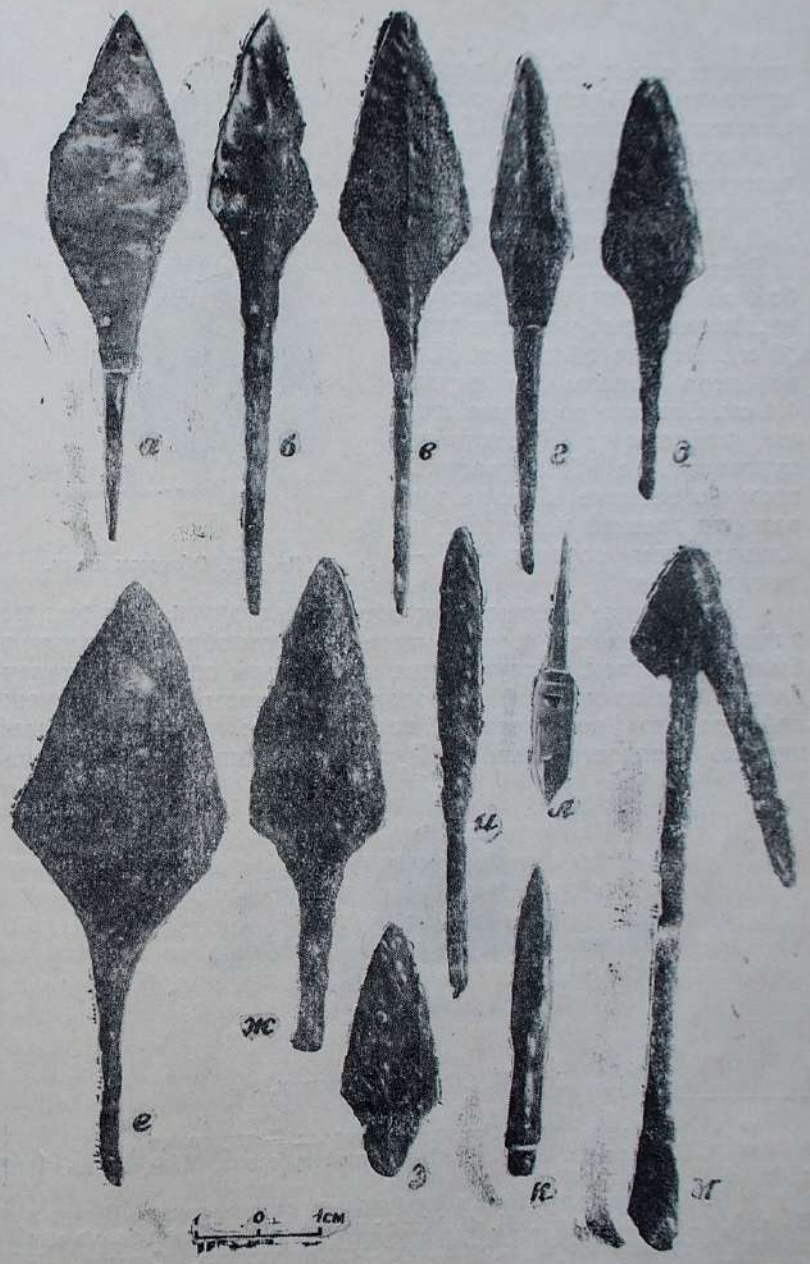


Рис. 50. Железные наконечники стрел.

нечники стрел были распространены на Руси и в скандинавских странах в IX—X вв.[20].

Второй наконечник стрелы четырехгранный (рис. 50 л). Наиболее сходны с ним стрелы из Екимауцкого городища.

Третий наконечник бронебойной стрелы четырехгранный и округлый у втулки (рис. 50 к). Втулка обломана. Длина пера стрелы до втулки 4,4 см. Близкие по форме стрелы найдены в Гнездовских курганах[21], в Перемчалкинском могильнике X в. на территории древней мордвы[22] и на Алчедарском городище IX — начала XI вв.

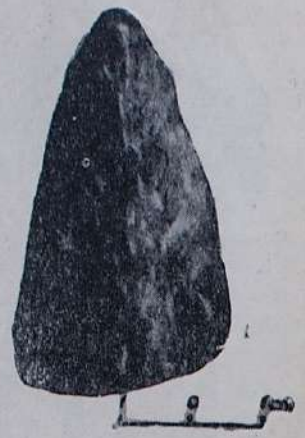


Рис. 51. Обломок меча.

На Титчихе найдены три обрывка кольчуги. Все они находились в одном и том же месте. В одном обрывке кольчуги было 12 колечек, в другом два и в третьем одно. Все колечки сделаны из круглой проволоки диаметром 1,5 мм. Внешний диаметр кольчужных колечек 1 см. Кольчуги были широко распространены на Руси[23]. Они чаще всего встреча-

Рис. 52. Обрывки кольчуги.

[20] А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, стр. 164.

[21] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. МАР, № 28, 1902, табл., IX, рис. 17.

[22] А. Е. Алихова. Из истории мордвы конца I—начала II тыс. н. э. В кн. А. Е. Алиховой, М. Ф. Жиганова, П. Д. Степанова. «Из древней и средневековой истории мордовского народа». Саранск, 1959, стр. 26, табл. 6, рис. 5

[23] А. Ф. Медведев. К истории кольчуги в древней Руси. КСИИМК, вып. 49, 1953, стр. 28 след.

ются в погребениях вместе с оружием. Находки кольчуг известны из курганов IX—X вв. на Черниговщине, в Гнездовском могильнике близ Смоленска, в грунтовом могильнике Старой Ладоги[24]. На поселениях этого времени их находят значительно реже. Так, известны кольчуги X в. в Новгороде[25], на Алчедарском городище[26].

Итак, городище Титчиха являлось южным форпостом славянских поселений боршевской культуры на Дону. Именно поэтому оно имело более мощные, чем на других городищах, укрепления. Этим же, вероятно, следует объяснить и находки на нем вооружения, типичного для дружинников.

[24] С. Н. Орлов. Вновь открытый раннеславянский могильник в Старой Ладоге. КСИИМК, вып. 65, 1956, стр. 97.

[25] А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, стр. 173.

[26] Г. Б. Федоров. Работы Прутско-Днестровской экспедиции в 1959 году. КСИИМК, вып. 86, 1961, стр. 80.

Глава VI

Датировка

Для датировки городища Титчиха, как и поселений вообще, приходится учитывать не только хорошо датированные предметы (монеты, некоторые виды украшений и т. д.), но также принимать во внимание и всю совокупность данных (коллекция вещей в целом, мощность культурного слоя и размеры поселка, устройство укреплений и т. п.). Только такой подход исключит случайности в датировке.

Датировка городища облегчается тем, что здесь встречено значительное число хорошо сохранившихся дирхемов. Дирхемы были найдены и на плато, и на мысу. Как указывалось выше, 22 монеты составляли клад в полуземлянке № 16, расположенной на мысу у подножья вала. Хронологический диапазон клада невелик (20 монет первой четверти X в., одна — 899 г., и лишь один дирхем относится к более раннему времени—728/729 г.). Все дирхемы, за исключением монеты VIII в., чеканились в Средней Азии. Судя по самой поздней монете, клад зарыт не ранее 923 г. Однако совершенно очевидно, что монета из Средней Азии не могла в тот же год стать достоянием владельца клада. Эта монета так же, как и многие другие, в течение какого-то времени находилась в обращении, а затем служила украшением, о чем свидетельствуют пробитые в ней отверстия. На некоторых монетах имеются следы потертости, что говорит об их длительном использовании. Для определения времени, когда был зарыт клад, важно учесть и еще одно обстоятельство. Как и в большинстве жилищ, в полуземлянке № 16 имелись следы пожара. Это позволяет полагать, что она перестала существовать в то же время, когда и все поселение в целом.

Семья, обитавшая в этой полуземлянке, унесла с собой весь скарб. Из вещей при раскопках, не считая обломков глиняной посуды, было встречено только одно пряслице. Естественно возникает вопрос, почему же, захватив всю утварь, обитатели этого жилища не взяли с собой монет. Это вряд ли можно объяснить только той поспешностью, с которой было оставлено жилище. Дирхемы представляли в ту пору большую ценность, и их должны были взять в первую очередь. По всей вероятности, клад был спрятан членом семьи, умершим задолго до того, как его родичам пришлось покинуть городище. Жившая в полуземлянке семья не знала о кладе. Следовательно, с момента зарытия клада до того, как полуземлянка была оставлена его жителями, прошло какое-то количество времени. Таким образом, от года чеканки наиболее поздней монеты клада до того, как было покинуто жилище, должно было пройти несколько десятков лет, на протяжении которых монеты прошли путь из Средней Азии на Дон, находились в обращении, служили украшениями, а затем хранились в кладе. Все это позволяет полагать, что полуземлянка № 16 была покинута ее обитателями не ранее конца X в.

Остальные монеты с городища были потеряны их владельцами задолго до того, как они оставили поселок. Именно поэтому все монеты, за исключением одной, находились во втором и третьем штыках. Они также чеканились в Средней Азии в первой четверти X в. Четыре монеты из шести какой-то промежуток времени служили украшениями.

Другая категория вещей, важная для датировки, — украшения. В их числе стеклянные и каменные бусины, стеклянные браслеты, металлические перстни, подвески и т. д. Типы стеклянных (лимонные и лимоновидные, синие зонные, овальные, глазчатые и др.) так же, как и каменных (призматические и округлые) бусин, встреченных на Титчихе, были особенно широко распространены в X—XI вв.[1].

На городище они найдены по всей площади поселения, главным образом в первом и втором штыках, а также в насыпи вала (лимоновидные) и в заполнении отдельных жилищ. Особенно интересны находки бусин в развалке печей полуземлянок № 33 (плато) и № 17 (мыс). В обоих случаях это были лимоновидные бусины.

---

[1] Ю. Л. Щапова. Стеклянные бусы древнего Новгорода, «Труды Новгородской археологической экспедиции», т. I, МИА № 55, 1956, стр. 167—178; И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, стр. 51; М. В. Фехнер, К вопросу об экономических связях древнерусской деревни, стр. 152.

От стеклянных браслетов, как указывалось выше, на городище найдены три обломка. Два из них встречены на пла-то в первом штыке, они круглые в сечении, черного цвета. Такие браслеты широко распространены в хазарском слое Саркела-Белой Вежи IX—X вв.[2]. Третий фрагмент от ложнови-того браслета фиолетового цвета встречен в заполнении по-луземлянки № 17. Как показали результаты спектрального анализа, браслет изготовлен из калиево-свинцово-кремнезем-ного стекла, окрашенного окисью марганца. Браслеты из этого стекла встречаются с 30-х гг. XII в. до середины XIII в.[3]

Металлические украшения по месту их происхождения можно разделить на две группы. В первую группу входят украшения, типичные для алано-хазарского мира. Среди них бронзовые перстни. Подобные перстни известны из Верхне-Салтовского могильника VIII—X вв. и из Борисовского мо-гильника на Северном Кавказе[4]. Ареал распространения по-добных перстней довольно широк. Бронзовый перстень встре-чен в кладе на Новотроицком городище. Вместе с ним нахо-дились шейная гривна, близкая по форме к гривне из Полтав-ского клада 1905 г., серебряный пластинчатый браслет с рас-ширенными концами, пятилучевое височное серебряное коль-цо и 7 височных колец из круглой проволоки с неспаянными концами[5]. И. И. Ляпушкин время возникновения этого горо-дища относит к рубежу VIII—IX вв., а прекращение жизни на поселении—к концу IX—началу X вв.[6] Следовательно, этим отрезком времени датируется и клад, в котором встречен интересующий нас перстень. Подобные перстни имелись и в древних мордовских могильниках IX в. — Томниковском и Перемчалкинском[7]. К украшениям, широко распростране-ным среди алано-хазарских древностей, относится также упомянутая выше округлая подвеска. Аналогии ей имеются среди украшений в могильнике у с. Верхнее Салтово[8]. К этой же категории ювелирных изделий принадлежит за-стежка продолговатой формы. Подобные застежки известны среди древностей VIII—X вв.[9]

[2] З. А. Львова. Стеклянные браслеты и бусы.., стр. 310.
[3] Ю. Л. Щапова. Результаты спектрального анализа бус.., стр. 269.
[4] В. В. Саханев. Раскопки на северном Кавказе.., табл. V, рис. 16 и 17.
[5] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое.., стр. 24—26.
[6] Там же, стр. 188.
[7] А. Е. Алихова. Хронологические и племенные отличия в куль-туре мордвы, стр. 70, рис. 1—25, 26.
[8] С. Семенов-Зусер. Розкопки коло с. Верхнього Салтова.., табл. I, рис. 22.
[9] С. Станчев, С. Иванов. Некрополът до Нови пазар, стр. 96, табл. XXIII, рис. 1; М. И. Артамонов. История хазар, стр. 297, 322; «Альбом древностей мордовского народа», табл. VII, рис. 17.

Другую группу украшений составляют предметы, сде-ланные по восточным образцам (пятилучевые, семилучевые височные кольца и лунницы). Как уже было показано в IV главе, наиболее близкие титчихинским типы лучевых колец найдены в Железницком кладе. Железницкий клад, судя по встреченным в нем монетам, был зарыт не ранее чем в конце IX в.[10]. К этой же ранней группе височных колец относятся и кольца из Полтавского клада также IX в.[11], с Новотроиц-кого и верхнего слоя Хотомельского городищ.[12].

Трехконечные лунницы, близкие по форме к титчихин-ским, украшали ожерелья славян преимущественно в IX—X вв.[13]. Аналогии остроугой титчихинской лунице имеются среди древностей IX—XI вв.[14]. Все украшения встречены и на мысу, и на плато.

Показательными для датировки могут явиться отдель-ные виды вооружения. На Титчихе хорошо сохранились лишь наконечники стрел. Они были найдены в разных частях го-родища. Такие наконечники использовались славянскими и некоторыми неславянскими народами в IX—XI вв.

В числе бытовых изделий, которые в какой-то мере го-ворят о датировке, — калачевидное кресало, замок, а также глиняная посуда. Кресало калачевидной формы длиною 6,8 см. В середине ударного лезвия у него имеется язычок, концы кресала слегка утолщены (рис. 53). Такого типа кресала хорошо известны не только на Руси, но и во всем славян-ском мире. Они бытовали в X—XI вв.[15].

[10] Г. Ф. Корзухина. Русские клады. М.—Л., 1954, стр. 21.
[11] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 109—110.
[12] Слой Хотомельского городища, в котором встречено височное кольцо, Ю. В. Кухаренко датирует VIII—X вв. (Ю. В. Кухаренко. Средневековые памятники Полесья.., стр. 9).
[13] Г. Б. Федоров. Городище Екимауцы, стр. 110; J. Poulik. Staroslovanská Morava.., str. 66, tabl. XLV, 12; J. Poulik. Jižni Morava země dávných slovanů, str. 81.
[14] Г. Б. Федоров. Городище Екимауцы, стр. 113, рис. 48, 2; Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья.., рис. 78, 25.
[15] А. В. Арциховский. Культурное единство славян в средние века. СЭ, 1946, № 1, стр. 89. Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э., стр. 66, рис. 28, 3; Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. «Труды Новгород-ской археологической экспедиции», т. II, МИА, № 65, 1959, стр. 101, рис. 84, 1; Г. Б. Федоров. Итоги трехлетних работ в Молдавии в об-ласти славяно-русской археологии, стр. 20, рис. 8, 3; Н. Г. Недошивина. Предметы бытового назначения. Сб. «Ярославское Поволжье в X—XI вв». М., 1963, стр. 51; V. Hrubý. Staré Město, tabl. 72, 12.

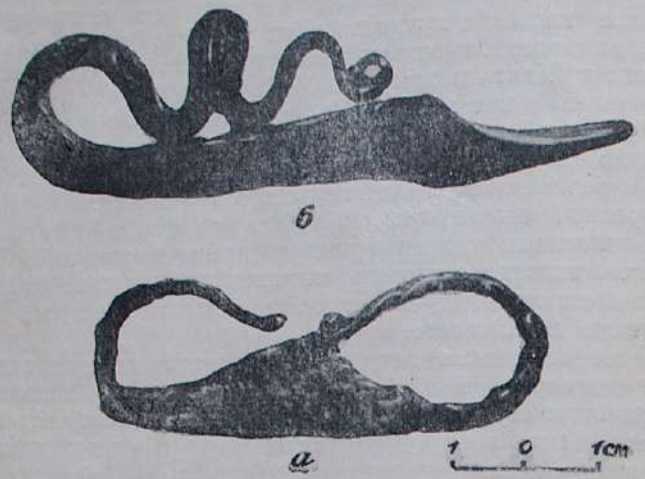


Рис. 53. Железные кресала.

Навесной двухцилиндровый замок (рис. 56) был встречен во втором штыке возле входа в полуземлянку № 20. Высота его корпуса 7,5 см. В донцах замка имеются прорези для ключа. Навесные замки были широко распространены на земле восточных славян. Они встречены и в городах (Новгород, Киев, Изяславль и др.), и в сельских поселениях, известны и в славянском слое Саркела-Белой Вежи. Изучением цилиндрических висячих замков занимались Б. А. Рыбаков[16], Б. А. Колчин[17], С. С. Сорокин[18]. Благодаря их исследованиям разработана типология и датировка замков. Сложилось представление, что подобные замки были распространены на Руси с XI до начала XIII вв. Однако в последнее время появляются материалы, которые дают возможность пересмотреть время употребления таких замков. Кроме Титчихи навесные двухцилиндровые замки встречены и на других, более ранних памятниках. Один такой замок найден на городище Маяки под Харьковом, которое датируется VIII—X вв.[19].

[16] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 218 след.

[17] Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА, № 32, 1953, стр. 152 след.

[18] С. С. Сорокин. Железные изделия Саркела-Белой Вежи, стр. 172 след.

[19] Доклад В. К. Михеева на секции славяно-русской археологии пленума ИА в 1964 году.

Части замков встречены в курганах № 166 и 289 Тимеровского могильника под Ярославлем. В обоих курганах был совершен обряд трупосожжения. В кургане № 166 наряду с остатками замка найдены также обрывки железной кольчуги и, что особенно важно для датировки этого погребения, обломки костяного гребня и подковообразная фибула, а также два лепных сосуда. Гребень принадлежал к типу односторонних, такие гребни были распространены в X—XI вв.[20]. Подковообразные фибулы носили в IX—X вв.[21]. Глиняные лепные сосуды Тимеровского могильника датируются X—XI вв.[22]. Таким образом, судя по тому, что при погребенном была фибула IX—X вв., следует предположить, что это погребение датируется не позже чем X в. Курган № 289 относится к тому же времени[23]. Все эти находки дают возможность появления навесных двухцилиндровых замков отнести не к XI, а к X в.[24]. К этому времени, исходя из всей совокупности материалов с городища Титчиха, относится и найденный здесь замок.

Существенное значение для определения времени городища имеет керамический материал. Поскольку абсолютная датировка всей массы керамики затруднительна, укажем лишь на два типа привозных сосудов, встреченных на городище. Это красноглиняные кувшины, которые датируются X в. и круглодонные амфоры, датируемые VIII—IX вв. Что касается основной массы местной керамики, вылепленной от руки, то датировать ее значительно сложнее. В настоящее время получило широкое распространение мнение о том, что лепная керамика в X или, во всяком случае, в конце X в. повсеместно сменяется гончарной[25], в том числе и на очень близких по уровню материальной культуры памятниках роменского типа[26]. Однако, по данным раскопок городища Титчиха, это заключение нельзя распространять на всю терри-

[20] М. В. Фехнер. Изделия костерезного производства. «Ярославское Поволжье X—XI вв.». М., 1963, стр. 39.

[21] М. В. Фехнер. Внешнеэкономические связи по материалам ярославских могильников. «Ярославское Поволжье в X—XI вв.», М., 1963, стр. 81.

[22] В. А. Мальм. Культовая и бытовая посуда из ярославских могильников. «Ярославское Поволжье в X—XI вв.», стр. 47.

[23] Тимеровский могильник. Сводная таблица, стр. 19. Сб. «Ярославское Поволжье в X—XI вв.», М., 1963.

[24] В 1964 г. во время раскопок Воргольского городища в боршевском слое встречена дужка от цилиндрического замка.

[25] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 77; Я. В. Станкевич. Керамика нижнего горизонта Старой Ладоги. СА, XIV, 1950, стр. 203; В. А. Мальм. Производство глиняных изделий, стр. 126.

[26] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, стр. 182 след.

торию восточных славян. Лепная керамика на Титчихе встречена по всей площади поселения и во всей толще культурного слоя. Причем, как отмечалось выше, различные типы ее сосуществовали. Наиболее определенно нашу лепную керамику можно датировать по кладу монет в полуземлянке № 16. В углу этой полуземлянки, на полу, стоял лепной горшок с обгорелыми зернами гороха. На полу этого жилища встречены также и отдельные фрагменты лепной керамики. Лепной посудой население пользовалось до последних дней жизни в полуземлянке, т. е. до конца X в. Это позволяет прийти к заключению, что на Титчихе лепная керамика существовала на протяжении всего X в. К XI в. относятся лишь четыре фрагмента гончарной керамики вполне развитых форм.

Таким образом, среди наиболее характерных для датировки металлических, стеклянных, каменных и глиняных изделий встречаются вещи, которые бытовали в IX—X вв. К более раннему времени относится лишь один дирхем из клада, чеканенный в 728/729 г. Однако, если учесть, что эта монета была на 200 лет древнее всех остальных монет клада, то совершенно естественно, что прежде чем попасть в клад, она очень длительное время находилась в обращении, в том числе и использовалась в качестве украшения (на ней пробито три отверстия, из которых одно запаяно). Поскольку это единственная вещь собственно VIII в., то на нее нельзя ссылаться при определении нижней даты существования городища. Не исключена возможность, что на городище она попала много позже, уже в IX в. Среди вещей, безусловно более поздних, 4 фрагмента гончарной керамики и один обломок браслета. Что касается фрагментов гончарной керамики, то они не могут повлиять на датировку уже потому, что на фоне большого керамического материала они являются исключением. Браслет середины XII—XIII вв. встречен в грунте, заполнявшем полуземлянку № 17. Здесь же находилась обычная для городища лепная посуда, две лимоновидные бусины и железный ромбовидный наконечник стрелы гнездовского типа. Время существования этой полуземлянки хорошо датируется кладом ювелирных украшений (два пятилучевых височных кольца, два височных кольца из округлой проволоки с несомкнутыми концами) и лимоновидной бусиной, найденными в развалке печи-каменки возле северо-восточной стены.

Особенностью этой полуземлянки является широкая и глубокая трещина в меловом грунте, которая пересекала ее с запада на восток. Эта трещина образовалась после того, как

жилище было заброшено. При оседании грунта произошло значительное смещение почвенного слоя внутрь жилища. Этим объясняется то, что наряду с обычными для городища вещами в котловане жилища попал и обломок более позднего браслета, находившегося в то время на поверхности. Наличие на городище нескольких более поздних вещей не является чем-то неожиданным. В XI—XIII вв. на Среднем Дону существовали славянские поселения, хотя их и было значительно меньше, чем в предшествующий период. Об этом свидетельствуют отдельные фрагменты гончарной керамики, встреченные вблизи городища, на месте сарматского могильника, известного в литературе под названием «Бугрики», на левом берегу Дона против хутора Титчиха у с. Старая Хворостань и в некоторых других местах по побережью, а также женское погребение XI—XII вв., раскопанное в с. Борщево[27]. Вполне естественно, что люди, жившие по берегам Дона, могли посещать и заброшенное к тому времени славянское поселение.

Планировка городища, расположение и устройство укреплений не противоречат той датировке, которая устанавливается по вещественному материалу. Городища сложного плана, подобные Титчихе, относятся к крепостным сооружениям с развитой системой планировки оборонительных укреплений и возникают не ранее конца X — начала XI в.[28]. Устройство оборонительных укреплений, судя по лучше сохранившейся внутренней линии, как уже было показано, находит себе аналогии также среди памятников конца X в.

Таким образом, вещественный материал, планировка и устройство укреплений позволяют считать, что городище существовало с IX по X в. включительно.

В связи с тем, что площадь поселения была велика и само городище состояло как бы из двух частей, небезынтересно выяснить последовательность его заселения. Основываясь на большей мощности и большей насыщенности слоя на мысу различными культурными остатками, можно полагать, что на мысу люди жили более продолжительное время, чем на плато. Судя по тому, что уже в насыпи вала, связанной с его первым строительным периодом, встречается керамика боршевского и салтово-маяцкого типов, первоначально здесь существовало неукрепленное поселение. Оно размещалось главным образом в черте мыса. На мысу имеется значительное скопление полуземлянок. В двух случаях более поздние

[27] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 6—7.

[28] П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества., стр. 58.

жилища частично врезаются в более ранние. Во всех жилищах, за исключением этих, более ранних, имеются следы пожара.

На плато наиболее густо заселен и насыщен культурными остатками участок возле вала к востоку от линии Ви. В западной части раскопа жилищ было меньше, а насыщенность слоя различными культурными остатками незначительна. Даже фрагментов керамики и раздробленных костей животных, которые обычно встречаются в большом числе, здесь было очень немного. При этом обращает на себя внимание и то, что только в этой части поселения 6 из 9 жилищ были ориентированы иначе, чем остальные полуземлянки на всей раскопанной территории. Керамический и прочие материалы, собранные на этом участке поселения, ничем не отличаются от материалов с поселка в целом. Таким образом, если на мысу и была наиболее древняя часть поселения и этот участок городища был заселен на протяжении всего существования поселка, то плато освоено неравномерно. Наиболее продолжительное время население жило в его западной части. Хронологически расчленить периоды жизни поселения не представляется возможным, ибо, как было показано выше, характер материальной культуры на всем протяжении существования городища существенно не менялся.

Древнерусское поселение у хутора Титчиха перестало существовать не ранее конца X в. Как уже отмечалось, жители, уходя с поселения, забрали с собою орудия труда и другие, наиболее ценные вещи, а дома подожгли. Примерно в то же время были покинуты и другие древнерусские поселения по Дону и Воронежу.

Чем же можно объяснить, что были оставлены обжитые и благодатные в природном отношении места[29]? Ни археологические, ни письменные источники не дают прямого ответа на этот вопрос. По всей видимости, уход населения с этих мест был связан с участившимися в конце X в. набегами печенегов[30].

Если полагать, что пути движения кочевников на запад с течением лет особенно не менялись, то печенегам, так же как позже татарам, были известны многочисленные «перелазы» через Дон и Воронеж, о которых в связи с татарами упоминается в ряде документов Разрядного приказа. Они

[29] В документах XVII в., например, о районе реки Хворостани (Форостань), впадающей в Дон чуть ниже городища Титчиха, говорится, что «вотчина эта всякими угодьями изобильна и лучше ее на Дону нет» (Н. В. Никольский. Монашество на Дону. «Воронежская старина», вып. 6. Воронеж, 1907, стр. 63).

[30] Как известно, именно в конце X в. набеги печенегов участились.

были у р. Хворостани, у с. Борщево, Архангельского, Костенок, Устья, у Воронежа[31] и в ряде других мест, т. е. славянские поселения по Дону и Воронежу находились непосредственно на пути продвижения печенежских орд. Постоянная угроза разорения и угона в рабство заставила древнерусское население в конце X в. покинуть эти места.

В связи с этим естественно возникает вопрос о том, куда ушло население с Титчихи и других поселений этого края.

Естественно полагать, что древнерусское население с берегов Дона и Воронежа ушло куда-то в менее доступные для кочевников места. Это, вероятно, были лесные районы. В литературе высказывалось предположение, что древнерусское население Подонья постепенно переселялось на среднее течение Оки[32]. Детальное обследование возможных путей продвижения древнерусского населения с берегов Дона позволит более определенно ответить на этот вопрос.

[31] ЦГАД, ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола № 651, л. 92, 93. Там же. Книга Белгородского стола № 30, л. 9.

[32] А. Л. Монгайт. Из истории населения бассейна среднего течения Оки в I тысячелетии н. э. СА, XVIII, 1953, стр. 181; Рязанская земля, стр. 329.

Глава VII

Этнический состав населения

Письменные источники не сообщают ни имени, ни этнической принадлежности народа, жившего по Верхнему и Среднему Дону в конце I тысячелетия. Это затрудняет решение вопроса о том, какой народ оставил памятники боршевского типа.

Первые исследователи боршевских поселений и курганов высказывали различные точки зрения. Л. Б. Вейнберг и Е. Л. Марков, как отмечалось выше, считали их хазарскими. Л. Б. Вейнберг писал, что примерно от с. Чертовицкого до Червленного Яра (у устья р. Воронеж) «весь правый берег носит на себе несомненные следы пребывания какого-то культурного народа, которого назовем Казарами, или Хазарами, следуя писцовым книгам»[1]. А. А. Спицын раскопанные им памятники в с. Борщево первоначально отнес к дьяковской культуре[2]. А. И. Мартинович, хотя и не очень уверенно, но все же высказал предположение, что Лысогорские курганы являлись погребениями одного из славянских племен[3]. Между тем историки второй половины XIX века, затрагивавшие вопрос об этнической принадлежности населения Верхнего и Среднего Дона, не сомневались, что здесь жили славяне, и даже называли конкретные племена. П. В. Голубовский полагал, что на Дону жили вятичи[4], Д. И. Багалей называл

[1] Л. Б. Вейнберг. Очерк замечательнейших древностей Воронежской губернии, стр. 35.

[2] А. А. Спицын. Новые сведения о городищах Дьякова типа. «Записки отд. русск. и славян. археологии Русского археологического общества», т. VII, вып. 1, СПб., 1905, стр. 93.

[3] А. И. Мартинович. Раскопки курганов вблизи хазарского городища в 1906 г., стр. 66.

[4] П. В. Голубовский. История Северской земли до половины XIV столетия. Киев, 1881, стр. 4 след.

северян[5], а Н. П. Барсов допускал возможность обитания в Подонье северян и вятичей[6].

Очень обстоятельно с привлечением не только косвенных данных «Повести временных лет» (поход Святослава на хазар), но и гидронимики Донского бассейна, а также свидетельств арабских авторов подошел к вопросу о племенной принадлежности донских славян А. А. Шахматов. Он пришел к заключению, что в X в. вятичи жили не на Оке, а в бассейне Среднего и Нижнего течения Дона[7].

В 20-х годах А. А. Спицын пересмотрел свою точку зрения на боршевские памятники и высказал мнение, что боршевские курганы принадлежали вятичам[8]. В 1930 г. вышла в свет интересная монография Ю. В. Готье о железном веке в Восточной Европе. Автор полагает, что Верхнее и Среднее Подонье было заселено в результате передвижения сюда радимичей и северян[9].

Раскопки 20—30-х годов полностью подтвердили правильность предположения о том, что памятники боршевского типа оставлены славянами. Об этом свидетельствует весь облик материальной культуры. Однако вопрос о том, какое из славянских племен жило на Верхнем и Среднем Дону, нельзя считать окончательно решенным. Специально этим вопросом никто из археологов и историков не занимался. Его касались лишь попутно. В настоящее время большинство исследователей (П. П. Ефименко[10], П. Н. Третьяков[11], А. В. Арциховский[12], А. Л. Монгайт[13], Б. А. Рыбаков[14],

[5] Д. И. Багалей. История Северской земли. Киев, 1882, стр. 13 след.

[6] Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии. 2-е изд. Варшава, 1885, стр. 77. 1-е изд. вышло в 1873 г.

[7] А. А. Шахматов. Южные поселения вятичей. «Известия Академии Наук», сер. 6, т. 1, 1907, стр. 723 след.

[8] А. А. Спицын. Археология в темах начальной русской истории. «Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову», Петроград, 1922, стр. 8.

[9] Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М.—Л., 1930, стр. 216, 226 след.

[10] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 12.

[11] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 240; К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э. СА, 1957, 2, стр. 74; Итоги археологического изучения восточнославянских племен. М., 1958, стр. 10, рис. 2.

[12] А. В. Арциховский. Основы археологии, стр. 194.

[13] А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 19—20; Рязанская земля, стр. 85.

[14] Первоначально Б. А. Рыбаков связывал памятники боршевской и

Д. Т. Березовец[15], Т. Н. Никольская[16] и другие) вслед за А. А. Шахматовым и А. А. Спицыным полагают, что в конце I тысячелетия в бассейне Верхнего и Среднего Дона жили вятичи. Иную точку зрения представляет взгляд И. И. Ляпушкина, высказывавшего предположение, что славянские поселения по Дону не были «ни северянскими, ни вятическими, а принадлежали одной из тех незначительных племенных славянских групп, которые совсем не упоминаются в летописи». Он полагает, что это население можно связать со «сльнюн», упоминаемыми в письме хазарского кагана Иосифа[17].

В своих более поздних работах И. И. Ляпушкин не возвращается к этому вопросу, но подчеркивает сходство роменской и боршевской культур и объединяет их в единую роменско-боршевскую культуру[18]. Первоначально в качестве сходных черт в роменской и боршевской культурах им отмечались местоположение поселений в недоступных местах, жилища-полуземлянки, общий тип керамики, захоронение в курганах с деревянными камерами[19]. При этом И. И. Ляпушкин в качестве признаков, особенно подчеркивающих родство обеих культур, называл наличие у роменцев, как и у боршевцев глиняных тарелок (сковородок), якобы нигде на поселениях этой поры (кроме Салтова) не встречающихся, а также сосудов, орнаментированных вертикальными желобками (каннелюрами), которые известны только на роменских и боршевских городищах[20]. Впоследствии И. И. Ляпушкин снова возвращается к характеристике роменско-боршевской культуры и несколько конкретизирует ее. Теперь в качестве основных черт им отмечаются: «1) укрепленный тип поселений в пограничных со степью районах и неукрепленный в областях, удаленных от степи; 2) полуземляночный тип жилищ с печами-каменками или печами, вырезанными в материковой глине; 3) лепная по преимуществу керамика (характерные типы сосудов—горшки, миски, сковородки, большие сковородки); 4) господствующий обряд захоронения — трупосожжение; 5) примитивность и архаизм культуры»[21]. Объединение роменской и боршевской культур в единую культуру было принято рядом исследователей[22]. Однако особенности, характерные, по мнению И. И. Ляпушкина, для роменско-боршевской культуры, в действительности встречаются на других славянских памятниках лесостепи. По всей лесостепи, где была угроза нападения кочевников, поселения сооружались на высоком берегу реки и были укреплены[23]. Везде в этой полосе встречаются полуземляные жилища[24]. Лепная посуда, употребляемая как роменцами, так и боршевцами, в том числе сковородки, известна и на других более западных поселениях лесостепи[25]. Что же касается обряда захоронения с трупосожжением, то, как известно, он в одинаковой мере был распространен у всех славян в период язычества. В то же время, если сравнить хотя бы только материалы с поселений роменского и боршевского типов, то можно видеть, что каждая из этих культур имеет и свои специфические черты. Особенно показательны керамический материал и некоторые детали в устройстве жилищ.

Разница в керамическом материале прослеживается прежде всего по тем примесям, которые добавлялись к глине. К глине боршевских сосудов добавлялись шамот, песок, а иногда и растительные примеси, но нет дресвы, которая встречается в роменских сосудах. Форма однотипных сосудов на поселениях боршевской и роменской культур все же различна. В этом отношении особенно показательны горшки. Горшки с боршевских поселений имеют разные силуэты, но для всех них, как правило, характерна приземистость. У них

роменской культуры с антами (Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. ВДИ, 1939, № 1, стр. 322). В последующих работах он относит население Подонья к вятичам (Б. А. Рыбаков. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси, СА, XVIII, 1953, стр. 135; Первые века русской истории. М., 1964, стр. 17).

[15] Д. Т. Березовець. До питання про літописних сіверян. А., т. VIII, Київ, 1953, стр. 37 след.

[16] Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна Верхней Оки.., стр. 84.

[17] И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам. МИА, № 6, 1941, стр. 239.

[18] И. И. Ляпушкин. О датировке городищ роменско-боршевской культуры, стр. 126 след.; Городище Новотроицкое, стр. 167 след.

[19] И. И. Ляпушкин. О датировке городищ.., стр. 126.

[20] Там же, стр. 128.

[21] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, стр. 168. После раскопок на Новотроицком городище И. И. Ляпушкин отказался от характеристики роменско-боршевской культуры как примитивной и архаичной (там же, стр. 170 след.).

[22] В. И. Довженок. Розкопки біля с. Волинцевого, стр. 251 след.; П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв., стр. 23 след.; М. И. Артамонов. История хазар, стр. 289, 405.

[23] И. И. Ляпушкин. Место роменско-боршевских памятников среди славянских древностей. «Вестник ЛГУ», № 20, серия истории, языка и литературы, вып. 4, 1956, стр. 54.

[24] И. И. Ляпушкин. Место роменско-боршевских памятников среди славянских древностей, стр. 54. J. Korošec. Uvod v materialno kulturo slovanov zgodnjega srednjega veka. Ljubljana, 1952, str. 148.

[25] И. И. Ляпушкин. Место роменско-боршевских памятников среди славянских древностей, стр. 54.

нет того изящества линий и легкости, которые типичны для горшков роменских поселений. Это объясняется тем, что при равной высоте у горшков боршевского типа разница в диаметрах днища и горловины значительно меньшая, чем у сосудов роменского типа. Для боршевских горшков удлиненных пропорций не типична высокая прямая горловина[26], обычная на сосудах роменского типа. Орнамент на боршевских сосудах, как правило, менее четкий, чем на роменских. Боршевцы обычно украшали орнаментом обрез венчика и плечики сосудов, тогда как на роменских сосудах орнамент встречается и с внутренней стороны венчика, и по всему тулову сосудов[27]. Линейный и волнистый орнамент на боршевских горшках не встречается, а на сосудах роменского типа он известен[28]. Что же касается каннелюр, которые отмечались И. И. Ляпушкиным в качестве особенности орнамента на роменских и боршевских сосудах, то в действительности для боршевской культуры они не типичны.

В связи с глиняными изделиями следует упомянуть о так называемых «конусах», которые являются обычной находкой на поселениях роменского типа[29] и ни разу не были встречены у боршевцев.

Устройство полуземляных жилищ боршевской культуры также имеет свои особенности в сравнении с аналогичными жилищами на поселениях роменской культуры. Материковые стены нижней части боршевских жилищ всегда облицовывались деревом. Полуземлянки на роменских поселениях иногда облицовывались также и плетнем[30]. Кроме того, среди роменских жилищ встречаются полуземлянки и с необлицованными стенами[31], которые в некоторых случаях обмазывались глиной[32].

Еще более существенные различия имеются в устройстве печей. Печи на поселениях боршевского типа в большинстве

[26] Таких сосудов на ранее раскопанных городищах боршевского типа встречено всего несколько. На Титчихе они вообще не найдены.

[27] И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. МИА, № 104, 1961, стр. 238, 240; Городище Новотроицкое, стр. 32 след., рис. 20, 21.

[28] М. Макаренко. Орнаментація керамічних виробів в культурі городищ роменського типу, табл. II, рис. 13—15, 17, 18; И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное Левобережье.., стр. 238 след.

[29] И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное Левобережье.., стр. 229.

[30] Д. Т. Березовець. До питання про літописних сіверян, стр. 29.

[31] И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное Левобережье.., стр. 226.

[32] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, стр. 127.

своем сооружались из камней или из камней и глины. Печи из других материалов встречаются как исключение. На роменских поселениях наиболее типичными являются печи кубовидной формы, вырезанные в материковом останце[33], и печи в виде подбоя в стенах жилищ[34].

В хозяйстве боршевцев также была своя специфика. Охота у боршевцев играла большую роль, чем у роменцев. Об этом наглядно свидетельствует соотношение количества особей диких и домашних животных на поселениях того и другого типа[35]. Количество копытных диких животных на городищах боршевской культуры значительно меньше (43,6%), чем на городищах роменской культуры (76,9%)[36]. В то же время на всех поселениях боршевского типа встречено большое количество особей бобра (37,8%), тогда как на роменских поселениях их сравнительно немного (10,7%). Это свидетельствует и о различной направленности в охоте.

Своеобразие боршевской культуры проявляется в отдельных чертах языческой религии. Так, боршевцы в значительно большем количестве, чем роменцы, носили различного рода амулеты. На городищах роменского типа они встречаются очень редко. Их совершенно нет, например, на полностью раскопанном Новотроицком городище, на довольно хорошо исследованных Опошнянском и Петровском городищах. На Шуклинском[37] и Волынцевском[38] городищах встречены лишь просверленные клыки медведя.

На Титчихе же и других городищах боршевского типа просверленные зубы животных и астрагалы, которые носили в качестве амулетов, встречаются в большом числе.

Таким образом, боршевская и роменская культуры во многих отношениях имели свои специфические особенности. Они объясняются местными этнографическими традициями. Поэтому мы вполне разделяем мнение П. Н. Третьякова[39], Д. Т. Березовца[40], Г. Ф. Соловьевой[41] и других исследовате-

[33] И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное Левобережье.., стр. 228.

[34] Там же, стр. 230.

[35] В. И. Цалкин. Материалы для истории скотоводства.., табл. 80.

[36] Там же. стр. 129.

[37] Т. Н. Никольская. Шуклинское городище, КСИИМК, вып. 72, 1958, стр. 76.

[38] В. П. Довженок. Розкопки біля с. Волинцевого.., табл. III, рис. 19.

[39] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 239 след.

[40] Д. Т. Березовець. До питання про літописних сіверян, стр. 38.

[41] Г. Ф. Соловьева. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв. н. э. (вятичи, радимичи, северяне), СА, XXV, 1956.

лей, которые связывают эти культуры не с одним, а с двумя различными племенами или союзами племен.

Нам представляется, что поскольку роменские памятники распространяются преимущественно на той территории, которую летописец определяет как северянскую, то ее вполне правомерно связывать с северянами[42]. Что же касается племенной принадлежности населения, оставившего памятники боршевской культуры, то окончательное решение этого вопроса—дело будущего. Сейчас можно сказать, что материальная культура донских славян не тождественна материальной культуре роменцев—северян. В то же время донские славяне имеют много общего с культурой окских вятичей, на что уже обращалось внимание в литературе[43]. Население, оставившее памятники боршевского типа, вероятнее всего, входило в вятический племенной союз. Это подтверждается и территориальной близостью донских и окских вятичей. Связь этих двух районов легко могла осуществляться по притокам Дона и Оки. Обследования правых притоков Верхнего Дона еще не закончены, но уже сейчас, как мы отмечали выше, можно сказать, что здесь имеются поселения с культурным слоем боршевского типа.

Наряду со славянским населением, судя по остаткам лепной посуды и некоторым женским украшениям, среди жителей городища Титчиха встречались в небольшом числе древняя мордва (финно-угорское население) и аланы. Керамика древнемордовского облика была найдена по всему городищу и в семи полуземлянках. В полуземлянке № 2 встречена почти исключительно мордовская керамика. Это позволяет допустить, что здесь жила мордовка, возможно, вышедшая замуж за славянина. Она не принесла своего опыта домостроительства, не внесла каких-либо изменений в привычный облик славянского дома, но, как хозяйка, которой приходилось делать посуду, продолжала лепить ее на свой лад. Очень любопытно, что в этой же полуземлянке наряду с керамикой древнемордовского типа встречено несколько фрагментов керамики по форме и орнаменту типично боршевской, а по тесту и по выделке повторяющей древнемордовскую керамику (рис. 34 в). Мордовская женщина, по всей видимости,

[42] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 242; Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне. СЭ, сб. VI—VII, 1947; Д. Т. Березовець. Указ. соч., стр. 28 след., 94 след.

[43] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 240; Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна Верхней Оки.., стр. 58 след.; С. А. Изюмова. Курганный могильник VIII—X вв. около деревни Западной. СА, 1964, № 2 ,стр. 151 след.

пыталась перенять опыт лепки горшков у титчихинского населения. Наличие мордовской керамики на всей площади поселения заставляет полагать, что здесь жила не одна мордовская женщина, а значительно большее их число. О том, что мордовские женщины встречались среди жителей городища, свидетельствуют и отдельные украшения, типичные для древней мордвы. Два из них костяные, одно бронзовое. Одно из костяных украшений целое, от другого сохранился только обломок. Это трехконечные подвески с отверстием в центре. Длина целой подвески 4,5 см , ее поверхность отполирована и украшена врезным орнаментом из заштрихованных ломаных линий (рис. 54). Близкие по форме подвески были встречены в Лядинском[44] и Крюковско-Кужновском[45] могильниках.

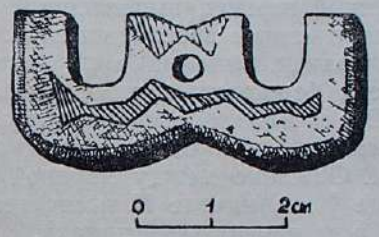


Рис. 54. Костяное украшение.

Они также трехконечные, и в каждой из них было отверстие. В отличие от наших подвесок, они сделаны не из кости, а из бронзы. В Крюковско-Кужновском могильнике подвески являлись частью ожерелья. Судя по тому, что в Лядинском могильнике подвески также найдены на груди костяков, они тоже служили украшением.

Бронзовое украшение—трапециевидная подвеска. Ее длина 2 см., ширина основания 1 см , ширина вершины 0,5 см. В верхней части подвески пробито отверстие (рис. 43). Трапециевидные подвески являлись излюбленным украшением различных народов еще с I тысячелетия до н. э.[46] Их форма и орнамент на протяжении всего этого времени не были одинаковыми. Наша подвеска по форме больше всего напоми-

[44] «Альбом древностей мордовского народа», табл. III, рис. 2, 4, дополнение 1, рис. 2.

[45] «Материалы по истории мордвы VIII—XI вв.», табл. XIII, рис. 1.

[46] В. П. Левенок. Юхновская культура (ее происхождение и развитие). СА, 1963, № 3, стр. 85 след.; Н. П. Журжалина. Датировка древнерусских привесок-амулетов, стр. 134; П. С. Рыков. Очерк по истории мордвы, М., 1933, стр. 53—54.

нает мордовские подвески от головного убора[47]. На Титчихе встречены также «усатые» перстни, широко распространенные не только у славян, но и у мордвы[48].

Городище Титчиха не является единственным памятником, свидетельствующим о совместной жизни на одном поселении славян и мордвы. В одном из погребений Крюковско-Кужновского мордовского могильника наряду с мордовскими погребениями было встречено погребение женщины славянки. Она была похоронена по славянскому обычаю—головой на Запад. У ее черепа находились два семилучевых височных кольца, напоминающих подобное кольцо с Титчихи. Шею украшало ожерелье из бус и подвесок. На поясничной части лежала железная пряжка и с левой стороны—железный нож, на правой локтевой кости—железный браслет. В ногах стоял глиняный горшок, вылепленный от руки. Здесь же были положены глиняное пряслице и слиток олова[49]. Безусловно, руками славянки, жившей в мордовском поселении, был сделан и сосуд боршевского типа, встреченный в этом же могильнике[50]. Все эти факты свидетельствуют о тесном общении между славянами и мордвой, которые нередко заканчивались браками. Общение между мордвой и славянскими племенами в конце I и в начале II тысячелетия зафиксировано археологами и на других памятниках[51].

Наличие на городище Титчиха лепной керамики салтово-маяцкого типа так же, как и мордовской, не может быть объяснено торговыми связями, тем более что, как указывалось выше, она была вылеплена из той же глины, что и местная посуда. Заслуживает внимания и тот факт, что ряд сосудов, имевших форму салтово-маяцких горшков, по тесту и орнаменту (округлые отпечатки пальцев, оттиски веревочки на тулове, пальцевые отжимы по краю венчика) были типичными для лепной местной керамики (рис. 33 в). Это наглядное проявление того, что женщины аланки так же, как и мордовки, пытались заимствовать опыт изготовления горшков у титчихинского населения. Об изготовлении этого типа

[47] А. Е. Алихова. Некоторые хронологические и племенные отличия в культуре мордвы конца I и начала II тысячелетия н. э. СА, 1958, № 2, стр. 70, рис. 1, 17, стр. 71.

[48] А. Е. Алихова. Там же, стр. 73.

[49] «Материалы по истории мордвы...», стр. 160; А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 154.

[50] «Материалы по истории мордвы...», табл. XLI, рис. 1.

[51] П. Д. Степанов. Взаимоотношения мордвы и восточнославянских племен по данным археологии. «Записки Научно-исследовательского института при Совете Министров Мордовской АССР», вып. 13, Саранск, 1951, стр. 140 след.

сосудов аланами свидетельствуют и некоторые данные эпиграфики. Среди фрагментов лепной керамики салтово-маяцкого типа встречен один обломок горшка с прочерченным на нем знаком. Это венчик и часть стенки (рис. 55 а). Тесто горшка плотное с примесью мелкого песка и шамота, цвет черный. По характеру теста этот сосуд ничем не отличается от описанных выше лепных горшков салтово-маяцкого типа. Толщина его стенок 0,5 см, шейка сосуда слегка отогнута наружу, венчик закруглен. По сырой глине здесь был процарапан знак из трех перекрещивающихся линий. Размеры знака: длина 3,1 см, ширина 2,5 см. Изучением этого знака занимался Г. Ф. Турчанинов. По его наблюдениям, сначала была прочерчена средняя линия, затем правая, последней — левая линия. Такая последовательность в написании знака свидетельствует о том, что человек, наносивший этот знак, писал слева направо.

Близкие по начертанию знаки встречались и ранее. Сходными с нашим знаком являются один из знаков на сосуде из Алеканова[52], знаки на обломке горшка из Саркела-Белой Вежи[53] и на кирпичах из укрепления у с. Цар Крум[54].

Многие исследователи занимались изучением подобных знаков. Одни сравнивали их со скандинавскими рунами[55], другие считают их руническим алфавитом тюркских народов[56]. Есть мнение о том, что эти знаки не что иное как «черты и рези», о которых упоминает Черноризец Храбр[57]. Г. Ф. Турчанинов полагает, что они представляли собою аланское письмо[58]. Знак, начертанный на нашем сосуде, был, по его мнению, аланской буквой «а».

Кроме обломка сосуда знаки были встречены и на камне из печи полуземлянки № 6. Эти знаки сохранились значительно хуже. С аланской культурой следует связать и еще один фрагмент сосуда—обломок стенки, на которой после обжига были прочерчены фигуры неопределенной формы (рис. 55 б).

[52] ГИМ, коллекционный № 42076.

[53] С. А. Плетнева. Керамика Саркела-Белой Вежи, стр. 233, рис. 18, 6.

[54] В. Антонова. Аулът на Омуртаг при с. Цар Крум. «Археология», София, 1963, кн. 2, стр. 53, рис. 9, 19.

[55] В. А. Городцов. Заметки о глиняном сосуде с загадочными знаками. «Археологические известия и заметки», т. V, М., 1897, стр 385 след.

[56] А. М. Щербак. Знаки на керамике и кирпичах из Саркела-Белой Вежи. «Труды Волго-Донской археологической экспедиции», т. II, МИА, № 75, стр. 365; С. А. Плетнева. Керамика Саркела-Белой Вежи, стр. 235, 1.

[57] А. Л. Монгайт. Рязанская земля, стр. 161.

[58] Г. Ф. Турчанинов. О языке надписей на камнях Маяцкого городища и флягах Новочеркасского музея. СА, 1964, № 1, стр. 72 след.

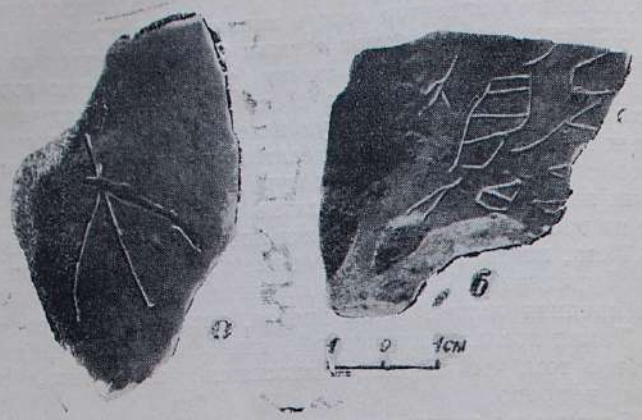


Рис. 55. Фрагменты сосудов со знаками.

Этот сосуд вылеплен от руки из плотной, хорошо отмученной глины без заметных примесей. В изломе он желтого цвета, снаружи и изнутри—черного. На его наружной стенке видны следы лощения. Точной аналогии рисунка к нашему изображению подобрать не удалось, но довольно близкие по характеру изображения имеются на камнях[59] и керамике Саркела-Белой Вежи[60].

Находки на Титчихе вдали от основного центра аланской культуры грубой лепной керамики аланского типа заставляют задуматься о причинах ее появления здесь. Трудно предположить, что грубая лепная посуда, ничем не превосходящая по своим качествам местную лепную от руки посуду, привозилась откуда-то издалека. Незначительное число этих фрагментов и иная в целом материальная культура, встреченная на поселении, не дают возможности думать, что здесь славянскому поселению предшествовало поселение салтово-маяцкой культуры. Скорее в данном случае речь может идти о каких-то отдельных переселенцах на Титчиху. Они принесли с собой и свою традицию лепки посуды.

Итак, в этническом отношении население городища не было совершенно однородным. Основную массу его жителей составляли славяне, вероятно, вятичи. Именно их культура господствует на городище. Но среди славян можно было встретить и представителей древней мордвы, а также алан.

[59] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. ОГИЗ, 1935, рис. 39, 174.

[60] А. М. Щербак. Знаки на керамике.., табл. VII, X, XIV, XVI.

Глава VIII

Общественный строй. Черты языческого культа

Общественный строй

Для характеристики общественных отношений у населения городища Титчиха имеются только косвенные данные, которые лишь в незначительной мере могут пролить свет на решение этого важного вопроса.

Определяющим фактором при оценке общественных отношений является степень развития производительных сил. При этом главное значение имеет уровень развития ведущей отрасли хозяйства. Как показано выше, основу хозяйства древних титчихинцев составляло достаточно развитое по тому времени земледелие. Это было не подсечное земледелие, требовавшее затраты труда большого коллектива, типичное для первобытнообщинного хозяйства, а земледелие пашенное, которое было под силу малым семьям.

О наличии на городище именно малых, экономически самостоятельных семей, свидетельствуют жилые и хозяйственные постройки. Все жилища на городище Титчиха были однокамерными, изолированными друг от друга. Размеры домов невелики. В них могла жить лишь небольшая семья. О том, что эта семья была экономически самостоятельна, свидетельствуют и небольшие размеры хозяйственных построек, расположенных, как правило, по одной возле дома.

Развитие хозяйства (пашенное земледелие, скотоводство, металлургическое производство и металлообработка, достаточно широкие торговые связи) вполне допускало имущественное неравенство среди населения городища. По-видимому, неодинаковое число работоспособных членов семей, большее или меньшее количество скота, успех торговых сделок и т. п. могли способствовать развитию среди населения имущест-

венной дифференциации. Безусловно, материально более благополучными семьями были семьи местных кузнецов, труд которых позволял получать дополнительные средства и выделял их из основной массы жителей поселка. О наличии имущественного неравенства могут свидетельствовать не только клады монет и ювелирных украшений, но и такие находки, как замок и ключ от внутреннего засова. Жители городища стремились спрятать понадежнее свои ценности и запирали жилища, охраняя имущество от соседей.

В связи с характеристикой общественных отношений важно также выяснить социальный состав населения. Основную массу жителей городища составляли, очевидно, смерды, занимавшиеся сельским хозяйством. Сельское хозяйство было основным занятием и местных кузнецов, так как среди металлических изделий городища нет еще таких стандартных устойчивых форм, которые присущи развитому ремеслу. Встреченные на Титчихе обрывки кольчуги и обломок меча

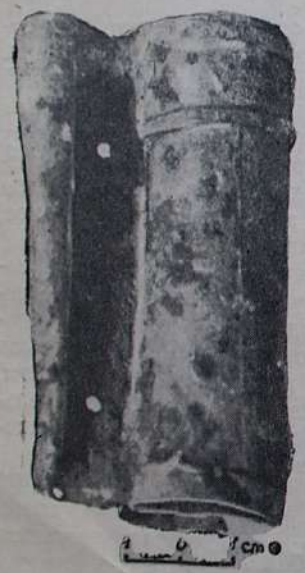


Рис. 56. Цилиндрический замок.

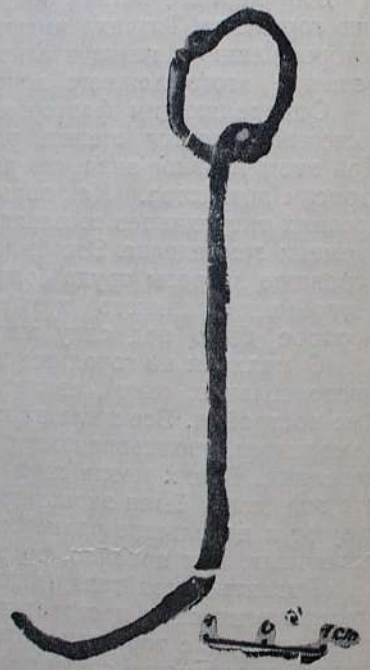


Рис. 57. Ключ от внутреннего засова.

косвенно свидетельствуют о том, что среди жителей городища были и дружинники.

Население городища составляло общину, основанную, судя по всем данным, не на родственном принципе, а на принципе соседства, т. е. территориальную общину.

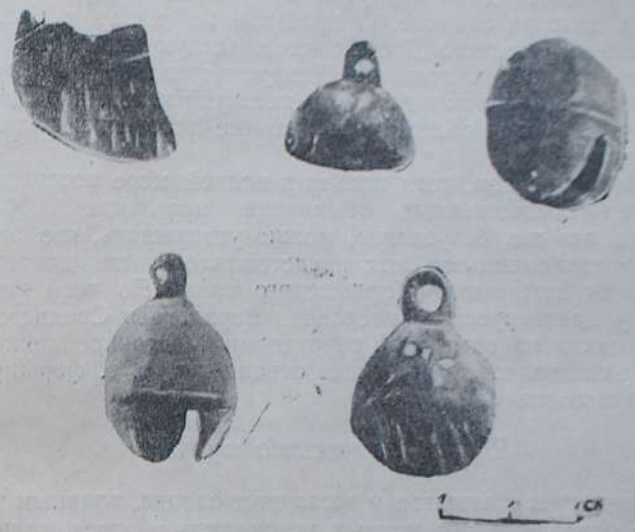


Рис. 58. Бронзовые бубенчики.

Поскольку городище относится к тому времени, когда у восточных славян складывались феодальные отношения, естественно, интересно было бы отметить наличие феодальной зависимости и у древних титчихинцев. Однако среди материалов, полученных в процессе раскопок, данных о феодальных отношениях нет. Единственно, на что можно в какой-то мере сослаться, — это известия летописи. Хотя летописец ничего не пишет о донских славянах, у него есть известия о вятичах, живших на Оке. Поскольку окские вятичи и донские славяне входили, вероятно, в один племенной союз, то не исключена возможность, что отдельные события, связанные с историей окских вятичей, в такой же мере касались и вятичей на Дону.

Как известно, окские вятичи вошли в состав древнерусского государства сравнительно поздно. Летопись сообщает, что в 966 г. киевский князь Святослав обложил вятичей данью. Однако вскоре вятичи отказались выплачивать дань,

так как уже через 15 лет сыну Святослава князю Владимиру вновь пришлось побеждать вятичей «и възложи на ня дань от плуга, яко же и отець его имаше»[1]. Очевидно, феодальная зависимость распространилась на весь вятический союз племен, в том числе и на донских славян. Это тем более вероятно, что до покорения земель вятичей киевскими князьями вятичи платили дань хазарам. Данниками хазар, вероятно, были и донские славяне. О пребывании хазар в бассейне Верхнего и Среднего Дона свидетельствуют сохранившиеся в писцовых книгах названия Хазарская поляна, Хазарское городище[2]. Можно полагать, что киевский князь, победивший хазар, постарался обложить данью все население, подвластное хазарам.

Таким образом, хотя нельзя в полной мере восстановить характер общественных отношений населения городища Титчиха, все же, безусловно, можно утверждать, что они не были родоплеменными, как представлялось по довоенным раскопкам памятников боршевского типа[3]. По всей вероятности, у древнерусского населения Верхнего и Среднего Подонья, как и на остальной территории восточнославянского мира, развивались феодальные отношения, т. е. формировалось классовое общество.

Черты языческого культа

Изучением язычества у восточных славян, главным образом на основании письменных источников и эпоса, занимались многие исследователи[4]. Хорошо известны божества восточных славян (Перун, Велес, Даждь-бог и др.), обряды, связанные с поклонением силам природы, небесным светилам, огню и т. д. О проявлении язычества у донских славян судили только на основании исследования погребальных памятников. Было установлено, что древнерусское население Подонья сжигало своих умерших, прах собирался в сосуд и ставился в так называемый домик мертвых. На месте погребения насыпался курган. Основание курганов опоясывалось кольцевой канавкой, в которую были установлены столбы[5]. Предание праха умершего огню—обычай, широко распространенный у язычников. Он связан с верой в его очистительную силу. Таким образом, исследование курганов давало материалы лишь о немногих чертах язычества у славян Подонья. К тому же погребальные памятники известны лишь возле нескольких городищ (Боршевское, Кузнецовское, Белогорское и некоторые другие). У многих городищ, в том числе и у Титчихи, погребальных памятников до сих пор обнаружить не удалось. Поэтому особый интерес представляют те сведения о язычестве, которые получены в процессе раскопок поселений.

На Титчихе встречен ряд изделий, в той или иной мере связанных с язычеством. В их числе амулеты, скульптурная поделка, некоторые сюжеты гравировки на костяных предметах, а возможно, и отдельные элементы орнамента на посуде.

В числе наиболее распространенных на городище амулетов амулеты из костей различных зверей. Это прежде всего просверленные астрагалы бобра и косули (рис. 59 а, б). В литературе высказывалось сомнение по поводу того, что такие астрагалы являлись амулетами, и считалось, что они использовались как игральные бабки[6]. Однако находки амулетов из астрагалов бобра в погребениях, например, Ярославских могильников полностью рассеивают сомнение относительно их назначения. Судя по Ярославским могильникам, такие амулеты носили на цепочке у пояса или их прикрепляли к фибулам, скрепляющим платье. В двух женских погребениях были встречены целые ожерелья из астрагалов бобра[7]. Что же касается астрагалов других животных, в том числе и косули, то действительно, они нередко служили и для игры. Но в отличие от игральных бабок, наборы которых были встречены в Черной могиле[8], в Киевском некрополе[9], в Салтовском могильнике[10] и на городище Титчиха, отверстия на амулетах

[1] «Повесть временных лет», часть первая, стр. 58.

[2] «Список с Воронежских книг письма к дозору Григорья Киреевского с товарыщи лета 7123 году». «Материалы для истории Воронежской и соседних губерний». Воронежские писцовые книги, т. II, Воронеж, 1891, стр. 23.

[3] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 11; А. Л. Монгайт. Рязанская земля, стр. 329.

[4] Н. М. Никольский. Дохристианские верования и культы днепровских славян. М., 1929; «История культуры древней Руси», т. II, М.—Л., 1951, стр. 61 след. К сожалению, в советской историографии нет капитального труда о языческих верованиях восточных славян. В статье Н. Ф. Лаврова «Религия и церковь» («История культуры древней Руси», т. II, М.—Л., 1951) дана литература по этому вопросу.

[5] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 14.

[6] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 48.

[7] М. В. Фехнер. Предметы языческого культа. «Ярославское Поволжье в X—XI вв.». М., 1963, стр. 87.

[8] Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. «Материалы и исследования по археологии древнерусских городов», т. I, МИА, 1949, № 11, стр. 27.

[9] М. К. Каргер. Древний Киев, М.—Л., 1958, стр. 176.

[10] С. А. Семенов-Зусер. Дослідження Салтівського могильника, АП, т. III, Київ. 1952, стр. 283.

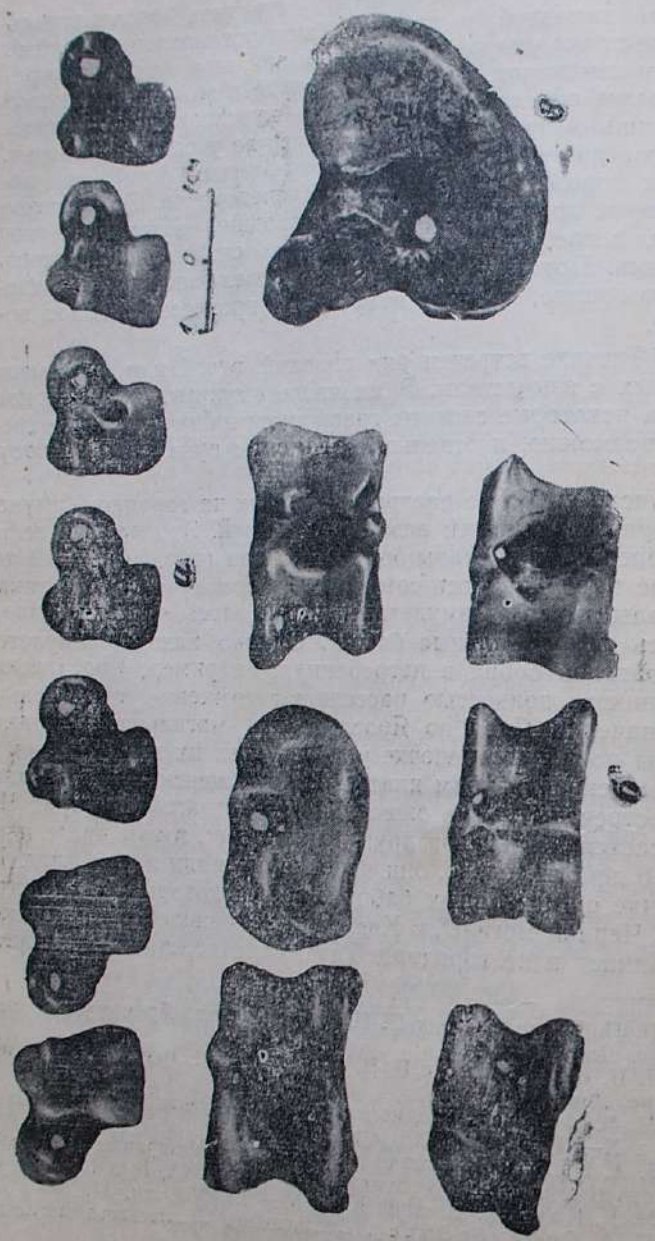


Рис. 59. Амулеты из костей животных.

просверливались не в центре, а с краю, как на обычных подвесках.

Наличие на городище большого числа амулетов из костей бобра нельзя считать случайным. Как указывалось выше, промысел бобра играл большую роль в жизни древних титчихинцев, поэтому они были хорошо знакомы с повадками этих зверьков. Для язычников, у которых вся окружающая их природа была наделена сверхъестественными силами, повадки этих животных казались какими-то необычными. Нам представляется не лишенным истины соображение В. Н. Скалона, что именно с бобрами связано происхождение таких персонажей языческой религии, как водяные, которые, якобы, имеют среди тростников и омутов свои постройки, по ночам пасут скот и валят деревья, а в лунные ночи хлопают по воде ладонями и т. д.[11] Хорошо известно, что бобры свои домики-хатки строят по берегам глубоких омутов, на болотах, в заросших пойменных озерах и старицах. Для этого они «рубят» молодые деревья, сучья и ветви. Следы бобровых «рубок» отдаленно напоминают следы работы топором. Бобры ведут ночной образ жизни, при передвижении по воде их шорохи и всплески вполне могли быть приняты за хлопки ладонями. К бобровым жилищам ведут хорошо утоптанные тропы, расположенные по пути постоянного передвижения бобров к месту кормежки[12]. Таким образом, черты, которыми язычники наделяют своих водяных, очень легко обнаружить в повадках бобров.

Культ бобра был распространен у различных народов[13]. Амулеты—обереги из бобровых астрагалов—встречены среди древностей финских племен Прикамья, Приуралья, Волго-Окского междуречья, на поселениях Прибалтики[14]. Известны они и на ранее раскопанных городищах боршевской культуры[15].

Вторую группу амулетов составляют амулеты из зубов животных (рис. 60). Из семи амулетов вид животного удалось определить только для трех. Они были сделаны из зубов медведя и лисы[16].

Находки на городище Титчиха амулетов из костей и зу-

---

[11] В. Н. Скалон. Речные бобры Северной Азии, М., 1951, стр. 136.

[12] И. И. Барабаш-Никифоров. Звери юго-восточной части Черноземного Центра. Воронеж, 1957, стр. 243 след.

[13] О культуре бобра см.: В. Н. Скалон. Указ соч., стр. 134 след.

[14] М. В. Фехнер. Предметы языческого культа, стр. 89.

[15] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 48.

[16] Возможно, амулетами являлись и просверленные позвонки крупных рыб.

Рис. 60. Амулеты.

бов животных свидетельствуют не только о почитании этих животных местным населением, но и о наделении их сверхъестественными силами, поскольку амулеты должны были защищать от опасности, ограждать от враждебных чар, предохранять от болезней.

В числе других поделок, связанных с языческими верованиями, интересно изображение рыбы, сделанное на обрубке рога (рис. 24 в). К сожалению, оба конца этого изделия обломаны. На утолщенной части рога отчетливо видны пасть рыбы, глаза в виде двойных продолговатых округлостей, рельефные жабры. Сохранившаяся часть туловища была почти вся покрыта так называемым циркульным орнаментом, который напоминает чешую. Это изделие найдено на полу одной из полуземлянок, неподалеку от печи. Сходные по форме изделия из рога довольно часто встречаются на поселениях и в погребальных памятниках VIII—XI вв.[17] Они также сделаны из рога, тупой конец которого оформлен иногда настолько выразительно, что позволяет увидеть в этом изделии головы

[17] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 48, табл. IX, рис. 1; М. К. Каргер. Древний Киев, стр. 158, табл. VI, рис. 3, табл. VII, рис. 5.

змеи[18], лося[19], дракона[20], бобра[21]. Наиболее сходной с титчихинской фигуркой является поделка из Саркела-Белой Вежи. Ее тулово также украшено циркульным орнаментом[22]. До сих пор назначение этих поделок определенно не выяснено. Поскольку они встречаются в равной мере на славянских и неславянских (финно-угорских) поселениях и в погребальных памятниках, их нельзя считать типичными для какой-то одной этнической группы. Находки этих изделий в погребениях позволяют думать, что они имеют отношение к языческому культу в той же мере, как и другие вотивные предметы. Например, в погребениях Тимеровского могильника роговые поделки с головкой бобра встречены наряду с глиняными лапами бобра. Находки костяных острий с изображениями головок бобров в погребениях Ярославских могильников, население которых, как убедительно показала М. В. Фехнер, почитало это животное[23], позволяет понять их назначение. Они, безусловно, были связаны с культом бобра. По всей видимости, и в каждом другом случае эти поделки имели отношение к культу того или иного вида животного или рыбы.

Третью группу изделий составляют костяные поделки с гравировкой. Особый интерес представляет изображение «древа» на обломке «цилиндрика» и на одном из астрагалов. Наиболее тщательно «древо» было выгравировано на цилиндрике, где изображалось не только само «древо», но и грунт. У «древа» на астрагале ветви имеются лишь по одну сторону ствола.

Изображение «древа» связано с поклонением язычников священным деревьям. Корни этого обряда уходят в глубину веков. «Древа» подобных очертаний известны и на керамике черняховской культуры. Например, сосуд из Малаешты украшало семь подобных деревьев. Как полагает Б. А. Рыбаков, это было изображение целой священной рощи[24], связанное с весенне-летним празднеством славян, молениями «кладезям

[18] М. П. Кучера. Древній Пліснеськ, стр. 44, рис. 18, 7; О. О. Ратич. Древньоруські вироби.., стр. 126, табл. IV, 12, стр. 129.

[19] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 48.

[20] Я. Станкевич. Шестовицька археологічна експедиція 1946 р., АП, т. 1, Київ, 1949, стр. 51, рис. 2. Н. Е. Бранденбург. Курганы южного Приладожья. МАР, № 18, 1895, стр. 86—87, табл. V, рис. 5, 9.

[21] М. В. Фехнер. Предметы языческого культа, стр. 87.

[22] М. И. Артамонов. Саркел-Белая Вежа, стр. 40, рис. 26.

[23] М. В. Фехнер. Указ. соч., стр. 86 след.

[24] Б. А. Рыбаков. Календарь IV в. из земли полян. СА, 1962, № 4, стр. 72, рис. 5 и 6, стр. 73.

и рощениям». Любопытно, что этот сюжет, возникший из поклонения славян священным деревьям, сохранился и до наших дней. Г. С. Маслова опубликовала изображение головного убора-сороки из Рязанской губернии (XIX в.), на котором было вышито два ряда подобных деревьев. У одних из них ветви опущены вниз, у других подняты кверху[25].

В орнаменте на лепной керамике также нашли некоторое отражение элементы язычества. Особенно наглядно это проявляется в трех сюжетах. Два из них являются отражением культа небесных светил. Это орнаменты в виде окружности и дуги или серпа. Они напоминают очертания солнца и разные фазы луны.

Третий сюжет—схематическое изображение лапки водоплавающей птицы. Такие изображения, носящие культовый характер, известны еще с эпохи неолита. Особенно широко подобный орнамент был распространен на глиняных изделиях севера и северо-востока Европы и Западной Сибири[26]. На славянских поселениях Подонья такого рода сюжет встречался и ранее[27].

Таким образом, материалы городища Титчиха не только свидетельствуют о том, что его жители были язычниками, но и дополняют известные ранее черты языческого культа у древнерусского населения на Дону.

[25] Г. С. Маслова. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. «Восточнославянский этнографический сборник». «Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», Новая серия, т. XXXI, М., 1956, рис. 65, 3 а.

[26] Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья, стр. 140.

[27] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 38, табл. 1, рис. 6.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Всестороннее исследование городища Титчиха позволяет отнести его к памятникам боршевской культуры. Об этом свидетельствует не только то, что оно расположено на Среднем Дону в районе распространения памятников боршевского типа и существовало одновременно с ними, но и особенности его материальной культуры. Это прежде всего характер керамики (состав глины, форма сосудов, их орнаментация), тип жилищ и некоторые детали их устройства, уровень развития хозяйства, его специфика, а также отдельные черты языческого культа. Материалы, полученные в процессе раскопок Титчихи, в значительной степени восполняют имевшиеся ранее сведения о боршевской культуре и позволяют по-новому представить себе уровень развития хозяйства и общественных отношений у древнерусского населения на Дону.

Основу хозяйства древних титчихинцев составляло пашенное земледелие. Железный наральник, встреченный на городище, позволяет говорить об использовании населением боршевской культуры вполне совершенных по тому времени пашенных орудий. Вообще в хозяйстве древних титчихинцев главную роль играли не изделия из кости и рога, а орудия из железа. Данные раскопок свидетельствуют о местном производстве железных изделий, по качеству не отличающихся от продукции городских ремесленников. Привозные вещи из стран Ближнего Востока, Средней Азии, Причерноморья, алано-хазарского мира, из земель, населенных финно-угорскими и славянскими народами, являются надежным мате-

риалом для выводов о значительном развитии торговых связей донских славян в последние века I тысячелетия.

По степени развития земледелия, металлургического производства и торговли изученное нами городище боршевского типа не отличалось от одновременных сельских поселений славян в лесостепной полосе Восточной Европы. Однако в хозяйстве древних титчихинцев, как и у боршевцев вообще, были свои специфические особенности. Они проявлялись в значительной роли охоты, что объясняется благоприятными природными условиями, а также в широком использовании вплоть до конца X в. лепной посуды. Но эти особенности хозяйства не являются определяющими при характеристике уровня развития производительных сил. В целом данные раскопок городища Титчиха не подтвердили распространенного в литературе мнения об отсталости и примитивности хозяйства боршевцев.

В процессе раскопок удалось выявить некоторые новые детали в устройстве жилищ (система облицовки, типы печей, форма крыши). Все полуземлянки на Титчихе были однокамерными, небольших размеров. Возле них находились также небольшие хозяйственные помещения.

На городище Титчиха впервые в истории исследования памятников боршевской культуры были проведены раскопки укреплений. Они показали, что система оборонительных сооружений вполне соответствовала уровню развития фортификационной техники того времени. Титчиха являлась важным оборонительным пунктом на границе с кочевниками.

Население городища в этническом отношении не было однородным. Основную массу жителей составляли славяне, входившие, вероятно, в вятический племенной союз. Наряду со славянским населением встречаются также древняя мордва и аланы, но они составляли лишь незначительный процент жителей.

Основной хозяйственной ячейкой на Титчихе являлась малая крестьянская семья. Наличие малых семей вполне согласуется с достаточно высоким уровнем развития производительных сил, когда одна семья вполне могла обеспечить себе средства для существования. Среди жителей, безусловно, была имущественная, а возможно, и социальная дифференциация. В Подонье, вероятно, как и на всей славянской территории, в то время формировались феодальные отношения. Говорить о прочных устоях родового быта у древних титчихинцев, как и вообще у боршевцев, нет никаких оснований.

В связи с новыми исследованиями поселений боршевской

культуры следует отметить, что они далеко не однородны и различаются не только по размерам, но и по типу, по системе укреплений, а также по насыщенности культурного слоя вещественными остатками. Наряду со значительными по площади городищами (Титчиха, Белогорское) встречаются и сравнительно небольшие (Малое Боршевское, Кузнецовское, Воргольское). Одни из городищ являются мысовыми (Малое Боршевское, Кузнецовское), другие напоминают по форме городища островного типа (Большое Боршевское), третьи относятся к типу сложномысовых (Белогорское), и, наконец, четвертые по планировке приближаются к городищам со сложным планом (Титчиха). При этом некоторые (Большое Боршевское) были укреплены только рвами, другие (Малое Боршевское) — земляным валом с деревянной конструкцией и рвом, третьи (Титчиха) — двумя рядами земляных валов с деревянными конструкциями и рвом.

Насыщенность культурного слоя вещественными остатками на поселениях неодинакова, хотя они были покинуты жителями примерно в одно и то же время и при аналогичных условиях. Сравнение данных довоенных раскопок с результатами новых исследований роменских памятников, позволило И. И. Ляпушкину выдвинуть предположение, что малое количество находок, встреченных ранее, объясняется выбором места для раскопок. Раскопки велись лишь на участках, где находились жилые и хозяйственные постройки, тогда как большая часть вещей на подобных поселениях встречается обычно на свободной площади. Исследования городища Титчиха подтвердили такое наблюдение. Чтобы проверить этот вывод, мы провели в 1963 г. раскопки некоторых памятников (Малое Боршевское городище, селище возле Большого Боршевского городища) специально на площади, свободной от построек. Находок здесь оказалось очень немного. Следовательно, небольшое количество вещей, встреченных на отдельных городищах боршевского типа, объясняется не столько тем, какие участки поселения раскапывались, сколько мощностью культурного слоя. Мощность же культурного слоя зависела от того, сколько людей жило на поселении и как долго они там жили. По-видимому, городища возникали в разное время. Впрочем, решение вопроса о происхождении боршевской культуры — это дело будущего.

Наконец, нам представляется очевидным, что боршевскую культуру нельзя объединять с роменской в единую роменско-боршевскую культуру. При большом сходстве каждая из них имеет свои специфические особенности, объясняемые, по-видимому, племенными различиями.

Естественно, что материалов одного городища, даже такой хорошей сохранности, как Титчиха, недостаточно для решения всех проблем истории донских славян. Однако изучение боршевской культуры продолжается. Мы уверены, что последующие работы откроют еще много интересных страниц из истории древнерусского населения на Дону.

ПРИЛОЖЕНИЯ

12. Заказ 1582

Выдержки из полевых дневников

Описание жилищ, расположенных на мысу

Полуземлянка № 1. На поверхности почвы на месте полуземлянки была отчетливо видна округлая западина (4×5,5 м, глубина 50 см). Котлован полуземлянки выкопан в материковом мелу (3,3×3,5 м, глубина 80—95 см[1]). Стены котлована отвесные, углы закруглены, пол вырублен недостаточно тщательно.

В северном углу жилища располагалась печь. От нее сохранилась груда камней и глины. Под печи, вырубленной в мелу на глубину 10 см., имел овальную форму (64×70 см). На нем сохранилась зола. Западная часть печи была сооружена на месте большой ямы, заполненной доверху песком. Эта яма выходила и за пределы печи. Она не имела правильных очертаний (64×72 см) и к основанию сужалась. Яму удалось расчистить лишь на глубину 2 м 12 см. Кроме этой ямы в жилище была встречена еще одна подобная яма с песком, также сужающаяся к основанию[2].

В полу жилища для столбов было вырублено 13 ям различной формы и глубины. Большая часть их имела округлую форму (диаметр 5—32 см, глубина 3—48 см). Одиннадцать ям находилось возле стен, а две — в центре жилища. В одной из этих ям была глина, а в остальных тот же грунт, что и в котловане жилища в целом.

[1] Глубина всех котлованов жилищ и хозяйственных ям дается от поверхности материка.

[2] В последующем были встречены еще подобные ямы с песком. Все они естественного происхождения и к конструкции жилищ отношения не имеют.

Полуземлянку заполнял чернозем с меловой щебенкой. В этом грунте в южной половине жилища от горловины до основания отчетливо было видно темное зольное пятно. Вдоль стен на различной глубине сохранились остатки обгорелого дерева, которые лучше всего прослеживались на глубине 50—60 см[3]. Остатки дерева лежали на расстоянии 20—25 см от стен котлована.

При раскопках жилища преимущественно в черной земле на глубине 20—50 см встречены фрагменты керамики, кости животных и рыб, рыбья чешуя, 6 бусин, 3 поделки из кости, 2 пряслица и кусок шлака. Фрагменты керамики принадлежали лепным от руки горшкам, сковородкам. Возле печи был найден обломок светильника, а на полу лежал обломок железной поделки.

Полуземлянка № 2. На современной дневной поверхности на ее месте была хорошо видна большая округлая западина (6,4×6,5 м, глубина 60 см). Котлован для жилища выкопан в материковом мелу. Длина северо-западной стены 3, 9 м, юго-западной—3,8 м, юго-восточной—3,66 м, северо-восточной—3,5 м. Площадь котлована 14 кв. м. Его глубина неодинакова. В западной части жилища она равняется 74 см, а в восточной — 65 см.

В южном углу дома находилась печь подковообразной формы. Она была сложена из небольших камней, песчаника, скрепленных глиной. Высота стен печи 36—40 см, толщина 36—41 см. Под печи представлял собою овальное корытообразное углубление (40×70 см), вырубленное в материковом мелу на глубину до 10 см. На поду сохранилась зола.

В полу жилища было 10 столбовых ямок[4]. Четыре округлых ямы диаметром 18—32 см и глубиной 10—17 см находились по углам. Две большие продолговатые ямы (32×60 см и 20×48 см) глубиной 18 и 20 см располагались посередине юго-западной и северо-восточной стен. Одна яма была посередине юго-восточной (диаметр 47 см., глубина 20 см) и три возле северо-западной стены.

Полуземлянку заполнял чернозем с меловой щебенкой. Зольное пятно локализовалось в центре жилища. При расчистке полуземлянки на всей ее площади было встречено значительное число фрагментов керамики, кости животных и рыб, рыбья чешуя и отдельные вещи. Большинство вещей найдено на полу. Вблизи печи лежали железный нож, футляр для фитиля, усеченнобиконическое пряслице, рог со следами об-

[3] Измерение глубины дается от нулевой точки, за которую был принят северный угол жилища на поверхности материкового мела.

[4] Две ямки, как и в полуземлянке № 1, были заполнены чистым песком.

работки и бусина. В северо-западной части жилища встречено два костяных острия. Целый горшок стоял в южной части дома. Лишь одно округлое пряслице из черепка и обломок орнаментированного пряслица найдены не на полу, а на глубине 20 и 40 см от горловины котлована в восточной части полуземлянки.

Полуземлянка № 3. На современной дневной поверхности на месте полуземлянки была большая западина глубиной 40 см. С южной и западной сторон ее перекрыла оползшая насыпь вала, поэтому размеры этой западины восстановить не удалось. Рядом с этой западиной находилась небольшая западинка (2×2,5 м, глубина 23 см). Котлован жилища выкопан в материковом мелу и был неправильной прямоугольной формы. Площадь дома 14 кв. м., глубина котлована 1,1—1,15 м. Стены жилища были отвесными, пол довольно ровным. Углы в меловом котловане закруглены.

Печь располагалась в северо-западном углу дома. От нее сохранилось скопление небольших камней и глины, локализовавшихся по сторонам пода. Внутренние стенки печи были обмазаны глиной. В этой части печи глина сильно обожжена. Корытообразный под, вырубленный в материковом мелу на глубину 15 см, имел овальную форму (55×85 см) и был заполнен сильно перегоревшей золой белого, а местами черного цвета. Возле печи лежала куча необожженной глины и несколько камней со следами пребывания в огне.

В полу жилища было 7 ямок для столбов глубиной 8—26 см. Две овальные и одна округлая яма находились по углам, а остальные ямы, имевшие овальную форму, располагались посредине каждой из стен.

Заполнение этой полуземлянки несколько иное, чем у жилищ, описанных выше. Центр котлована примерно до половины его глубины заполняла сильно гумусированная земля. С южной стороны в жилище оползла насыпь вала (чернозем с большим количеством меловой щебенки), а с северной стороны полуземлянка была заполнена черноземом с незначительной примесью щебенки. Вдоль стен котлована лежало несколько небольших обломков обгорелого дерева от облицовки дома. Угли встречались и в центре жилища. Кроме углей встречены фрагменты керамики, кости животных, рыб, пряслице из черепка. На полу жилища находился зольный слой, здесь встречены фрагменты керамики, кости животных, а возле печи два куска шлака. В этом жилище находок, включая сюда и фрагменты керамики, было немного.

К юго-восточной стене полуземлянки, соединяясь с нею метровым проходом, примыкала хозяйственная пристройка

площадью несколько более 2 кв. м. Она была ориентирована, как и само жилище, и имела такую же форму. По углам пристройки были вырублены почти прямоугольной формы ямки глубиной от 17 до 23 см. Пол пристройки ниже пола полуземлянки на 15—18 см. Пристройку заполнял чернозем с меловой щебенкой, в котором встречены фрагменты керамики, кости животных и одна железная скоба. В отдельных местах пристройки возле стен находились обломки обгорелого дерева. Особый интерес представляли сосуды, обнаруженные у южной стены. Первый сосуд был встречен на высоте 40 см. от пола. Под ним оказалось еще пять горшков различной формы. Четыре из них сохранились довольно хорошо. Пол этого помещения был покрыт золой и мелкими углями.

Полуземлянка № 6. С южной стороны жилища так же, как и на полуземлянку № 3, оползла насыпь вала, поэтому сохранившаяся до наших дней западина меньше, чем над другими полуземлянками. Ее длина с запада на восток 4,7 м, с юга на север—3,7 м, наибольшая глубина 51 см.

Котлован жилища вырублен в материковом мелу на глубину 76—96 см, его площадь 14,2 кв. м, глубина 56—90 см.

В юго-западном углу находилась печь. Она сложена из меловых камней, глины и камней песчаника. В основании печи, на полу, были уложены мелкие меловые камни, поверх них возведен глиняный остов. На поверхности глиняного остова были тщательно выложены крупные и более мелкие камни. Во время расчистки камни со следами пребывания в огне встречены и в топке печи. Длина печи 1,3 м, высота—60 см. В основании она имела форму, близкую к прямоугольнику. Под был углублен в материк на 13 см. Его длина 85 см, ширина 50 см. Он был заполнен золой вперемешку со щебенкой и небольшими камнями. На поверхности печи лежала часть глиняной сковородки, другая часть этой же сковородки вместе с двумя крупными фрагментами горшков была обнаружена в топке. За печкой в юго-западном углу жилища найдено большое количество костей животных, несколько фрагментов керамики; на полу перед печкой лежал большой фрагмент глиняной сковородки.

В полу жилища было вырублено 10 столбовых ям округлой и овальной формы глубиной 9—50 см. Четыре округлых ямы находились по углам жилища, две продолговатых ямы посередине северо-западной и юго-восточной стены, две ямы, одна за другой, были вырублены у середины северо-восточной стены и одна в центре жилища. Как и в полуземлянках, описанных ранее, в полу этого жилища было три ямы с песком. Одна из них находилась возле печи. Верхняя часть

ямы была заполнена золой, углем и меловой щебенкой. Здесь же были встречены фрагменты керамики, рыбья чешуя и усеченнобиконическое пряслице. К основанию яма сужалась. Ее удалось расчистить лишь на 1,6 м. Эта яма использовалась жителями для различных отходов.

Полуземлянка была заполнена черноземом с меловой щебенкой. В центральной части жилища грунт более темного цвета и с меньшим количеством щебенки. При расчистке на различной глубине были встречены угли, фрагменты керамики, кости животных. На полу жилища в северо-западной части найдена желтая бусина-лимонка и два костяных острия.

Полуземлянка № 7. На современной дневной поверхности на месте этого жилища была большая западина (диаметр 6,5, глубина 26 см). Котлован жилища был вырублен в материковом мелу. Его площадь около 18 кв. м. Так как котлован располагался на небольшом склоне, то глубина западной части больше (88 см), чем восточной (50 см).

Вблизи северного угла дома около северо-восточной стены находилась печь. От нее осталось нагромождение камней и глины. Под печи овальной формы (60×100 см) углублен в пол на 20 см. Он был заполнен глиной и камнями вперемешку с золой, на дне находился слой золы (0,5 см).

В этой полуземлянке на глубине 10—56 см.[5] довольно хорошо сохранились остатки обгорелого дерева. Дерево лежало вдоль стен котлована. Лучше всего оно сохранилось у северо-западной и северо-восточной стены. Ширина дерева 5—10 см.

Очень редко в жилищах на городище Титчиха сохраняются столбы. В этой полуземлянке у северо-восточной стены пристенный столб из бревна, расколотого пополам, поддерживал деревянную облицовку. Он сохранился на высоту 25 см, его длина 21 см, ширина 10 см. Он был установлен в яму овальной формы (18—20 см, глубина 15 см).

Всего в полу обнаружено 13 столбовых ямок. Семь небольших ямок располагались по овалу недалеко от устья печи (по-видимому, ямки от стола). Три ямки были пристенными. Назначение еще трех ямок определить затруднительно. Возможно, они были связаны с устройством входа.

При расчистке жилища встречены фрагменты керамики боршевского и салтово-маяцкого типов, кости животных. В углу за печкой находилось несколько кусков шлака. В восточной части полуземлянки на глубине 40 см встречена стеклян-

[5] Измерение глубины залегания дерева велось от нулевой точки, за которую был принят юго-восточный угол жилища на поверхности материкового мела.

ная бусина-лимонка, в западной части на глубине 20 см — обломок костяного острия, а в южном углу лежало пряслице.

Полуземлянка № 9. На современной дневной поверхности на месте жилища отчетливо была видна округлая западина (диаметр 6 м., глубина около 50 см). Котлован полуземлянки вырыт в материковом мелу на глубину 85—105 см. Он имел форму прямоугольника. Площадь котлована 25 кв. м.

Печь находилась в восточном углу жилища. Она оказалась частично разрушенной. На полу неподалеку от печи в беспорядке лежали камни песчаника, и лишь небольшая часть крупных камней располагалась по сторонам пода. Под овальной формы (80×110 см), углублен в пол на 10 см. В нем находилась зола вперемешку с меловой щебенкой. При расчистке печи встречено несколько костей животных и фрагментов керамики.

В этом жилище довольно хорошо сохранилось обгорелое дерево. Оно лежало вдоль меловых стен котлована. Примерно посередине юго-восточной стены стоял столб, который поддерживал пять ярусов плах, лежащих одна на другой. Столб сохранился на высоту почти 70 см. Его нижняя часть стояла в яме и истлела. Яма была овальной формы (18×30 см, глубина 28 см). Нижний ярус плах также не сохранился. О подлинных размерах плах судить трудно, так как они сильно обгорели. Второй столб находился в южном углу. Его диаметр 12 см, высота 40 см. Он также был установлен в яму глубиной 40 см, диаметром 32 см.

Всего в полу жилища оказалось 16 столбовых ям и 3 пристенных канавки глубиной 8—10 см. Две канавки проходили параллельно юго-западной и северо-западной стенам, отступя от них местами на 10 и 20 см., третья проходила вдоль северо-восточной стены. Столбовые ямки размещались по углам, возле стен и на площади жилища. Особенно большая яма (диаметр 66 см, глубина 60 см) располагалась за печкой. Остальные угловые ямы сравнительно небольших размеров (глубина 19—40 см). Одна яма находилась возле печи, четыре небольших ямки служили, вероятно, для упора ножек стола. Яма в центре жилища предназначалась для столба, поддерживающего перекрытие.

Жилище заполнял чернозем с меловой щебенкой. В центре был грунт более темного цвета. При расчистке полуземлянки встречены фрагменты керамики, кости животных, несколько небольших кусков обмазки и несколько кусков шлака. Кроме того, на глубине 20 см найден обломок пряслица, а на глубине 30—40 см — обломок костяного острия. На полу в центре жилища сохранились обломки двух горшков ручной

лепки, у западной стены лежал обломок костяного цилиндрика.

Полуземлянка № 10. На ее месте была западина диаметром около 6 м., глубиной около 50 см. Котлован жилища вырублен в материковом мелу на глубину до 90 см. Он имел форму почти правильного прямоугольника (длина юго-восточной и северо-западной стен 4 м 70 см, северо-восточной и юго-западной — 4 м 50 см). Его площадь 21,15 кв. м.

В северном углу жилища сохранилось нагромождение небольших камней от печи. Устьем она была обращена в сторону юго-западной стены. Под печи углублен в пол на 10 см. Он имел овальную форму (60×80 см) и был заполнен золой. Во время расчистки печи встречено несколько костей животных и фрагменты керамики.

В полу жилища было 22 округлых ямки глубиной от 3 до 45 см. Четыре из них находились по углам, две—возле печи, десять—около стен и вблизи от них, а остальные располагались по всему полу без особой системы. Они, вероятно, предназначались для установки каких-то вспомогательных столбов, а, возможно, также для лавок, столов и т. д.

Заполнение этой полуземлянки было несколько иным, чем в других жилищах. На ее месте росли большие кусты, пустившие глубокие корни в котлован жилища, в результате чего в средней части котлована был более жирный чернозем, хотя и в нем также содержалось небольшое количество меловой щебенки. Во время расчистки вдоль стен встречены остатки обгорелого дерева. Оно лучше сохранилось у северо-восточной стены. Здесь вплотную к стене лежали плахи шириной до 24 см. Плахи поддерживались столбами. Один из сохранившихся столбов стоял у стены. Его высота 34 см, диаметр 30 см. Под ним находилась округлая яма диаметром 14 см, глубиной 16 см. Другой столб угловой. Он сохранился на высоту 54 см, его диаметр около 18 см. Так же, как и первый столб, он был установлен в яму (диаметр 30 см и глубина 30 см). Нижняя часть столбов, укрепленная в ямах, не сохранилась. По всей видимости, нижний конец столбов, прежде чем установить в яму, подтесывали, так как диаметр ямы иногда меньше диаметра столба.

В заполнении ямы кроме фрагментов керамики и костей животных на глубине 40 см. были встречены два обломка костяных орудий—острий, один окисливщийся железный предмет, одно целое пряслице и один обломок, а на полу жилища—два обломка костяных орудий. Все эти вещи находились в юго-восточной части жилища.

Полуземлянка № 11. На дневной поверхности на месте этого жилища западины не было. Котлован жилища был выкопан в материковом мелу на глубину 60—90 см. Он имел форму почти правильного квадрата площадью около 16 кв. м. Длина северо-восточной стены и юго-восточной—4 м., юго-западной—3,64 м, а в северо-западной стене был «проход», который соединял полуземлянку № 11 и 12. Ширина «прохода» 1,5 м. Длина стены до «прохода» 2,5 м.

Возле «прохода» у северо-восточной стены располагалась печь. От нее сохранилась груда небольших камней песчаника и глины, лежавших на поду печи и по его сторонам. Под углублен в пол на 10 см, имел овальную форму (50×60 см) и был заполнен золой.

В полу жилища обнаружено 13 ям округлой и продолговатой формы глубиной 4—70 см. Ямы располагались у западного, восточного, южного угла и вдоль стен. Обращают на себя внимание две ямы: одна — в центре юго-западной, другая—в центре северо-восточной стены. Они предназначались для поддержания матицы крыши. Группу ям у юго-восточной стены следует связать с устройством входа.

Полуземлянку заполняла сильно слежавшаяся меловая щебенка с очень незначительной примесью чернозема. В полуземлянке было встречено мало фрагментов керамики, костей животных и рыб. Они локализовались преимущественно возле печи. На остальной площади жилища встречено только несколько черепков посуды, 2 бусины (лимонка и черная стеклянная круглая), а также лепешка из необожженной глины. Ни обгорелого дерева, ни отдельных угольков или углистых прослоек, которые встречаются в большинстве жилищ, здесь не было.

Полуземлянка № 12. На современной поверхности на месте этой полуземлянки была округлая западина диаметром 6 м и глубиной 20 см. Котлован жилища вырыт в материковом мелу и ориентирован так же, как и котлован полуземлянки № 11; его площадь около 25 кв. м. В юго-восточной стене был «проход» в полуземлянку № 11. Длина северо-восточной стены 5 м., северо-западной—4,74 м, юго-западной—4,76 м и юго-восточной (до «прохода»)—3,44 м. Глубина жилища 70—85 см. В северо-восточной стене вблизи печи была выемка глубиной 20 см и длиной 140 см.

Вблизи северного угла у северо-восточной стены находилась большая глиняная печь подковообразной формы. Ее высота 22—25 см. Изнутри стены печи были сильно обожжены. Под имел овальную форму (50×80 см). На нем лежала зола, а поверх нее—обожженные камни. За печкой была небольшая каменная кладка и груда обожженной глины.

В полу жилища имелось 14 ям округлой и продолговатой формы глубиной 15—42 см. Они располагались примерно так же, как и в полуземлянке № 11.

Это жилище заполнено меловой щебенкой с черноземом. В центре был грунт более темного цвета. В южном углу дома у прохода на глубине 40 см было скопление глины толщиною 20—25 см. При расчистке в различных частях ямы встречено большое количество обгорелого дерева. Оно лежало на глубине от 12 до 80 см[6]. Остатки дерева сохранились вдоль северо-западной и северо-восточной стен. Кроме того, перпендикулярно к северо-западной стене лежало 9 плах шириной до 20 см. Эти плахи являлись остатками рухнувшей кровли. У юго-западной стены в яме находились остатки столба. Высота столба около 60 см, ширина и длина по поперечному срезу — 15×24 см. Столб был установлен в ямку.

При расчистке полуземлянки кроме фрагментов лепной от руки керамики боршевского типа, костей животных, рыб и рыбьей чешуи на глубине 20 см в западной части встречен один фрагмент гончарной керамики, а неподалеку от него—обломок меловой формочки для отливки украшений. В восточной части ямы на глубине 40 см найден маленький точильный брусок. Остальные вещи встречены на полу: в северо-восточной части—пряслице, в западной—бусина, возле «прохода» в полуземлянку № 11—бронзовое колечко и посредине ямы—обломок костяного острия.

Полуземлянка № 13. На месте полуземлянки была западина диаметром около 6 м, глубиной около 50 см. Котлован жилища был вырыт в материковом мелу на глубину 62—70 см. Длина его северо-восточной стены 4,4 м, юго-восточной—4,32 м, юго-западной—4,5 м, северо-западной—4,04 м, площадь около 19 кв. м, глубина около 62—70 см.

Печь находилась возле северо-восточной стены вблизи северного угла. От нее сохранилось скопление глины (площадь 100×122 см). В ее основании на глубине 13 см был под овальной формы (60×80 см). На поду лежал слой золы толщиной в 2,5 см и обожженная глина (4,5 см). В топке печи встречены камни со следами пребывания в огне. Такие же камни лежали и возле печи. Задняя стенка печи была обложена несколькими рядами мелких камней.

---

[6] Измерение глубины залегания остатков дерева велось от нулевой точки, за которую был принят северный угол жилища на поверхности материкового мела.

В полу жилища обнаружены 8 ям округлой и продолговатой формы глубиной 7—50 см. Шесть из них находились в южной половине жилища—в южном и западном углу, а также вблизи юго-западной и юго-восточной стены. Одна ямка была возле печи.

Полуземлянку заполнял чернозем с небольшим количеством меловой щебенки. Возле северо-восточной, юго-восточной и северо-западной стены находились остатки обгорелого дерева диаметром 10—13 см. В этом жилище встречены фрагменты керамики, кости животных, рыбья чешуя и отдельные вещи. На глубине 40 см лежала половина рыболовного грузила, на полу возле печи—нож и обломок костяного острия, а за печкой—точильный брусок. В западной части полуземлянки почти на уровне пола встречены обломок и целое костяное острие.

Полуземлянка № 16. На современной дневной поверхности на месте этого жилища была западина не совсем правильной формы диаметром около 6,5 м, глубиной около 70 см. Верхняя часть котлована полуземлянки выкопана в глине, а нижняя—в материковом мелу. Котлован был почти правильной квадратной формы (площадь несколько более 20 кв. м). Глубина западной части котлована (до 100 см) больше, чем восточной (60 см).

Остатки печи—разрозненные камни и глина—находились в юго-западном углу. Под округлой формы (диаметр около 90 см) был углублен в пол на 20 см, его заполняла зола. Под подом печи находилась небольшая яма с песком.

В полу дома по углам и возле стен было обнаружено 13 столбовых ямок глубиной 10—40 см.

Жилище заполнял чернозем с меловой щебенкой. В центре грунт был более темного цвета. Вдоль стен между деревянным каркасом дома и материком имелась меловая забутовка. При расчистке жилища на полу были встречены остатки обгорелого дерева. У юго-западного угла и юго-восточной стены сохранились столбы и плахи. У юго-восточной стены плахи лежали не только за столбом, но и перед ним. В полуземлянке были встречены кости животных, фрагменты керамики, пряслице. Наиболее интересными находками из этого жилища были клад дирхемов и горшок, на дне которого находился обгорелый горох. Монеты были встречены при расчистке пространства между обгорелой плахой (облицовка стены) и материковой стенкой в забутовке у юго-западного угла; некоторые из них оказались под рухнувшей обгорелой плахой. Почти все монеты лежали на ребре. Возможно, владелец тщательно уложил их в небольшую коробочку или мешочек. Горшок с горохом находился у северо-западного угла дома.

Полуземлянка № 17. На месте жилища на современной дневной поверхности была округлая западина диаметром около 8 м и глубиной 60 см. Котлован жилища почти правильной квадратной формы был вырыт в материковом мелу на глубину 70—105 см, его площадь около 17 кв. м. С запада на восток через жилище проходила трещина шириной около 2 м.

Груда камней от печи занимала большую часть северной половины полуземлянки. В топке печи также было встречено несколько камней. На поду, который имел овальную форму (50×80 см), остатков золы не было.

В полу жилища вдоль юго-восточной стены и у юго-западного угла было четыре столбовых ямки глубиной 12—33 см.

Эту полуземлянку, как и все остальные, заполнял чернозем с меловой щебенкой. В центре находилось более темное пятно. Трещина в верхней части была заполнена тем же грунтом, что и жилище, а ниже—чистой меловой щебенкой. При раскопках жилища попадались отдельные угольки, фрагменты керамики и кости животных. В числе находок особый интерес представляет ряд вещей, встреченных на различной глубине в центре жилища и за печкой в развалке камней. На глубине 20 см найден ромбовидный наконечник стрелы, на глубине 20—40 см — две стеклянные лимоновидные бусины, на глубине 60 см — обломок стеклянного браслета, на глубине 80 см — обломок костяного острия и окислившийся железный предмет. При расчистке печи среди камней возле северо-восточной стены встречен клад из двух пятилучевых колец, на каждом из которых было по серебряному колечку из круглой проволоки. Здесь же лежала и большая стеклянная бусина в форме лимонки.

Полуземлянка № 18. Раскопана лишь западная часть жилища, так как на месте полуземлянки растет большое дерево. Котлован жилища выкопан в материковом мелу на глубину 72—94 см. Углами он почти точно ориентирован по странам света. Это жилище было заполнено черноземом с меловой щебенкой. При его расчистке кроме мелких фрагментов керамики и костей животных встречено одно округлое пряслице и на полу почти целый небольшой горшочек.

Полуземлянка № 19. На месте этого жилища была западина диаметром 5 м и глубиной 50 см. Котлован имел почти правильную квадратную форму и был площадью более 16 кв. м, его глубина 20—28 см.

Печь, сложенная из мелких камней и глины, располагалась возле северо-восточной стены. Она имела форму подковы. Высота ее стен до 20 см. Под печи овальной формы (48×80 см) и незначительной глубины (6 см). На его дне золы не было.

В полу этого жилища имелась лишь одна столбовая ямка диаметром 30 см и глубиной 20 см.

Всю полуземлянку, за исключением восточной части, заполнял чернозем с меловой щебенкой. В восточной части жилища грунт был черного цвета, что объясняется наличием в нем большого количества углей. В углистом слое и при расчистке печи встречены фрагменты керамики и кости животных.

Полуземлянка № 20. На ее месте была западина диаметром 6,5 м, глубиной 65 см. Котлован жилища (площадь около 22 кв. м) был углублен в материковый мел на 1—1,1 м.

Печь подковообразной формы с вытянутыми концами, сложенная из камней и глины, находилась в северном углу жилища. Она сохранилась на высоту до 30 см. Под печи овальной формы (44×61 см) — глубиной 22 см. Его заполняла глина, и там же лежал большой камень со следами от огня. По-видимому, глина и камень были от свода печи.

В этой полуземлянке — единственной из всех жилищ городища — имелись материковые ступеньки от входа. Они находились против устья печи у юго-восточной стены. Высота первой ступеньки 16 см, ширина 80 см, высота второй ступеньки 20 см, ширина около 60 см. На поверхности первой ступеньки видны следы обгорелой плахи.

В полу жилища было вырублено 9 ямок глубиной 8—45 см. Четыре из них округлой формы, а остальные бесформенные. Три ямки округлой и продолговатой формы находились против входа и, вероятно, были как-то связаны с его устройством. Остальные — вблизи юго-западной и северо-восточной стены.

В процессе расчистки встречены обломки обгорелого дерева и отдельные угольки. Лучше сохранились остатки дерева (плахи) у юго-западной и северо-восточной стены. Плахи, а также все столбовые ямки, кроме бесформенной ямы у юго-западной стены, как бы ограничивали размеры жилища. Оно, по всей видимости, было значительно меньше котлована. Его площадь около 16 кв. м. Пространство между деревянной облицовкой дома и стенами котлована было забито щебенкой.

Площадь жилища заполнял чернозем с меловой щебенкой. При расчистке встречены фрагменты керамики боршевского и салтово-маяцкого типов, кости животных, две раковины и отдельные вещи (на глубине до 20 см — усеченно-биконическое пряслице, на глубине от 20 до 40 см — синяя лимоновидная бусина и цилиндрический замок, лежавший возле входа). За печкой находилось значительное скопление кусков шлака.

Полуземлянка № 21. На месте жилища на дневной поверхности была западина неправильной формы (4,5×6 м) глубиной около 20 см. Котлован для жилища вырыт в глине (длина юго-западной и северно-восточной стен 3,4 м, северо-западной и юго-восточной — 3,2 м). Его площадь около 11 кв. м, глубина 50—82 см. Частью юго-восточной стены этот котлован заходил на площадь полуземлянки № 27. В этом месте между полуземлянками был как бы проход шириною 1,8 м.

Печь располагалась в северо-западной части дома. Это была единственная печь из всех изученных на городище, при устройстве которой наряду с камнями был использован и глиняный материк. Из материка сделаны задняя и частично боковые стенки. Под имел овальную форму (55×75 см). Он до краев был заполнен золой. Толщина зольного слоя 13 см.

У юго-западной и юго-восточной стен были встречены остатки обгорелого дерева. Оно лежало на глубине 21—62 см.[7] Обгорелая стена вдоль «прохода» сохранилась на высоту 33 см.

В полу жилища было пять округлых и продолговатых столбовых ямок глубиной 5—19 см. Эту полуземлянку заполнял чернозем с вкраплениями глины. У юго-западной стены под остатками обгорелого дерева лежала необожженная глина. При расчистке жилища на различной глубине были встречены отдельные фрагменты керамики боршевского типа и кости животных. Кроме того, на глубине 20 см найдено бронзовое украшение, на глубине 20—40 см — половина плоского пряслица из красноватой глины, а на полу возле печи лежали куски шлака.

Полуземлянка № 22. Над полуземлянкой была отчетливо видна продолговатая западина (6×8,5 м) глубиной 1,15 м. Котлован полуземлянки выкопан в материковой глине на глубину 70—77 см. Его форма менее правильная, чем у других построек. Длина юго-западной стены 4,2 м, северо-западной — 3,9 м, северо-восточной — 3,7 м и юго-восточной — 3,4 м, площадь около 16 кв. м.

Скопление камней от печи-каменки находилось в южном

[7] Измерение глубины залегания дерева велось от северо-западного угла дома на поверхности материка.

углу жилища. Основная масса камней небольших размеров (16×18 см, 17×19 см). Было несколько более крупных камней (40×56 см, 40×43 см и т. д.). Под завалом камней находился под овальной формы (60×90 см) на глубине 14 см. Золы в нем не было. Некоторые камни оказались перекрыты слоем необожженной глины.

В полу жилища вырыто 7 столбовых ямок округлой и продолговатой формы глубиной от 13 до 45 см. Три из них располагались по углам, а остальные у середины каждой из стен. Вдоль северо-западной, северо-восточной и юго-западной стен на глубине 12—30 см[8] сохранились незначительные остатки обгорелого дерева.

Полуземлянку заполняла глина с небольшой примесью чернозема. В этом грунте встречено незначительное количество мелких фрагментов керамики боршевского и салтово-маяцкого типов и кости животных. На глубине 20—40 см найдены округлое глиняное пряслице и отдельные обгорелые зерна. На полу возле западной стены лежал разбитый сосуд, на дне которого также были обгорелые зерна. В центре жилища стоял почти целый глиняный горшок. В северной половине полуземлянки найдено два костяных острия, а в столбовой ямке у северо-западной стены встречено еще небольшое скопление злаков.

Полуземлянка № 27. Жилище раскопано неполностью. Его южный угол уходит под насыпь вала. На современной дневной поверхности западина на месте полуземлянки прослеживалась лишь на отдельных участках. Размеры ее определить невозможно. Котлован жилища был выкопан в глине на глубину до 80 см. В северо-западной стене был «проход» в полуземлянку № 21.

Печь подковообразной формы, сложенная из камней песчаника, скрепленных глиной, находилась в северо-западном углу жилища. С трех сторон она была выложена камнями. Высота печи 35 см. Толщина стенок 28—40 см. Под округлой формы (диаметр около 80 см) был углублен в материк на 5 см. На поду лежала зола и камни. В полу возле стен имелись округлые столбовые ямки глубиной 30—36 см. В этом жилище не было встречено обугленного дерева, лишь на полу местами имелся тонкий слой золы.

Верхняя половина полуземлянки заполнена углистой землей, которая прослеживалась и в культурном слое над полуземлянкой. В этом слое как в самом жилище, так и над ним встречено очень большое количество фрагментов керамики боршевского и салтово-маяцкого типов (до 200 фрагментов

[8] Измерение глубины залегания дерева велось от северного угла жилища на поверхности материка.

в квадрате, при толщине пласта 20 см), костей животных и отдельных вещей. Нижняя половина жилища была заполнена суглинком с черноземом. Фрагментов керамики и костей животных здесь значительно меньше. Несколько обломков керамики найдено около печи. Кроме того, на глубине до 20 см встречены половина дирхема, стеклянная ребристая бусина, астрагалы с отверстием, кости со следами обработки; на глубине от 20 до 40 см в северном углу полуземлянки найдена рукоятка от ножа, в западной половине—округлая стеклянная бусина и обломок пряслица, а на полу около печи — два обломка костяных острий.

Полуземлянка № 30. На месте полуземлянки была западина диаметром 6 м, глубиной около 1 м. Котлован для жилища был выкопан в материковом мелу на глубину 70—103 см и имел форму, близкую к ромбу (длина северо-западной стороны 4,3 м, северо-восточной — 4,12 м, юго-восточной—4,12 м и юго-западной—4 м). Его площадь около 17 кв. м.

Печь находилась в северо-западном углу. От нее сохранилось несколько небольших камней песчаника и под овальной формы (48×78 см.), углубленный в грунт на 10 см. На поду лежала зола.

В полу жилища были две округлые и две овальные столбовые ямки глубиной от 4 до 12 см. Округлые ямки находились в северо-восточном и юго-восточном углах, а овальные располагались одна за другой возле восточной стены.

Жилище было заполнено черноземом с меловой щебенкой. Возле северо-западной и юго-западной стенок на расстоянии 8—28 см на глубине от 10 до 63 см[9] встречены остатки обгорелого дерева.

При расчистке полуземлянки в северо-восточном углу найдены железный наконечник стрелы, в юго-западном углу на глубине 40 см — костяное острие и один обломок обгорелой кости со следами обработки; в том же углу на глубине 80 см — еще одно острие и обломок, а в центре жилища — грузило. Кроме того, в заполнении жилища встречены фрагменты керамики и кости животных.

Описание жилищ, расположенных на плато

Полуземлянка № 4. На месте этого жилища была округлая западина диаметром около 6 м и глубиной 60 см. Котлован полуземлянки вырублен в материковом мелу, его площадь около 15 кв. м, глубина 50—60 см.

[9] Измерения проводились от нулевой точки, за которую был принят северо-восточный угол полуземлянки на уровне материка.

Печь подковообразной формы, сложенная из небольших камней песчаника, скрепленных глиной, находилась в северо-западном углу жилища. Она довольно хорошо сохранилась. Высота печи 30 см, толщина стенок до 40 см. Изнутри стенки печи обмазаны глиной, которая сильно обгорела. Под овальной формы (45×70 см) был углублен в мел на 18 см. На его дне лежал слой золы (2 см), перекрытый довольно мощным (12 см) слоем глины. Поверх слоя глины снова лежала зола.

В полу жилища вырублено девять столбовых ям округлой и квадратной формы глубиной 5—27 см. Две круглые ямы находились друг против друга возле северо-восточной и юго-западной стен. Продолговатая и округлая ямы располагались посредине юго-восточной стены, одна большая квадратная яма — у середины северо-западной стены и четыре округлых ямы—по углам полуземлянки, довольно близко от стен.

Жилище было заполнено черноземом с меловой щебенкой. В центре полуземлянки отчетливо выделялось черное углистое пятно. На расстоянии 20—50 см от материковых стен на глубине 10—39 см [10] лежали остатки дерева. Остатки дерева лучше всего сохранились у юго-западной и юго-восточной стены. Дерево сильно обгорело, поэтому точно определить его форму трудно. Это, вероятно, были тонкие бревна, иногда стесанные с одной стороны. Диаметр их около 7 см. Промежуток между деревянной облицовкой и меловыми стенами был забит меловой щебенкой.

В заполнении жилища встречено незначительное количество фрагментов боршевской керамики, керамики салтово-маяцкого типа, костей животных. На глубине 25 см был найден костяной наконечник стрелы, а почти на уровне пола недалеко от печи лежали железный нож, костяное острие и обломок железной поделки. При зачистке пола встречены обломки костяного острия и костяной орнаментированной поделки.

Полуземлянка № 5. На месте полуземлянки была западина диаметром около 9 м, глубиной 80 см. Это одна из самых больших западин на городище. Котлован полуземлянки вырублен в материковом мелу на глубину 70—90 см и имеет форму почти правильного квадрата. Длина северной стены 5,1 м, западной — 5,08 м, восточной — 5,2 м и южной—5,04 м. Его площадь около 28 кв. м.

В северо-восточной части жилища располагалась печь

[10] Измерение глубины залегания дерева велось от нулевой точки, за которую была принята поверхность материкового мела в точке А.

подковообразной формы. В отличие от большинства жилищ городища она находилась не в углу дома, а значительно отступая от него, почти у середины восточной стены. Печь сохранилась очень хорошо. Она была сложена из камней, скрепленных глиной, и тщательно обмазана глиной как изнутри, так и снаружи. Высота стен около 40 см, их толщина 35—55 см. Углубленный в материк на 13 см. под имел овальную форму (50×75 см). На дне пода лежал слой золы (12 см). Поверх слоя золы находился толстый слой (12 см) глины, тщательно сглаженный и сильно обожженный в верхней части, а поверх него снова лежала зола (толщина второго зольного слоя 4 см). Зола встречается и перед печкой под камнями, которые лежали здесь без особой системы. Некоторые камни от сильного огня потрескались.

В полу жилища было 12 округлых, продолговатых и прямоугольных столбовых ям глубиной от 11 до 37 см, расположенных по углам, вдоль стен жилища и недалеко от печи.

Полуземлянку заполнял чернозем с меловой щебенкой. Примерно в центре жилища было отчетливо видно черное зольное пятно. Во время расчистки вблизи от стен на различной глубине встречались угли — остаток сгоревшей деревянной облицовки. В полуземлянке кроме небольших фрагментов керамики боршевского и салтово-маяцкого типов на полу в юго-восточном углу встречены остатки двух сосудов салтово-маяцкого типа. Кроме того, найдено несколько отдельных предметов. В юго-западном углу жилища на глубине 40 см встречены железная скоба и стеклянная желтая бусина, вблизи от юго-восточного угла на глубине около 60 см найдена бронзовая цепочка, а почти на полу недалеко от печи на той же глубине лежало пряслице.

Полуземлянка № 8. На дневной поверхности это жилище хорошо обозначалось большой западиной. С южной стороны у западины имелась выемка. Длина западины 6,4 м, ширина 5,5 м, глубина около 90 см. Котлован полуземлянки вырублен в материковом мелу на глубину 50 см. Он имеет почти квадратную форму, его площадь около 20 кв. м.

В северном углу жилища находились остатки печи. От нее сохранилась груда небольших камней песчаника и глины. Под печи имел овальную форму и был углублен в материк на 10 см. Сверху он был заполнен глиной, перемешанной с песком, а на его дне лежала прослойка золы толщиной 2 см. Под подом печи находились две ямы, заполненные песком.

В полу жилища было обнаружено 9 столбовых ям [11] глубиной от 5 до 50 см. Они располагались по трем углам возле юго-восточной, юго-западной и северо-восточной стены.

[11] В это число не включены ямы с песком.

Полуземлянка, как и другие жилища, была заполнена черноземом с меловой щебенкой. В центральной части котлована выделялось черное пятно. Грунт сильно слежавшийся. Здесь встречены небольшое количество фрагментов керамики, костей животных, несколько кусков шлака. Кости животных найдены преимущественно в северо-восточной части жилища вблизи печи. На этом же участке на глубине 40 см и на полу встречены два костяных острия, а в центре жилища также на полу — нож и еще одно костяное острие.

Полуземлянка № 14. На современной дневной поверхности была западина диаметром около 5 м, глубиной 50 см. Котлован вырыт в материковом мелу. Это было одно из самых маленьких жилищ на городище. Его площадь около 10 кв. м. Оно расположено на склоне, в результате чего глубина котлована неодинакова (от 66 до 90 см).

Печь подковообразной формы располагалась в северо-западном углу жилища. Она была сложена из камней и глины и, вероятно, имела свод. Высота печи 30—35 см. Под овальной формы (40×60 см) был слегка углублен в материк. На дне находилась зола. При расчистке печи встречены отдельные фрагменты керамики, почти целый горшок, наполненный глинистой массой красного цвета, и отдельные комки такой же массы красного и черного цвета. Перед устьем печи лежало несколько слегка обожженных камней песчаника. В полу жилища было пять столбовых ям глубиной 21—40 см. Две из них находились у южной и по одной — у северной и восточной стены и возле печи.

Полуземлянку заполнял чернозем с меловой щебенкой. В центре жилища грунт был более темного цвета. При расчистке встречены остатки обгорелого дерева. Они лежали вдоль меловых стен и посередине жилища на глубине 32—90 см[12]. Ширина плах около 10 см, толщина 7—8 см. У южной стены и примерно в центре жилища находились столбы диаметром 8—12 см.

Кроме обгоревшего дерева в грунте, заполнявшем полуземлянку, были встречены фрагменты керамики боршевского и салтово-маяцкого типа, небольшое число костей животных и отдельные предметы. На печи лежал обломок сковородки, в центре жилища на глубине 40 см встречен обломок жернова. Неподалеку от этого места почти на уровне пола лежал горшок салтово-маяцкого типа. Он был раздавлен. На полу в северо-восточной части постройки, ближе к центру, найдены два обломка костяных острий, а возле восточной стены — небольшие кучки глины красного, рыжеватого и коричневого цвета. Глина красного цвета лежала и возле печи.

[12] Глубина залегания дерева определялась от юго-восточного угла жилища на поверхности материкового мела. На чертеже не показаны остатки дерева, лежавшие на печи.

Полуземлянка № 15. На месте полуземлянки на современной дневной поверхности была округлая западина тех же размеров, что и над полуземлянкой № 14. Котлован жилища вырыт в материковом мелу на глубину до 1,1 м. Его площадь около 10 кв. м.

Печь подковообразной формы, сложенная из глины и небольшого количества мелких камней, находилась в юго-восточном углу жилища. Высота печи несколько больше 20 см. Под округлой формы (диаметр около 85 см) был углублен в материк на 12 см. На поду лежал слой обожженной глины (10 см), а поверх нее зола (толщина зольного слоя 20 см). Под подом печи оказалась ямка глубиною в 20 см, в ней находились щебенка, несколько костей животных и фрагменты керамики.

В полу жилища было 7 столбовых ямок глубиной от 5 до 29 см. Три из них находились возле углов, две у восточной, одна у западной стены и одна возле устья печи. Любопытно, что в юго-западном углу, где сохранились остатки столба, ямки не оказалось. В северо-восточном углу ямка находилась несколько в стороне от столба; также располагалась ямка и в северо-западном углу. Возможно, что в этом жилище угловые столбы не были укреплены в ямках. Ямка вблизи северо-восточного угла указывает на наличие в этом месте дополнительного столба, который мог служить подпоркой.

Полуземлянку заполнял чернозем с меловой щебенкой. Грунт в центре жилища был также темного цвета. На глубине 13—44 см[13] встречены остатки обгорелого дерева, лучше сохранившегося в северо-восточном и юго-западном углах, где, как указывалось, находились остатки столбов диаметром 10—16 см, к которым вплотную примыкали плахи. На полу, примерно в центре жилища, лежал раздавленный сосуд, в северо-восточной части найдены два обломка костяных острий и кусок воска.

Полуземлянка № 23. На ее месте была хорошо выраженная западина овальной формы (4×6 м) глубиной до 80 см. Котлован углублен в материковый мел на 75—120 см. (Длина западной стены 4,1 м, северной — 4,5 м, восточной — 4,5 м и южной — 3,9 м, площадь около 18 кв. м).

[13] Измерение глубины залегания дерева велось от нулевой точки, за которую был принят северо-восточный угол жилища на поверхности материкового мела.

Печь подковообразной формы (длина каждой стороны 1,2 м) была расположена в юго-восточном углу жилища. Ее остов был выложен из глины с очень незначительным включением мелких камней песчаника. В этом глиняном остове встречено несколько фрагментов керамики боршевского типа. Высота остова около 40 см, толщина стен 24—44 см. Изнутри печь была очень тщательно обработана, о чем свидетельствовали вмятины от пальцев, которые сохранились в нескольких местах. Поверх глиняный остов был выложен крупными камнями песчаника, которые образовали свод печи. Камнями обложены также и наружные стенки. Под овальной формы (58×74 см) был углублен в материк на 16 см. Его основание обмазано слоем глины. Поверх глины лежала зола. Толщина зольного слоя 3 см. Часть камней свода обвалилась на под.

В полу жилища было вырублено 12 столбовых ямок округлой формы глубиной от 8 до 45 см. Пять из них находились у северной стенки печи, шесть — в различных частях помещения на полу и еще одна — вблизи северо-восточного угла. Большие ямки в центре жилища, вероятно, предназначались для столбов, поддерживающих крышу.

Едва заметные следы обгорелого дерева прослеживались вдоль западной, южной и северной стен. Лучше сохранились остатки дерева в центре жилища. Дерево лежало по направлению север—юг, а несколько обломков располагалось перпендикулярно к нему. Это, вероятно, были остатки кровли. Дерево в жилище находилось на глубине от 35 до 83 см.[14]

Пространство между деревом и меловыми стенами было забито почти чистой меловой щебенкой. Толщина слоя этой забутовки доходила до 40 см. По углам в забутовке прекрасно сохранились гнезда от столбов диаметром от 28 до 33 см. В юго-западном углу удалось проследить остатки дерева от столба. Столбы ставились за сруб и забивались забутовкой после того, как был сделан сруб, поэтому не было надобности укреплять их в ямках. Эти угловые столбы были опорами для крыши.

Полуземлянка, за исключением пристенной части, была заполнена черноземом с меловой щебенкой, при этом в северной и восточной части дома на глубине от 25 до 60 см[15] залегал слой необожженной глины толщиною от 4 до 13 см,

[14] Глубина залегания дерева отмерялась от нулевой точки, за которую был принят северо-восточный угол котлована на поверхности материкового мела.

[15] Измерение глубины залегания глины велось от нулевой точки, за которую был принят северо-восточный угол жилища на поверхности материкового мела.

а местами и до 40 см. Под этим слоем снова находился слой щебенки с черноземом, при этом глина лежала поверх печи и перекрывала остатки деревянных конструкций крыши.

При раскопках жилища на различной глубине встречены фрагменты керамики и кости животных, а также горшок, вылепленный из бурой глины с примесью шамота, лежавший на полу в юго-западном углу жилища. Под тяжестью рухнувшего перекрытия он был раздавлен.

Полуземлянка № 24. На месте жилища была округлая западина диаметром около 6 м, глубиной около 40 см. Котлован площадью около 15 кв. м вырыт в мелу на глубину 78—122 см.

Разрушенная печь-каменка находилась в юго-западном углу. От нее сохранилось нагромождение камней, большинство которых имело небольшие размеры (20×14 см, 16×14 см), и лишь некоторые камни были размером 36×30 см, 35×24 см. Под печи овальной формы (60×80 см) углублен на 5 см. На нем лежал слой золы (2 см). В полу жилища вырублено 10 ямок округлой и продолговатой формы глубиной от 6 до 53 см. Ямы располагались по углам и посредине стен.

Вдоль стен находились остатки обгорелого дерева. Дерево лучше сохранилось у северо-восточной стены. Здесь вдоль стены на ребре лежали две плахи (верхняя плаха на глубине 60 см, нижняя — 80 см)[16]. Верхняя плаха несколько сместилась относительно своего первоначального положения. Перпендикулярно к ним плашмя располагались еще две плахи. Ширина одной из них около 20 см. Вдоль противоположной юго-западной стены плаха сохранилась на глубине 30 см. Поблизости от нее несколько глубже лежало еще три обломка обгоревшего дерева. У северо-западной и юго-восточной стены на разной глубине встречены обломки плах и двух столбов. Лучше сохранился столб у северо-западной стены. Это была расколотая пополам плаха высотою 30 см, шириною 15 см. Пространство между плахами и материковой стеной было забито меловой щебенкой. Вся остальная площадь полуземлянки заполнена черноземом с незначительным вкраплением меловой щебенки. Цвет этого грунта почти черный.

При расчистке полуземлянки встречены фрагменты керамики боршевского и салтово-маяцкого типов, кости животных. Кроме того, на глубине 20 см в юго-восточном углу

[16] Отметки глубины залегания дерева велись от нулевой точки, за которую был принят юго-западный угол жилища на поверхности материкового мела.

полуземлянки найден раздавленный сосуд. На глубине 20—40 см, примерно в центре ямы, обнаружен железный рыболовный крючок, а в ямке у северо-западной стены—обломок костяного острия.

Полуземлянка № 25. На месте полуземлянки была западина диаметром около 6 м, глубиною около 1 м. Котлован жилища выкопан в материковом мелу на глубину 50—125 см[17], он имел почти правильную квадратную форму, его площадь 20 кв. м.

Разрушенная подковообразная печь находилась в западном углу дома. В отличие от большинства печей с городища при ее сооружении был использован материк. Из материкового мела частично были сделаны западная и северная стенки, южная выложена из камней и глины. Под печи овальной формы (50×64 см) углублен на 5 см, на нем находилась зола.

В полу жилища было несколько ям округлой и продолговатой формы глубиной от 8 до 35 см. Вдоль северо-восточной, юго-восточной и юго-западной стены имеются углубления в виде канавок, но их форма не позволяет связывать их с деревянными конструкциями дома.

Полуземлянка заполнена черноземом с меловой щебенкой. В восточной части жилища было значительное количество мелового выброса. В юго-западной части на глубине 60 см от поверхности материкового мела в меловой щебенке была примесь глины. Вдоль стен сохранились небольшие обломки обгорелых плах, которые лежали на глубине 76—114 см[18]. При расчистке жилища встречены фрагменты керамики боршевского типа, на полу — костяное острие.

Полуземлянка № 26. На месте этого жилища была западина (5×5,6 м) глубиной около 80 см. Котлован для жилища был выкопан в материковом мелу на глубину 58—68 см, его площадь около 15 кв. м.

В юго-восточном углу дома находилась печь подковообразной формы, сложенная из мелких камней песчаника, скрепленных глиной. Печь сохранилась на высоту до 44 см., толщина ее стенок 22—30 см. Под печи имел форму неправильного овала (54×70 см) и углублен на 15 см. Он был обмазан глиной, которая в верхней части оказалась сильно обожженной. Толщина слоя глины 10 см. Поверх нее лежал слой золы толщиной 2 см.

[17] Такая разница в высоте стен полуземлянки объясняется тем, что она расположена на склоне.

[18] Измерение глубины залегания дерева велось от нулевой точки, за которую был принят южный угол жилища на поверхности материкового мела.

В полу жилища было вырублено 5 ямок глубиной от 16 до 33 см. Одна из них находилась в юго-восточном углу дома, три — возле южной, северной и западной стены и еще одна примерно в центре жилища.

Полуземлянку заполнял чернозем с меловой щебенкой. Вдоль южной и северной материковых стен на значительном расстоянии от них (22—90 см.) на глубине 20—60 см[19] лежали обгорелые плахи шириной около 20 см, толщиной 5 см. В яме у южной стены были обнаружены следы столба.

При расчистке жилища встречены фрагменты керамики боршевского типа, кости животных и рыб. Особенно много керамики было найдено при расчистке печи и за печкой. Это были фрагменты горшков и глиняных сковородок. В одном из раздавленных горшков находились кости рыб. На полу вблизи печи встречено роговое стилизованное изображение рыбы.

Полуземлянка № 28. На месте полуземлянки хорошо была видна округлая западина диаметром 5 м, глубиной 50 см. Котлован для жилища вырыт частично в глине, частично в материковом мелу на глубину 60—80 см. Его площадь около 18 кв. м.

Разрушенная печь находилась в западном углу. От нее сохранилось несколько небольших камней песчаника и очажное блюдце овальной формы (52×70 см) глубиной 18 см. Его дно было обмазано слоем сильно обожженной глины толщиною 2 см, на нем лежала зола.

В полу жилища обнаружено 7 ямок округлой и продолговатой формы глубиной от 4 до 12 см. По две ямки было у северо-восточной и юго-восточной стены, одна у юго-западной стены и две в центре. Центральные ямки, вероятно, предназначались для столбов, на которые опиралась крыша.

Полуземлянка была заполнена черноземом с меловой щебенкой и большим количеством мелового выброса. При расчистке жилища встречены остатки обгорелого дерева, лежавшие вдоль стен почти вплотную к ним на глубине 32—62 см[20], фрагменты керамики боршевского типа, кости животных, половина усеченнобиконического пряслица и 4 обломка от жернова. Примерно половина всех обломков посуды и костей животных находилась за печкой. Пряслице найдено на глубине 40 см в западной стороне жилища. Обломки жернова лежали в центре на полу.

[19] Измерения глубины залегания дерева велись от нулевой точки, за которую был принят юго-восточный угол жилища на поверхности материкового мела.

[20] Измерение глубины залегания дерева велось от нулевой точки, за которую был принят западный угол полуземлянки на поверхности материкового мела.

Полуземлянка № 29. На месте жилища была отчетливо видна округлая западина диаметром 6 м и глубиной 50 см. Котлован жилища был вырыт в материковом мелу на глубину 70—80 см, площадь его около 16 кв. м.

Подковообразной формы печь, сложенная из глины и небольшого количества мелких камней песчаника, находилась в северо-западном углу дома. Ее высота 48 см, толщина стенок — 22—28 см. Снаружи западная и северная стенки были обложены камнями. Несколько камней песчаника встречено и в топке. Очажное блюдце имело овальную форму (48×88 см) и довольно значительную глубину (20 см). На его дне находился слой золы толщиною 6 см. Он перекрыт тонким сильно обожженным глинистым слоем, поверх которого лежал слой золы толщиною 8 см., затем снова шла тонкая глинистая прослойка и опять слой золы.

В полу жилища было 3 столбовых ямки. Одна из них (32×42 см, глубина 10 см) находилась у северной стены, другая маленькая ямка—против нее у южной стены (диаметр 6 см, глубина 10 см) и третья (32×36 см, глубина 35 см)— вблизи от восточной стены.

Полуземлянку заполнял чернозем с меловой щебенкой. На расстоянии 14—26 см. от материковых стен на глубине от 13 до 64 см[21] встречены остатки обгорелого дерева. В отдельных местах деревянная стена сохранилась на четыре венца. У северной и южной стены стояли столбы. Столб у северной стены (высотой 33 см) был установлен в ямку. Столб у южной стены рухнул. Под ним находилась маленькая ямка, которая вряд ли могла служить опорой для столба. Перпендикулярно к западной стене в наклонном положении лежали обломки двух широких (20 см) плах. Это, видимо, были остатки рухнувшей крыши.

В грунте, заполнявшем жилище, встречено незначительное количество фрагментов керамики боршевского типа (обломки горшков и сковородок), кости животных, обломок костяного острия, на полу возле печи найдено усеченнобиконическое пряслице, а в топке — кусок шлака.

Полуземлянка № 31. На месте жилища была западина диаметром 6 м и глубиной 55 см. На современной дневной поверхности можно было заметить с северо-восточной стороны как бы вход в жилище. В этом месте на краю западины было углубление.

Котлован для жилища вырыт в материковом мелу и глине. Его глубина 78—100 см, площадь около 15 кв. м.

[21] Измерение глубины залегания дерева велось от нулевой точки, за которую был принят северо-восточный угол жилища на поверхности материкового мела.

Печь подковообразной формы находилась возле северо-западной стены, ближе к западному углу дома. Она была сложена из небольших камней песчаника, скрепленных глиной. Стенки печи сохранились на высоту до 24 см, их толщина 20—32 см. Под овальной формы (44×64 см) углублен на 14 см. Его заполняла зола. Возле устья печи лежал большой камень.

В полу жилища было две столбовых ямки, которые располагались одна за другой у северо-восточной стены против устья печи. Их глубина 8 и 26 см. Они находились как раз в том месте, где до начала раскопок прослеживалось место входа. Недалеко от печи у юго-западной стены была округлая хозяйственная яма (диаметр 62 см) с отвесными стенками глубиной 40 см. В ней встречено небольшое количество рыбьих костей, костей животных и мелких фрагментов керамики боршевского типа.

Центральная часть жилища была заполнена сильно слежавшимся черноземом. Остальное пространство заполнял чернозем с меловой щебенкой. Вдоль стен местами встречена чистая меловая щебенка. У юго-западной и юго-восточной стен, вплотную к ним, на глубине 80—86 см[22] лежали остатки обгорелого дерева, а на полу жилища — тонкий углистозольный слой. В этом жилище встречено сравнительно небольшое количество керамики боршевского типа и костей животных. Как и в других жилищах, часть этих находок располагалась вблизи от печи. На полу жилища в северо-восточной части встречено железное кольцо.

Полуземлянка № 32. На месте жилища была западина диаметром 5 м, глубиной 30 см. Котлован площадью около 15—17 кв. м был выкопан в материковом мелу на глубину 94—100 см.

В восточном углу расположена подковообразная печь. Ее устройство отличалось от остальных печей городища. Остов печи был глиняным, внутренняя сторона выложена небольшими камнями песчаника, а наружная — меловыми камнями. Печь сохранилась на высоту 30 см. Толщина ее стенок 18—28 см. Под печи овальной формы (48×68 см), глубиной 10 см, заполнен золой.

В полу раскопанной части жилища было 5 столбовых ямок. Три из них располагались по углам. В отличие от обычных угловых ям они не имели правильной формы и сливались с углами полуземлянки. Глубина этих ям 5 см. Четвертая яма глубиной 40 см располагалась у юго-западной

[22] Измерение глубины залегания дерева велось от нулевой точки, за которую был принят восточный угол дома.

стены против устья печи. Пятая небольшая ямка глубиной 5 см находилась у юго-восточной стены.

Полуземлянку заполнял чернозем с меловой щебенкой и значительным количеством мелового выброса. При расчистке на глубине от 2 до 27 см[23] найдены остатки обгорелого дерева, лежавшего на расстоянии 18—36 см от материковых стен. Возле устья печи было скопление глины, неподалеку от печи встречено 3 куска железного шлака, на полу — зола. Фрагменты керамики и кости животных в небольшом количестве найдены в заполнении жилища, а также при расчистке печи.

Полуземлянка № 33. На месте полуземлянки была округлая западина диаметром около 6 м, глубиной 70 см. Котлован жилища квадратной формы был вырыт в материковом мелу на глубину 90—95 см, его площадь 16 кв. м.

Печь находилась в южном углу дома. От нее сохранилась задняя глиняная стенка и беспорядочное нагромождение камней. Пространство между задней стенкой печи и стенкой дома было выложено меловым выбросом. Под округлой формы (диаметр 65 см) углублен в материк на 80 см. В нем находилась зола.

В полу жилища было выкопано 6 столбовых ям глубиной от 4 до 30 см. Одна из них располагалась в северном углу жилища, две у центра северо-западной стены, две недалеко от печи и одна вблизи северного угла.

Жилище было заполнено черноземом с меловой щебенкой. С южной стороны в него сползла предматериковая глина. В профиле жилища хорошо прослеживается углистая прослойка. При расчистке полуземлянки на глубине 60—87 см[24] встречены остатки обгорелого дерева. Плахи, лежавшие вдоль стен котлована, являются остатками облицовки. Расстояние между стенами котлована и плахами около 10 см. Перпендикулярно к юго-западной стене лежала большая плаха шириной 20 см, длиной 1,5 м. Ее следует связывать с конструкцией кровли. Меловой пол жилища покрывал тонкий зольный слой.

При расчистке полуземлянки встречены фрагменты керамики, кости животных. Кроме того, в центре жилища на глубине 20 см найдено конусовидное пряслице, а на полу — два куска шлака и обломок железной поделки, между камнями печи лежали еще два куска шлака и бусина-лимонка.

Полуземлянка № 34. На месте полуземлянки была округлая западина диаметром около 7 м, в центре ее росло большое дерево. Котлован жилища квадратной формы площадью около 25 кв. м был выкопан в глине и подстилающем глину материковом мелу на глубину 78—105 см. Особенностью этого жилища было то, что у юго-западной и северо-западной стен были уступы, а возле северного угла — ниша.

Жилище отапливалось очагом. От него сохранилось скопление золы толщиной 5 см, развалка больших камней песчаника и незначительное количество глины.

В полу жилища было 19 ямок различной формы и глубины, но не все они были связаны с деревянной конструкцией дома. Четыре столбовых ямки глубиной от 9 до 14 см находились по углам, две—вблизи юго-восточной стены, а остальные — в центре жилища и у северо-восточной стены.

В связи с тем, что на месте полуземлянки росло дерево и во время войны под деревом была выкопана яма, заполнение этого жилища несколько необычно. Гумусированный слой здесь значительно больше, чем в других жилищах. Он занимает почти всю его центральную часть и доходит до пола. Остальная площадь полуземлянки была заполнена черноземом с меловой щебенкой, а по краям—с глиной. Незначительные следы обгорелого дерева встречены лишь у юго-западной стены.

В жилище, кроме фрагментов керамики боршевского типа, костей животных встречено и несколько вещей. На глубине 20 см в восточной стороне полуземлянки находилось усеченнобиконическое пряслице, в юго-восточном углу — железный нож и округлое пряслице, у юго-западной стены на глубине 40—60 см — железный нож, а в центре — обломок железной поделки. В развалке камней от печи найдена одна половина округлого плоского пряслица из черепка, а вторая его половинка была обнаружена в южном углу жилища.

Полуземлянка № 35. На месте жилища была большая (диаметром более 8 м) западина глубиной до 50 см. Котлован для жилища площадью около 25 кв. м, выкопанный в материковом мелу на глубину 65—87 см, имел неправильную форму.

Печь подковообразной формы находилась в северо-восточном углу. Ее остов был выложен из глины, а на верху лежали некрупные камни песчаника, часть из которых обвалилась в топку. Печь сохранилась на высоту до 36 см, толщина ее стенок до 30 см. Очажное блюдце имело овальную форму (60×80 см, глубина 10 см), в нем находилась зола.

В полу котлована имелось 5 столбовых ямок округлой формы глубиной от 6 до 13 см, которые располагались в южной половине жилища и у западного угла.

[23] За нулевую точку при измерении глубины залегания дерева принят восточный угол жилища на поверхности материкового мела.

[24] Глубина залегания дерева измерялась от нулевой точки, за которую был принят северный угол жилища на уровне материкового мела.

Верхняя часть полуземлянки была заполнена черноземом с вкраплениями меловой щебенки, а в нижней находилась почти чистая щебенка. В восточной части жилища в профиле отчетливо прослеживалась яма военного времени.

Особенностью этой полуземлянки являлось то, что ее котлован был больше, чем само жилище. Об этом можно судить по остаткам облицовки стен, встреченным на глубине от 45 до 85 см[25] на различном расстоянии от стен котлована. У юго-восточной и северо-восточной стены котлована дерево лежало на расстоянии 16—20 см, тогда как расстояние между северо-западной и юго-западной стенами котлована и деревянной облицовкой доходит до 1,24 м. При этом следует отметить, что за пределами деревянной облицовки было две столбовых ямы. Таким образом, площадь этого жилища меньше, чем площадь котлована, и равнялась примерно 16 кв. м.

При расчистке полуземлянки в северной части на глубине до 20 см встречена половина округлого пряслица, а в центре—обломок бусины и усеченнобиконическое пряслице, у юго-восточной стены на полу дома лежало два целых костяных острия и три обломка. Кроме того, на различной глубине встречалась керамика боршевского типа и кости животных. На печи лежали обломки массивного противня из красноватой глины.

Полуземлянка № 36. На месте жилища была большая округлая западина диаметром около 7 м и глубиной около 50 см. Котлован для жилища выкопан в глине и подстилающем глину материковом мелу на глубину 1—1,1 м. Он имел форму прямоугольника с длиною сторон 4,6×5 м, его площадь 23 кв. м.

Печь подковообразной формы с вытянутыми сторонами находилась у восточного угла. Она выложена из глины и снаружи обложена небольшими камнями песчаника. У устья печи также лежал камень. Печь сохранилась на высоту 40 см, толщина глиняных стен 18—28 см, а общая толщина стен, включая и каменную облицовку, 40—50 см. Под овальной формы (44×74 см) углублен на 10 см, был заполнен золой.

В полу жилища имелось 19 столбовых ямок глубиной от 2 до 31 см. Они располагались по трем углам, возле стен, у печи и в центре жилища.

Полуземлянка была заполнена черноземом с меловой щебенкой. В нижней половине котлована в черноземе щебенки было больше, чем в верхней. При расчистке жилища на различной глубине (от 65 до 100 см)[26] были встречены остатки обгорелого дерева. Их расположение позволяет говорить о том, что и здесь так же, как в полуземлянке № 35, площадь жилища была меньше площади котлована. Остатки обгорелой облицовки стен располагались на расстоянии 0,5—1 м от материковых стен. В границы, очерченные деревом, хорошо вписывается печь. Они определяются и расположением двух продолговатых ямок глубиной 10 и 15 см посередине юго-восточной и северо-западной стен. В такие ямы устанавливались обычно столбы — опоры для матицы крыши. Две неглубокие округлые ямки в центре жилища, вероятно, также служили для опорных столбов кровли. Ямки у юго-западной стены следует связать с местом входа в жилище. Так же, как в полуземлянке № 35, здесь за пределами жилища в котловане было несколько столбовых ямок. Между деревом и материковой стеной находилась забутовка из меловой щебенки с незначительной примесью чернозема.

В жилище кроме фрагментов керамики боршевского типа и костей животных на различной глубине встречено несколько вещей. В центре на глубине до 20 см найдено костяное острие, на глубине 40—60 см —точильный брусок, а вблизи юго-западной стены — обломок ножа. В южной части жилища на глубине 60—80 см встречена округлая сердоликовая бусина. При зачистке пола в центре полуземлянки было обнаружено еще одно костяное острие.

Полуземлянка № 37. На месте этого жилища и к востоку от него была западина неправильной формы. Ее глубина над полуземлянкой около 50 см. С юго-восточной стороны западину перерезала траншея военного времени. Котлован жилища площадью около 20 кв. м был выкопан в материковом мелу на глубину 90—100 см.

Никаких следов печи в этом жилище встречено не было. В полу имелось 26 небольших ямок глубиною от 2 до 10 см. Они располагались без особой системы у стен и посередине жилища.

Заполнение этой полуземлянки отличается от заполнения большинства жилищ с городища. Под тонким слоем гумуса находилась значительная прослойка чернозема с большим вкраплением углей, ниже залегал слой обычного для жилищ чернозема с меловой щебенкой, а под ним сильно слежавшаяся чистая меловая щебенка.

[25] Измерение глубины залегания дерева велось от нулевой точки, за которую был принят южный угол жилища на поверхности материкового мела.

[26] Измерение глубины залегания дерева велось от нулевой точки, за которую был принят северный угол жилища на поверхности материкового мела.

Большая часть всех находок встречена в верхнем углистом слое. В слое чернозема с меловой щебенкой их меньше, а в меловой щебенке находились лишь единичные фрагменты керамики и один амулет.

В этой полуземлянке найдено самое большое количество различных изделий (свыше 1500 обломков посуды боршевского типа, 5 фрагментов керамики салтово-маяцкого типа, 10 обломков сильно ошлакованной толстостенной посуды, более 600 раздробленных костей животных и 77 кусков шлака). Один почти целый сосуд встречен у юго-западной стены в верхней части слоя с меловой щебенкой в куче камней песчаника, а неподалеку от этого места было зафиксировано скопление золы (толщина 13 см).

Кроме фрагментов керамики, костей животных и шлака здесь на различной глубине встречены также изделия из глины, железа, бронзы и кости. На глубине 20 см найдены обломок железной оковки, костяное острие, амулет из астрагала бобра, усеченнобиконическое пряслице, миниатюрный горшочек, двойная бусина-лимонка. На глубине 20—40 см — железный рыболовный крючок, нож, обломок бронзовой оковки, заостренная кость, два амулета из астрагалов бобра, полый цилиндрик, миниатюрный горшочек. На глубине 40—60 см — железный нож, бритва, костяная ручка, полый костяной цилиндрик, амулет из клыка медведя, одно целое пряслице с орнаментом и обломок также орнаментированного пряслица, тигилек. На глубине 80—100 см — амулет из астрагала бобра.

Полуземлянка № 38. На месте этого жилища была округлая западина диаметром 6 м, глубиной 44 см. Котлован для жилища был вырыт в материковом мелу на глубину 85—100 см, его площадь около 14 кв. м.

Печь-каменка находилась в западном углу. От нее сохранилось беспорядочное нагромождение камней песчаника. Под имел овальную форму (60×70 см) и был углублен на 25 см. Он был заполнен золой, поверх которой лежали камни.

В полу жилища было 9 ямок округлой формы глубиной от 4 до 11 см. Три столбовых ямки располагались по углам, а остальные возле стен.

Жилище было заполнено черноземом с большим количеством меловой щебенки. На полу почти по всей площади полуземлянки лежала необожженная глина. Остатки обгорелого дерева (плахи) находились у северо-западной, северо-восточной и юго-восточной стены котлована на глубине 46—90 см[27]

[27] Измерение глубины залегания дерева велось от нулевой точки западного угла жилища на поверхности материкового мела.

В восточном углу удалось проследить, что плахи непосредственно примыкали друг к другу. В центре северо-западной стены сохранились остатки столба диаметром 15 см и высотой до 18 см. У противоположной юго-восточной стены ближе к восточному углу находился еще один столб диаметром около 16 см, высотой около 7 см.

Полуземлянка № 39. На месте жилища была округлая западина диаметром 4 м, глубиной 6 см. Котлован для жилища вырыт в глине и материковом мелу на глубину 85—110 см, его площадь около 16 кв. м.

Печь-каменка находилась в юго-восточном углу жилища. От нее сохранилось нагромождение крупных и мелких камней песчаника. Под имел овальную форму (80×100 см, глубина 20 см). Он был заполнен золой.

В полу жилища расчищены столбовые ямки округлой и овальной формы глубиной от 7 до 50 см. Ямки располагались по углам и возле стен (по одной в центре каждой стены). Одна небольшая ямка была возле печи и еще одна — в северной части полуземлянки возле стены.

Жилище заполнено черноземом с меловой щебенкой. На полу местами встречена необожженная глина. Вдоль стен котлована довольно хорошо сохранились остатки обгоревших плах, лежавших на глубине 45—83 см[28]. Их ширина 6—15 см. Почти на полу был встречен углистый слой, в котором удалось расчистить отдельные обломки дерева, располагавшиеся без особой системы. Кроме плах в жилище обнаружены остатки шести столбов. Обломки двух столбов диаметром 18 см находились в северо-западном и северо-восточном углах. Их высота 17—36 см. Вблизи от углового северо-восточного столба обнаружен еще один обломок столба диаметром 12 см, высотой 17 см. Один столб из плахи, разрубленной пополам, поддерживал облицовку южной стенки. Столб сохранился на высоту 30 см, его диаметр 22 см. В плахе в месте скрепления со столбом была вырубка.

Пятый столб находился у западной стены. Так же, как и большинство других столбов, он был круглым. Его диаметр 12 см, высота 30 см. Шестой столб был найден недалеко от западной стены. Его диаметр 14 см, высота 20 см.

Промежуток между облицовкой и материковыми стенами был забит черноземом с очень большим количеством меловой щебенки.

[28] Измерения производились от нулевой точки, за которую был принят юго-восточный угол жилища на уровне поверхности материкового мела.

В заполнении полуземлянки встречено небольшое число фрагментов керамики боршевского типа, два фрагмента керамики салтово-маяцкого типа, три кости и два куска железного шлака.

Полуземлянка № 40. На месте жилища была западина диаметром 5,5 м и глубиной 20 см. Котлован выкопан в глине и в мелу на глубину 1—1,1 м, его площадь около 17 кв. м. Остатки печи находились в южном углу дома. От нее сохранился округлый под (80×90 см, глубиной 20 см). Он был заполнен черноземом с золой. В нем лежало пять небольших камней песчаника.

В полу жилища было 5 столбовых ямок глубиной от 5 до 25 см. Две из них располагались одна за другой у центра северо-западной стены, три других находились неподалеку от северо-восточной стены.

Полуземлянка была заполнена черноземом с меловой щебенкой. На глубине 60—80 см почти по всей площади жилища залегал слой глины толщиною 5—10 см. Под ним находился углистый слой, в котором удалось расчистить отдельные плахи. Вдоль стен сохранились остатки обгорелого дерева шириной 5—14 см, лежавшего на глубине 43—76 см.[29]. Кроме того, здесь имелось еще три столба. Один из них находился у северо-восточной стены ближе к северному углу (его диаметр 13 см, высота 28 см). Два других были расположены примерно один против другого у юго-западной стены и неподалеку от северо-восточной стены. Первый столб представлял собою половину бревна, его диаметр 16 см, высота 22 см. Второй столб округлый, его диаметр 9 см, высота 17 см. Все столбы оказались смещенными со своих первоначальных мест.

В заполнении жилища на различной глубине встречены фрагменты керамики боршевского типа, два обломка посуды салтово-маяцкого типа, кости животных и три куска железного шлака. Фрагменты керамики и кости животных найдены и за очагом. Кроме того, на глубине 20 см в восточном углу встречен железный рыболовный крючок, а на глубине 40 см в западном углу—половина округлого глиняного пряслица, на полу в том же углу — костяное острие.

Полуземлянка № 41. На месте полуземлянки была округлая западина диаметром 6 м., глубиной 50 см. Котлован для жилища вырыт в глине и материковом мелу на глубину 75—93 см, его площадь около 17 кв. м.

[29] Измерение глубины залегания дерева велось от нулевой точки, за которую был принят северный угол жилища на поверхности материкового мела.

Развалка печи-каменки находилась в северо-восточном углу. От нее сохранилось нагромождение небольших камней песчаника. Под овальной формы (74×100 см, глубина 10 см) заполнен золой.

В полу жилища было 11 столбовых ямок глубиной от 8 до 20 см. Четыре ямки располагались по углам постройки, семь возле стен.

Жилище было заполнено черноземом с меловой щебенкой и глиной, сползшей сверху. Деревянные конструкции полуземлянки сохранились плохо. Вдоль стен местами лежало обгорелое дерево. Оно встречено на глубине 32—35 см[30] и на расстоянии 8—70 см от материковых стен. Обломки нескольких обгоревших плах лежали без особой системы. Кроме плах в жилище было обнаружено два обгоревших столба. Один из них находился в северо-западном углу постройки, его диаметр 13 см, высота 20 см, другой — у центра восточной стены. Это был столб из половины бревна. Его диаметр 20 см, высота 18 см. Округлой частью он обращен в сторону постройки.

В заполнении жилища встречены фрагменты керамики боршевского и салтово-маяцкого типов, один фрагмент керамики раннежелезного века и кости животных. В развалке печи кроме обломков горшков боршевского типа найдены также два обломка сковородки, на полу лежало плоское округлое глиняное пряслице.

Полуземлянка № 42. На месте жилища была западина округлой формы (диаметр 4 м, глубина 40 см). Котлован жилища выкопан в глине и материковом мелу на глубину 62—64 см, его площадь несколько более 16 кв. м.

Печь располагалась в западном углу. Ее остов был глиняный, а поверх него лежали некрупные камни песчаника, образовывавшие в свое время верхнюю часть стенок печи и свод. Эти камни лежали в беспорядке на глине и на полу. По форме печь отличается от большинства печей с городища. Она имеет почти прямые нетолстые боковые стенки (30—35 см) и очень массивную заднюю стену (80 см), которая доходила до стены котлована. Внутренние стены печи были сильно обожжены. Длина печи 2 м, ширина 1,15 м. Под овальной формы (62×92 см) вырублен в материковом мелу на глубину 10 см. Он был заполнен золой. В зольном слое найден раздавленный горшок боршевского типа.

В полу постройки было 11 столбовых ямок глубиной от 7 до 12 см. Две из них расположены в северном и южном уг-

[30] Измерение глубины залегания дерева велось от нулевой точки, за которую был принят юго-восточный угол жилища на поверхности материкового мела.

лах, семь возле стен котлована, одна у печки и одна в северной половине постройки.

Полуземлянка была заполнена черноземом с меловой щебенкой и глиной. Вдоль стен котлована на расстоянии 10—32 см на глубине 9—49 см[31] лежали остатки обгорелых плах шириной 2—12 см. Как удалось проследить, по углам плахи примыкали друг к другу. Эта деревянная облицовка жилища поддерживалась округлыми и расколотыми пополам вдоль столбами. Один округлый столб сохранился в северном углу. Его размеры 12×18 см. Диаметр пристенных столбов 18—30 см, высота 13—44 см. Все они оказались смещенными со своих первоначальных мест.

В заполнении полуземлянки на различной глубине встречены фрагменты керамики боршевского типа и один фрагмент салтово-маяцкого сосуда, кости животных. На полу перед печью найдена половина усеченнобиконического глиняного пряслица.

Полуземлянка № 43. На месте жилища была западина диаметром 3,6 м, глубиной 18 см. Котлован для полуземлянки выкопан в глине и материковом мелу на глубину 61—90 см., его площадь около 21 кв. м.

Печь, сложенная из мелких камней песчаника и глины, находилась в юго-восточном углу. Она полностью разрушена. Овальной формы под (56×80 см) был углублен в материковый мел на 10 см. Золы в нем не оказалось. На дне печи встречен кусок шлака, хорошо передающий форму дна сосуда.

В полу жилища девять столбовых ямок глубиной от 12 до 36 см. В юго-восточном углу была одна ямка от основного столба и две ямки от подпорок. Одна ямка находилась вблизи от юго-западного угла. Примерно в середине северо-восточной и юго-западной стены было по одной ямке. Кроме того, в центре жилища располагалась большая ямка глубиной 36 см. и две небольшие ямки диаметром 10 см.

При раскопках котлована встречены остатки обгорелого дерева, лежавшего на расстоянии 26—65 см от стен котлована на глубине 19—39 см[32]. Это были плахи и столбы. Плахи лежали вдоль стен и в центре жилища в различных направлениях. В углах они примыкали друг к другу. Ширина пристенных плах 10—11 см. Столбы сохранились в северо-западном и юго-западном углах на высоту 11 и 13 см, их диаметр 12—18 см. Пространство между деревянной облицовкой и стенами котлована было забито щебенкой с небольшой примесью земли.

[31] Измерение глубины залегания дерева велось от нулевой точки, за которую был принят северный угол котлована на поверхности материковой глины.

[32] Измерение глубины залегания дерева велось от нулевой точки, за которую был принят юго-восточный угол котлована на поверхности материкового мела.

В забутовке встречено 85 фрагментов керамики боршевского типа и 14 костей. На остальной площади жилища найдены фрагменты керамики боршевского и салтово-маяцкого типов, кости животных и рыб и 7 кусков железного шлака. Часть обломков посуды и костей находилась за печкой. Один раздавленный горшок стоял на полу в центре жилища. Усеченнобиконическое пряслице найдено на глубине 20 см в центре полуземлянки.

Полуземлянка № 44. На месте полуземлянки была западина диаметром 6 м, глубиной 50 см.

Котлован для жилища вырыт в глине и материковом мелу. Его глубина неодинакова. Меньшая часть котлована площадью несколько более 6 кв. м углублена в материк на 56—81 см. Большая часть котлована площадью около 8 кв. м, глубиной до 1 м. Общая площадь котлована около 14 кв. м.

Остатки печи находились в северной половине большого котлована неподалеку от северо-западного угла. От нее сохранился под овальной формы (56×82 см, глубина 20 см). Он был заполнен золой, на которой лежало два камня. В полу этой части котлована в северо-восточном углу была одна округлая ямка глубиной 8 см.

Оба котлована в нижней части заполнены черноземом с большим количеством меловой щебенки, который был перекрыт углистым слоем толщиной 5—7 см. Над углистым слоем лежал слой чернозема с меньшим количеством щебенки. Этот слой заполнял почти до краев больший котлован. В меньшем котловане над этим слоем была сильно гумусированная земля. В ней встречено большое количество различных находок: 56 фрагментов керамики боршевского типа и фрагмент сосуда салтово-маяцкого типа, 75 костей животных и отдельные вещи; на глубине 20—40 см — рыболовный крючок; на глубине 40—60 см — костяная ручка, обломок глиняной игрушки в виде птичьей головки, две половинки округлых пряслиц. На глубине 65 см. найдена еще одна костяная ручка. В черноземе с меловой щебенкой ниже углистого слоя встречены лишь единичные фрагменты керамики боршевского типа.

Полуземлянка № 45. На месте жилища была округлая западина диаметром 5,3 м, по центру которой проходила траншея военного времени, так что глубину западин определить не удалось. Котлован для жилища был вырыт на скло-

не в материковой глине и мелу на глубину 56—95 см. Он имел форму почти правильного квадрата. Его площадь около 21 кв. м.

Развал печи находился в западном углу. Ее остов был сделан из глины, а верх и частично стены выложены камнями песчаника. Печь дошла до нас в разрушенном состоянии. Под овальной формы (52×78 см) углублен в материк на 15 см и заполнен золой. За печью находилось нагромождение мелового выброса и камней песчаника.

В полу жилища расчищено 13 столбовых ямок глубиной от 6 до 35 см. Одна из них располагалась в восточном углу жилища, по две у северо-западной, северо-восточной, три у юго-восточной и одна у юго-западной стены, остальные вблизи от печи.

Полуземлянка была заполнена черноземом с меловой щебенкой и глиной. В центральной части жилища проходила траншея военного времени. Вдоль стен и на площади жилища встречены фрагменты обгорелого дерева, которое залегало на глубине от 46 до 87 см.[33]. Часть обломков дерева лежала вдоль стен, и ее следует связать с облицовкой. Кроме того, в жилище встречено 6 столбов диаметром 10—28 см. По одному столбу имелось в северном и восточном углах, один столб стоял вблизи от восточного угла. Еще два столба находились в середине юго-западной и один столб у юго-восточной стены. Один небольшой столбик конструктивно связывается с печью.

В заполнении жилища встречены фрагменты керамики боршевского и салтово-маяцкого типов и один венчик от сосуда раннего железного века. В развалке печи лежали три днища больших сосудов и несколько фрагментов венчиков и стенок.

Полуземлянка № 46. На месте жилища была округлая западина диаметром около 6 м и глубиной около 50 см. Котлован для постройки площадью несколько более 21 кв. м был вырыт в материковом мелу на глубину 70—95 см.

Печь находилась в южном углу дома. От нее сохранилось небольшое скопление камней и глины. Под печи имел овальную форму (размером 70×90 см) и был углублен в пол на 13 см. На дне его находилось немного золы. Во время расчистки остатков печи встречено несколько фрагментов керамики и костей животных. В углу на камне лежало три крупных фрагмента сосуда.

На полу жилища вдоль стен сохранились остатки обгорелого дерева. У северо-восточной стены лежали две массивные пластины длиной по 3,8 м и шириной первая пластина — 25 см и вторая — 10 см. Эти пластины поддерживались двумя столбами. Столбы были сделаны из бревна, расколотого пополам. Один из них сохранился на высоту 45 см и ширину 25 см., другой — на высоту 30 см и ширину 18 см. Оба столба были установлены в одну яму (48×54 см, глубина 20 см). У юго-западной стены сохранилось еще два столба, которые тоже поддерживали деревянную облицовку. Между облицовкой и деревом была забутовка.

Определенный интерес представляют и остатки дерева на полу у юго-восточной стены. Возможно, это остатки рухнувшего перекрытия.

В полу жилища было 14 ямок глубиной от 3 до 25 см. Три из них размещались по углам, семь возле стен, а четыре против устья печи. Эти последние располагались по углам прямоугольника и, вероятно, предназначались для упора ножек стола.

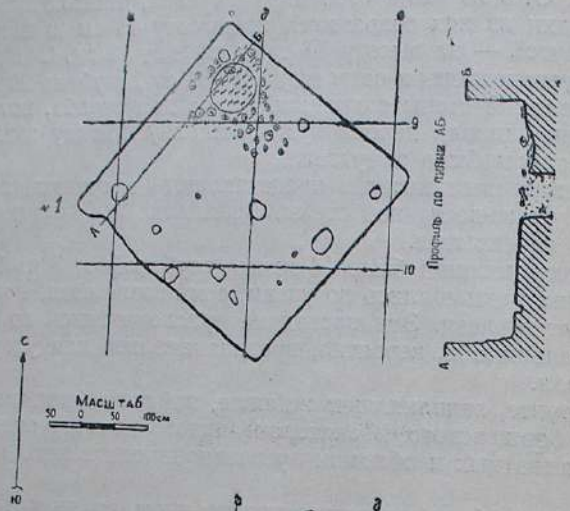
В грунте, заполнявшем жилище, найдены фрагменты керамики боршевского и салтово-маяцкого типов, отдельные кости животных и обломок усеченнобиконического пряслица.

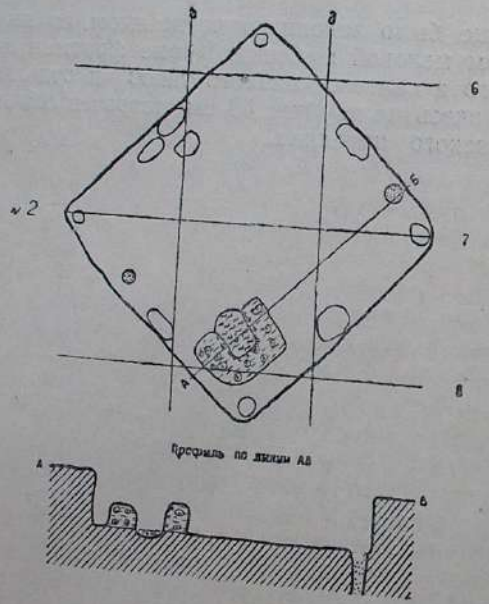
Жилище было заполнено черноземом со значительным количеством меловой щебенки. Кроме фрагментов керамики боршевского и салтово-маяцкого типов и отдельных костей животных здесь на глубине 60 см встречен обломок усеченнобиконического пряслица.

---

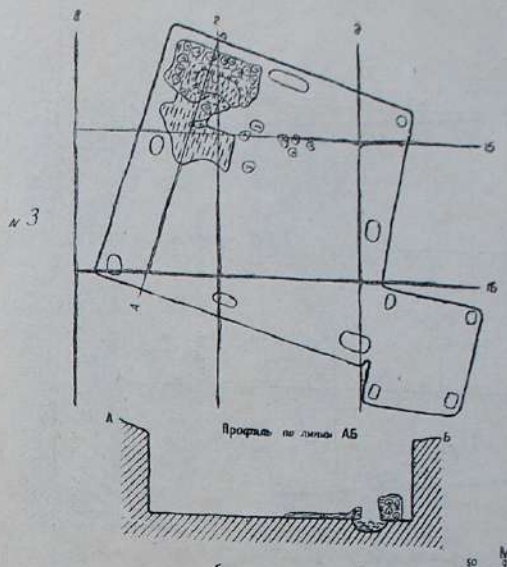
[33] Глубина залегания дерева дается от западного угла жилища на поверхности материка.

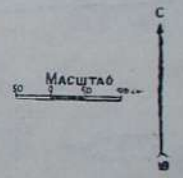
ПЛАНЫ И ПРОФИЛИ ПОЛУЗЕМЛЯНОК*

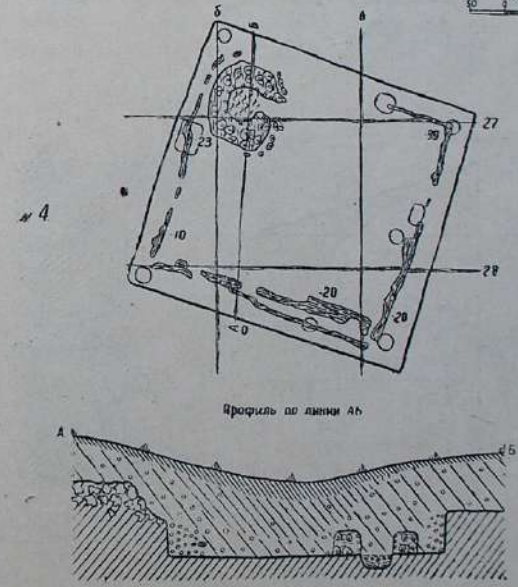


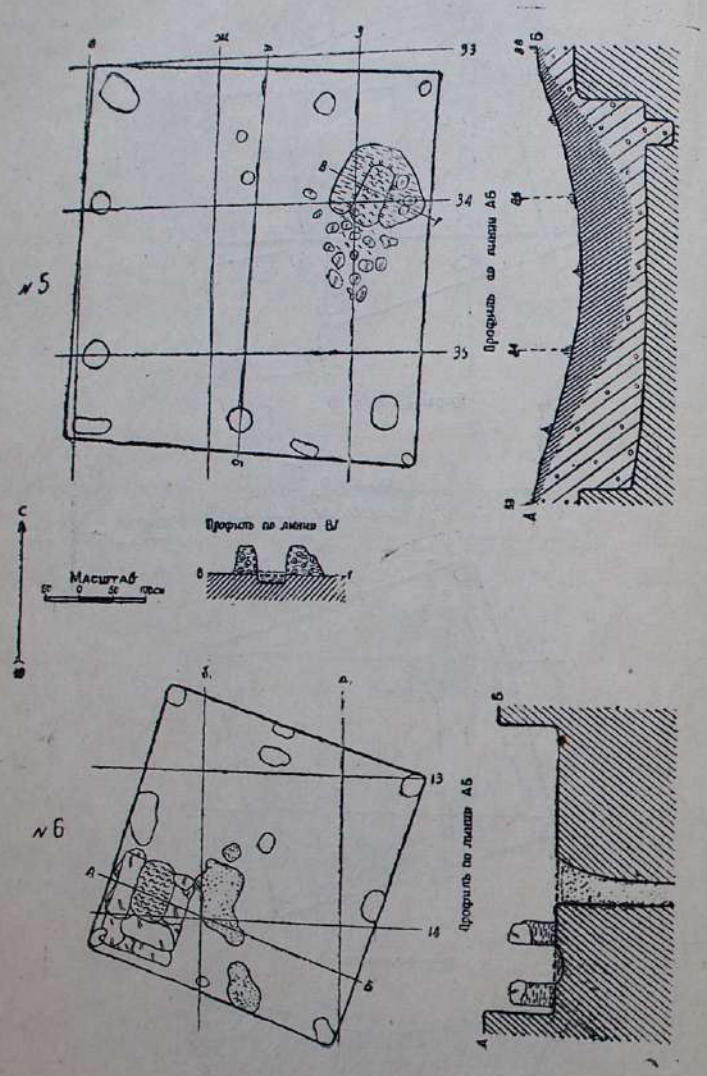


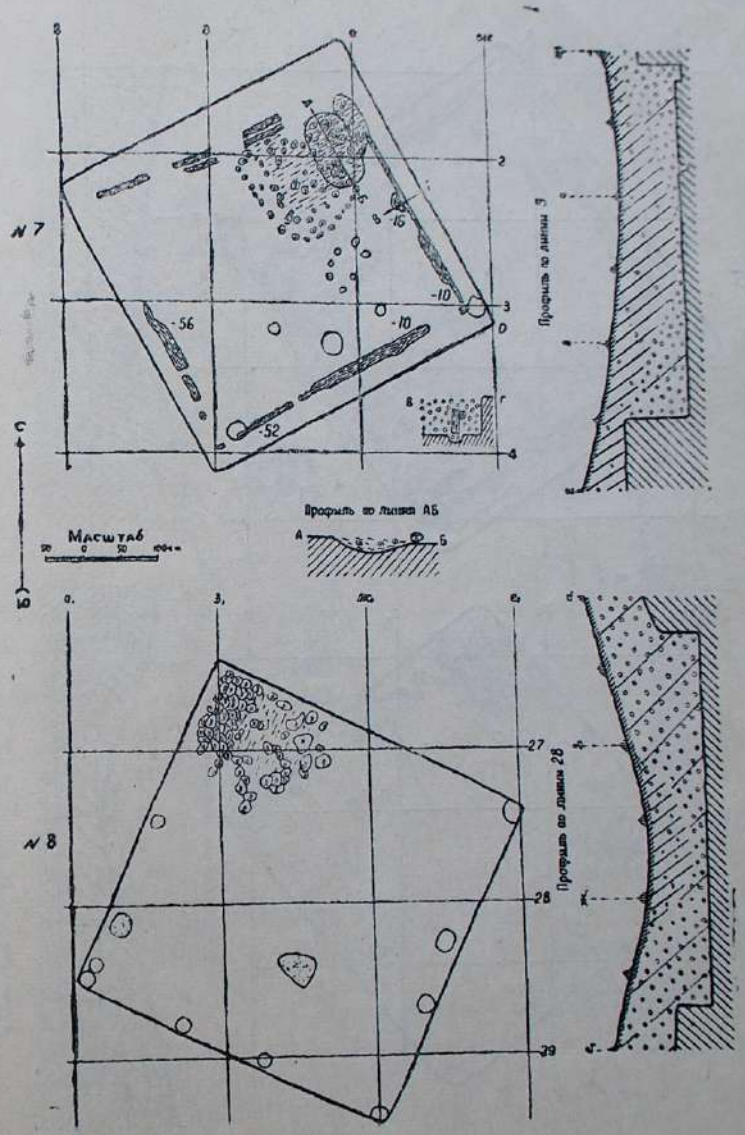
* Чертежи выполнены А. Т. Синюком. Инструментальная съемка городища сделана доцентом ВГУ Н. Г. Бокачевым.

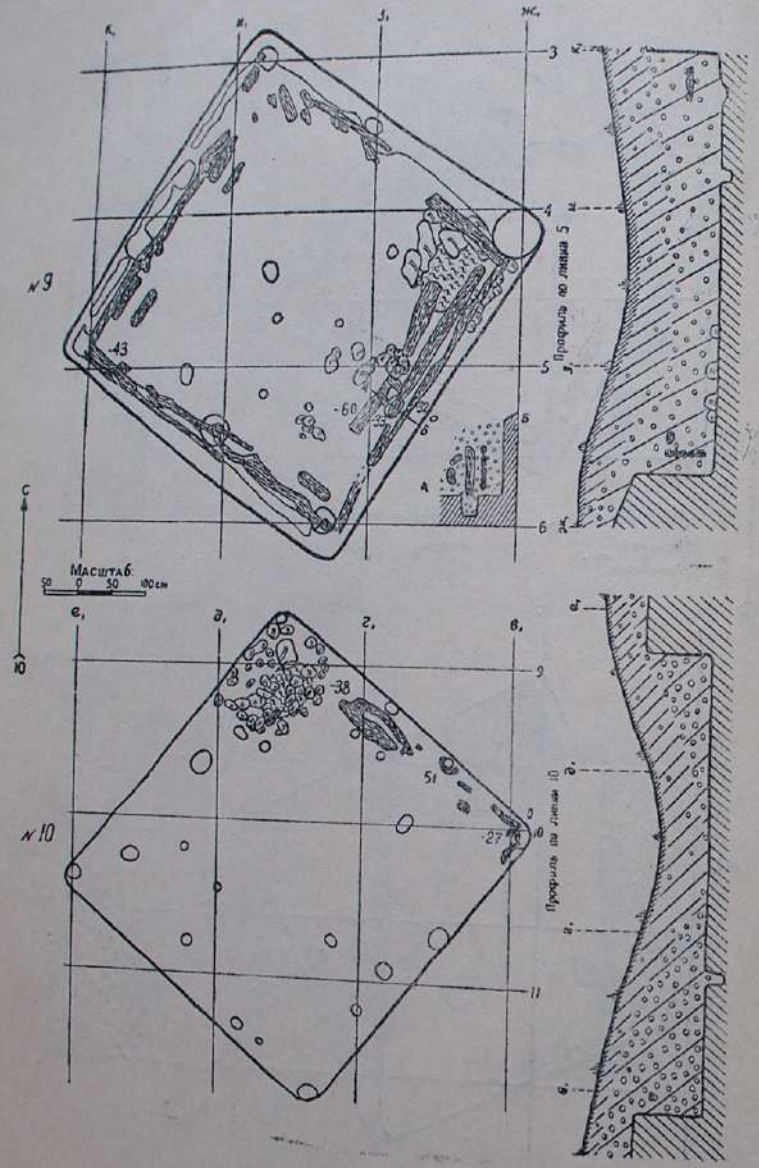


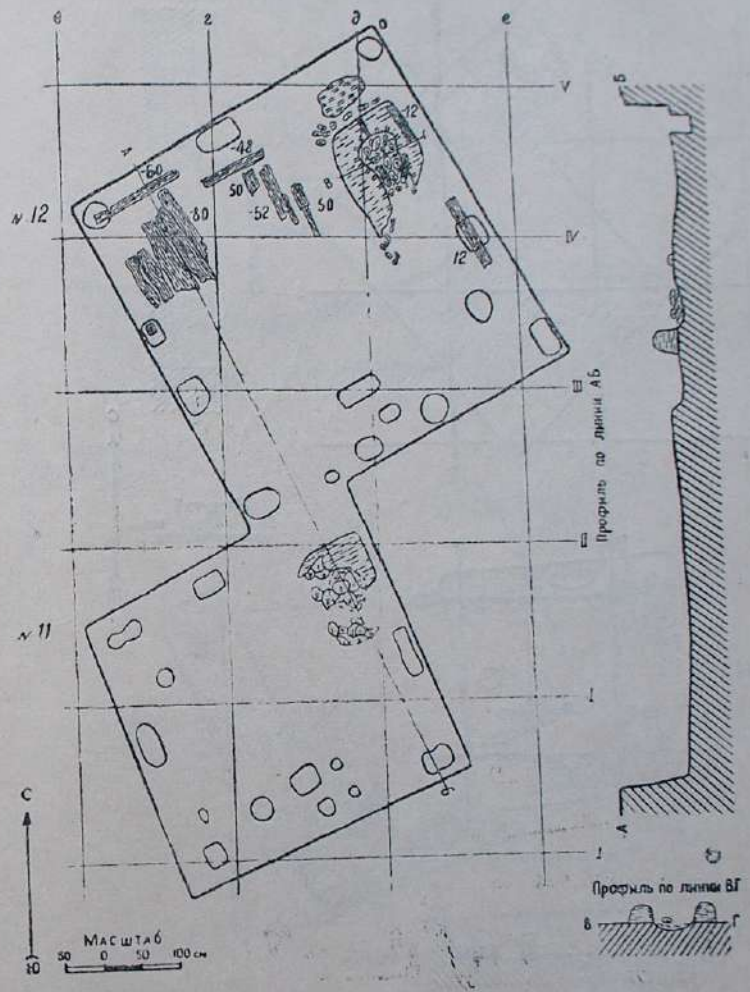


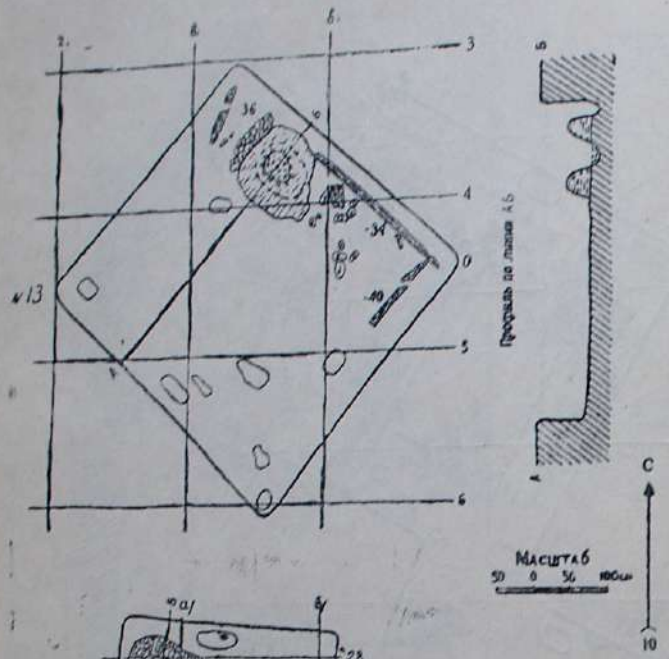


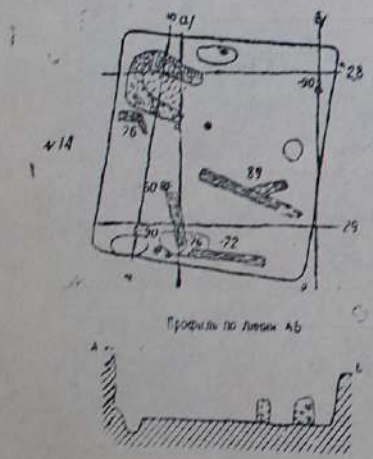

№5
№6
Профиль по линии АБ
Профиль по линии ВГ
Масштаб

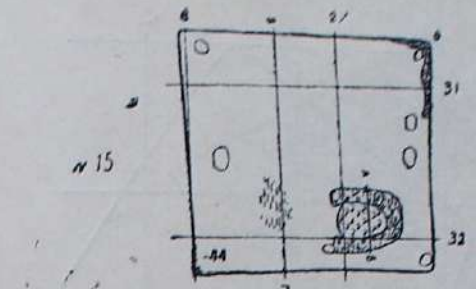

№7
№8
Профиль по линии АБ
Профиль по линии 3
Профиль по линии 28
Масштаб

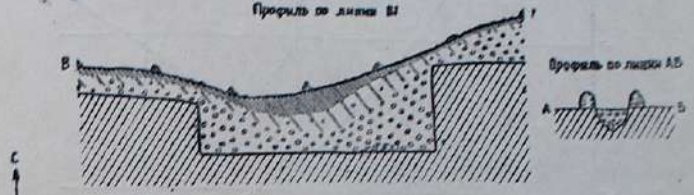

№ 9
№ 10
Масштаб
50 0 50 100 см
Профиль по линии 5
Профиль по линии 10

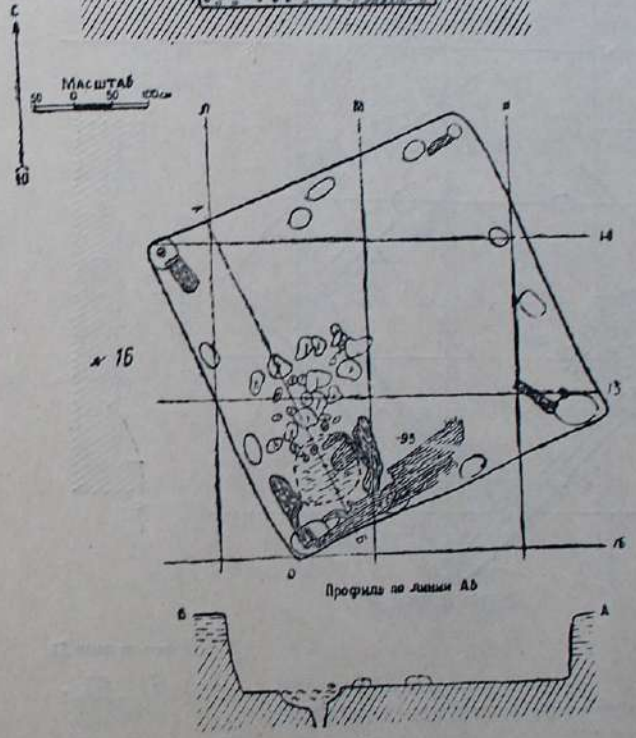

№ 12
№ 11
Масштаб
50 0 50 100 см
Профиль по линии АБ
Профиль по линии ВГ

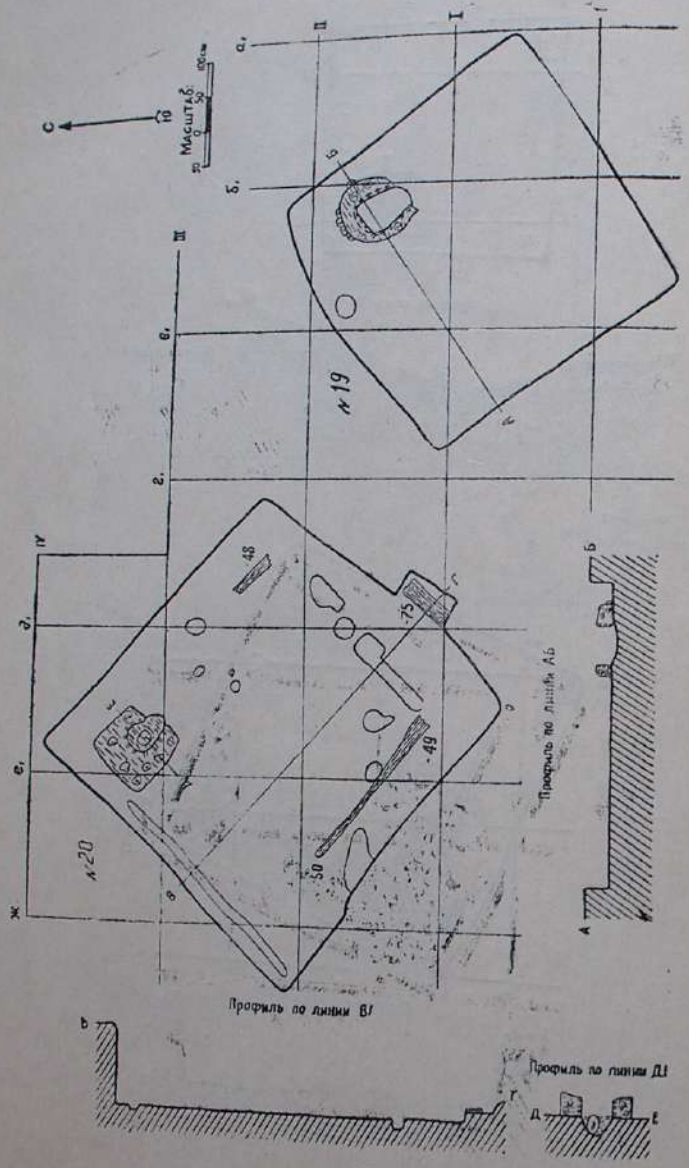

№13
Масштаб
50 0 50 100см

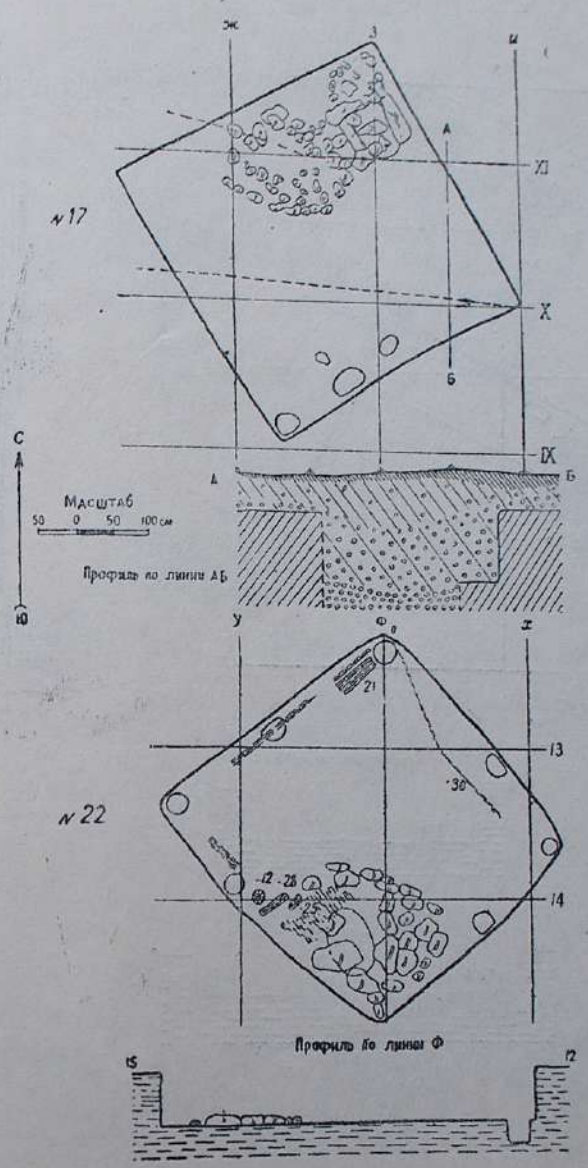

№14
Профиль по линии АБ

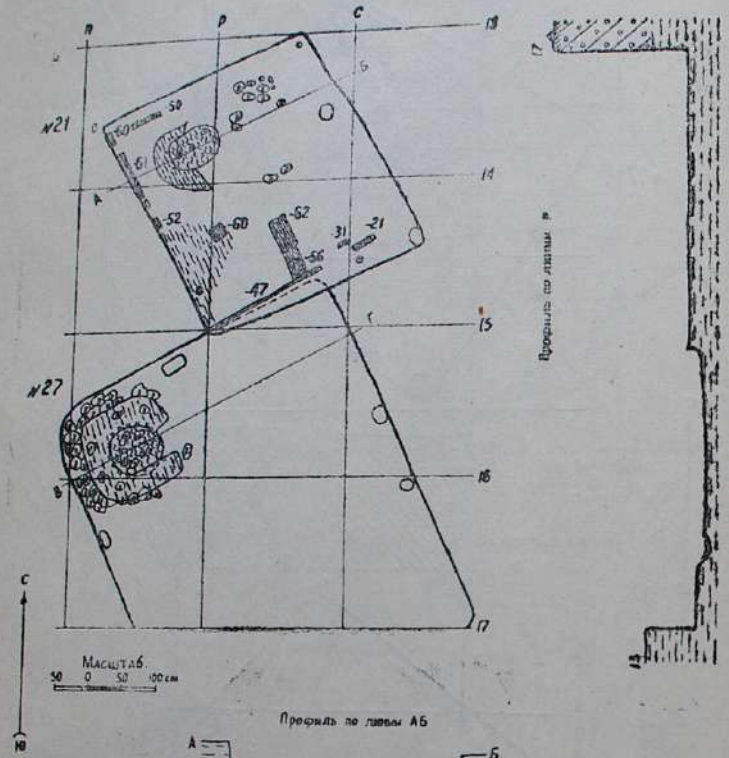

№15
Профиль по линии ВГ

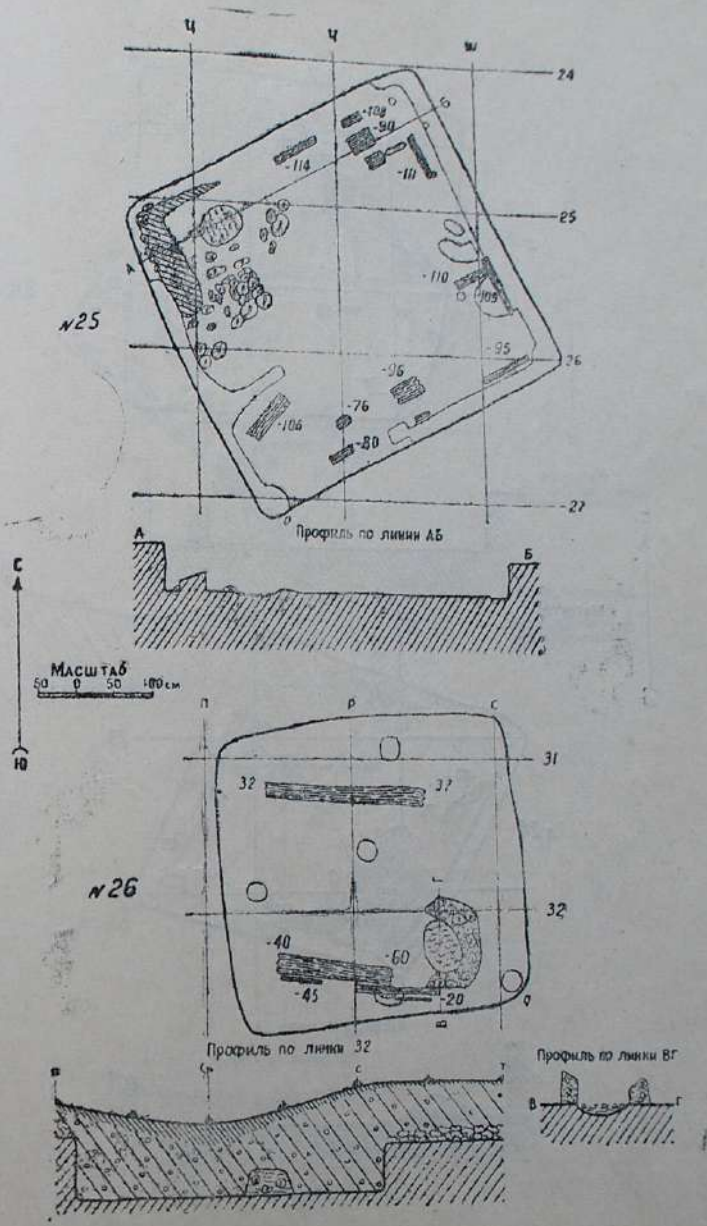

Профиль по линии АБ

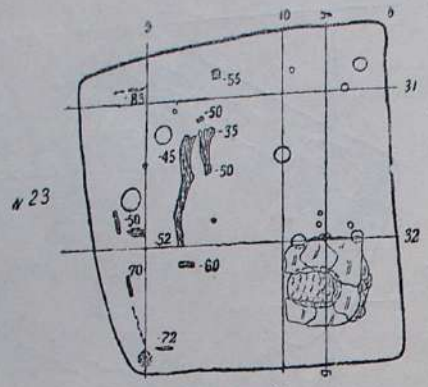

№16
Масштаб
50 0 50 100см
Профиль по линии АБ

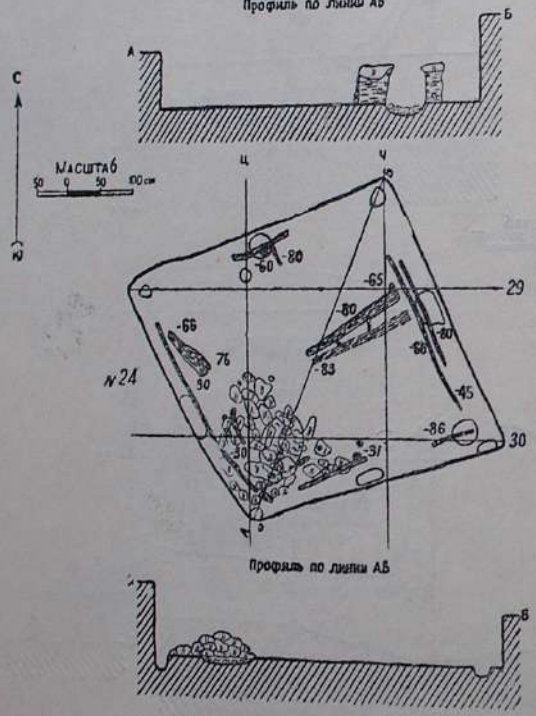

С
Масштаб
50 0 50 100 см
№ 19
№ 20
48
49
50
75
Профиль по линии АБ
Профиль по линии ВГ
Профиль по линии ДЕ

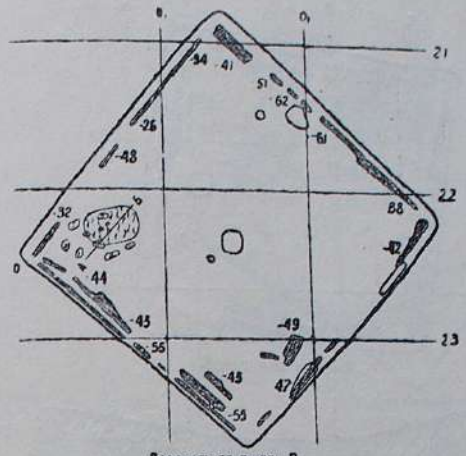

№ 17
№ 22
С
Масштаб
50 0 50 100 см
Профиль по линии АБ
Профиль по линии Ф
21
36

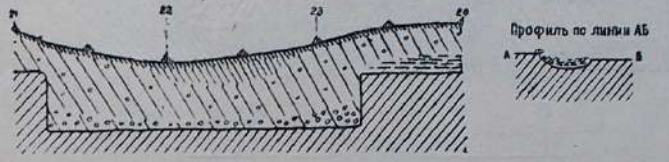

№21
№27
Масштаб
50 0 50 100 см
Профиль по линии АБ
Профиль по линии ВГ

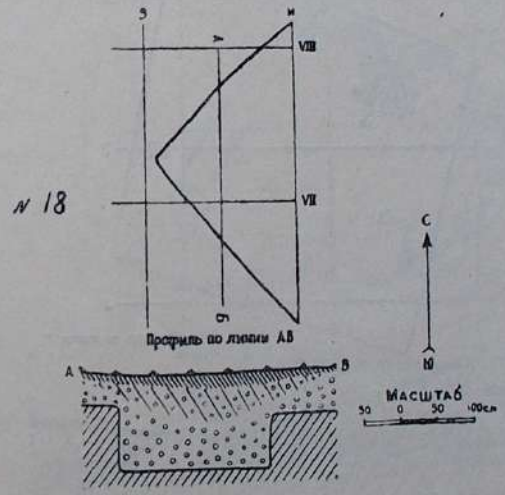

№25
№26
Масштаб
50 0 50 100 см
Профиль по линии АБ
Профиль по линии 32
Профиль по линии ВГ

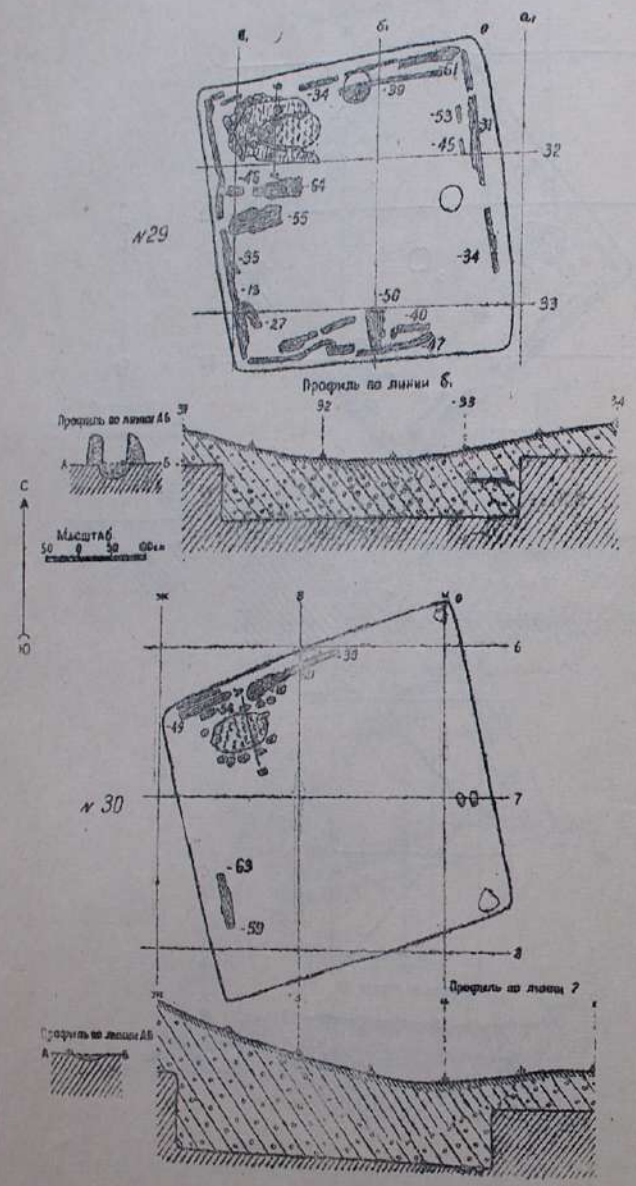

№ 23
Профиль по линии АБ

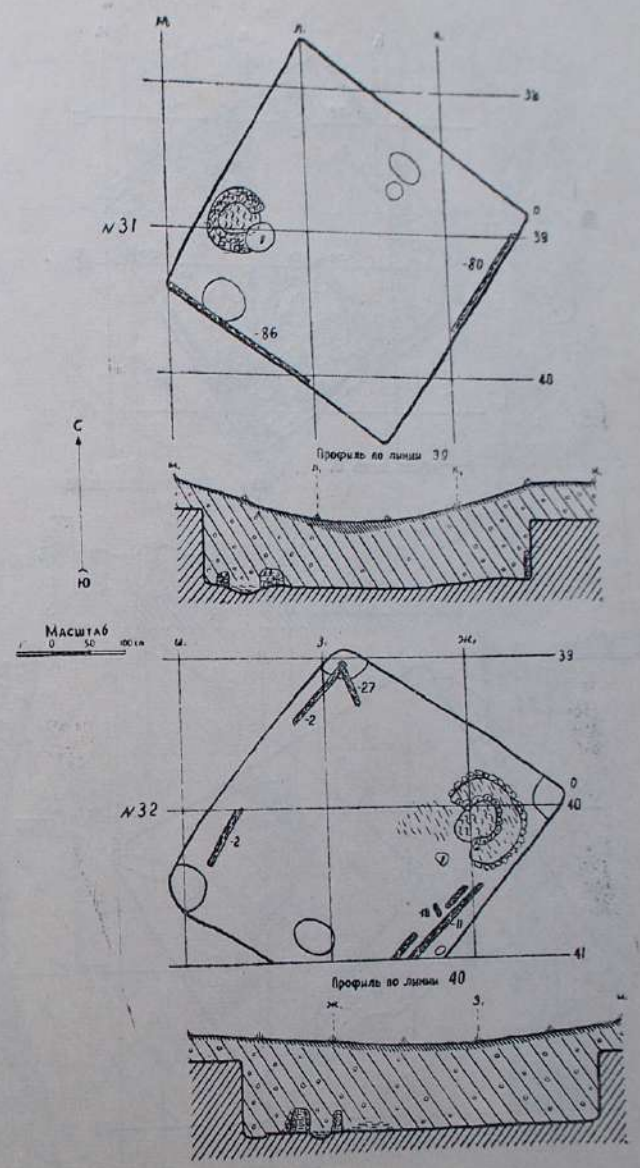

№ 24
Масштаб
Профиль по линии АБ

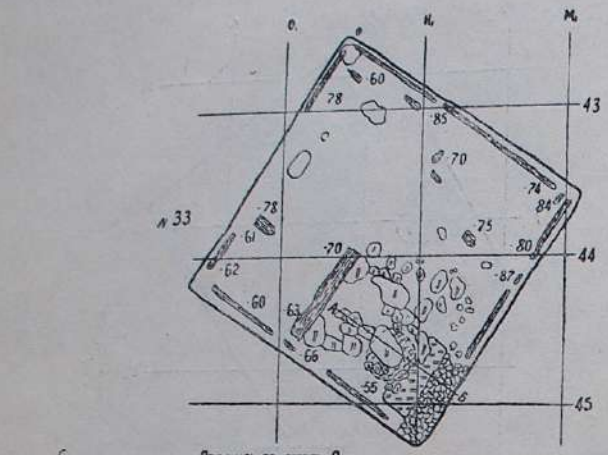

№ 28
Профиль по линии П₁
Масштаб

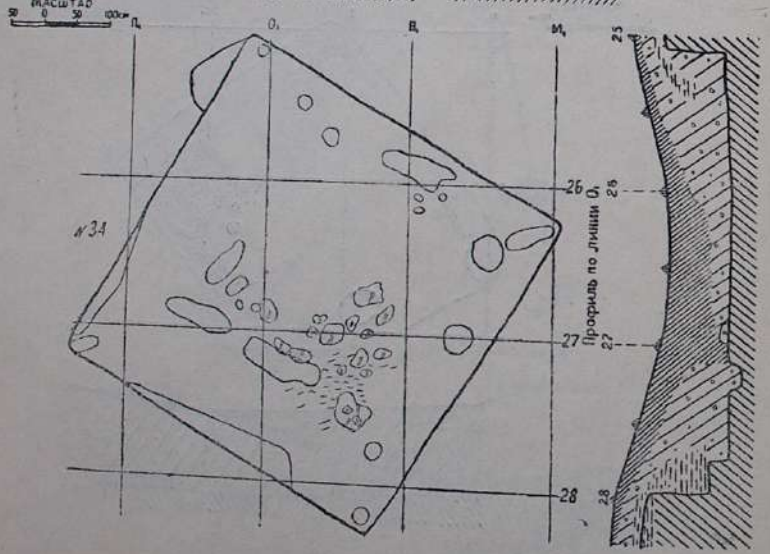

Профиль по линии АБ

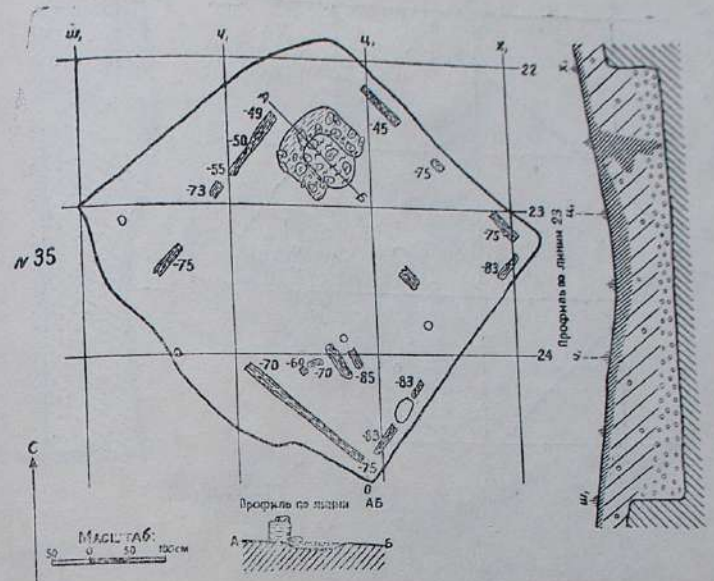

№ 18
Профиль по линии АВ
Масштаб

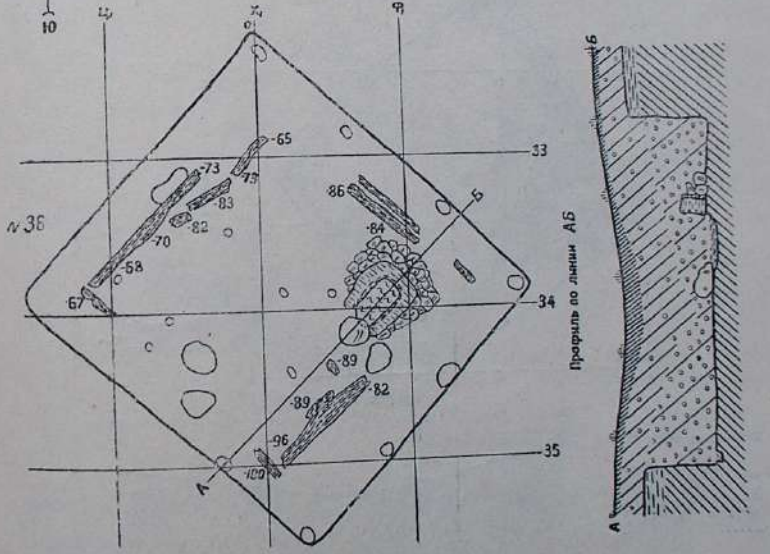

№29
Профиль по линии б₁
Профиль по линии АБ
Масштаб
№ 30
Профиль по линии 7
Профиль по линии АБ

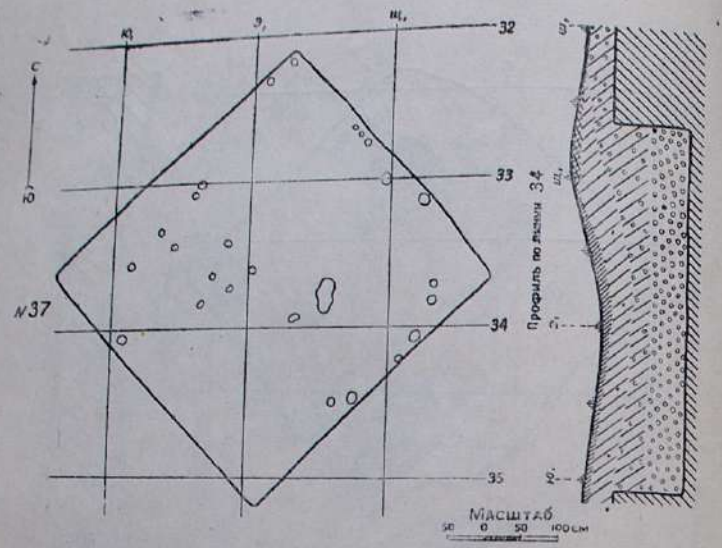

№31
Профиль по линии 39
Масштаб
№32
Профиль по линии 40

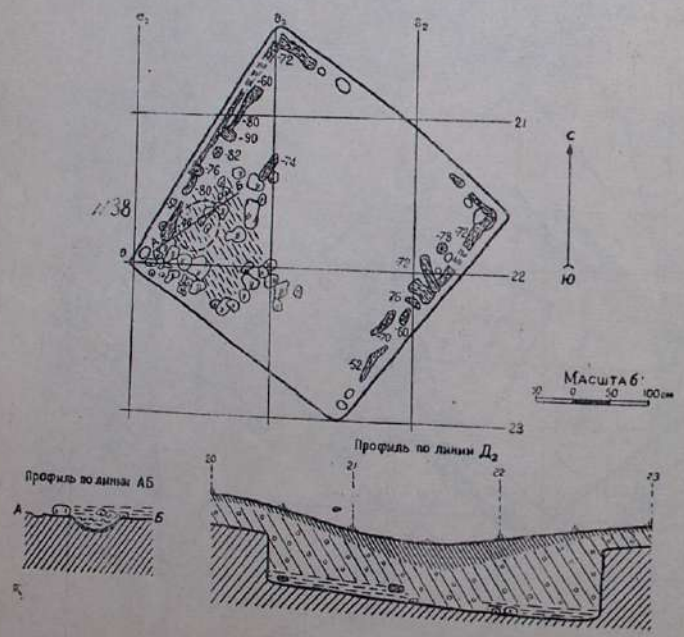

№ 33
43
44
45
Профиль по линии О₁
Профиль по линии АБ
Масштаб

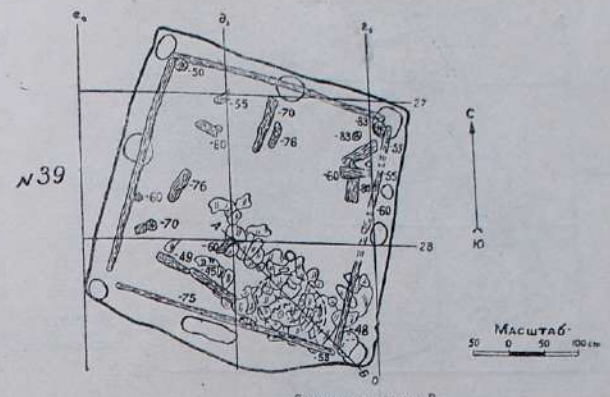

№ 34
26
27
28
Профиль по линии О₁

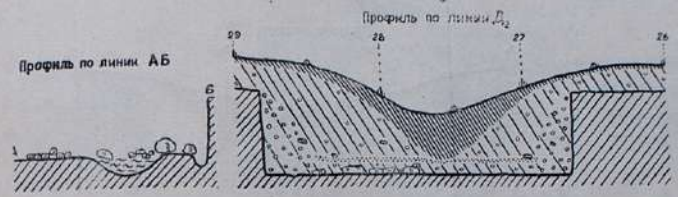

№ 35
22
23
24
Профиль по линии 23
Профиль по линии АБ
Масштаб:

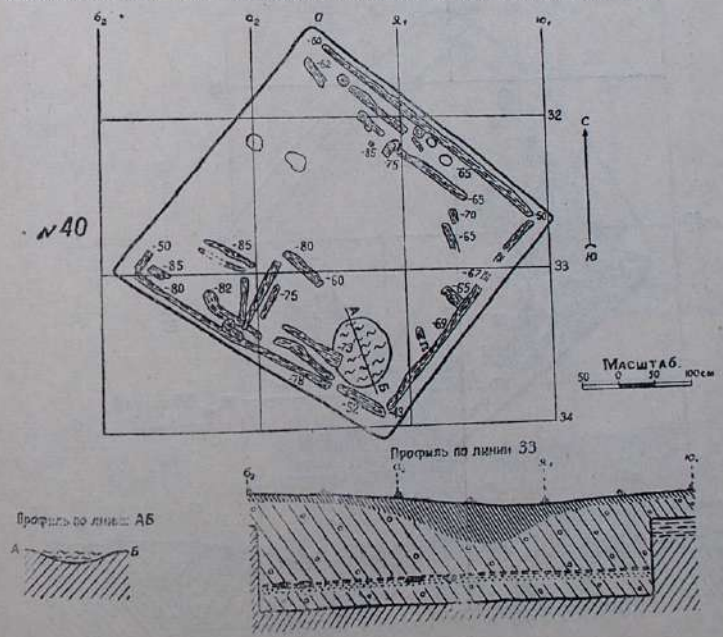

№ 36
33
34
35
Профиль по линии АБ

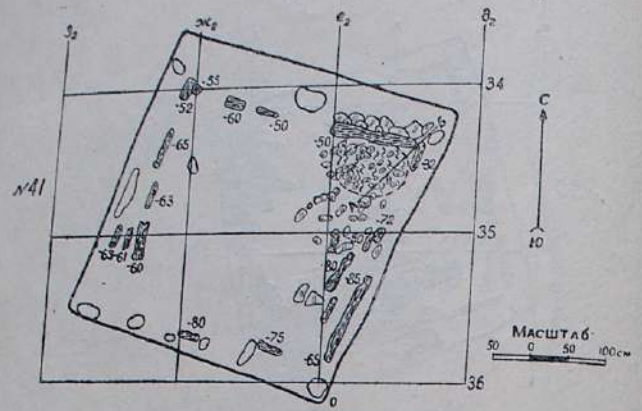

№37
Профиль по линии 34
Масштаб
50 0 50 100 см


№38
Масштаб
50 0 50 100 см
Профиль по линии Д₂
Профиль по линии АБ

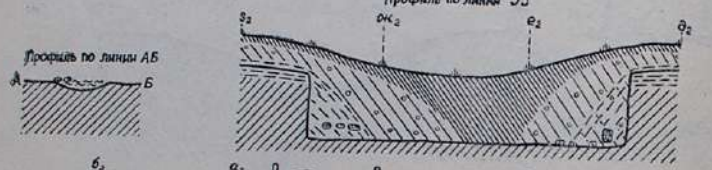

№39
Масштаб
50 0 50 100 см

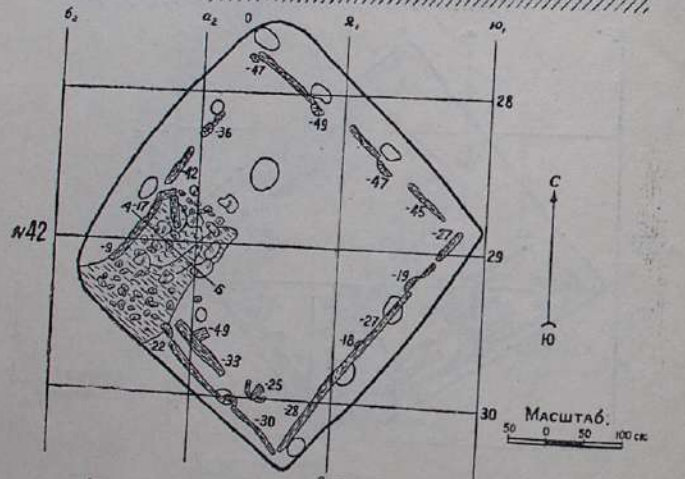

Профиль по линии Д₂
Профиль по линии АБ


№40
Масштаб
50 0 50 100 см
Профиль по линии 33
Профиль по линии АБ

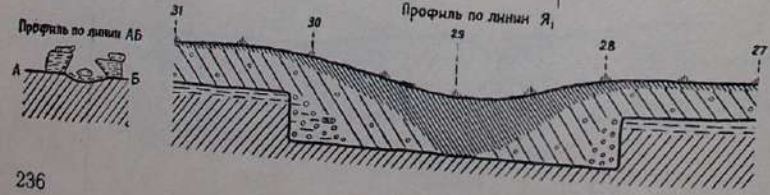


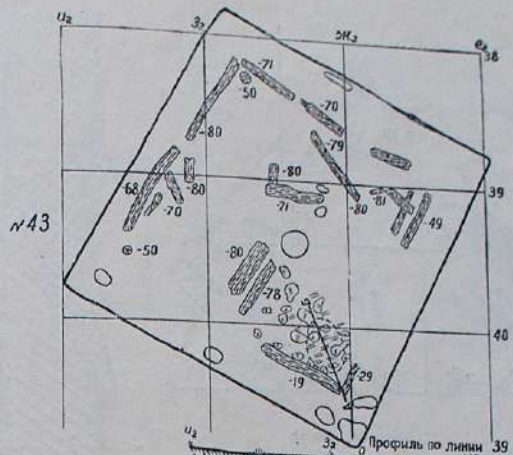
Профиль по линии 35



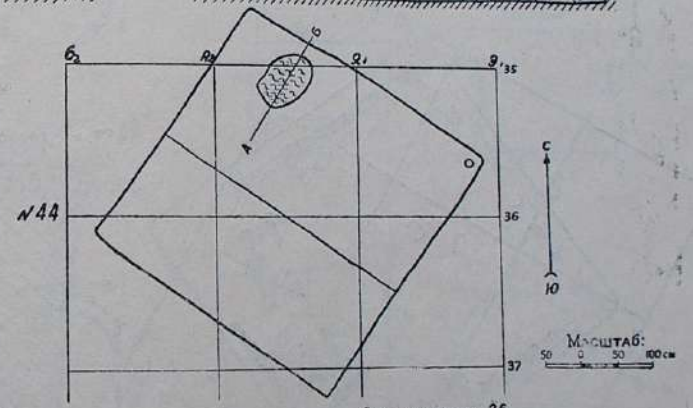


Профиль по линии Я1

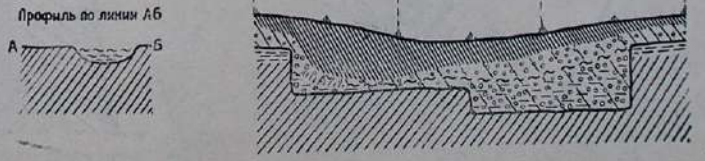


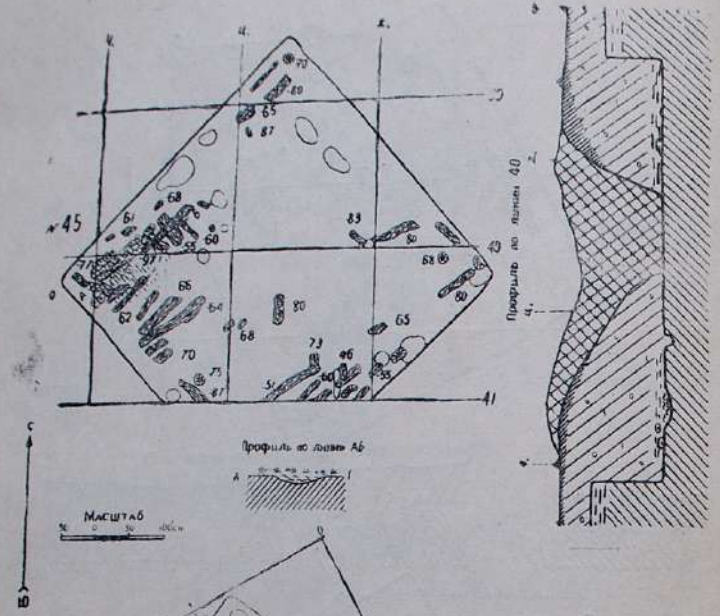


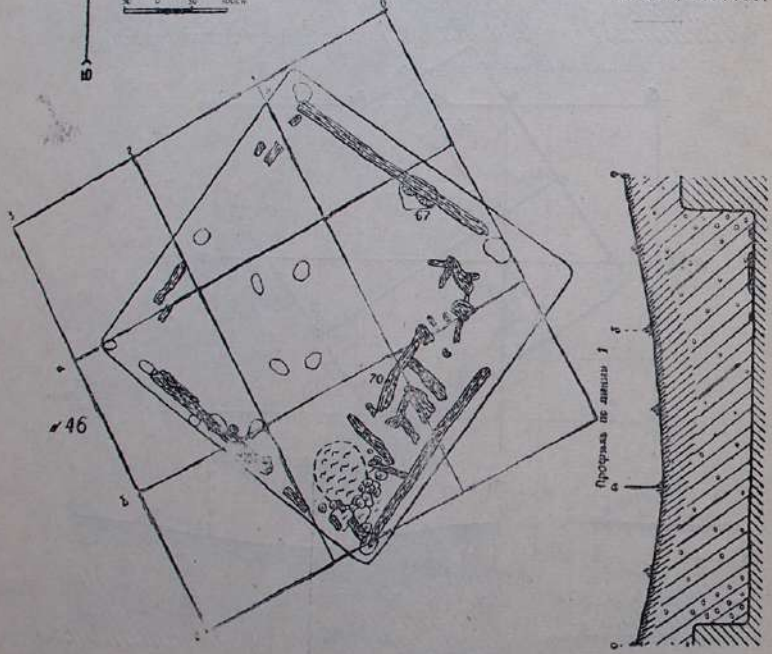
Профиль по линии 39



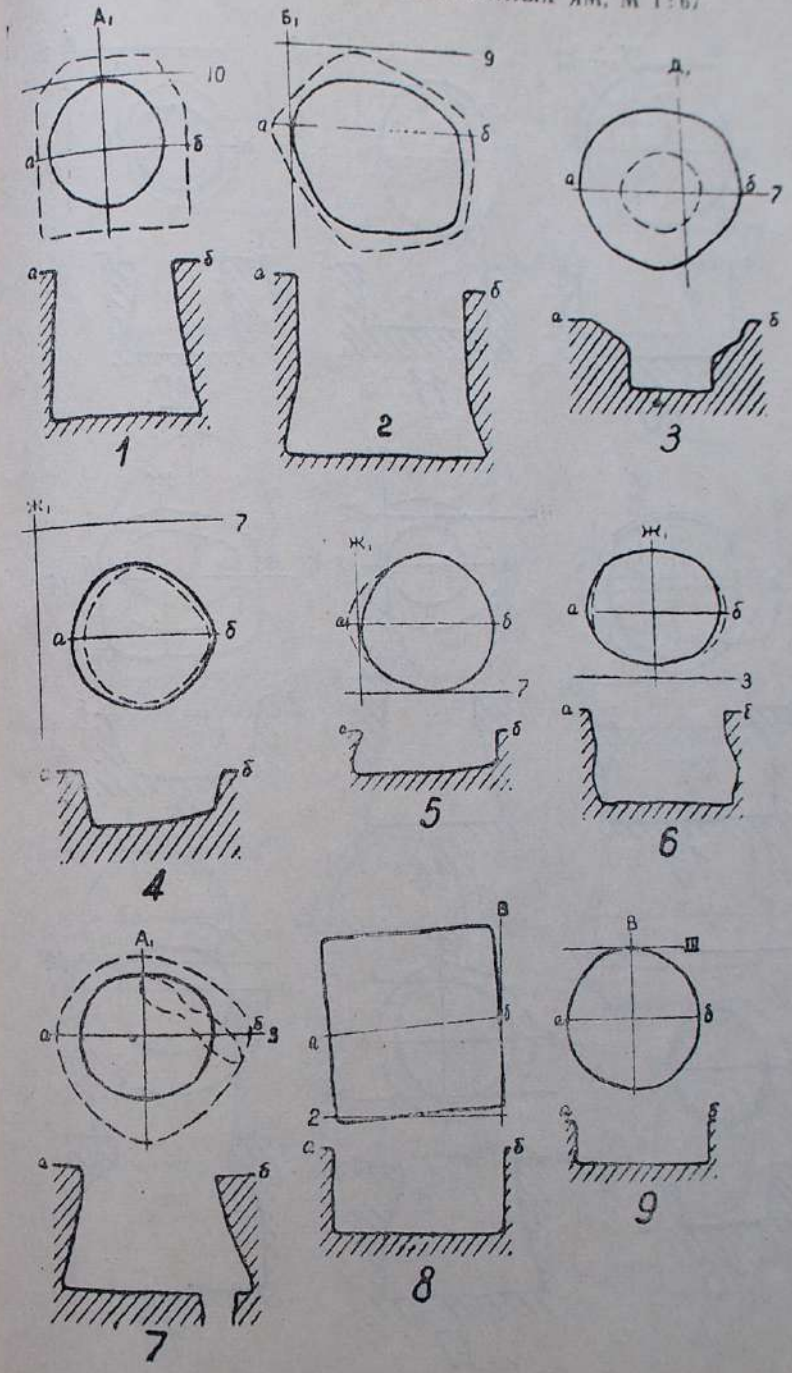
Профиль по линии 36

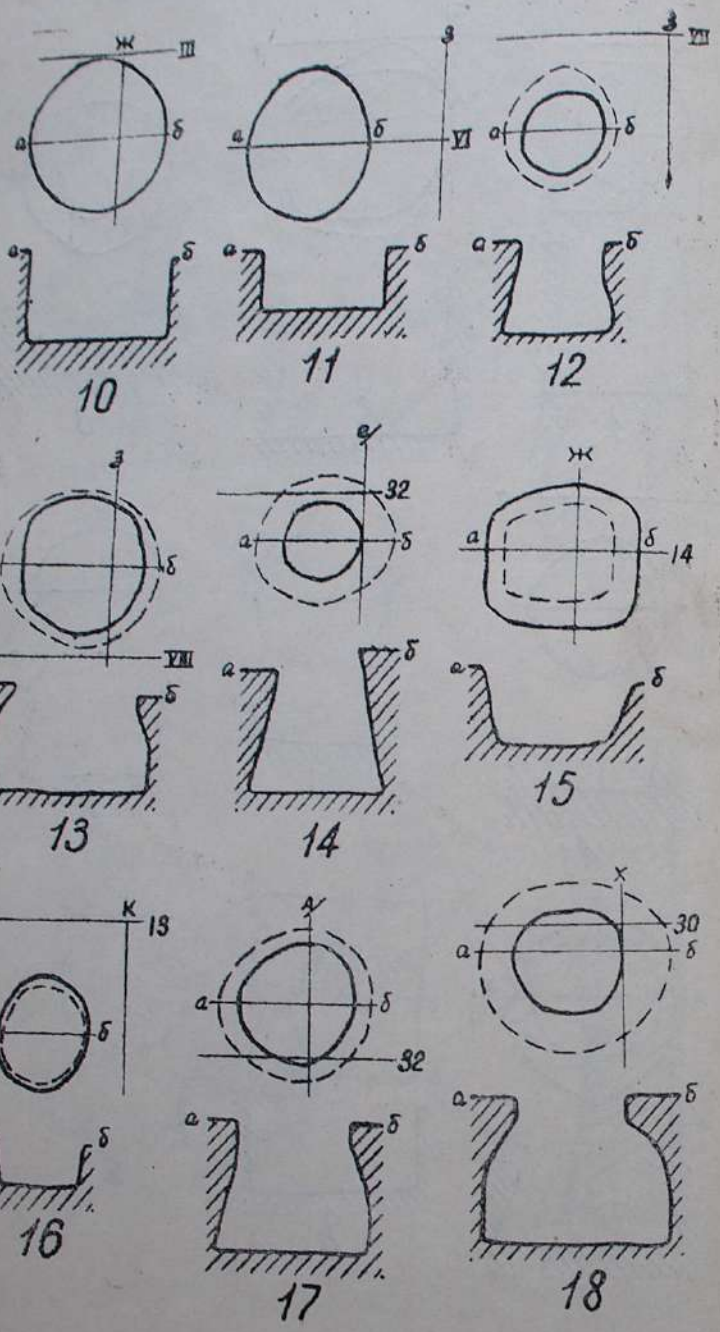


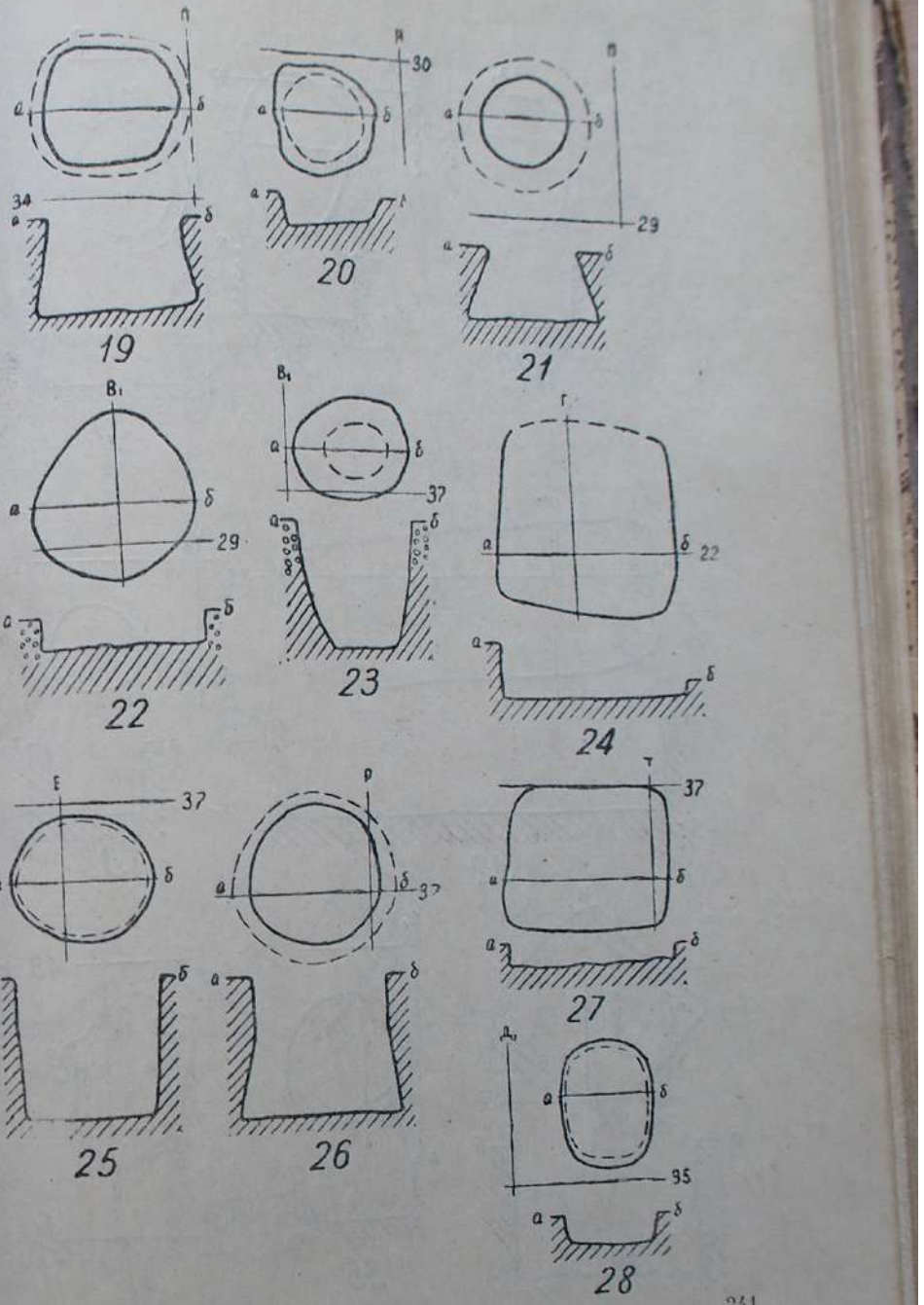




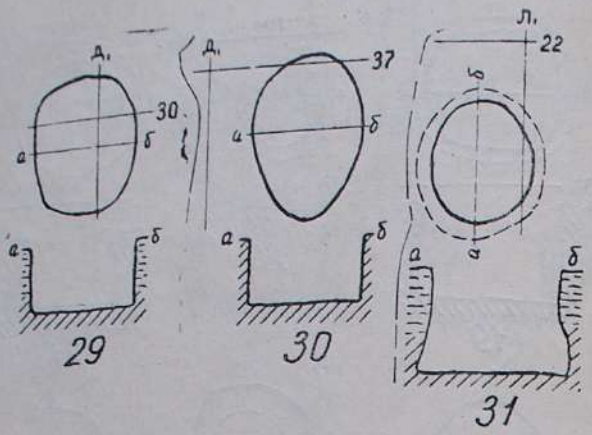
ПЛАНЫ И ПРОФИЛИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЯМ. М 1:67

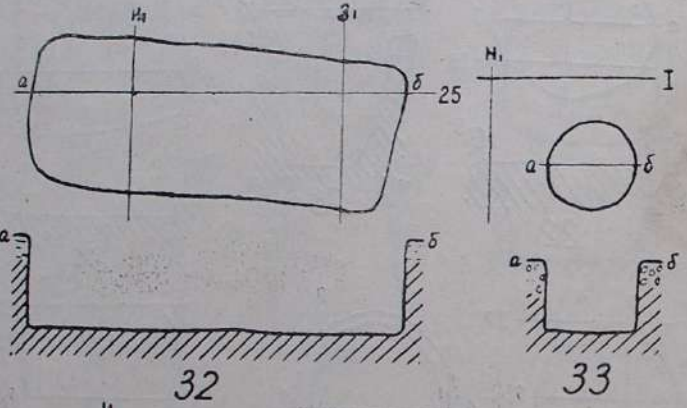


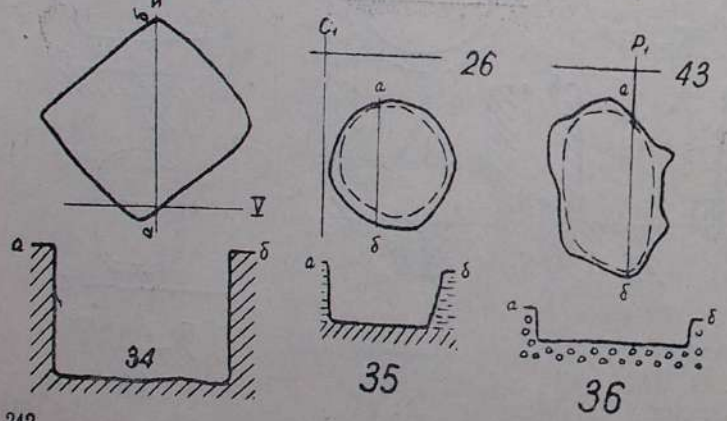


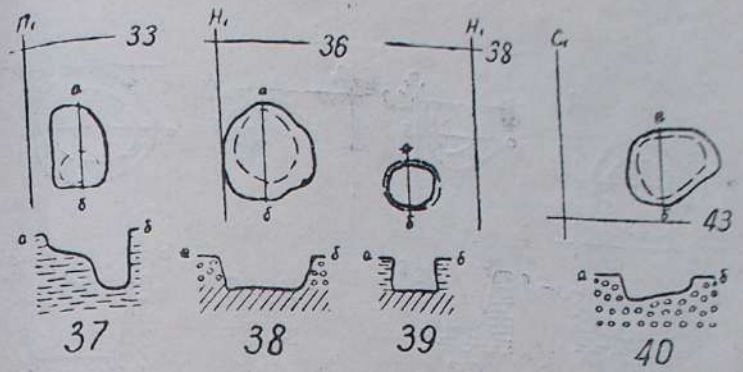


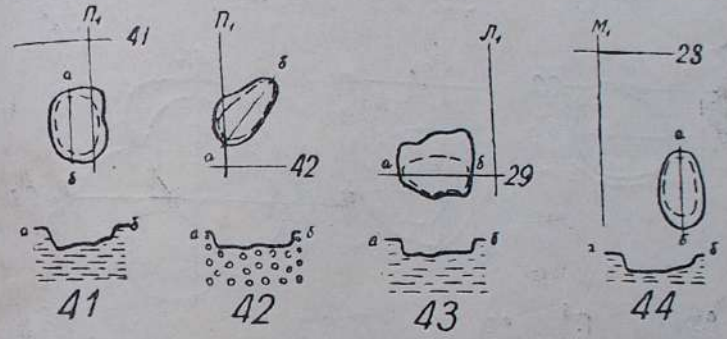
16. Заказ 1582

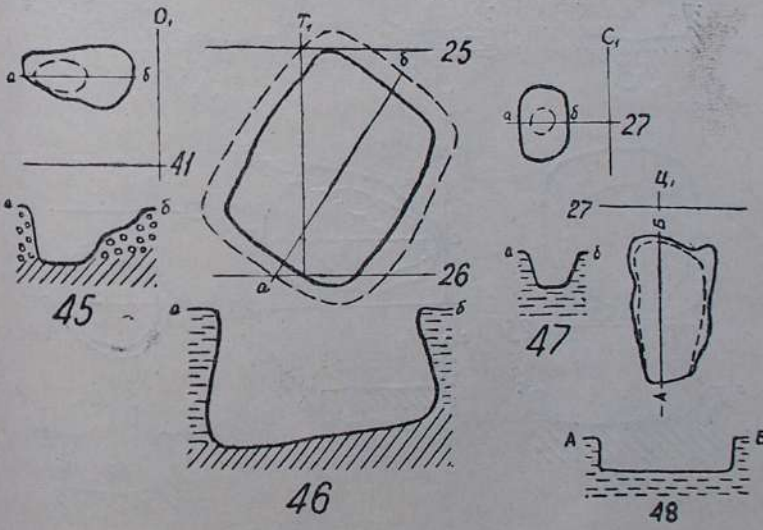

Д₁
30
а
б
29
Д₁
37
30
Л₁
22
31

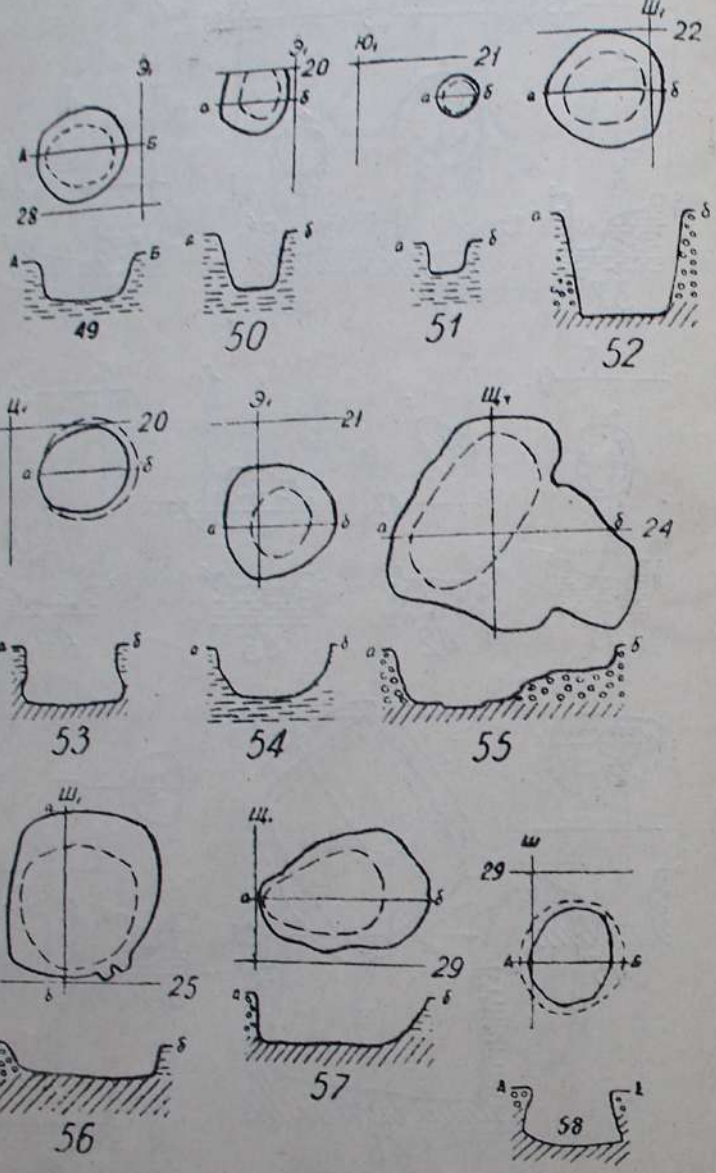

И₁
З₁
25
32
Н₁
I
33

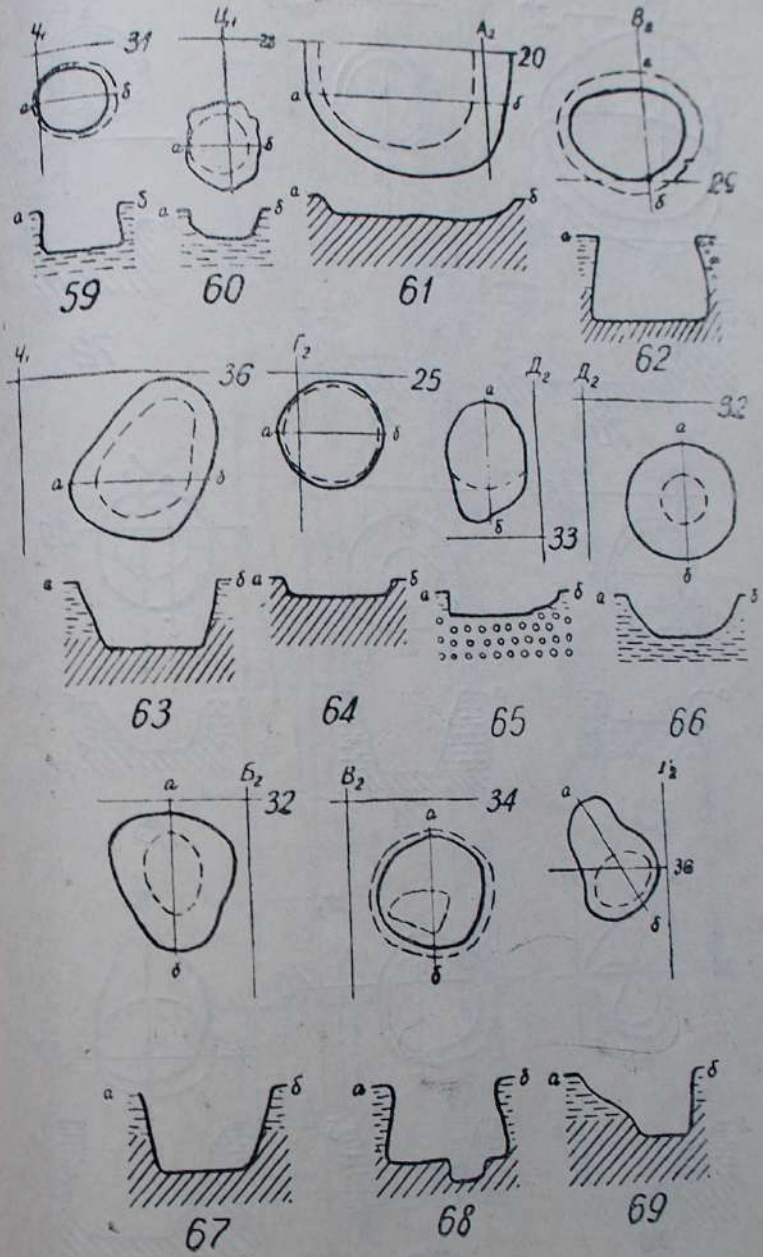

И
V
34
С₁
26
35
Р₁
43
36

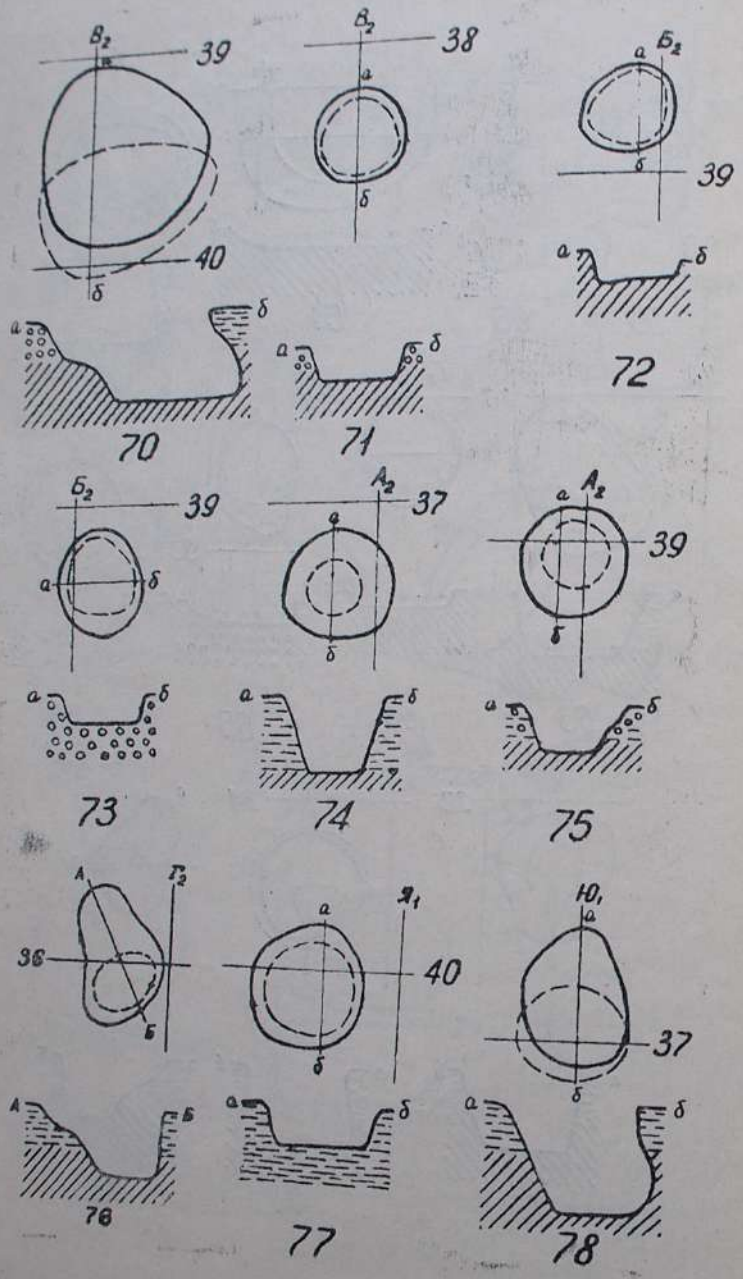

П₁
33
37
Н₁
36
38
Н₁
38
39
С₁
43
40

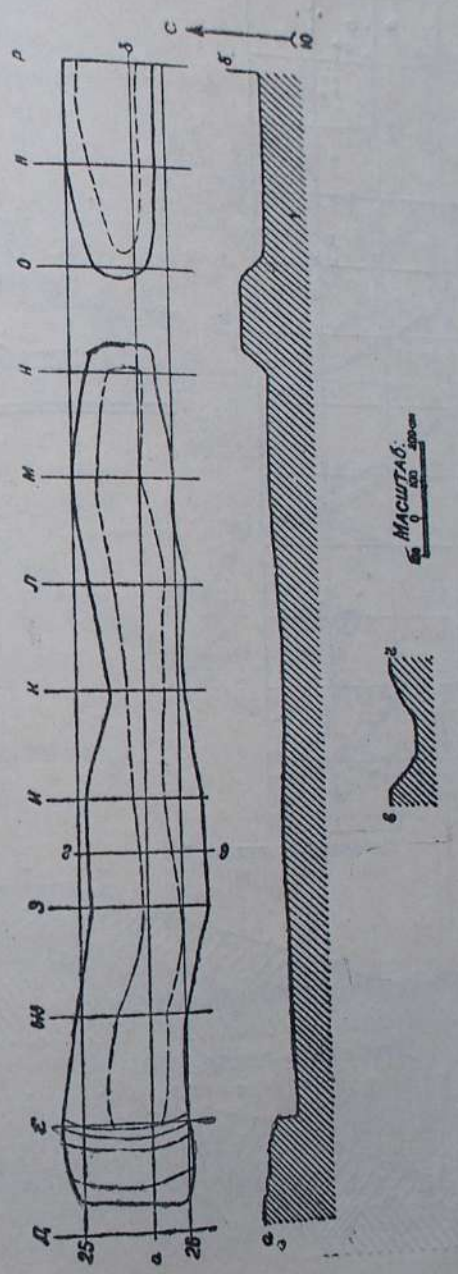

П₁
41
41
П₁
42
42
Л₁
29
43
М₁
28
44


О₁
41
45
Т₁
25
26
46
С₁
27
Ц₁
27
47
А
Б
48

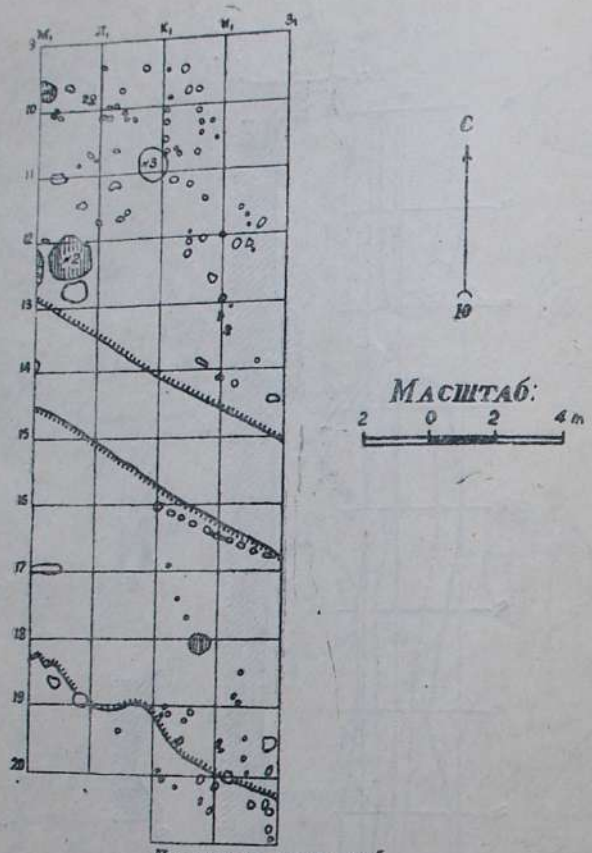

Э
28
49
Э₁
20
50
Ю₁
21
51
Ш₁
22
52
Ц₁
20
53
Э₁
21
Щ₁
24
54
55
Ш₁
25
56
Щ
29
57
Ш
29
58

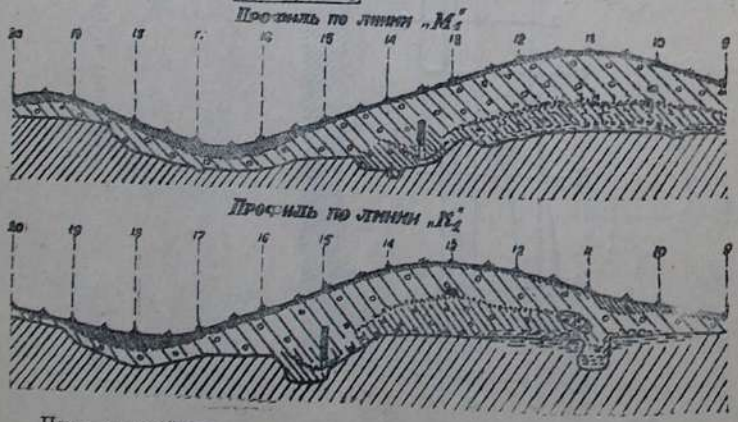

Ц₁
31
59
Ц₁
23
60
А₂
20
61
В₂
25
62
Ц₁
36
63
Г₂
25
64
Д₂
33
65
Д₂
32
66
Б₂
32
В₂
34
Г₂
36
67
68
69



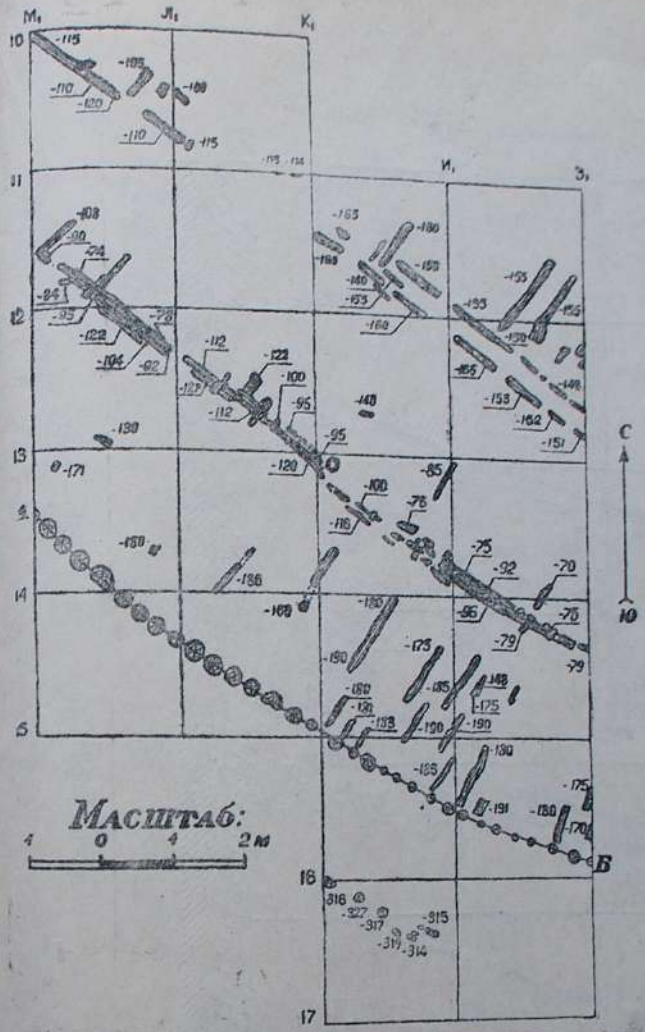


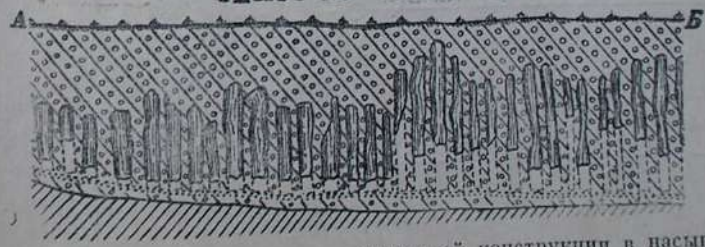
Планы и профили полуземляных сооружений.



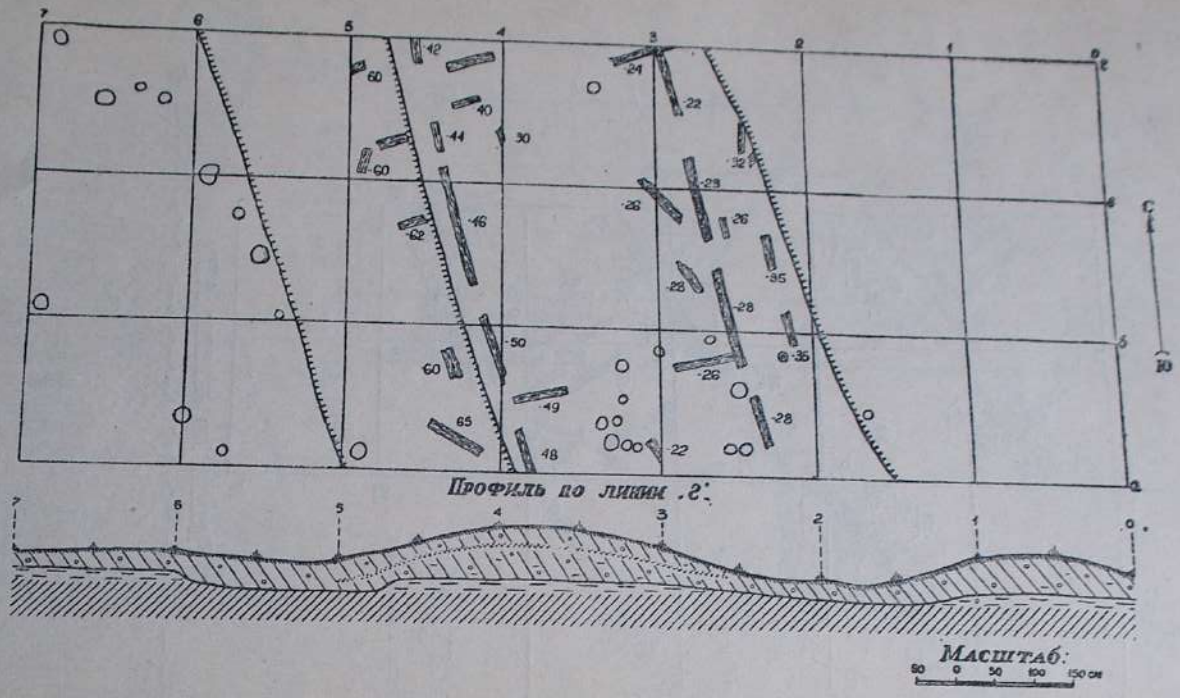


План и профили раскопа на внутреннем валу.



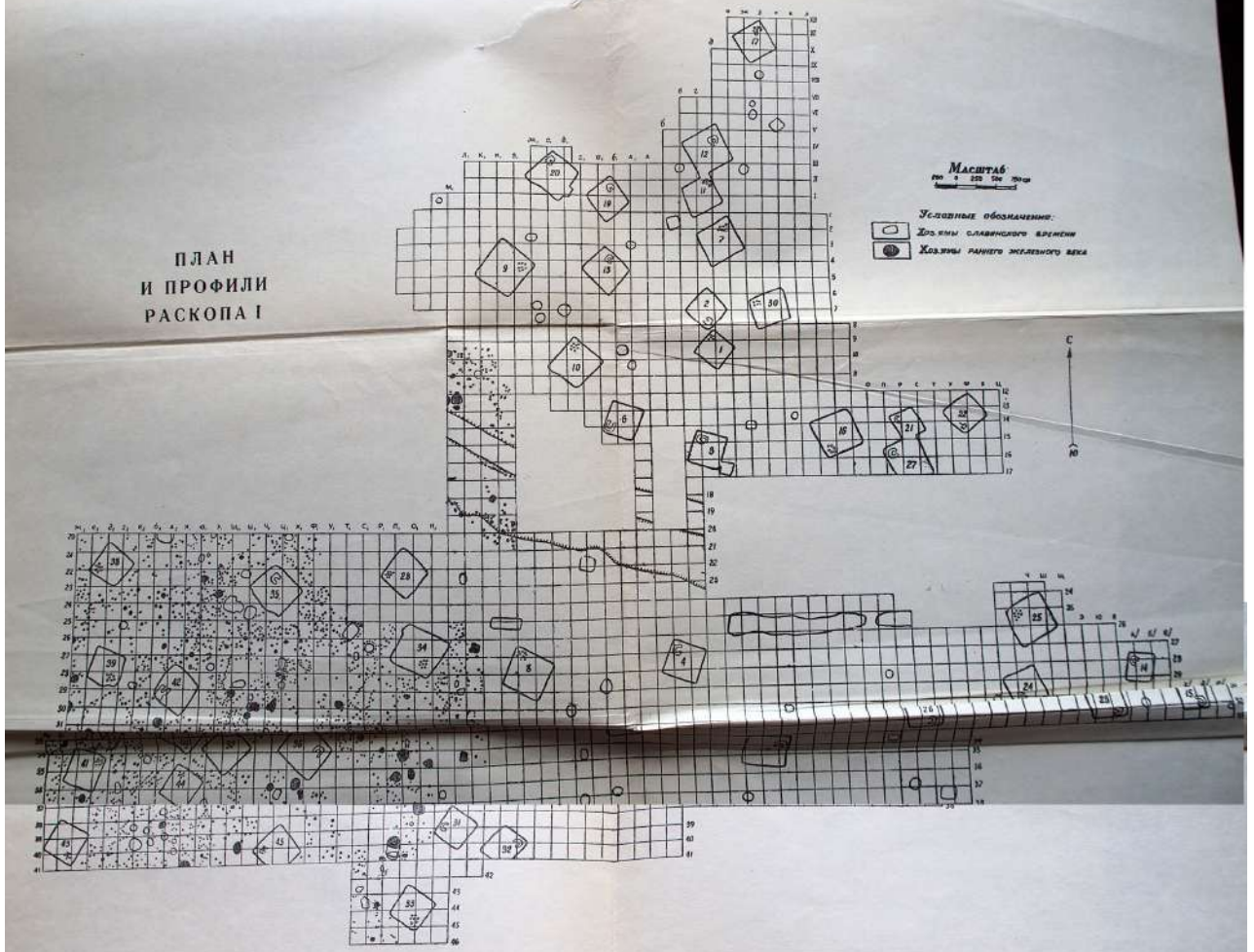


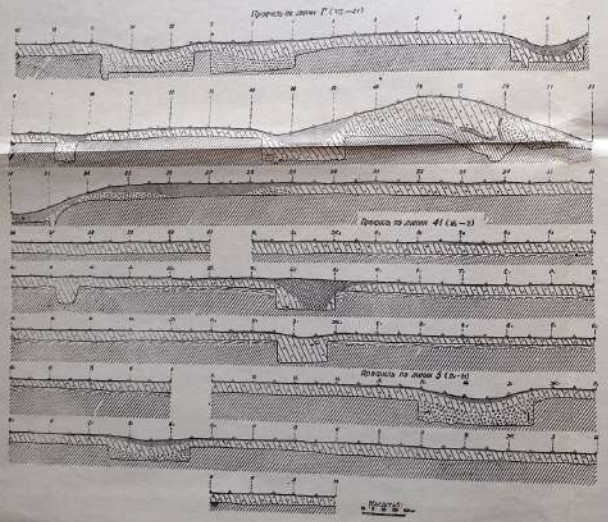
План и профиль остатков деревянной конструкции в насыпи внутреннего вала.



План и профиль раскопа на внешнем валу.

ПЛАН И ПРОФИЛИ РАСКОПА I





Условные обозначения к чертежам

- Гумус
- Чернозем
- Глина
- Песок
- Меловая щебенка
- Материковый мел
- Камни
- Обожженная глина
- Меловые камни
- Дерево
- Деревянные столбы
- Зола
- Уголь
- Траншея

Г. А. ВОЗНЕСЕНСКАЯ

ОБРАБОТКА ЧЕРНОГО МЕТАЛЛА НА ГОРОДИЩЕ ТИТЧИХА

Для металлографического исследования коллекции изделий из железа и стали, найденных на городище Титчиха, были отобраны 30 предметов: ножи, серпы, бритва, сверло, несколько железных поделок, 2 наконечника стрел. Эти изделия из всех, имевшихся в нашем распоряжении, могли дать наиболее полную характеристику кузнечной техники. Металлографическое исследование состояло из изучения макро- и микроструктур, измерения микротвердости структурных составляющих.

Наиболее многочисленную группу находок из железа и стали составляют хозяйственные ножи. Результаты их исследования следующие.

Анализ 29. Нож. При изготовлении этого ножа была использована технология цементации клинка, откованного из железа. Зерно феррита крупное, шлаковых включений мало. Структура цементированного слоя — феррит с перлитом; содержание углерода 0,2%. Поверхностный цементированный слой почти весь сточился, обнажив мягкую железную основу клинка.

Анализ 30. Нож. При изготовлении этого ножа кузнец наварил на железную основу клинка тонкую стальную пластинку так, что сталь выходила на лезвие. Сварочный шов тонкий, чистый. Структура стальной полосы — сорбитообразный перлит. Стальная наварка на лезвии сточена.

Анализ 31. Нож. При изготовлении использована технология цементации откованного из железа ножа. При микроскопическом изучении шлифа обнаружена типичная для

цементации феррито-перлитная структура. Содержание углерода в цементированном слое у поверхности клинка достигает 0,8%.

Анализ 121. Нож. Нож откован из железной заготовки, местами слабо науглероженной (содержание углерода 0,1%). Шлаковые включения в металле незначительны (табл. II, 2).

Анализ 122. Нож. Клинок ножа сварен из двух полосок железа. Сварка произведена неумело: сварочный шов грубый, весь состоит из окислов, расслоился. Клинок ножа подвергнут поверхностной цементации. Структура цементированного слоя — феррито-перлитная, содержание углерода 0,1—0,2%. Микротвердость феррита 206 *кг/мм²*, цементированного слоя — 254 *кг/мм²* (табл. II, 3, V, 1).

Анализ 123. Нож. Микроструктура клинка ферритная. Феррит мелкозернистый, шлаковых включений мало, микротвердость 236 *кг/мм²*. Возможные дополнительные элементы технологии, улучшавшие рабочие качества железного клинка, не сохранились ввиду сильной сточенности лезвия .

Анализ 124. Нож. Нож откован целиком из малоуглеродистой стали. Структура клинка однородная, феррито-перлитная. Содержание углерода 0,1—0,2%.

Анализ 125. Нож. Клинок ножа откован из железа. Микроструктура клинка ферритная, местами неравномерно науглероженная. Возможные дополнительные элементы технологии не сохранились.

Анализ 126. Нож. Клинок ножа откован из железа. Микроструктура ферритная, зерна феррита разной величины—от мелкого до очень крупного. Микротвердость феррита 221 *кг/мм²* (табл. II, 1).

Анализ 127. Нож. Клинок ножа откован из железной заготовки, неравномерно науглероженной местами. Микротвердость феррита 206 *кг/мм²*. При микроскопическом изучении отмечены также следы поверхностной цементации. Микроструктура цементированного слоя феррито-перлитная, перлит сорбитообразный. Микротвердость цементированного слоя 322 *кг/мм²*, содержание углерода 0,2—0,3%. Цементированный слой почти весь сработан.

Анализ 128. Нож. Клинок ножа откован из стальной заготовки, которая была сварена из нескольких кусков неравномерно науглероженной стали. Местами на шлифе наблюдаются чисто ферритные зоны. Микроструктура клинка феррито-перлитная, перлит сорбитообразный, содержание углерода колеблется от 0,2 до 0,4%, микротвердость 236 — 322 *кг/мм²*.

Анализ 129. Нож. Клинок ножа откован целиком из мягкой сырцовой стали. Сталь мелкозернистая, содержание углерода колеблется от 0,1 до 0,3%, микротвердость 297—350 *кг/мм²*.

Анализ 130. Нож. Основой технологии при изготовлении клинка ножа была сварка трех полосок металла — в центре стальной и по бокам железных. Необходимо отметить, что металл очень неоднороден: брусочки металла, из которых сварили клинок, в свою очередь были сварены из нескольких небольших кусочков металла. Вероятно, при изготовлении этого ножа были использованы отходы производства. Сталь очень мягкая, содержание углерода около 0,1%. Микроструктура феррито-перлитная, перлит сорбитообразный.

Анализ 131. Нож. При изготовлении ножа была использована сварка двух полос металла — на железную основу клинка была наварена тонкая стальная пластинка с выходом на лезвие. Железо мелкозернистое, мягкое: микротвердость 116 *кг/мм²*, сталь малоуглеродистая, содержание углерода около 0,1%, микроструктура стали феррито-перлитная.

Анализ 132. Нож. Клинок ножа изготовлен при помощи сварки трех полосок металла: в центре—стальной и по бокам—железных. Сварочные швы тонкие, чистые. Микроструктура стальной полосы феррито-перлитная, перлит сорбитообразный, содержание углерода около 0,2%, микротвердость 254 *кг/мм²*. Нож очень плохой сохранности, ферритные полосы почти разрушены в процессе употребления ножа и поверхностной коррозии (табл. II, 6, III, 6).

Анализ 133. Нож (или серп?). Клинок откован целиком из мягкой малоуглеродистой стали. Микроструктура феррито-перлитная, содержание углерода около 0,1%. Отмечается строчечное строение стали. Такая структура — дефект материала. Микротвердость стали 236 *кг/мм²* (табл. II, 4, IV, 4).

Анализ 134. Нож. При изготовлении ножа была использована технология боковой наварки тонкой стальной полоски на железную основу клинка так, что сталь выходит на лезвие. Сварочный шов чистый. Феррит мелкозернистый, микротвердость 193 *кг/мм²*. Микроструктура стальной наварки феррито-перлитная, содержание углерода около 0,1%, микротвердость 206 *кг/мм²* (табл. II, 5).

Анализ 135. Нож. Микроструктура поперечного сечения клинка ножа свидетельствует, что при его изготовлении была использована технология поверхностной цементации клинка, откованного из железа. Феррит мелкозернистый, сильно загрязненный мелкими включениями шлака. Поверхностный цементированный слой сточился, обнажив железную основу.

На этом образце науглероженная зона сохранилась лишь частично, микроструктура феррито-перлитная, содержание углерода 0,1%.

Анализ 174. Нож. Микроструктура клинка показала, что он откован целиком из крупнозернистого феррита с небольшим количеством шлаковых включений. Возможные дополнительные элементы технологии, улучшавшие рабочие качества ножа, не сохранились.

Из орудий труда, найденных на городище, металлографически изучены также два обломка серпов и некоторые инструменты неопределенного назначения.

Анализ 120. Серп. Микроскопическое изучение показало, что клинок серпа сварен из трех полосок металла: в центре—стальной и по бокам — железных. Сварочные швы тонкие, чистые. Феррит мелкозернистый, чистый, микротвердость 170 *кг/мм*². Микроструктура стальной полосы феррито-перлитная, перлит сорбитообразный, содержание углерода 0,1—0,2%, микротвердость 274 *кг/мм*² (табл. IV, 5, 3).

Анализ 136. Серп с хорошо сохранившейся насечкой. Микроскопическое изучение показало, что клинок серпа сварен из двух полос металла — железной и стальной. Феррит мелкозернистый, микротвердость 254 *кг/мм*². Микроструктура стальной части—феррит с перлитом, содержание углерода около 0,1%, микротвердость 274 *кг/мм*². Сварка полос произведена хорошо (табл. II, 8).

Анализ 137. Предмет неопределенного назначения. Откован из железа, местами слабо науглероженного. Наблюдаются включения шлака, вытянутые в направлении ковки.

Анализ 138. Инструмент (для обработки дерева?). Как показало микроскопическое изучение, рабочая часть инструмента изготовлена с применением техники трехслойной сварки. В центре лезвия — стальная полоса, по бокам—железные. Микроструктура стальной полосы—феррит с перлитом, перлит сорбитообразный, содержание углерода около 0,2%, микротвердость 254—274 *кг/мм*² (табл. II, 9, III, 3).

Анализ 139. Четырехгранный стержень, заостренный на одном конце. Стержень откован из среднеуглеродистой стали, неравномерно науглероженной. Структура стали—видманштеттова, микротвердость 514—724 *кг/мм*². (Структура стали свидетельствует о неправильно выдержанном температурном режиме ковки).

Анализ 173. Бритва. В результате микроструктурного исследования выяснено, что бритва имеет слоистое лезвие. В середине клинка проходит стальная полоса, по бокам ее расположены полосы железа. Сварочные швы, соединившие полосы железа и стали, очень чистые и тонкие. Микроструктура стальной полосы—сорбит отпуска, сохранились следы первоначальной мартенситовой ориентировки. Микроструктура стали свидетельствует о термической обработке бритвы. Для получения максимальной твердости и остроты лезвия необходима была закалка на мартенсит, следы которой сохранились. Возможно, что отпуск изделия был не целенаправленным, а случайным.

Анализ 174. Нож. Микроструктура клинка ножа ферритная. Феррит крупнозернистый с небольшим количеством шлаковых включений. Возможные дополнительные элементы технологии, улучшавшие рабочие качества клинка, не сохранились ввиду сильной сточенности лезвия.

Анализ 182. Спиральное сверло. Шлиф сделан на поперечном сечении режущей части сверла. Микроструктурное исследование показало, что режущая часть сверла откована целиком из стали и термически обработана: закалена в холодной воде. Микроструктура закаленной стали—мартенсит, микротвердость 572 *кг/мм*².

Анализ 183. Клин. Шлиф сделан на продольном сечении острия клина. Микроструктура шлифа однородная, феррито-перлитная. Содержание углерода около 0,3%. Микротвердость перлита 322 *кг/мм*², феррита — 193 *кг/мм*². На шлифе наблюдаются включения шлака, вытянутые вдоль направления ковки. Таким образом, клин откован из мягкой малоуглеродистой стали.

Из предметов вооружения металлографически исследованы два наконечника стрел.

Анализ 118. Стрела черешковая плоская ромбовидная. Наконечник стрелы откован из железа. Микроструктура шлифа—феррит с небольшим количеством включений шлака. Микротвердость феррита 221—236 *кг/мм*² (табл. II, 10).

Анализ 119. Стрела черешковая четырехгранная. Наконечник стрелы откован из мягкой стали. Микроструктура: феррит с перлитом, содержание углерода 0,1%, микротвердость стали 236 *кг/мм*². Шлаковые включения в металле незначительны (табл. II, 11).

Итак, исследованные предметы были изготовлены с применением пяти технологических схем. Наиболее древний способ улучшения рабочих качеств железных орудий труда и оружия (на европейской территории он известен с эпохи раннего гальштатта) — цементация, т. е. науглероживание поверхности изделия. Получавшийся в результате этого процесса поверхностный сталистый слой придавал необходимую твердость рабочей части мягкого железного предмета. Цемен-

тированный клинок имеют пять исследованных ножей с городища Титчиха (№ анализов 29, 31, 122, 127, 135).

В нескольких исследованных изделиях с Титчихи обнаружена активная сварка железа и стали в одном предмете. Трехслойные клинки имеют два ножа, бритва, серп и инструмент (для обработки дерева?). Качество сварки хорошее: сварочные швы тонкие, чистые. Кузнец умело применял флюсы, чтобы очистить свариваемые поверхности от окалины, соблюдал правильный температурный режим сварки. После проковки и отточки лезвия на точильном кургe инструмент был готов к употреблению. Изготовленные таким способом лезвия режущих предметов могут использоваться до максимального стачивания, так как после отточки затупившегося лезвия на острие постоянно выходит сталь.

Изделия с трехслойной структурой лезвия широко распространены у восточных и западных славян в X—XI вв. Кузнецы Титчихи в это время тоже владели сложным искусством сварки многослойных лезвий, хотя подобная технология производства не преобладала в их продукции.

Клинки трех ножей и одного серпа с хорошо сохранившимися насечками (№ анализов 30, 131, 134, 136) были сварены из двух полос металла—железной и стальной. Качество сварки также высокое. Изготовленные таким способом клинки ножей и серпов, в отличие от трехслойных, недолговечны в употреблении, так как на острие сталь быстро стачивалась, обнажая мягкую железную основу. Железные лезвия изделий быстро теряли остроту и постоянно тупились. Из 4 исследованных лезвий, сваренных из двух полосок металла, на 2 остриях уже сточены стальные наварки.

Семь изделий из группы изученных предметов откованы целиком из стали — четыре ножа, стрела четырехгранная черешковая, стержень четырехгранный с заостренным концом, клин (№ анализов 124, 128, 129, 133, 119, 139, 183). Остальные семь предметов — пять ножей, стрела плоская (ромбовидная), один предмет неопределенного назначения— откованы из железа, местами слабо науглероженного. Науглероженность случайного происхождения, возникшая еще в металлургическом горне или в кузнечном, при разогревании железа перед ковкой.

Как правило, металл, из которого откованы исследованные кузнечные поковки, хорошего качества. Железо хорошо прокованное, мелкозернистое. Шлаковые включения, обычные для сыродутного железа, наблюдаются в незначительных количествах. Сталь, использованная при изготовлении поковок, очень мягкая, с содержанием углерода 0,1—0,3%. Сталь,

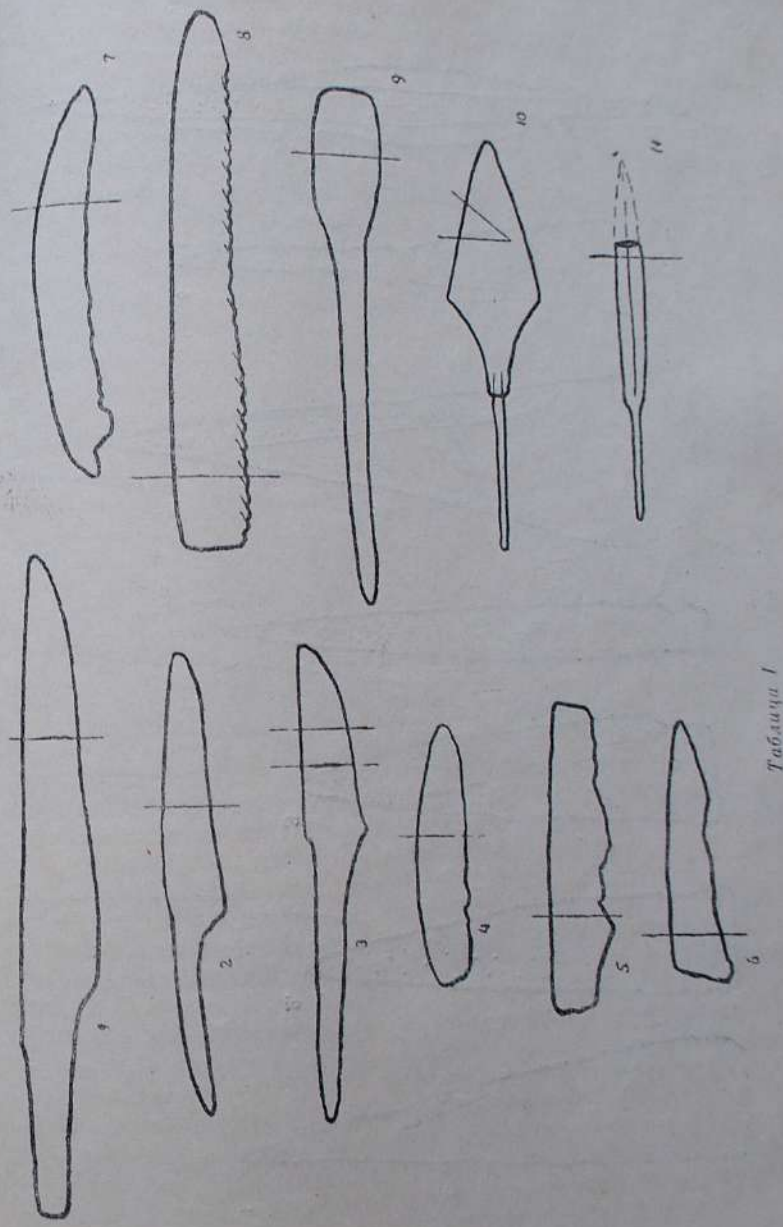
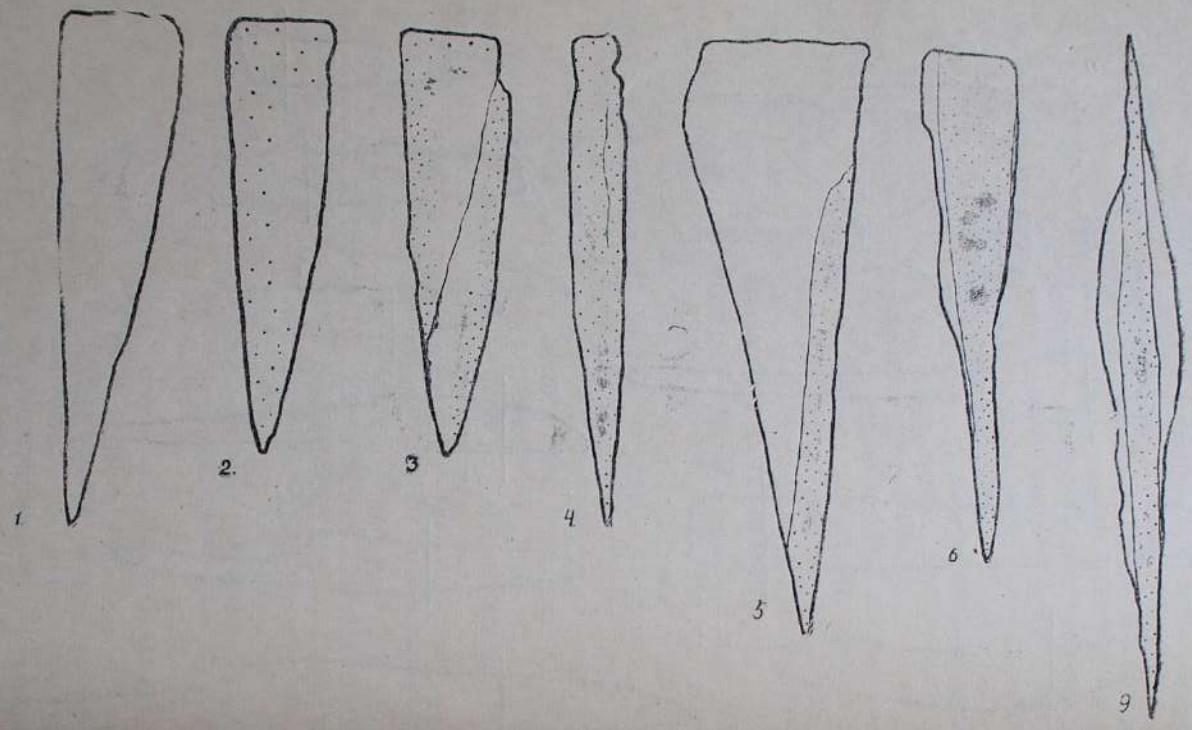


Таблица I



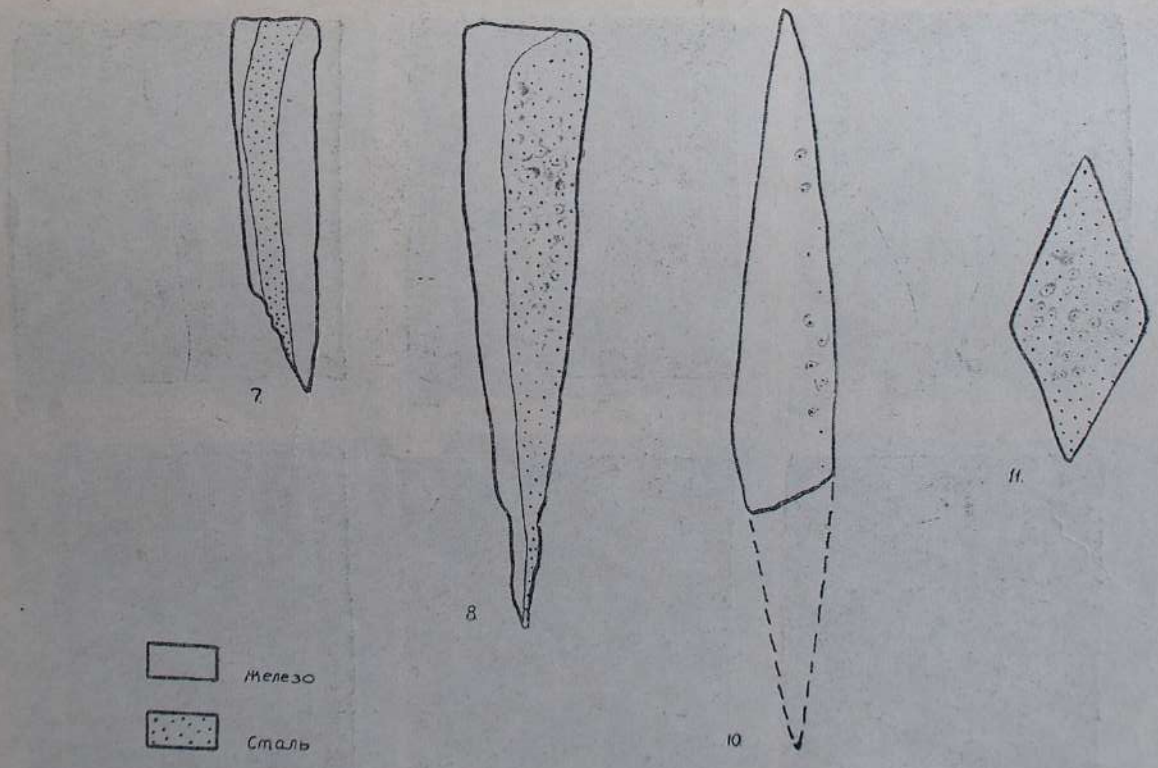


Таблица II. Технологические схемы исследованных изделий.

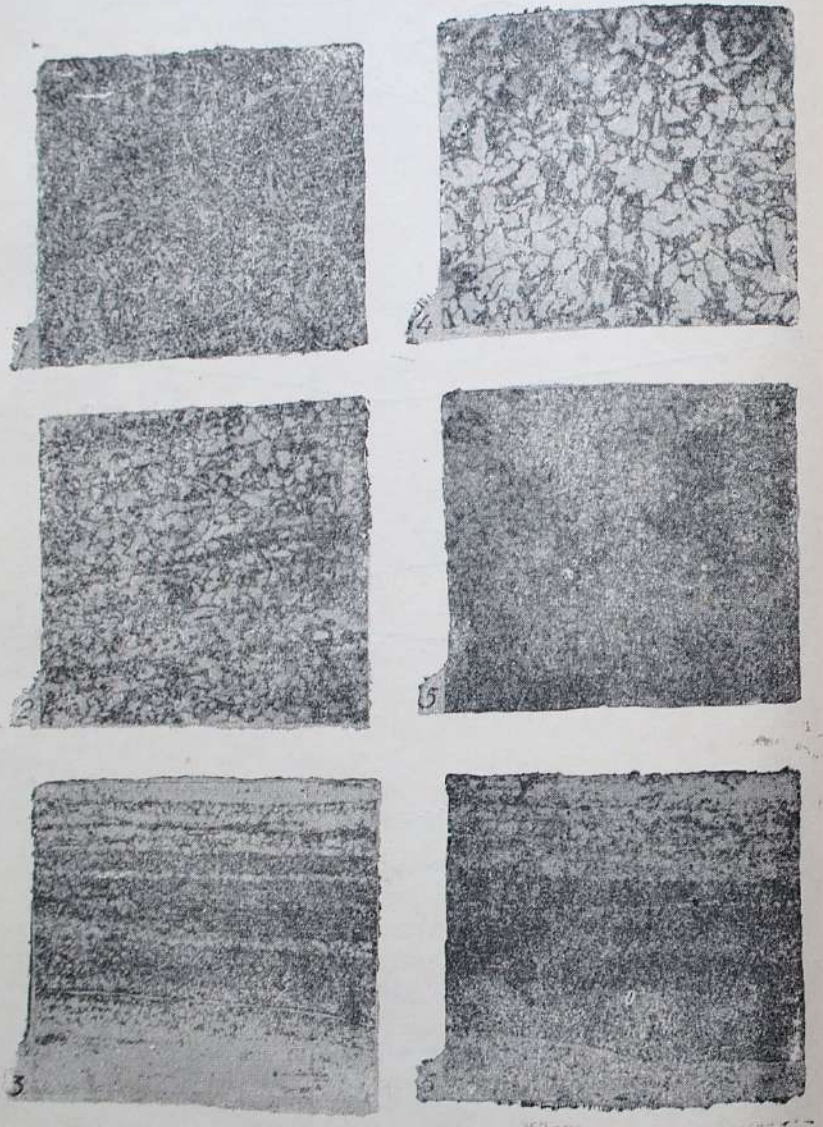


Таблица III. Микроструктуры

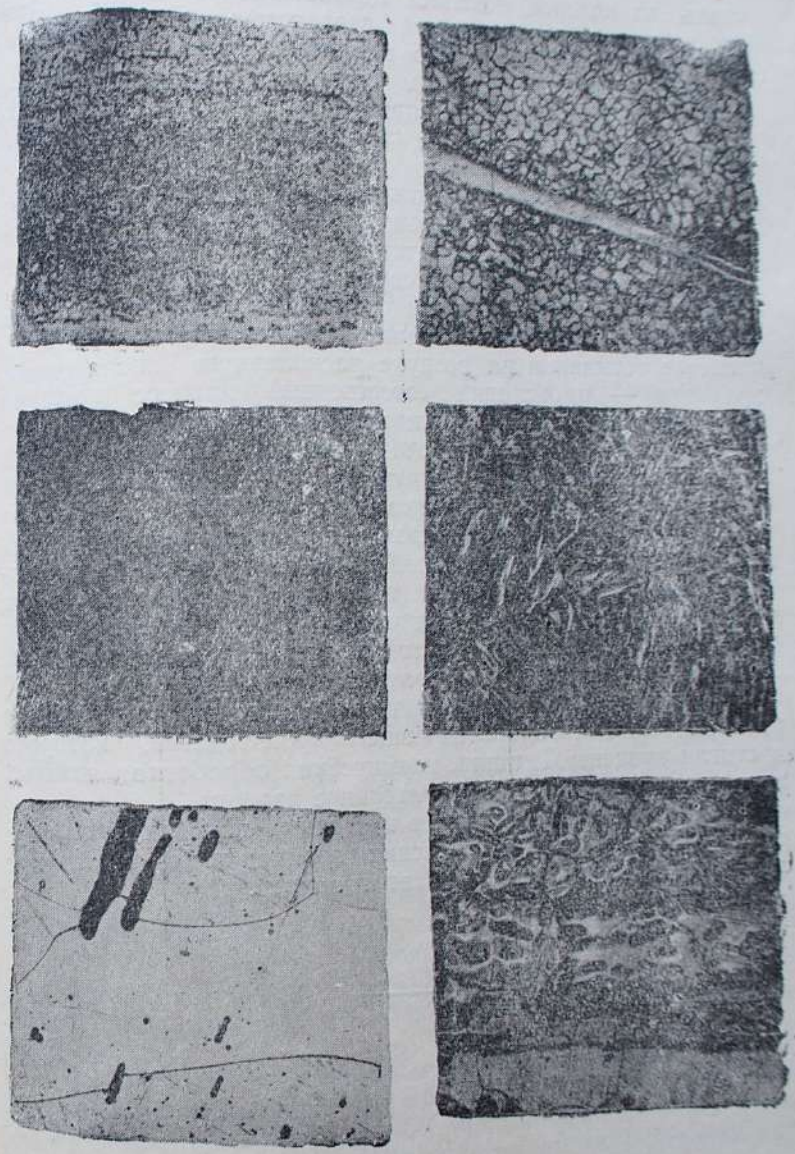


Таблица IV. Микроструктуры.

которая шла на изготовление многослойных лезвий режущих инструментов, получалась путем цементации железных заготовок и последующей тщательной проковки их. Сырцовая сталь, из которой ковались цельностальные изделия, тоже очень мягкая, но отличается неравномерной науглероженностью, встречаются чисто ферритные зоны.

Таким образом, кузнецы Титчихи в изготовлении определенных видов кузнечной продукции применяли те же технологические схемы, что и городские кузнецы славянских земель в X—XI вв.

Обращает на себя внимание тот факт, что в исследованных изделиях только в одном случае—на лезвии спирального сверла—встречена характерная метастабильная структура. В остальных предметах структуры стали находятся в отожженном состоянии или в состоянии высокого отпуска. Возможно, что сорбитообразный характер перлита возник в процессе остывания на воздухе раскаленного после ковки предмета — происходил естественный процесс нормализации, при котором преимущественно в простых углеродистых сталях получается состояние сорбита. Но скорее всего первоначальный характер структуры термически обработанной стали исчез при стихийном попадании изделия в огонь или в прокаленный слой почвы, результатом чего был высокий отпуск или отжиг метастабильной структуры стали. Однако стратиграфия изученных нами находок свидетельствует, что только незначительная их часть, найденная в жилищах, многие из которых погибли от пожара, могла подвергаться воздействию высоких температур.

Представляется маловероятным, чтобы на том уровне развития металлообрабатывающего производства, которого достигли кузнецы Титчихи, термическая обработка готовых изделий представляла исключительное явление.

Дальнейшие исследования кузнечных поковок с городища Титчиха и других боршевских городищ помогут дать более определенный ответ на этот вопрос.

Н. В. РЫНДИНА

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ОБ ОПТИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ ШЛАКОВ С ГОРОДИЩА ТИТЧИХА

Шлак № 1. Титчиха (№ 177). Оптическое исследование показало, что шлак слагается из следующих минералов: магнетита, гематита, кварца и нераскристаллизованной стекловидной массы.

Магнетит—вторичный, имеет вид разветвленных крупных дендритов (1). Местами он теряет четкую дендритную форму и выступает в виде отдельных кристаллов округлой формы (2). В промежутках между кристаллами магнетита—изотропная стекловидная масса. Гематит представлен натечными, красноватыми в поляризованном свете, скоплениями по краям крупных пор.

Шлак № 2. Титчиха (№ 178). Шлак сложен из магнетита, гематита и файалита.

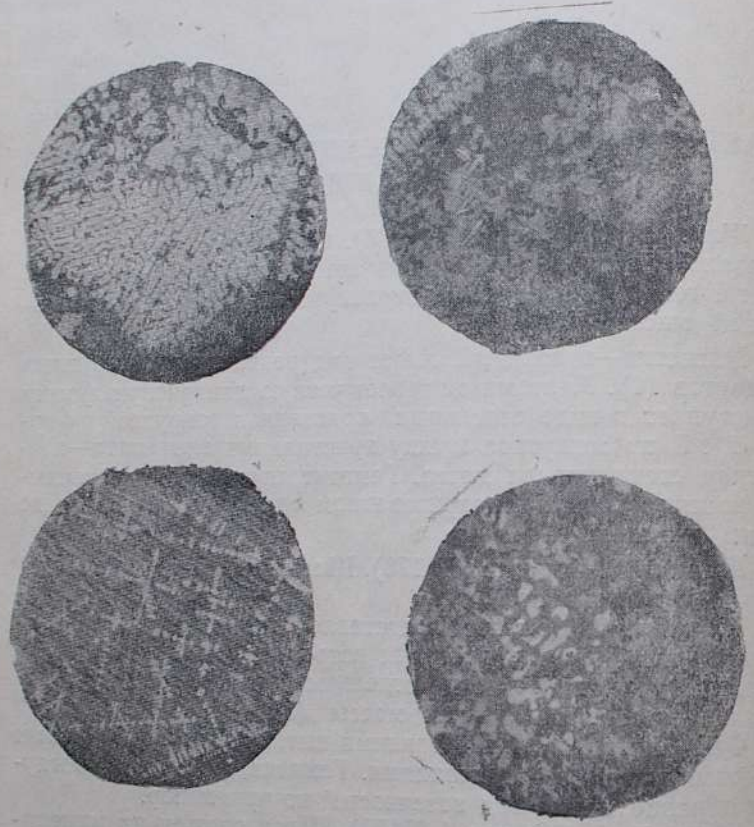
Вторичный магнетит представлен мелкими разветвленными дендритами. Местами они встречаются в виде плотных скоплений, местами—в виде отдельных древовидных кристаллов на фоне стекловидной массы (3).

Файалит представлен тонкими вытянутыми кристаллами с пирамидальными окончаниями. Гематит, как и в предыдущем образце, имеет вид натечностей по краям пор.

Шлак № 3. Титчиха (№179). Шлак сложен из минералов: файалита, магнетита, кварца и нераскристаллизованного стекла.

Файалит является основным составляющим. Он представлен крупными сноповидными кристаллами, длина их доходит до 4—5 мм. Промежутки между кристаллами заполнены железистым стеклом. Местами из него выкристаллизовался вторичный магнетит (4).

Анализ шлаков показал, что они содержат большое количество железистых минералов. Судя по площади, занимаемой магнетитом, выход железа в шлак составлял 50—70%. Такая высокая потеря железа типична для сыродутного процесса его восстановления из руды.



Микроструктура образцов шлаков

П. Б. РАСКАТОВ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ДРЕВЕСИНЫ С ГОРОДИЩА ТИТЧИХА

Макроскопическому и частично микроскопическому анализу были подвергнуты 15 образцов древесины с раскопок городища Титчиха, что позволило определить видовую принадлежность каждого из образцов.

Почти все образцы характеризуются тем, что признаки, необходимые для их идентификации, сохранились достаточно хорошо. Это относится к образцам как обугленным, так и своеобразно лигнифицированным. Последние имеют цвет бурый, каштановый или шоколадный и, подобно обугленным образцам, разламываются в руках при небольших усилиях.

Подавляющее большинство образцов (см. ведомость) принадлежит дубу, о чем бесспорно свидетельствуют следующие прекрасно сохранившиеся характерные признаки древесины этой породы: кольцесосудистый тип древесины с хорошо выраженным делением годичного слоя на весеннюю и летнюю часть; дендритовидное размещение мелких сосудов и трахеид в летней части годичного слоя; разнотипность сердцевинных лучей и наличие лучей, характерных для древесины дуба по их ширине и высоте. Указанные признаки легко устанавливаются на поперечных изломах и на тангентальной поверхности образцов при исследовании с помощью 6-кратной лупы.

Один образец древесины, как показал микроскопический анализ (макроскопических данных для его определения было недостаточно), принадлежал березе. Доказательством этого служили следующие признаки: рассеяннососудистый тип древесины без разделения на весеннюю и летнюю часть, крайне слабо выраженная годичная слоистость; характер порovости боковых стенок сосудов; лестничный тип перфорации с большим числом перекладин в каждой.

Ведомость

анализа образцов древесины из городища Титчиха

Шифр образца	Его принадлежность	Порода дерева
ГТ–62	вал, задняя стенка городни	дуб
ГТ–62 Р1	полуземлянка № 45	дуб
ГТ–62 Р1	полуземлянка № 39	дуб
ГТ–62 Р1	яма № 39	дуб
ГТ–62	вал, передняя стенка	дуб и один образец —береза
ГТ–62 Р1	полуземлянка № 29	дуб
ГТ–62 Вм1	обгоревшее дерево	дуб
ГТ–62 Р1	полуземлянка № 42	дуб
ГТ–62	вал, частокол	дуб
ГТ–62	полуземлянка № 43	дуб
ГТ–62	яма № 41	дуб
—	полуземлянка № 43	дуб
ГТ–62	дерево с передней стороны городни (вал)	дуб
ГТ–62	вал, частокол	дуб
ГТ–62 Р1	полуземлянка № 40	дуб

Ю. Л. ЩАПОВА

РЕЗУЛЬТАТЫ СПЕКТРАЛЬНОГО АНАЛИЗА БУС И БРАСЛЕТА С ГОРОДИЩА ТИТЧИХА

На городище Титчиха, которое датируется IX—X вв., найдено относительно много стеклянных бусин, девять из них исследовались с помощью спектрального анализа.

Одна черная бусина (анализ 206 : 2) была не из стекла, а из кости, поэтому основными элементами ее состава оказались кальций и магний, а также фосфор. Остальные элементы, кроме марганца, присутствуют или в следах, или в количествах, близких к пределу чувствительности прибора. Повышенное содержание марганца можно объяснить, по-видимому, использованием марганцовистых соединений для окрашивания кости в темный цвет: коричневый или черный.

Остальные бусы были изготовлены из стекла.

Одна бусина серебреная лимоновидная, сделана из натриево-кальциево-магниево-кремнеземного стекла. Сырье было хорошо очищено и обесцвечено окисью марганца (анализ 206 : 3). Повышенное содержание серебра в пробе служит доказательством использования при изготовлении бусин серебряной фольги.

На изготовление пяти бус—трех лимонок (анализ 206 : 4,5; 314 : 20), одной зонной бесцветной (анализ 206 : 6) и одной голубой неопределенной формы (анализ 314 : 21) — пошло натриево-калиево-кальциево-кремнеземное стекло, в состав которого для обесцвечивания введена окись марганца. Две лимонки (анализ 206 : 4,5) желтые, непрозрачные. Эти эффекты достигнуты с помощью окиси свинца и окиси олова. Иным способом изготовлено желтое стекло для третьей лимонки, где в качестве красителя скорее всего использована

№ пластинки	№ спектра	Описание предмета	Sr	Ba	Cr	K	Mn	Ca	Al	Co	Ni	Ti	Zn	Na	Ag	Cu	V	Sn	Mo	Bi	Si	Sb	Mg	Pb	P	As
205	1	Браслет ложновитой фиолет.			5	2	3	5	5	—	5	7	6	5	5	4	5	5	4	—	2	—	4	2	—	
206	1	Бусина красн. рубчат.овальн.			5	4	3	3	3	7	6	4	—	4	4	4	5	5	—	—	6	—	2	5	—	
206	2	Бусина черная шарообразн.			6	6	4	1	5	—	—	—	—	5	7	5	—	6	—	—	о	—	3	7	4	
206	3	Бусина серебреная лимоновидная			4	4	3	3	4	5	5	5	—	2	3	5	6	7	6	—		—	2	5	—	
206	4	Бусина-лимонка			4	3	3	3	4	—	5	5	—	2	4	5	5	3	6	—	с	—	2	3	—	
206	5	Бусина-лимонка			4	3	3	3	4	—	5	5	—	2	6	4	5	3	6	—	н	—	2	3	—	
206	6	Бусина зонная бесцветная			4	3	3	3	4	—	5	6	—	2	7	5	6	7	6	—		—	2	6	—	Au
314	19	Бусина красная глазчатая	6	7	4	3	3	4	5	6	5	5	7	2	4	3	5	4	5	—	о	—	3	4	—	4
314	20	Бусина-лимонка	4	5	4	3	3	3	4	7	5	5	—	2	4	5	5	7	6	—	в	—	3	7	—	—
314	21	Бусина голубая зонная(?)	4	5	4	3	3	3	4	6	5	5	—	2	5	5	5	7	6	—	а	—	3	7	—	—

окись серебра, которая, видимо, отчасти и заглушила первоначально прозрачный цвет. Трудно понять причину появления голубого стекла (анализ 314 : 21). Скорее всего это естественный цвет. Красящие свойства окиси кобальта, всегда очень сильные, не могут быть в этом случае приняты во внимание, так как он содержится в стекле в следах.

Красная с глазками бусина (анализ 314 : 19) изготовлена из натриево-калиево-магниево-кальциево-кремнеземного стекла. Стекло непрозрачное, что объясняется присутствием в его составе окиси олова. Красный цвет обусловлен введением в состав не только окиси меди, но и золота, находящегося в стекле, по всей вероятности, во взвешенном виде.

Одна бесцветная лимоновидная бусина (анализ 206 : 6) изготовлена из натриево-калиево-кальциево-магниево-кремнеземного стекла. Как обычно, в качестве обесцвечивателя использована окись марганца, а само сырье хорошо очищено.

Все перечисленные стеклянные бусы роднит между собой прежде всего техника изготовления. Каждая бусина сделана из стеклянной трубочки, бесцветной или окрашенной, однослойной или с металлической прокладкой. Не составляет исключения и глазчатая бусина. Основное тело бусины изготовлено из отрезка толстостенной трубочки. При нанесении на бусину глазка использован тот же принцип. Несмотря на установленные различия состав стекла также родствен. Все его варианты могут быть сведены к схеме сода—известь—песок. Бусы, обладающие этими свойствами, могут быть отнесены к продукции ближневосточных мастерских, которая

поступала на территорию Восточной Европы с начала н. э. вплоть до первой четверти XI в.

Рубчатая овальная бусина типологически и по схеме изготовления принадлежит к этой же группе бус. Однако ее резко отличает состав—на ее изготовление употреблено кальциево-магниево-алюмо-кремнеземное стекло. Можно предполагать, что для этого состава стекла использовался легкоплавкий песок или супесь в смеси с доломитом или другой известково-магниевой породой. Щелочи еле ощутимы. В составе стекла присутствует окись марганца, которая в данном сочетании окрасила стекло (условно) в красный цвет. Можно думать, что к стекловидной массе этого состава более всего применим термин паста, именно такие бусы следовало бы называть пастовыми. Термин этот неоправданно широко распространен в специальной литературе, а с действительно пастовой бусиной мы встречаемся впервые. (Заметим, что в нашей лаборатории проанализировано стекло около 1000 бусин, датируемых с начала нашей эры до XI в.). Следовательно, практически паста при изготовлении бус в период поздней античности и раннего средневековья не нашла применения.

Наконец, стеклянный ложновитой фиолетовый браслет был сделан из калиево-свинцово-кремнеземного стекла, окрашенного окисью марганца. Браслет изготовлен в Киеве в домонгольское время. Браслеты из этого стекла встречаются на Руси и за ее пределами с 30-х гг. XII в. до середины XIII в.

Опись куфических монет из раскопок 1957—1961 гг. на городище Титчиха

№ пп.	Год и место находки	Династия	Имена: Халиф	Имена: Эмир	Имена: чиновник	Место чекана	Год чекана: хиджра	Год чекана: н. э.	Размер	Вес	С. о.	Литература	Примечание
1	1957, P_1—$Я_{16}$ — за печкой	Омайяды	—	—	—	Васит	110	728/9	26,5	2,26	3	Тиз., № 545	трижды пробит, одно отверстие запаяно
2	"	Саманиды	ал-Му'тадид	Исмаил ибн Ахмад	—	аш-Шаш	286	899	28,5	2,63	11	Т., стр. 95, №2—3	дважды пробит
3	"	"	"	"	—	"	287	900	28,5	2,69	9	Т., стр. 96, № 1	"
4	"	"	"	"	—	"	289	901/2	29,5	2,70	2	Т., стр 98, № 1	"
5	"	"	"	"	—	"	28x		28,5	2,72	2		"
6	"	"	ал-Муктафи	"	—	"	290	902/3	28 0	2,87	6	Т., стр. 100, № 2	"
7	"	"	то же	"	—	аш-Шаш?	290?		26,0	2,76	4		дважды пробит грубого чекана
8	"	"	"	"	вазир Абуль-Хусейн	аш-Шаш	29½		28,0	2,83	9	Т., стр. 103, № 1 или стр.106, № 8	дважды пробит
9	"	"	"	"	—	Самарканд	293	905/6	28,5	2,48	5	Т., стр. 111, № 2	дважды пробит и с трещинкой
10	"	"	"	"	—	аш-Шаш	293		28,0	2,53	10	Т., стр. 116, № 2	дважды пробит
11	"	"	"	"	Ахмад	Андераба	294	906/7	30,0	2,62	8	Т., стр. 115, № 4	"
12	"	"	ал-Муктадир	Ахмад ибн Исмаил	—	аш-Шаш	296	908/9	27,5	3,00	9	Т., стр. 121, № 1	"
13	"	"	то же	то же	—	Самарканд	300	912/3	27,5	2,76	12	Т., стр. 131	"
14	"	"	"	"	—	"	300		28,5	2,51	4	Т., стр. 131	дважды пробит и сильно потерт
15	"	"	"	"	—	аш-Шаш	300		28,0	2,57	1	Т., стр. 130	дважды пробит и сильно потерт
16	"	"	"	"	—	Андераба	301	913/4	28,5	2,67	12	Т., стр. 133, № 3	дважды пробит
17	"	"	"	"	—	аш-Шаш	301		29,0	2,43	4	Т., стр. 133	"
18	"	"	"	"	—	"	303	915/6	28,5	3,09	8	Т., стр. 140, № 2	с трещинкой
19	"	"	"	Наср ибн Ахмад	—	Андераба	304	916/7	28,5	2,21	1	Т., стр. 145, № 3	дважды пробит
				то же	—								

№ пп.	Год находки	Династия	Имена		
			Халиф	Эмир	чиновник
20	1957	Саманиды	ал-Муктадир	Наср ибн Ахмад	—
21	"	"	"	"	—
22	"	"	"	"	—
23	1958	"	ал-Муктафи	Исмаил ибн Ахмад	—
24	"	"	ал-Муктадир	Наср ибн Ахмад	Ахмад ибн Сахль
25	"	"	"	Ахмад ибн Исмаил	—
26	"	"	ал-Муктафи	(Исмаил ибн Ахмад)	—
27	1959	"	ал-Муктадир	Наср ибн Ахмад	—
28	1960	"	"	"	—
29	"	"	"	"	
30	1961	"	ал-Муктафи	имя эмира обрезано (Исмаил ибн Ахмад или Ахмад ибн Исмаил)	

Место чеканки	Год чеканки: хиджра	Год чеканки: н. э.	Размер	Вес	С. о.	Литература	Примечание
Андераба?	306?		29,5	3,02	1	Т., стр. 148, № 12?	
Самарканд	308	920/1	27,5	2,98	11	Т., стр. 154, № 5	дважды пробит
"	310	922/3	30,5	2,63	8	Т., стр. 157, но без точек	
аш-Шаш	290	902/3	28,5	2,84	10	Т., стр. 100, № 1	
Андераба	304	916/7	30,0	2,85	3	Т., стр. 144, № 1	
"	299	911/2	30,0	2,55	5	Т., стр. 129, № 1	дважды пробит
"	год обрезан (тип 293—295 гг.)		27,5	0,96	1		обломок
Самарканд	309	921/2	26,0	2,29	7	Т., стр. 156, № 1	
"	302	914/5	27,0	2,42	12	Т., стр. 137, № 4	
аш-Шаш	(30)4	916/7	29,0	2,28	3	Т., стр 143	дважды пробит, обломан
—	—	—	данных о весе нет				обломок; ал-Муктафи правил в 902—903 гг.

Список сокращений:

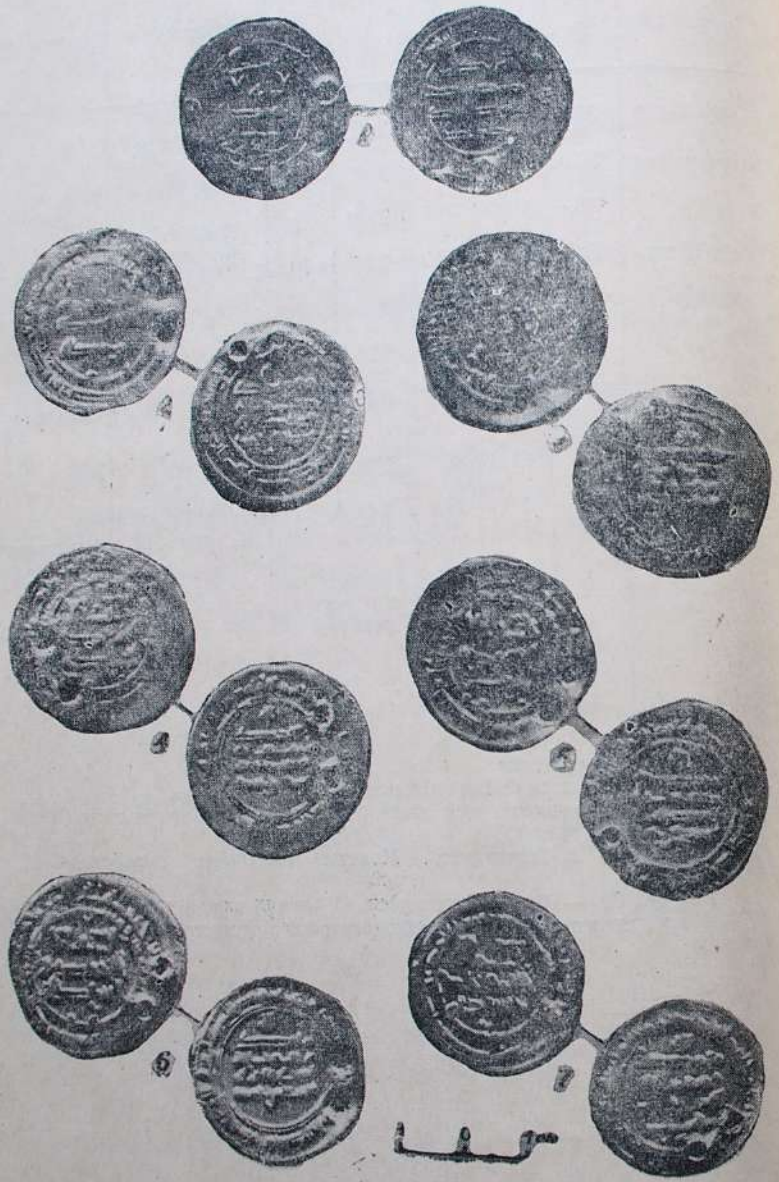
ОВМ — Областной Воронежский музей.

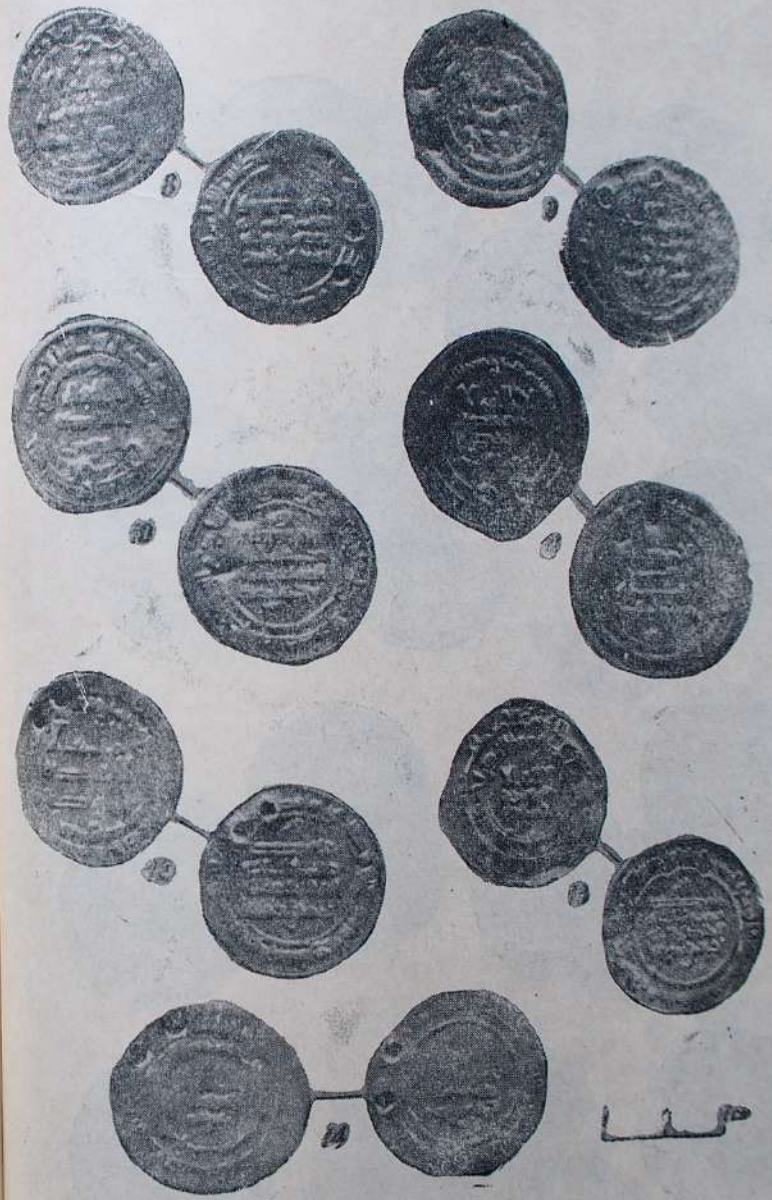
С. о. — соотношение осей лицевой и оборотной сторон монеты (дается по цифровой системе).

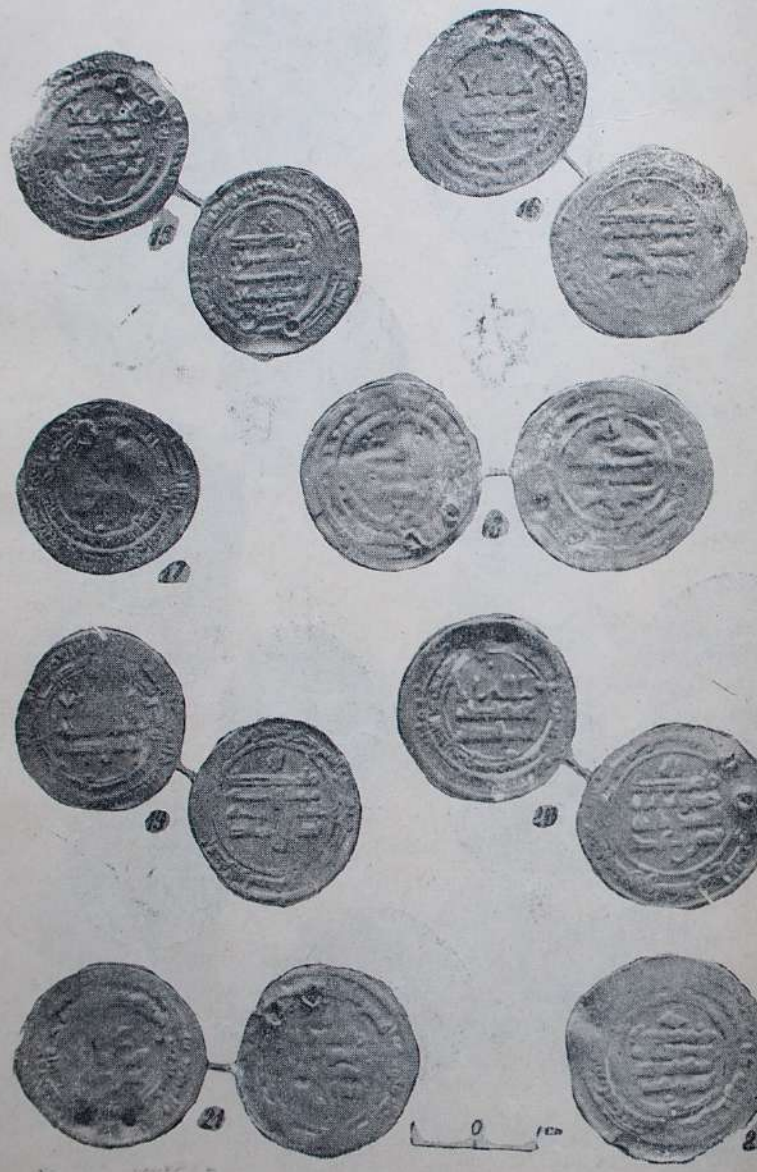
Тиз., № — В. Тизенгаузен. Монеты Восточного халифата. СПб., 1873, №.

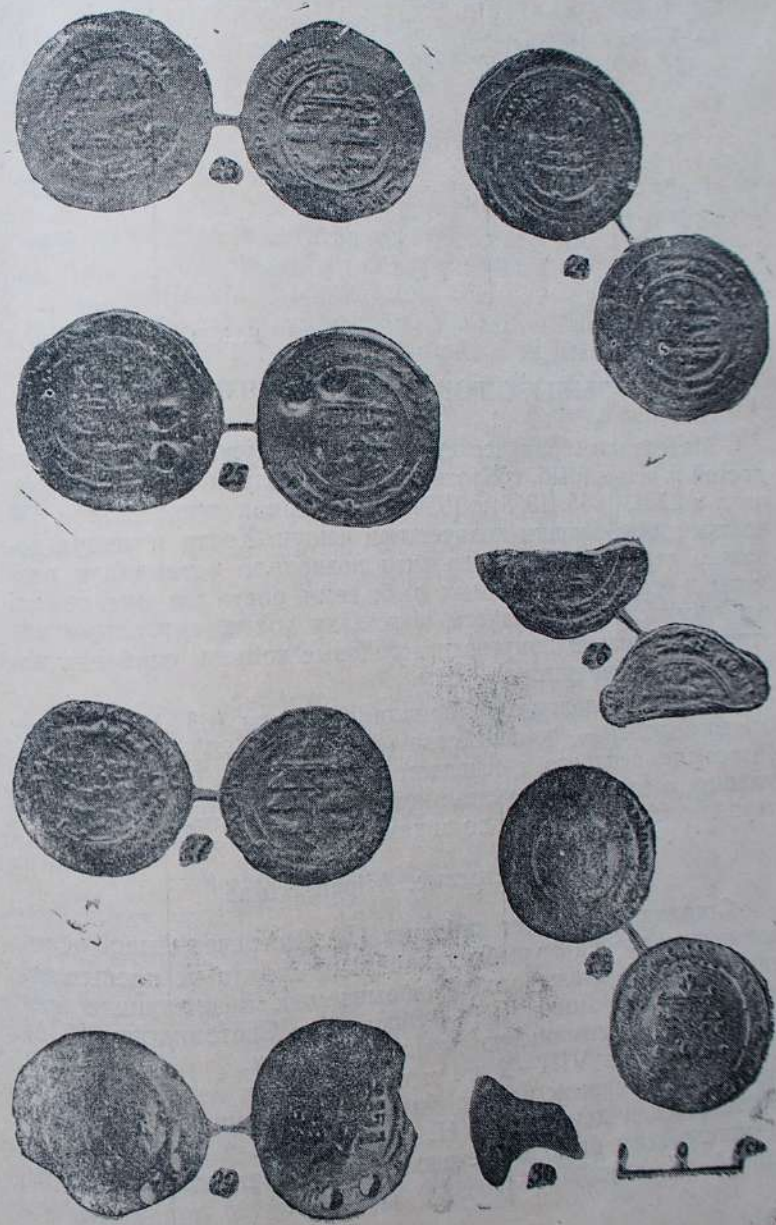
Т., стр., № — В. Г. Тизенгаузен. О саманидских монетах. Труды восточного отделения русского археологического общества, ч. 1. СПб., 1855.

КУФИЧЕСКИЕ МОНЕТЫ






16
17
18
19
20
21
22
0


23
24
25
26
27
28
29
30

Е. К. СЫЧЕВСКАЯ

РЫБЫ С ГОРОДИЩА ТИТЧИХА

Материалом для исследования послужили коллекции костей и чешуи рыб, собранные при раскопках городища Титчиха в 1954, 1955, 1958 и 1959 гг. Материал представлен 356 костями и небольшим количеством чешуи. Кости и чешуя довольно хорошо сохранились, что позволило установить размеры и возраст ископаемых рыб; темп роста ни для одного вида вычислить не удалось, поскольку кости, пригодные для этой цели, сильно помутнели и годовые кольца, особенно начальные, не видны.

Из исследованного материала 223 кости (63%) определены до вида, 29 — до семейства (8%) и 104 (29%) отнесены к Pisces inc. sed.; это в основном лученосцы, ребра, части позвонков, а также фрагменты, которые трудно определить. Материал рассматривается по видам.

Сем. Осетровые. Acipenseridae

Стерлядь. Acipenser ruthenus (L). Встречен лишь обломок парасфеноида от рыбы длиной 41,2 *см*, что не превышает максимальной длины особей, добываемых в настоящее время в верховьях Дона. Д. В. Рубцов (по Световидову, 1948) указывает максимальную длину до 70 *см*.

Очевидно, в VIII—X вв. так же, как и в настоящее время, стерлядь в этом районе была малочисленна. Это подтверждается и данными А. Н. Световидова по Боршевскому городищу (там было встречено всего 1 marginale от рыбы длиной 67 *см*).

Севрюга. Acipenser stellatus (Pall). Севрюга представлена 4 остатками (1 frontale, 1 marginale, 2 clavicula). Размеры рыб (по 3 последним костям) 115,8, 132,6 и 176,4 *см*. По-видимому, остатки принадлежат ходовым особям, и следует допустить, что в VIII—X вв. севрюга в небольшом количестве поднималась в верховья Дона. В настоящее время она здесь почти полностью исчезла (Федоров, 1961).

Сем. Щуковые. Esocidae

Щука. Esox lucius (L). Щука в коллекции наиболее многочисленна (26% всех костей определено до вида) и представлена 58 костными остатками: 1 operculum sin., 1 praeoperculum sin., 1 praeoperculum dex., 7 cleithra sin., 5 cleithra dex., 3 quadratia sin., 1 quadratum dex., 3 articulare sin., 4 articularia dex., 1 maxillare sin., 1 maxillare dex., 1 dentale sin., 2 dentalia dex., 1 parasphenoideum и 26 позвонков.

Размеры рыб установлены по 14 костям (табл. 1).

Таблица 1

Размеры щуки из городища Титчиха

Длина, *см*	35—45	45—55	55—65	65—75	75—85	85—95	95—105	Всего
Кол. экз.	1	3	3	2	3	1	1	14

Длина рыб колеблется от 37,7 до 102,3 *см*. Средняя длина (67,1 *см*) намного превосходит среднюю длину современной щуки (45 *см*) из бассейна Верхнего Дона (Богорад, 1952).

Возраст рыб был установлен по 25 позвонкам (табл. 2).

Таблица 2

Возраст щуки из городища Титчиха

Возраст, лет	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	Всего
Кол. экз.	1	3	2	4	3	5	2	3	1	—	—	—	1	25
%	4	12	8	16	12	20	8	12	4	—	—	—	4	100

Возрастной состав рыб из городища Титчиха колеблется от 5 до 17 лет; наибольший процент в уловах составляли особи 8—10 лет, в то время как сейчас в бассейне Верхнего Дона преобладают 3-, 6-годовики (Богорад, 1952).

Отмеченные изменения в возрастном и размерном составе показывают, что щука в VIII—X вв. в бассейне Верхнего Дона хотя и вылавливалась в больших количествах, все же, по сравнению с настоящим временем, была гораздо меньше затронута промыслом.

Сем. Карповые. Cyprinidae

Вырезуб. Rutilus frisii (Nordm). Этот вид представлен в основном глоточными костями (21 экз.) и 1—жаберной крышкой. Размеры рыб определены по 19 костям (табл. 3).

Таблица 3

Размеры вырезуба из городища Титчиха

Длина, *см*	40—45	45—50	50—55	55—60	60—65	65—70	70—75	Всего
Кол. экз.	1	—	2	2	4	8	2	19

Размеры рыб колебались от 44,3 до 70,2 *см*, в среднем 63 *см*. По-видимому, промышлялся ходовой вырезуб. Возраст рыб, установленный по 3 чешуям (5,5 и 6 лет), соответствует возрасту современного вырезуба, впервые идущего на нерест.

Наличие относительно большого числа остатков вырезуба в коллекции говорит о немалой роли этого вида в уловах того времени, а следовательно, и о том, что в VIII—X вв. вырезуб поднимался в верховья Дона в промысловых количествах. По возрасту и размерам вырезуб, очевидно, особенно не отличался от современного вида. В настоящее время известны лишь единичные случаи поимки вырезуба в верховьях Дона (Федоров, 1961).

Язь. Leuciscus idus (L). Встречено лишь 2 глоточных кости язя. Размеры рыб 35,8 и 42 *см*. В настоящее время в верховьях Дона язь в небольшом количестве встречается повсеместно, но имеет значительно меньшие размеры: 13—28 *см*, в среднем 20 *см* (Богорад, 1952). В VIII—X вв., как и сейчас, язь, очевидно, был малочислен в этом районе, о чем, помимо наших данных, говорит также отсутствие его костей в сборах из Боршева (Световидов, 1948).

Красноперка. Scardinius erythrophthalmus (L). Имеется всего 9 чешуй этого вида. Возраст рыб, установленный по 6 чешуйкам (6, 7 и 8 лет), не превышает максимального возраста современной красноперки из этого района (до 12 лет).

Линь. Linca tinca (L). Встречено 12 костей (2 pharyngealia sin., 2 opercula sin., 1 operculum dex., 3 cleithra sin., 1 cleithrum dex.) и 4 чешуи. Размеры рыб колеблются от 39,1 до 50,1 *см*, в среднем составляют 42,2 *см* (табл. 4).

Таблица 4

Размеры линя из городища Титчиха

Длина, *см*	36—38	38—40	40—42	42—44	44—46	46—48	48—50	50—52	Всего
Кол. экз.	1	2	2	—	2	—	—	1	8

В настоящее время средние размеры линя из верховьев Дона (до 35 *см*) несколько меньше. Поскольку линь предпочитает заросшие, слабопроточные воды, его могли промышлять в придаточных водоемах Дона (озерах или старицах).

Лещ. Abramis brama (L). Встречена 31 кость (2 opercula sin., 3 opercula dex., 2 cleithra sin., 2 cleithra dex., 3 subopercula sin., 4 subopercula dex., 5 praeopercula sin., 4 praeopercula dex., 1 dentale sin. и 5 позвонков) и 18 чешуй.

Размеры рыб установлены по 16 костям (табл. 5).

Таблица 5

Размеры леща из городища Титчиха

Длина, *см*	30—34	34—38	38—42	42—46	46—50	50—54	Всего
Кол. экз.	1	—	5	4	5	1	16

Размеры рыб колеблются от 33 до 52,8 *см*, в среднем составляют 43,6 *см*. Размеры леща из Боршева довольно близки (35—65 *см*, в среднем — 47 *см*). Сейчас в уловах преобладают рыбы от 24 до 38 *см* (по Световидову, 1948). В большинстве озер Хоперского заповедника встречаются особи от 5 до 50 *см*, в среднем составляют 18,1 *см* (Богорад, 1952). Таким образом, к настоящему времени произошло уменьшение средних размеров леща, связанное, очевидно, с усилением промысла. Последнее подтверждается также и анализом возрастного состава, проведенного по 4 позвонкам и 11 чешуям. Возрастной состав рыб колебался от 6 до 10 лет, с преобладанием 8-годовиков. В настоящее время в бассейне Верхнего

Дона в основном ловятся особи от одного года до 10 лет, с резким преобладанием 1-, 4-годовиков.

Карась. Carassius sp. Встречено всего 1 suboperculum этого рода от рыбы длиной около 25 *см*. Очевидно, в VIII—X вв. карась, как и сейчас, был редкой рыбой в верховьях Дона.

Сем. Сомовые. Siluridae

Сом. Silurus glanis (L). Обнаружена 51 кость сома (15 колючих лучей грудного плавника, 2 сложных позвонка Веберова аппарата, 4 cleithra dex., 1 hypohuale, 1 supracleithrum и 27 позвонков).

Размеры рыб установлены по 22 костям (табл. 6).

Таблица 6

Размеры сома из городища Титчиха

Длина, *см*	90—100	100—110	110—120	120—130	130—140	140—150	150—160	160—170	170—180	180—190	190—200	200—210	210—220	220—230	230—240	Всего
Кол. экз.	1	1	1	1	3	2	3	4	2	1	1	1	—	—	1	22

Длина рыб колеблется от 93,3 до 238,6 *см*, в среднем — 155,9 *см*. Основу улова составляли особи от 135 до 175 *см*. Сейчас в бассейне Верхнего Дона в промысле преобладают рыбы от 60 до 120 *см*, в среднем—83,2 *см* (Богорад, 1952).

Возраст сома установлен по 22 позвонкам (табл. 7).

Таблица 7

Возраст сома из городища Титчиха

Возраст, *лет*	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	Всего
Кол. экз.	2	3	—	3	5	2	2	—	1	2	1	1	22
%	9	13,6	—	13,6	22,6	9	9	—	4,5	9	4,5	4,5	100

Основу уловов составляли рыбы в возрасте от 9 до 17 лет; преобладали 9-, 15-летние особи. Возрастной состав промыслового сома Верхнего Дона неизвестен; однако анализ пробных уловов в Хоперском заповеднике показал наличие в стаде современного сома 2-, 10-летних особей, с преобладанием 2-, 5-леток. Уменьшение средних размеров рыб и сдвиг в

сторону преобладания в уловах особей младших возрастных групп, по-видимому, следует отнести за счет усиления промысла в настоящее время. Судя по процентному содержанию костей сома в коллекции (23% общего числа костей, определенных до вида), он в VIII—X вв. был довольно многочислен в верховьях Дона и имел серьезное промысловое значение в то время. Сейчас в этом районе он встречается в небольших количествах (Федоров, 1961).

Судак. Lucioperca lucioperca (L). Встречено 38 костей судака (8 dentalia sin., 4 dentalia dex., 2 maxillaria sin., 2 maxillaria dex., 3 articularia sin., 1 praeopercula sin., 2 quadrata sin., 1 quadrata dex., 1 hyomandibulare, 2 frontalia sin., 2 cleithra sin. и 10 позвонков).

Размеры рыб определены по 20 костям (табл. 8).

Таблица 8

Размеры судака из городища Титчиха

Длина, *см*	25—35	35—45	45—55	55—65	65—75	75—85	85—95	95—105	Всего
Кол. экз.	1	2	1	1	6	4	4	1	20

Размеры рыб колеблются от 27,8 до 98,5 *см*, в среднем составляют 71 *см*. Сейчас основу промысла в верховьях Дона составляют рыбы от 25 до 40 *см* (по Световидову, 1948). Возраст установлен по 10 позвонкам и 26 чешуям.

Возрастной состав колебался от 6 до 16 лет с преобладанием особей от 7 до 11 лет (табл. 9).

Таблица 9

Возраст судака из городища Титчиха

Возраст в годах	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	Всего
Кол. экз.	1	3	10	9	6	3	1	1	—	1	1	36
%	2,7	8,3	27,7	24,9	16,6	8,3	2,7	2,7	—	2,7	2,7	100

Сейчас основу уловов составляют 5-, 7-летки (Богорад, 1952). Указанные изменения, очевидно, в какой-то степени отражают возросшую интенсивность промысла в настоящее время.

Окунь. Perca fluviatilis (L). Встречено 4 кости окуня (1 subopercului dex., 3 praeopercula dex.). Размеры рыб (23,4; 30,3; 35,2; 39,4 *см*) довольно близки к средним размерам особей, добываемых в настоящее время. По-видимому, в VIII—X вв. окунь не имел серьезного промыслового значения в верховьях Дона.

Таким образом, в коллекции обнаружено 12 видов рыб. Все они и сейчас встречаются в верховьях Дона. В наибольшем количестве добывались щука (26%), сом (23%) и судак (17%). Значительное место занимали лещ (13,5%), вырезуб (9,3%) и линь (5,3%)[1]. Красноперка, язь, карась и окунь вылавливались, очевидно, в небольшом количестве. В настоящее время (Федоров, 1961) в верховьях Дона многочисленны щука, судак, окунь, лещ, линь и красноперка; сом и стерлядь малочисленны, а севрюга и вырезуб ловятся редко. Промысел в VIII—X вв. шел как в реке (стерлядь, севрюга, вырезуб, сом, судак и т. д.), так, очевидно, и в расположенных неподалеку старицах и озерах, на что указывает присутствие в уловах обитателей слабопроточных заросших водоемов (линь, карась, отчасти лещ).

Добыча рыбы производилась колющими и объячеивающими орудиями лова, о чем свидетельствуют находки рыболовных крючков и острог, а также присутствие в уловах большого количества щуки и сома, которых в основном, очевидно, добывали с помощью подобных орудий лова. О ловле сетями говорят находки костяных игл для плетения сетей, а также грузил.

Средние размеры некоторых видов (щука, лещ, судак, сом) превосходят средние размеры современных рыб из этого района, что, очевидно, связано с возросшей интенсивностью промысла в настоящее время. Это подтверждается и данными по возрастному составу (преобладание в уловах VIII—X вв. рыб более старших возрастных групп).

ЛИТЕРАТУРА

В. Б. Боторад. Рыбы и рыбохозяйственное использование водоемов Хоперского государственного заповедника. Канд. дисс., М., 1952.

А. Н. Световидов. К истории ихтиофауны реки Дона. МИА СССР, 1948. № 8.

А. В. Федоров. Изменение ихтиофауны верхнего течения Дона под влиянием гидростроительства. «Науч. докл. высш. школы», 2, 1961.

[1] Процентное содержание остатков каждого вида берется от общего числа костей, определенных до вида.

Результаты определения костных остатков животных из раскопок городища Титчиха

Исследованы 11535 костных остатков. Из них определены 4369 экземпляров

Вид	1954	1955	1956	1957	1958	1959	1960	1961	Всего
Крупный рогатый скот	215/10	127/6	33/3	21/2	204/7	359/9	18/3	52/3	1029/43
Мелкий рогатый скот	44/5	17/2	7/2	3/1	38/4	36/3	4/1	6/2	155/20
Свинья	164/8	96/6	18/3	18/2	227/9	166/11	38/3	39/3	766/45
Лошадь	40/2	53/2	—	10/2	50/2	132/4	5/1	14/1	304/14
Верблюд	—	—	—	—	1/1	—	—	—	1/1
Собака	4/1	9/1	—	—	6/1	6/1	—	2/1	27/5
Зубр	3/1	—	1/1	1/1	9/1	1/1	—	2/1	16/6
Лось	100/4	52/3	22/2	14/2	232/6	103/4	15/3	21/3	559/27
Благородный олень	20/1	8/1	1/1	—	11/2	20/2	4/1	7/2	71/10
Косуля	16/3	4/1	11/2	—	32/4	14/2	3/2	19/3	99/17
Сайгак	—	—	—	—	1/1	—	—	—	1/1
Кабан	40/4	46/3	13/2	6/1	93/6	61/6	8/1	17/3	284/26
Медведь	15/3	8/2	6/1	—	16/3	20/2	1/1	9/1	75/13
Волк	—	—	—	1/1	—	1/1	—	—	2/2
Лисица	—	—	—	—	11/1	17/2	—	—	28/3
Барсук	—	—	—	—	6/1	1/1	—	—	7/2
Выдра	1/1	—	—	—	—	2/1	—	2/1	5/3
Куница	—	2/1	—	1/1	—	—	—	1/1	4/3
Хорек	—	—	—	—	—	1/1	—	—	1/1
Заяц	1/1	—	—	—	—	3/1	—	—	4/2
Бобр	172/24	70/6	23/3	11/4	123/10	153/13	26/5	32/4	610/69
Сурок байбак	—	1/1	—	—	2/2	2/1	1/1	—	6/5
Белка	—	—	—	1/1	—	—	—	—	1/1
Водяная полевка	—	1/1	—	—	—	—	—	—	1/1
Еж	—	1/1	2/1	—	—	—	—	—	3/2
Слепыш	4/1	—	—	—	5/2	5/1	—	—	14/4
Хомяк	—	—	—	—	1/1	—	—	—	1/
Птицы	15	24	6	3	6	5	2	2	521
Рыбы	49	25	—	—	97	53	—	7	242

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

Вещественные источники

Коллекция вещей с городища Титчиха, Воронежский областной краеведческий музей, инвентарный № 4573—4578, 5151, 5552. Кабинет археологии ВГУ, коллекции № 3—12.

Коллекция вещей с Большого и Малого Боршевских городищ и курганного могильника в с. Борщево. Эрмитаж, ОИПК, опись хранения № 1946, 785, 786, 850. Кабинет археологии ВГУ, коллекции № 13—15.

Коллекция вещей с городища у Михайловского кордона. Эрмитаж, ОИПК, опись хранения № 850.

Коллекция вещей с Кузнецовского городища. Эрмитаж, ОИПК, опись хранения № 954. Воронежский областной краеведческий музей, коллекция № 4679, 4687.

Коллекция вещей с Белогорского городища. Кабинет археологии ВГУ, коллекция № 18.

Коллекция вещей с Воргольского городища. Кабинет археологии ВГУ, коллекция № 17.

Коллекция вещей с Архангельского (Голышевского) городища. Эрмитаж. ОИПК, опись хранения № 850. Воронежский областной краеведческий музей, коллекция № 4693. Кабинет археологии ВГУ, коллекции № 1—2.

Коллекция вещей с городища Монастырища. Эрмитаж, ОИПК, опись хранения № 1310.

Коллекция вещей с Маяцкого городища. Эрмитаж, ОИПК, опись хранения № 845. Воронежский областной краеведческий музей, коллекция № 4624.

Коллекция вещей с Новотроицкого городища. Эрмитаж, ОИПК, опись хранения № 75.

Коллекция вещей из Томниковского могильника. Эрмитаж, ОИПК, опись хранения № 759.

Коллекция вещей из Гнездовского могильника. ГИМ, коллекционная опись № 40950.

Коллекция вещей из Лядинского могильника. ГИМ, коллекционная опись № 25280.

Железницкий клад. ГИМ, коллекционная опись № 54746.

Коллекция керамики из раскопок поселения у дер. Щепилово, с. Огубского, Синдровского и Саконского городищ. Хранилище ИА, инвентарный № 84012, 84158, 82973, 254, 255.

Рукописные отчеты о полевых исследованиях

Отчет императорской археологической комиссии об обследованиях, произведенных в общественном лесу г. Воронежа секретарем статистического комитета Леонидом Вейнбергом. Архив ЛОИА, ф. 1, 1889, дело № 49.

В императорскую археологическую комиссию от Л. Вейнберга. Архив ЛОИА, ф. 1, 1890, дело № 23.

Опись предметов древности, доставленных А. А. Спицыным из раскопок 1905 года в Воронежской губернии. Архив ЛОИА, ф. 1, 1905, дело № 191.

О раскопках А. А. Спицына в Воронежской губернии. Архив ЛОИА, ф. 1, 1906, дело № 68.

О раскопках Воронежской ученой архивной комиссии. Архив ЛОИА, ф. 1, 1906, дело № 71.

Отчет В. Языкова о раскопках, произведенных в окрестностях Успенского Дивногорского монастыря Воронежской губернии. Архив ЛОИА, ф. 1, 1907, дело № 174.

Отчет об археологических разведках, произведенных летом 1927 г. заведующим историческим отделом Воронежского государственного музея Олейниковым Т. М. Архив ЛОИА, ф. 2, 1927, дело № 208.

Полевой дневник П. П. Ефименко о раскопках в с. Костенки и Борщево. Архив ЛОИА, ф. 2, 1928, дело № 218.

Отчет П. П. Ефименко о работах в воронежском округе ЦЧО летом 1929 г. Архив ЛОИА, ф. 2, 1930, дело № 113.

Отчет Н. В. Валукинского о работах 1930 г. Архив ЛОИА, ф. 2, 1930, дело № 168.

И. Смирнов. Славянское городище под Воронежем. Архив ЛОИА, ф. 2, 1933, дело № 215.

В комиссию ГАИМК по раскопкам от С. Н. Замятнина. Заключение на письмо П. П. Турбина. Архив ЛОИА, ф. 2, 1926, дело № 202.

Отчет Б. А. Рыбакова о раскопках на городище «Крутой курган» близ Гочева Курской области в 1937 г. Архив ЛОИА, ф. 2, 1937, дело № 230.

Б. А. Рыбаков. Курская область. Гочевское городище. Архив ЛОИА, ф. 2, 1937, дело № 259.

Сведения о курганах и городищах Воронежской губернии на 1873 г. Архив ЛОИА, ф. 4, дело № 193.

А. А. Спицын. Поездки в Воронежскую губернию в 1905 и 1906 гг. Архив ЛОИА, ф. 5, дело № 90.

«Губернии «В—Д». Сведения о древностях по губерниям: Вологодская, Волынская, Воронежская, Вятская, Гродненская области войска Донского. Архив ЛОИА, ф. 5, дело № 396.

И. И. Ляпушкин. Отчет за 1950 г. Архив ЛОИА, ф. 35, 1950, дело № 70.

В. П. Левенок. Археологический отчет о работах Верхне-Донского отряда в 1959 г. Архив ИА, Р—1, № 1898.

Отчет об археологических работах Верхне-Донской экспедиции в 1960 г. В. П. Левенок. Архив ИА, Р—1, № 2235.

В. П. Левенок. Отчет о полевых работах Верхне-Донской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1962 г. Архив ИА, Р—1, № 2552.

Отчет Воронежского губернского подотдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины за время от 18 февраля до 27 марта и от 30 мая по 16 июня 1918 г. Научный архив Воронежского областного краеведческого музея.

Отчет Воронежского государственного историко-культурного музея за 1923/1924 год. Научный архив Воронежского областного краеведческого музея.

Отчет Воронежского государственного музея за 1925/1926 год. Научный архив Воронежского областного краеведческого музея.

Письменные источники

«Повесть временных лет», часть первая.. Подготовка текста Д. С. Лихачева. Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1950.

«Правда Русская», т. I, II, под ред. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1940, 1947.

«Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русах. Ибн. Даста». Издал, перевел и объяснил Д. А. Хвольсон. СПб., 1869.

«Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в. по Р. Х.)». Собрал, перевел и объяснил А. Я. Гаркави. СПб., 1870.

А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956.

«Материалы для истории Воронежской и соседних губерний». «Воронежские акты», т. I, Воронеж, 1887.

«Материалы для истории Воронежской и соседних губерний». «Воронежские писцовые книги», т. II, Воронеж, 1891.

ЛИТЕРАТУРА

К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., изд. 2, т. 3.

К. Маркс. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич. Первый набросок. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 19.

Ф. Энгельс. Марка. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 19.

Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 21.

В. И. Ленин. О государстве. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. Полн. собр. соч., т. 39.

Авдусин Д. А. Гнездовская экспедиция. КСИИМК, вып. 44, 1952.

Алексеева Т. И. Антропологические материалы к этногенезу восточных славян. СА, 1964, № 3.

Алешковский М. Х. Курганы русских дружинников XI—XII вв. СА, 1960, № 1.

Алихова А. Е. Из истории мордвы конца I—начала II тыс. н. э. В кн.: А. Е. Алихова, М. Ф. Жиганов, П. Д. Степанов. Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959.

Алихова А. Е. Куликовский могильник. СА, X, 1948.

Алихова А. Е. Мордовские могильники X—XIV веков. КСИИМК, вып. 25, 1949.

Алихова А. Е. Некоторые хронологические и племенные отличия в культуре мордвы конца I и начала II тысячелетия н. э. СА, 1958, № 2.

«Альбом древностей мордовского народа». Саранск, 1941.

Аничков Е. В. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914.

Антонович В. Б. Раскопки в стране древлян. «Древности юго-западного края». МАР, № 11, СПб., 1893.

Аристов Н. Промышленность древней Руси. СПб., 1866.

Артамонов М. И. Средневековые поселения на нижнем Дону. «Известия ГАИМК», № 131, Л., 1935.

Артамонов М. И. Белая Вежа — русская колония в степях Подонья КСИИМК, вып. 41, 1951.

Артамонов М. И. Белая Вежа, СА, XVI, 1952.

Артамонов М. И. Археологические исследования в южной Подолии в 1952—1953 гг. КСИИМК, вып. 59, 1955.

Артамонов М. И. Саркел-Белая Вежа. «Труды Волго-Донской археологической экспедиции», т. I, МИА, № 62, 1958.

Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.

Арциховский А. В. К методике изучения серпов. «Труды секции археологии РАНИОН», IV, М., 1928.

Арциховский А. В. Курганы вятичей. М., 1930.

Арциховский А. В. Русское оружие X—XIII вв. «Доклады и сообщения исторического факультета МГУ», вып 4, М., 1946.

Арциховский А. В. Культурное единство славян в средние века. СЭ, 1946, № 1.

Арциховский А. В. Беседские курганы. КСИИМК, вып. 21, 1947.

Арциховский А. В. Основы археологии. М., 1954.

Багалей Д. И. История Северской земли. Киев, 1882.

Барабаш-Никифоров И. И. Звери юго-восточной части Черноземного Центра. Воронежское книжное издательство, 1957.

Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. 2-е изд., Варшава, 1885.

Безбородов М. А. Древнерусские стекла и огнеупорные изделия. КСИИМК, вып. 62, 1956.

Безбородов М. А. Стеклоделие в древней Руси. Минск, 1956.

Белецкий В. Д. Жилища Саркела-Белой Вежи. «Труды Волго-Донской археологической экспедиции», т. II, МИА, № 75, 1959.

Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф. и Якобсон А. Л. Квартал XVIII (раскопки 1941, 1947 и 1948 гг.), «Археологические памятники юго-западного Крыма». МИА, № 34, 1953.

Березовець Д. Т. Харівський скарб. А., т. VI, 1952.

Березовець Д. Т. До питання про літописних сіверян. А, т. VIII, 1953.

Березовец Д. Т. Археологические памятники летописных северян. КСИА АН УССР, вып. 2, Киев, 1953.

Березовець Д. Т. Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949—1950 рр. АП, т. V, 1955.

Бернякович К. В. Исследования древнеславянского поселения VIII—IX вв. в г. Ужгороде. КСИА АН УССР, вып. 3, 1954.

Бирюков Ю. П. Опыт металловедческого исследования фрагментов металлических изделий из раскопок Волго-Донской археологической экспедиции. «Труды Волго-Донской археологической экспедиции», т. II, МИА, № 75, 1959.

Бліфельд Д. І. Дослідження в с. Шестовицях. АП, т. III, 1952.

Бліфельд Д. І. До питання про ремесло та ремісників у Київській Русі IX—X ст., А., т. IX, 1954.

Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. «Восточно-славянский этнографический сборник», «Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», Новая серия, т. XXXI, М., 1956.

Бобринский А. А. К изучению гончарного круга на территории СССР. СА, 1961, № 2.

Бобринский А. А. Дневнерусский гончарный круг. СА, 1962, № 3.

Бобринский А. А. К изучению техники гончарного ремесла на территории Смоленской области, СЭ, 1962, № 2.

Богусевич В. А. Итоги и задачи археологического изучения древнерусских городов. «Доклады VI научной конференции Института археологии АН УССР», Киев, 1953.

Богусевич В. А. Археологічні розкопки в Києві на Подолі в 1950 р. А, IX, 1954.

19. Заказ 1582

Брайчевська А. Т. Древньоруські пам'ятки Дніпровського Надпоріжжя. АП, т. XII, 1962.
Брайчевский М. Ю. Об антах Псевдо-Маврикия. СЭ, 1953, № 2.
Бранденбург Н. Е. Курганы Южного Приладожья. МАР, № 18, СПб., 1895.
Булычев Н. И. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М., 1899.
Булычев Н. И. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899.
Быков А. А. Новая находка куфических монет. КСИИМК, вып. 8, 1940.
Валукинский Н. В. По следам древних предков. Воронеж, 1940.
Валукинский Н. В. Материалы к археологической карте территории г. Воронежа. СА, X, 1948.
Вейнберг Л. Б. Очерк замечательнейших древностей Воронежской губернии. Воронеж, 1891.
Вестберг Ф. Ф. К анализу восточных источников о Восточной Европе. ЖМНП, февраль, 1908.
Воеводский М. В. Городища Верхней Десны. КСИИМК, вып. 24, 1949.
Вилинбахов В. Б. Балтийско-Волжский путь. СА, 1963, № 3.
Вожарова Ж. Раннеславянская керамика из села Попина. КСИИМК, вып. 63, 1956.
«Воронежская губерния». Исследования А. А. Спицына. «Отчет ИАК за 1905 год». СПб., 1908.
Воронин Н. Н. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города. КСИИМК, вып. 41, 1951.
Воронин Н. Н. Древнее Гродно, МИА, № 41, 1954.
Выезжев Р. И. Новые материалы из раскопок Леплявского могильника. КСИА УССР, вып. 3, 1954.
Выезжев Р. И. Раскопки «Малого Городища» летописного Городеска, КСИА АН УССР, вып. 10, 1960.
Виезжев Р. І. Будівлі «Малого городища» X—XIII ст. в с. Городську. АП, т. XII, 1962.
Голубева Л. А. Киевский некрополь. «Материалы и исследования по археологии древнерусских городов», т. 1, МИА, № 11, 1949.
Голубовский П. В. История Северской земли до половины XIV столетия. Киев, 1881.
Голубовский П. Печенеги, торки, половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX—XIII вв. Киев, 1884.
Голубовский П. Болгары и хазары — восточные соседи Руси при Владимире Святом. «Киевская старина», 1888, № 7 (июль).
Гольмстен В. В. Лунницы Российского Исторического музея. М., 1914.
Гончаров В. К. Посад і сільські поселення коло Райковецького городища. АП, т. 1, 1949.
Гончаров В. К. Райковецкое городище. Киев, 1950.
Гончаров В. К. Розкопки древнього Городська. АП, т. III. 1952.
Гончаров В. К. Розкопки древнього Любеча. АП, т. III, 1952.
Городцов В. А. Заметка о глиняном сосуде с загадочными знаками. «Археологические известия и заметки», М., 1897, № 12.
Городцов В. А. Древнее население Рязанской области. «Известия Отд. русск. языка и словесности Академии Наук», т. XIII, кн. 4, 1909.
Городцов В. А. Результаты исследований, произведенных научными экспедициями XII археологического съезда. Донецкое городище. «Труды XII АС», т. 1, М., 1905.

Горюнова Е. И. К вопросу об «остеологической статистике». КСИИМК, вып. 35, 1950.
Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, № 94, 1961.
Готье Ю. Железный век в Восточной Европе. М.—Л., 1930.
Грацианская Н. Н. Постройки словацкого крестьянства в XIX—начале XX вв. «Славянский этнографический сборник», «Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», Новая серия, том LXII, М., 1960.
Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953.
Громова В. И. Остатки млекопитающих из раннеславянских городищ вблизи г. Воронежа. МИА, № 8, 1948.
Гуревич Ф. Д. Древнейшие бусы Старой Ладоги. СА, XIV, 1950.
Давидан О. И. Гребни Старой Ладоги. «Археологический сборник», № 4, Л., 1962.
Деопик В. Б. Классификация бус юго-восточной Европы VI—IX вв. СА, 1961, № 3.
Довженок В. И. Землеробство древньої Русі, Київ, 1961.
Довженок В. И. Розкопки біля с. Волинцевого Сумської області. АП, т. III, 1952.
Довженок В. И. Об уровне развития земледелия в Киевской Руси. «История СССР», 1960, № 5.
Дубынин А. Ф. Археологические исследования г. Суздаля (1936—1940). КСИИМК, вып. 11, 1945.
Ефименко П. П. Раннеславянские поселения на Среднем Дону. «Сообщения ГАИМК», вып. 2, 1931.
Ефименко П. П. и Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону, МИА, № 8, 1948.
Жиганов М. Ф. Новые археологические памятники в долинах рек Вад и Тёша. В кн.: А. Е. Алихова, М. Ф. Жиганов, П. Д. Степанов. «Из древней и средневековой истории мордовского народа». Саранск, 1959.
Жиганов М. Ф. Старший Кужендеевский могильник. СА, 1959, № 1.
Журжалина Н. П. Датировка древнерусских привесок-амулетов. СА, 1961, № 2.
Зверев С. Г. Материалы по археологии Дона. «Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 год». Воронеж, 1894.
Зеленин Д. К. Примитивная техника гончарства «налепом» в Восточной Европе. Сб. «Этнография», 1927, № 1 и № 2.
Изюмова С. А. Техника обработки кости в дьяковское время и в древней Руси. КСИИМК, вып. 30, 1949.
Изюмова С. А. Вятическое погребение в Тульской области. СА, 1957, № 3.
Изюмова С. А. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого. «Труды Новгородской археологической экспедиции», т. II, МИА, № 65, 1959.
Изюмова С. А. Курганный могильник VIII—X вв. около деревни Западной. СА, 1964, № 2.
«История культуры древней Руси», т. I, II, М.—Л., 1948—1951.
Каргер М. К. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950.
Каргер М. К. Раскопки в Переяславе-Хмельницком. СА XX, 1954.
Каргер М. К. Древний Киев, т I, М.—Л., 1958.
Каргер М. К. Основные итоги раскопок древнего Галича в 1955 году. КСИА, 81, 1960.

Кирьянов А. В. История земледелия Новгородской земли X—XV вв. (по археологическим материалам). «Труды Новгородской археологической экспедиции», т. II, МИА, № 65, 1959.

Ковалев С. И., Некрасов Е. К., Равдоникас В. И., Смирнов И. Н. Краткое введение в историю докапиталистических формаций. «Известия ГАИМК», вып. 99, 1934.

Колчин Б. А. Металлообрабатывающее ремесло древней Руси. КСИИМК, вып. 41, 1951.

Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА, № 32, 1953.

Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология). «Труды Новгородской археологической экспедиции», т. II, МИА, № 65, 1959.

Кондаков Н. П. Русские клады. Исследования древностей великокняжеского периода. Т. 1, СПб., 1896.

Корзухина Г. Ф. Русские клады. М.—Л., 1954.

Корзухина Г. Ф. К истории Среднего Приднепровья в середине I тысячелетия н. э. СА, XXII, 1955.

Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963.

Кропоткин В. В. О производстве стекла и стеклянных изделий в средневековых городах Северного Причерноморья и на Руси. КСИИМК, вып. 68, 1957.

Кропоткин В. В. Византийские монеты из Таматархи-Тмутаракани. «Керамика и стекло древней Тмутаракани». М., 1963.

Кухаренко Ю. В. Раскопки на городище и селище Хотомель. КСИИМК, вып. 68, 1957.

Кухаренко Ю. В. Средневековые памятники Полесья. Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е 1—57. М., 1961.

Кучера М. П. Древній Пліснеськ. АП, т. XII, 1962.

Лебедева Н. И. Этнографическая характеристика отдельных групп русского населения Орловской, Курской и Липецкой областей. «Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР», М., 1960.

Лебедева Н. И., Парникова А. С. Материальная культура сельского населения южновеликорусских областей (XIX—начало XX в.). «Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР», М., 1960.

Левашева В. П. Сельское хозяйство. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.». «Труды ГИМ», вып. 32, М., 1956.

Левашева В. П. Изделия из дерева, луба и бересты. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.», «Труды ГИМ», вып. 33, М., 1959.

Левашева В. П. Обработка кожи, меха и других видов животного сырья. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.». «Труды ГИМ». вып. 33, М., 1959.

Левенок В. П. Пряслица городища Саркел-Белая Вежа. «Труды Волго-Донской археологической экспедиции», т. II, МИА, № 75, 1959.

Левенок В. П. Юхновская культура (ее происхождение и развитие). СА, 1963, № 3.

Левинсон-Нечаева М. Н. Ткачество. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.», «Труды ГИМ», вып. 33, М., 1959.

Любомиров П. Г. Торговые связи древней Руси с Востоком в VIII—XI вв. «Ученые записки Саратовского университета», т. I, вып. 3, Саратов, 1923.

Ляпушкин И. И. Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам. МИА № 6, 1941.

Ляпушкин И. И. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X вв. КСИИМК, вып. 12, 1946.

Ляпушкин И. И. О датировке городищ Роменско-боршевской культуры. СА, IX, 1947.

Ляпушкин И. И. Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы, КСИИМК, вып. 17, 1947.

Ляпушкин И. И. Поселения эпохи железа в бассейне реки Ворсклы. КСИИМК, вып. 21, 1947.

Ляпушкин И. И. Археологические памятники в бассейне р. Ворсклы (из полевых изысканий 1945 г.). КСИИМК, вып. 19, 1948.

Ляпушкин І. Старослов'янське поселення VIII—XIII ст.ст. на території м. Полтави. АП, т. I, 1949.

Ляпушкин И. И. Из истории Левобережной Украины в эпоху железа. СА., XI, 1949.

Ляпушкин И. И. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XIII. 1950.

Ляпушкин И. И. Поселения зольничной культуры («скифов-пахарей») в северной полосе Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XII, 1950.

Ляпушкин И. И. Итоги полевых изысканий 1945 г. в бассейне р. Ворсклы и некоторые выводы из них. СА, XV, 1951.

Ляпушкин И. И. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья. СА. XVI, 1952.

Ляпушкин И. И. Место роменско-боршевских памятников среди славянских древностей. «Вестник Ленинградского государственного университета». 1956, № 20.

Ляпушкин И. И. О жилищах восточных славян Днепровского левобережья VIII—X вв. КСИИМК, вып. 68, 1957.

Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. «Труды Волго-Донской археологической экспедиции», т. I, МИА, № 62, 1958.

Ляпушкин И. И. Славянское поселение на территории хут. Ближняя Мельница. «Труды Волго-Донской археологической экспедиции», т. I, МИА, № 62, 1958.

Ляпушкин И. И. Карнауховское поселение. «Труды Волго-Донской археологической экспедиции», т. I, МИА, № 62, 1958.

Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое. «Труды Волго-Донской археологической экспедиции», МИА, № 74, 1958.

Ляпушкин И. И. К вопросу о памятниках волынцевского типа. СА, XXIX—XXX, 1959.

Ляпушкин И. И. Славянские памятники второй половины I тысячелетия н. э. верхнего течения р. Десны. КСИИМК, вып. 74, 1959.

Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. МИА, № 104, 1961.

Ляпушкин И. И. К вопросу о культурном единстве славян. «Исследования по археологии СССР». Сб. в честь М. И. Артамонова, Л., 1961.

Львова З. А. Стеклянные браслеты и бусы из Саркела-Белой Вежи. «Труды Волго-Донской археологической экспедиции», т. II, МИА, № 75, 1959.

Львова З. А. К вопросу о происхождении стеклянных бус в некоторых районах Восточной Европы в VIII—X веках. «Исследования по археологии СССР». Сб. в честь М. И. Артамонова. Л., 1961.

Мавродин В. В. Образование древнерусского государства, Л., 1945.

Макаренко Н. Е. Археологические исследования 1907—1909 годов. «Известия ИАК», вып. 43, СПб., 1911.
Макаренко Н. Е. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г. ИАК, вып. 22, 1907.
Макаренко М. Городище «Монастырище». «Науков. збірн. Істор. секції УАН», XIX, Київ, 1924.
Макаренко М. Орнаментація керамічних виробів в культурі городищ роменського типу. „Niederluv Sbornik". Praha, 1925.
Мальм В. А. Промыслы древнерусской деревни. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.», «Труды ГИМ», вып. 32. М., 1956.
Мальм В. А. Производство глиняных изделий. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. «Труды ГИМ», вып. 33, М., 1959.
Мальм В. А. Курганный могильник близ Грехова ручья (XI—XIII вв.). Археологический сборник. «Труды ГИМ», вып. 37, М., 1960.
Мальм В. А. Культовая и бытовая посуда из ярославских могильников. Сб. «Ярославское Поволжье в X—XI вв.», М., 1963.
Мансуров А. А. Древнерусские жилища (по материалам археологических раскопок в Старой Рязани). ИЗ, 12, 1941.
Марков А. К. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910.
Марков Е. Л., Червленный Яр. «Русский вестник», 1891, август.
Марков Е. Л. Хазарские городища на реке Воронеж. «Русский вестник», 1891, ноябрь.
Мартинович А. И. Раскопки курганов вблизи Хазарского городища в 1906 г. «Труды ВУАК», вып. IV, Воронеж, 1908.
Маслова Г. С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX—начале XX вв. «Восточнославянский этнографический сборник», «Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», Новая серия, т. XXXI, М., 1956.
«Материалы по археологии Кавказа», вып. I, М., 1888.
«Материалы по истории мордвы VIII—XI вв.». «Дневник археологических раскопок П. П. Иванова». Моршанск, 1952.
Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого. «Труды Новгородской археологической экспедиции», т. II, МИА, № 65, 1959.
Медведев А. Ф. К истории кольчуги в древней Руси. КСИИМК, вып. 49, 1953.
Мерперт Н. Я. О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, вып. 36, 1951.
Милютин А. И. Следы древнего поселения близ с. Подклетного Воронежского уезда. «Труды ВУАК», вып. 2, 1904.
Монгайт А. Л. Древнерусские деревянные укрепления по раскопкам в Старой Рязани. КСИИМК, вып. 17, 1947.
Монгайт А. Л. Древнерусские жилища XI—XIII вв., СЭ, 1948, № 4.
Монгайт А. Л. Археологические исследования Старой Рязани. КСИИМК, вып. 41, 1951.
Монгайт А. Л. Из истории населения бассейна среднего течения Оки в I тысячелетии н. э. СА, XVIII, 1953.
Монгайт А. Л. Старая Рязань. МИА, № 49, 1955.
Монгайт А. Л. Абу Хамид ал Гарнати и его путешествие в русские земли в 1150—1153 гг. «История СССР», 1959, № 1.
Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961.
Москаленко А. Н. Раскопки городища у хутора Титчиха Воронежской области в 1954 г. (Предварительное сообщение). «Труды ВГУ», т. 42, вып. 3, Воронеж, 1955.

Москаленко А. Н. Раскопки на Архангельском городище в 1952—1953 гг. КСИИМК, вып. 62, 1956.
Москаленко А. Н. Изучение славянских археологических памятников в бассейне Верхнего и Среднего Дона. «Славянский сборник», I, выпуск исторический. Воронеж, 1958.
Москаленко А. Н. Новые материалы о хозяйстве и домостроительстве боршевцев. «Вопросы истории славян», вып. I, Воронеж, 1963.
Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.
Недошивина Н. Г. Предметы бытового назначения. Сб.: «Ярославское Поволжье в X—XI вв.». М., 1963.
Недошивина Н. Г. К вопросу о связях радимичей и вятичей. Археологический сборник. «Труды ГИМ», вып. 37, М., 1960.
Нидрле Л. Славянские древности. М., 1956.
Никольская Т. Н. Огубское городище. КСИИМК, вып. 38, 1951.
Никольская Т. Н. Городище у деревни Свинухово. КСИИМК, вып. 49, 1953.
Никольская Т. Н. Археологические исследования в Орловской области. КСИИМК, вып. 53, 1954.
Никольская Т. Н. Древнерусское селище Лебедка. СА, 1957, № 3.
Никольская Т. Н. Шуклинское городище. КСИИМК, вып. 72, 1958.
Никольская Т. Н. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА, № 72, 1959.
Никольская Т. Н. Городище у дер. Николо-Ленивец. СА, 1962, № 1.
Никольский Н. В. Монашество на Дону. «Воронежская старина», вып. 6, Воронеж, 1907.
«Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.», «Труды ГИМ», вып. 33, М., 1959.
«Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.», «Труды ГИМ», вып. 32, М., 1956.
Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. «Труды Волго-Донской археологической экспедиции», т. I, МИА, № 62, 1958.
Плетнева С. А. Керамика Саркела-Белой Вежи. «Труды Волго-Донской археологической экспедиции», т. II, МИА, № 75, 1959.
Плетнева С. А. Средневековые поселения верховьев Северского Донца. КСИИМК, вып. 79, 1960.
Плетнева С. А. О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII—IX вв. СА, 1962, № 1.
Покровский А. М. Верхне-Салтовский могильник. «Труды XII АС», т. 1, М., 1905.
Пряхин А. Д. Археологические памятники Боршевской культуры на реке Воргол. «Вопросы истории славян», вып. 1, Воронеж, 1963.
Рабинович М. Г. Крепость и город Тушков. СА, XXIX—XXX, 1959.
Равдоникас В. И. Старая Ладога. СА, XI, XII, 1949, 1950.
Раппопорт П. А. Конструкции древнерусских оборонительных сооружений X—XIII вв. КСИА УССР, вып. 4, 1955.
Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. МИА, № 52, 1956.
Раппопорт П. А. Основные этапы развития древнерусского военного зодчества. СА, 1960, № 2.
Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X—XV вв. МИА, № 105, 1961.
Ратич А. А. Итоги археологических исследований древнерусских

памятников IX—XIII вв. на территории Галицкой и Волынской земель. КС ИА УССР, вып. 2, Киев, 1953.
Ратич О. Древньоруські археологічні пам'ятки на території західних областей УРСР. Київ, 1957.
Ратич О. О Древньоруські вироби з кості і рогу, знайдені на території Галицької і Волинської земель. «Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині», вип. 2, Київ, 1959.
Ратич О. О. Результати досліджень древньоруського городища Замчиська в м. Судова Вишня, Львівської області в 1957—1959 рр. «Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині», вип. 4, Київ, 1962.
Розенфельдт Р. Л. О конструкции и назначении некоторых железных изделий. СА, 1960, № 2.
Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953.
Руденко С. И. Башкиры. М.—Л., 1955.
Русанова И. П. Территория древлян по археологическим данным. СА, 1960, № 1.
Рыбакоў Б. А. Радзімічы. Працы сэкцыі археолёгіі, т. III, Менск, 1932.
Рыбаков Б. А. Анты и Киевская Русь. ВДИ, 1939, № 1 (6).
Рыбаков Б. А. Жернова Вщижского городища. КСИИМК, вып. 11, 1945.
Рыбаков Б. А. Поляне и северяне. СЭ, VI—VII, 1947.
Рыбаков Б. А. Торговля и торговые пути. «История культуры древней Руси», т. 1, М.—Л., 1948.
Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948.
Рыбаков Б. А. Древности Чернигова. «Материалы и исследования по археологии древнерусских городов», т. 1., МИА, № 11, 1949.
Рыбаков Б. А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси. СА, XVIII, 1953.
Рыбаков Б. А. Древние русы. СА, XVII, 1953.
Рыбаков Б. А. Календарь IV в. из земли полян. СА, 1962, № 4.
Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. Издательство АН СССР, 1963.
Рыбаков Б. А. Первые века русской истории. М., 1964.
Рыков П. С. Юго-восточные границы радимичей. «Ученые записки Саратовского университета», т. 1., вып. 3, Саратов, 1923.
Рыков П. С. Очерк по истории мордвы. М., 1933.
Рындина Н. В. Производство Новгородских ювелиров. «Новые методы в археологии». МИА № 117, 1963.
Сабанеев Л. П. Жизнь и ловля пресноводных рыб. Киев, 1959.
Савёлов Л. М. Расположение курганов и городищ в Коротоякском уезде. «Труды ВУАК», вып. 1, 1902.
Савёлов Л. М. Коротоякский уезд Воронежской губернии в археологическом отношении. «Труды XII АС», т. 1, М., 1905.
Саханев В. В. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 годах. ИАК, вып. 56, СПб., 1914.
«Сведения 1873 г. о городищах и курганах». «Записки русского археологического общества», т. VIII, вып. 1 и 2. Новая серия. СПб., 1896.
Световидов А. Н. К истории ихтиофауны р. Дона. МИА, № 8, 1948.
Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.). МИА, № 92, 1960.
Седов В. В. Кривичи. СА, 1960, № 1.
Седов В. В. О юго-западной группе восточнославянских племен. «Историко-археологический сборник». М., 1962.

Седов В. В. Дреговичи. СА, 1963, № 3.
Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). «Труды Новгородской археологической экспедиции», т. II, МИА, № 65, 1959.
Семенов-Зусер С. Розкопки коло с. Верхнього Салтова 1946 р. АП, т. 1, Київ, 1949.
Семенов-Зусер С. А. Дослідження Салтівського могильника АП, т. III, 1952.
Сизов В. И. О происхождении и характере курганных височных колец преимущественно так называемого московского типа. Археологические известия и заметки, МАО, № 6, 1895.
Сизов В. И. Курганы Смоленской губернии. МАР, № 28, СПб., 1902.
Скалон В. Н. Речные бобры Северной Азии. М., 1951.
Смирнов А. П. Очерки по истории волжских булгар. «Сборник статей по археологии СССР». «Труды ГИМ», вып. XI, М., 1940.
Смирнов А. П. Волжские булгары. «Труды ГИМ», вып. XIX, М., 1951.
Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952.
Смирнов А. П. Некоторые спорные вопросы истории волжских болгар. «Историко-археологический сборник», М., 1962.
Смирнова Г. И. Раннеславянское поселение в с. Незвиско Станиславской области. Исследования по археологии СССР. Сб. в честь М. И. Артамонова. Л., 1961.
Смирнова Г. П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода. «Труды Новгородской археологической экспедиции», т. 1, МИА, № 55, 1956.
Соловьева Г. Ф. и Кропоткин В. В. К вопросу о производстве, распространении и датировке стеклянных браслетов древней Руси. КСИИМК, вып. 49, 1953.
Соловьева Г. Ф. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв. н. э. (вятичи, радимичи, северяне). СА, XXV, 1956.
Сорокин С. С. Железные изделия Саркела-Белой Вежи. «Труды Волго-Донской археологической экспедиции», т. II, МИА, № 75, 1959.
Спасский И. Г. Из истории древнерусского товароведения. КСИИМК, вып. 62, 1956.
Спасский И. Г. Русская монетная система. Л., 1962.
[Спицын А. А.] Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. «Записки русского археологического общества», том VIII, вып. 1 и 2, СПб., 1896.
Спицын А. А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным, ЖМНП, 1899, август.
Спицын А. А. Новые сведения о городищах Дьякова типа. «Записки отделения русской и славянской археологии», т. VII, вып. 1, СПб., 1905.
Спицын А. А. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, СПб., 1905.
Спицын А. А. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. ИАК, вып. 15, СПб., 1905.
Спицын А. А. Историко-археологические разыскания. Исконные обитатели Дона и Донца. ЖМНП, 1909, январь.
Спицын А. А. Торговые пути Киевской Руси. «Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели», СПб., 1911.
Спицын А. А. Археология в темах начальной русской истории. «Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову», Петроград, 1922.

Спицын А. А. Основные русские племена (по данным археологии). «Культура и быт населения Центрально-промышленной области». М., 1929.

Станкевич Я. В. Керамика нижнего горизонта Старой Ладоги. СА, XIV, 1950.

Станкевич Я. В. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги. СА, XV, 1951.

Станкевич Я. В. Памятники славянской культуры середины I тысячелетия н. э. в верхнем течении Западной Двины. КСИИМК, вып. 72, 1958.

Станкевич Я. В. Предварительные итоги исследований 1956 года в Великолукской области. КСИИМК, вып. 77, 1959.

Станкевич Я. В. К истории населения Верхнего Подвинья. «Древности северо-западных областей РСФСР в первом тысячелетии н. э.». МИА, № 76, 1960.

Станкевич Я. В. Западнодвинский отряд Верхнеднепровской экспедиции. КСИИМК, вып. 79, 1960.

Старчук І. Розкопки на городищі Пліснєсько. АП, т. 1, Київ, 1949.

Старчук І. Д. Розкопки городища Пліснєська в 1947—1948 рр. АП, т. III, 1952.

Степанов П. Д. Взаимоотношения мордвы и восточнославянских племен по данным археологии. «Записки Научно-исследовательского института при Совете Министров Мордовской АССР», вып. 13, Саранск, 1951.

Сымонович Э. А. Городище Колчин 1 на Гомельщине. «Славяне накануне образования Киевской Руси». МИА № 108, 1963.

Сымонович Э. А. Поселения эпохи Киевской Руси в с. Чаплин в Южной Белоруссии. СА, 1961, № 2.

Талицкий М. В. Верхнее Прикамье в X—XIV вв. «Материалы исследования по археологии Урала и Приуралья», т. III, МИА, № 22, 1951.

Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956.

Тизенгаузен В. Г. Монеты Восточного Халифата. СПб., 1873.

Третьяков П. Н. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. СА, IV, 1937.

Третьяков П. Н. Северные восточно-славянские племена. МИА, № 6, 1941.

Третьяков П. Н. Восточно-славянские племена в свете археологических исследований последних лет. КСИИМК, вып. 13, 1946.

Третьяков П. Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскла, Археологія, 1, Київ, 1947.

Третьяков П. Н. Сельское хозяйство и промыслы. «История культуры древней Руси», т. 1, М.—Л., 1948.

Третьяков П. Н. Восточнославянские черты в быту населения придунайской Болгарии. СЭ, 1948, № 2.

Третьяков П. Н. Археологические памятники древнерусских племен. Ученые записки ЛГУ, № 85, серия исторических наук, вып. 13, 1949.

Третьяков П. Н. У истоков древней Руси. «По следам древних культур. Древняя Русь», М., 1953.

Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953.

Третьяков П. Н. К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э. СА, 1957, № 2.

Третьяков П. Н. Итоги археологического изучения восточнославянских племен. М., 1958.

Третьяков П. Н. Средневековые замчища Смоленщины. Историко-археологический сборник. М., 1962.

Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963.

Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне в области верхнего течения Днепра и Волги. «История, фольклор, искусство славянских народов. «Доклады советской делегации V международному съезду славистов» (София, сентябрь, 1963), М., 1963.

Трофимова Т. А. Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии. СЭ, 1946, № 1.

Турчанинов Г. Ф. О языке надписей на камнях Маяцкого городища и флягах Новочеркасского музея. СА, 1964, 1.

Успенская А. В. Металлургическое производство по материалам древнерусских селищ. «Очерки по истории русской деревни», «Труды ГИМ», вып. 33, М., 1959.

Федоров Г. Б. Городище Екимауцы. КСИИМК, вып. 50, 1953.

Федоров Г. Б. Итоги трехлетних работ в Молдавии в области славяно-русской археологии, КСИИМК, вып. 56, 1954.

Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. МИА, № 89, 1960.

Федоров Г. Б. Работы Прутско-Днестровской экспедиции в 1959 году. КСИА, вып. 86, 1961.

Фехнер М. В. Торговля русского государства со странами Востока в XVI в. М., 1952.

Фехнер М. В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.», «Труды ГИМ», вып. 33, М., 1959.

Фехнер М. В. Раскопки селища близ Грехова ручья. Археологический сборник. «Труды ГИМ», вып. 37, М., 1960.

Фехнер М. В. Внешнеэкономические связи по материалам ярославских могильников. Сб. «Ярославское Поволжье в X—XI вв.». М., 1963.

Фехнер М. В. Предметы языческого культа. Сб.: «Ярославское Поволжье в X—XI вв.», М., 1963.

Цалкин В. И. Материалы для истории скотоводства и охоты в древней Руси. МИА, № 51, 1956.

Шахматов А. А. Южные поселения вятичей. «Известия АН», СПб., 1907, VI серия, № 16.

Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. «Энциклопедия славянской филологии», вып. II, Пгр., 1915.

Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пгр., 1919.

Шовкопляс А. М. Некоторые данные о костерезном ремесле в древнем Киеве. КСИА АН УССР, вып. 3, 1954.

Шоков А. Ф. Древние жернова с берегов Дона. «Известия Воронежского государственного пединститута», т. XIX, Воронеж, 1955.

Шрамко Б. А. Кераміка салтівської культури. «Труди історичного факультету Харківського університету», том. 7, Харків, 1959.

Шрамко Б. А., Цепкин Е. А. Рыболовство у жителей Донецкого городища в VIII—XIII вв. СА, 1963, 2.

Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962.

Щапова Ю. Л. О применении качественного спектрального анализа стекла при изучении истории стеклоделия древней Руси. СА, 1960, 1.

Щапова Ю. Л. Стеклянные бусы древнего Новгорода. «Труды Новгородской археологической экспедиции», т. 1, МИА, № 55, 1956.

Щербак А. М. Знаки на керамике и кирпичах из Саркела-Белой Вежи (к вопросу о языке и письменности печенегов). «Труды Волго-Донской археологической экспедиции», т. II, МИА, № 75, 1959.

Эдинг Д. Сарское городище. Ростов Ярославский, 1928.
Юра Р. О. До питання про соціальну належність мешканців древнього Колодяжина. А, XII, 1961.
Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. МИА, № 63, 1959.
Якобсон А. Л. Средневековые амфоры северного Причерноморья. СА, XV, 1951.
Яснецкий Н. Деревенское строительство в Печорском крае. Псковская область. «Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР», «Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая». Новая серия, том LVII, М., 1960.
Ястребов В. Н. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии. МАР, № 10, СПб., 1893.
Якубовский А. Ю. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв. «Изв. АН СССР», серия истории и философии, т. III, № 5, М., 1946.
Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Издательство Московского университета, 1956.
Антонова В. Аулът на Омуртаг при с. Цар Крум (проучвания 1930—1961 гг.). «Археология». София, 1963, кн. 2.
Георгиева-Стойкова С. Огнището в българския бит. София, 1956.
Станчев С., Иванов С. Некрополът до Нови пазар. София, 1958.
Тотев Т. За обработка на кост в средновековна България. «Археология». София, 1963, кн. 3.
Butler W. Gruben und Grubenwohnungen in Südosteuropa. Bonner Jahrbücher 139, 1934.
Černohorský K. Žernovy v hospodářsko—společenském vývoji časného středověku. Památky archeologické, 1957, č, 2.
Dostál B. Slovanský mohylník u Žlutavy. „Sborník prací filosofické fakulty brněnskě university" E2 (1957).
Dostál B. Velkomoravské znojemsko ve světle archeologických nálezů. „Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university", E6 (1961).
Eisner J. Devínska Nová Ves. Bratislava, 1952.
Hachulska-Ledwos R. Wczesnośredniowieczny skarb żelazny z mogiły pow. Kraków. Wiadomości archeologiczne t. XXVI, z. 3—4. Warszawa, 1959—1960.
Hołubowicz W. Opole w wiekach X—XII. Katowice, 1956.
Hrubý V. Slovanské kostěné předměty a jejich výroba na Moravě. „Památky archeologické", 1957, čl.
Hrubý V. Staré Město, Praha, 1955.
Kalousek F. Velkomoravské hradiště Pohansko u Břeclavě. „Archeologické rozhledy", 1960, s. 4.
Kamińska J. Grody wczesnośredniowieczne ziem Polski środnowej na tle osadnictwa. „Acta archaeologica universitatis Lodziensis", 2 Łódź, 1953.
Kavan J. Liberec, Severočeské museum. Některé zvlášnosti v konstrukci valů slovanských hradišt v IX a X století. „Archeologické rozhledy", 1960, s. 2.
Kavan J. O zpracování a výzdobě kosti u západních Slovanů v době hradištní. „Vznik a počátky Slovanů", II, Praha, 1958.
Korošec J. Uvod v materialno kulturo slovanov zgodnjega srednjega veka. Ljubljana, 1952.
Kraskovská L. Slovanské hradisko pri Devínskej Novej Vsi. „Slovenská archeológia", X—1, 1962.
Kudrnáč J. Skladování obilí v jamách—obilnicích. „Vznik a počátky Slovanů", II, Praha, 1958.
Moszyński K. Kultura ludova Słowan. Kraków, 1929.
Pleiner R. Základy slovanského železářského hutnictví v českých zemích, Praha, 1958.
Poulík J. Staroslovanská Morava. Praha, 1948.
Poulík J. Výsledky výzkumu na velkomoravském hradišti „Valy" u Mikulčic. „Památky archeologické", 1957 č. 2.
Poulík J. Jižní Morava země dávných slovanů. Studijní a plánovací ústav v Brně. 1948—1950.
Rauhut L. Rauhutowa J., Potemski C. Sprawozdanie z badań wykopaliskowych w Fordonie pow. Bydgoszcz na grodzisku „Wyszogród" w roku 1958. „Wiadomości archeologiczne", t. XXVI, z. 3—4, Warszawa, 1959—1960.
Skružný L. Příspěvek k třídění a chronologii slovanských otopných zařízení na území ČSSR. 1963. 2 „Památky archeologické". 1963, č. 2.
Staňa Č. Slovenské obytné objekty na hradišti Staré Zámky u Lišně. „Památky archeologické." 1960, č. 1.
Zurowski K. Uwagi na temat obrobki rogu w okresi ewczesnaredniwiecznym, „Przeglad archeologiczny", IX, 2, Poznan, 1953

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ[1]

Абу Хамид ал-Гарнати — арабский путешественник, 70, 77.
Абуль Хусейн — чиновник халифата, 270.
Авдусин Д. А. — сов. арх., 72.
Алихова А. Е. — сов. арх., 28, 94, 126, 140, 144, 160.
Ал-Муктадир — халиф, 270, 272.
Ал Му'тадыд — халиф, 270. 272, 273.
Ал Му'тадид — халиф, 270.
Антонова В. — болг. арх., 161.
Анучин Н. М. — участник экспедиции, 7.
Артамонов М. И. — сов. арх., 5, 126, 144, 155, 162, 171.
Арциховский А. В. — сов. арх., 5, 14, 32, 41, 145, 153.
Ахмад ибн Исмаил — эмир, 270, 272.
Ахмад — чиновник Халифата, 270.
Ахмад ибн Сахль — чиновник Халифата, 272.
Багалей Д. И. — русск. историк, 153.
Барабаш-Никифоров И. И. — сов. зоолог, 169.
Барсов Н. П. — русск. историк, 153.
Белецкий В. Д. — сов. арх., 49, 55, 56.
Белов Г. Д. — сов. арх., 123, 125.
Березовец Д. Т. — сов. арх., 55, 154, 156—158.
Бернякович К. В. — сов. арх., 45.
Бломквист Е. Э. — сов. этнограф, 42, 56.
Бобринский А. А.—сов. арх., 98.
Богорад В. Б. — сов. остеолог, 279—284.
Богусевич В. А. — сов. арх., 88.
Бокачев Н. Г. — сов. картограф, 216.
Бранденбург Н. Е. — русск. арх., 171.
Булычев Н. И. — русск. арх., 96.
Buttler W. — нем. арх., 60.
Быков А. А. — сов. нумизмат, 117.
Валукинский Н. В. — краевед, 12, 13.
Велес — слав. божество, 166.
Вейнберг Л. Б. — краевед, 8, 9, 16, 152.
Винников А. — участник экспедиции, 7.
Владимир — князь киевский, 138, 166.
Вознесенская Г. А. — сов. арх., 6, 89, 251.
Воронин Н. Н. — сов. арх., 66.
Второв Н. — краевед, 117.
Выезжев Р. И. — сов. арх., 49, 51, 55, 59.
Георгиева-Стойкова С. — болг. историк, 42, 53.
Голубева Л. А. — сов. арх., 71.
Голубовский П. В. — русск. историк, 152, 153.
Гольмстен В. В. — сов. арх., 122.
Городцов В. А. — сов. арх., 161.
Горюнова Е. И., — сов. арх., 85, 86, 94, 123, 145, 172.
Готье Ю. В. — сов. историк, 153.
Грацианская Н. Н. — сов. этнограф, 56.
Громова В. И. — сов. остеолог, 68, 69, 73.
Грубый В. — чехослов. арх., 80, 86, 87, 122, 145.
Гуревич Ф. Д. — сов. арх., 94.
Гуссаковский Л. П.—сов. арх., 7, 38, 53.
Давидан О. И. — сов. арх., 80.
Даждь-бог — слав. божество, 166.
Довженок В. И. — сов. арх., 56, 64, 66, 67, 155, 157.
Ефименко П. П. — сов. арх., 12—14, 18, 25—27, 35, 38, 41, 43—46, 48, 50, 53, 54, 56, 57, 63, 69, 70, 87, 88, 94, 102, 107, 110, 112, 114, 117, 122, 128, 137, 149, 153, 166, 167, 169—172.
Жиганов М. Ф. — сов. арх., 94, 98, 140.
Журжалина Н. П. — сов. арх., 122, 159.
Замятнин С. Н.— сов. арх., 11.
Зверев С. Е. — краевед, 9.
Зеленин Д. К. — сов. этнограф, 99.
Ибн-да Русте — арабский писатель, 50.
Ибн-Фадлан — арабский путешественник, 65.
Иванкова Л. — участник экспедиции, 7.
Иванов С. — болг. арх., 126, 144.
Изюмова С. А. — сов. арх., 80—82, 87, 158.
Иосиф — хазарский каган, 154.
Исмаил ибн Ахмад — эмир, 270, 272.
Каван И. — чехослов. арх., 80, 81, 85.
Kalousek F. — чехослов. арх., 72.
Каргер М. К. — сов. арх., 46, 49, 55, 137, 167, 170.
Князева М. — участник экспедиции, 7.
Ковалевский А. П. — сов. историк, 65.
Ковалев С. И. — сов. историк, 13.
Колчин Б. А. — сов. арх., 88, 96, 116, 145, 146.
Корзухина Г. Ф. — сов. арх., 145.
Korošec J. — югослав. арх., 155.
Кропоткин В. В. — сов. нумизмат, 117.
Кудрнач Я. — чехослов. арх., 59, 66.
Кухаренко Ю. В. — сов. арх., 72, 122, 145.
Кучера М. П. — сов. арх., 45, 55, 96, 171.
Лавров Н. Ф. — сов. историк, 166.
Левашева В. П. — сов. арх., 7, 64, 80.
Левенок В. П. — сов. арх., 17, 159.
Левинсон-Нечаева М. Н. — сов. этнограф, 78.
Леонов Д. Д. — краевед, 11, 12, 21.
Логунов С. Н. — участник экспедиции, 7.
Львова З. А. — сов. арх., 126, 127, 144.
Ляпушкин И. И. — сов. арх., 5, 14, 15, 21, 25, 35, 37, 38, 41, 42, 44, 48, 51—55, 60, 63, 65, 66, 69, 72, 74, 77, 87, 103, 119, 122, 126, 129, 143, 144, 147, 154—157, 175.
Мавродин В. В. — сов. историк, 14, 41, 87.
Макаренко Н. Е. — русск. арх., 11, 103, 156.
Мальм В. А. — сов. арх., 72, 74, 77, 99, 147.
Марков Е. Л. — краевед, 9, 152.
Мартинович А. И. — краевед, 9, 152.
Маслова Г. С. — сов. этнограф, 172.
Медведев А. Ф. — сов. арх., 71, 72, 140, 141.
Милютин А. И. — краевед, 9.
Мирошников В. — участник экспедиции, 7.
Михеев В. К. — сов. арх., 146.
Монгайт А. Л. — сов. арх., 14, 25, 42, 43, 51, 54, 70, 77, 88, 131, 151, 153, 161, 166.

[1] Указатели составлены А. Д. Пряхиным.

Мочалина З. — участник экспедиции, 7.
Наср ибн Ахмад — эмир, 270, 272.
Недошивина Н. Г. — сов. арх., 145.
Некрасов Е. К. — сов. историк, 13.
Немченко П. — участник экспедиции, 7.
Несова А. — участник экспедиции, 7.
Никольская Т. Н. — сов. арх., 74, 76, 88, 103, 145, 154, 157, 158.
Никольский Н. В. — краевед, 150.
Никольский Н. М. — сов. историк, 166.
Олейников Т. М. — краевед, 12.
Орлов С. Н. — сов. арх., 141.
Перун — слав. божество, 166.
Плахотников Н. — участник экспедиции, 7.
Плетнева С. А. — сов. арх., 25, 51, 103, 107, 123, 161.
Pleiner R.— чехосл. арх., 88, 123.
Покровский А. М. — русск. арх., 126.
Попов Д. — участник экспедиции, 7.
Potemski C. — польск. арх., 72.
Поулик Й. — чехосл. арх., 78, 123, 145.
Преображенская В. Н. — сов. геолог, 7.
Пропп В. Я. — сов. лингвист, 73.
Путилов Б. Н. — сов. фолклорист, 73.
Рабинович М. Г. — сов. арх., 71.
Равдоникас В. И. — сов. арх., 13, 38, 61.
Раппопорт П. А., — сов. арх., 7, 129, 133, 137, 138, 149, 155.
Раскатов П. Б. — сов. ботаник, 6, 265.
Ратич А. А. — сов. арх., 80, 85, 137, 171.
Rauhut L. — польск. арх., 72.
Rauhotova J.— польск. арх., 72.
Репин А. Н. — сов. арх., 6.
Розенфельдт Р. Л. — сов. арх., 74.
Рубцов Д. В. — сов. остеолог, 278.
Руденко С. И. — сов. арх., 56, 72.
Рыбаков Б. А. — сов. арх., 14, 66, 80, 94, 98, 119, 127, 138, 145—147, 153, 154, 158, 167, 171.
Рыков П. С. — сов. арх., 159.
Рындина Н. В. — сов. арх., 6, 88, 95, 96, 263.
Сабанеев Л. П. — русск. остеолог, 74.
Савелов Л. М. — краевед, 10.
Саханев В. В. — русск. арх., 126, 144.
Световидов А. Н. — сов. остеолог, 278, 280, 281, 283, 284.
Святослав — киевский князь, 153, 165, 166.
Сегал Т. С. — участник экспедиции, 7.
Седов В. В. — сов. арх., 52.
Семенов-Зусер С. — сов. арх., 126, 144, 167.
Сидоров В. Н. — сов. арх., 6.
Сизов В. И. — русск. арх., 140.
Синюк А. — участник экспедиции, 7, 216.
Скалон В. Н. — сов. зоолог, 169.
Скружный Л. — чехосл. арх., 51.
Смирнов А. П. — сов. арх., 86, 160.
Смирнов И. Д. — краевед, 12, 13, 88, 117, 127.
Смирнов И. И. — сов. историк, 13.
Смирнова Г. П. — сов. арх., 25.
Соловьева Г. Ф. — сов. арх., 157.
Сорокин С. С. — сов. арх., 74, 146.
Сотников В. П. — участник экспедиции, 7.
Спасский И. Г. — сов. нумизмат, 118.
Спицын А. А. — сов. арх., 10, 11, 117, 152—154.
Staňa Č — чехосл. арх., 55.
Станкевич Я. В. — сов. арх., 5.
25, 103, 147, 171.
Станчев С. — болг. арх., 126, 144.
Старчук И. Д. — сов. арх., 48, 56, 78.
Степанов П. Д. — сов. арх., 94, 140, 160.
Стрежелецкий С. Ф. — сов. арх., 123, 125.
Сымонович Э. А. — сов. арх., 76.
Сычевская Е. К. — сов. остеолог, 6, 73, 278.
Талицкий М. В. — сов. арх., 73.
Тарасов П. Г. — русск. арх., 138.
Тизенгаузен В. Г. — русск. нумизмат, 272.
Тотев Г. — болг. арх., 80, 86.
Третьяков П. Н. — сов. арх., 4, 7, 13, 14, 18, 25—27, 35, 38, 41, 43,—46, 48, 50, 53, 54, 56, 57, 63, 69, 70, 87, 88, 94, 102, 103, 107, 110, 112, 114, 117, 122, 128, 137, 149, 153, 157, 158, 166, 167, 169—172.
Турчанинов Г. Ф. — сов. лингвист, 7, 161.
Успенская А. В. — сов. арх., 88.
Федосеева Е. А. — сов. биолог, 7.
Фехнер М. В. — сов. арх., 118, 119, 143, 147, 167, 169, 171.
Федоров А. В. — сов. ихтиолог, 279, 280, 283, 284.
Федоров Г. Б., — сов. арх., 45, 66, 122, 123, 138, 141, 145.
Hachulska-Ledwos R.— польск. арх., 78.
Хвольсон Д. А. — русск. историк, 50.
Хожаинов Н. П. — сов. геолог, 98.
Цалкин В. И. — сов. палеонтолог, 6, 61, 68, 69, 73, 157, 285.
Цуровский К. — польск. арх., 80.
Cernohorzky K — чехослов. арх., 67.
Черноризец Храбр — 161.
Шахматов А. А. — русск. лингвист, 153, 154.
Шовкопляс А. М. — сов. арх., 71, 80, 85.
Шоков А. Ф. — сов. историк, 67.
Шрамко Б. А. — сов. арх., 107, 125.
Щапова Ю. Л. — сов. арх., 6, 118, 143, 144, 267.
Щербак А. М. — сов. лингвист, 161, 162.
Языков В. Д. — краевед, 9.
Якобсон А. Л. — сов. арх., 95, 123, 125.
Янин В. Л. — сов. нумизмат, историк, 118, 119, 128.
Янина С. А. — сов. нумизмат, 6, 270.
Ясинецкий Н. — сов. этнограф, 55.
Ястребов В. Н. — русск. арх., 74, 96

20. Заказ 1582

УКАЗАТЕЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ, ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Аланы, 126, 158, 160—162, 174.
Алеканово — село, 161.
Алексеевка — село, 17.
Алтай, 56.
Алчедарское городище, 45, 140, 141.
Андераба — древний город, 117, 271, 273.
Анты, 14, 154.
Архангельское — село, 17, 21, 25, 102, 150.
Архангельское городище, 8, 10, 11, 17, 25, 102, 112, 137.
Аш-Шам — древний город, 117, 271, 273.
Балканы, 53.
Башкиры, 72.
Белая Вежа — см. Саркел-Белая Вежа.
Белгород — древнерусский город, 137.
Белёвское городище, 137.
Белогорское городище, 9, 15, 16, 167, 175.
Ближний Восток, 118, 173.
Бобров — город, 117.
Большое Боршевское городище, 8, 10—14, 17—19, 27, 45, 46, 50, 52, 56, 57, 66, 68, 69, 94, 102, 103, 107, 110, 112, 114, 127, 137, 167, 175, 278, 280, 281.
Борисовский могильник, 144.
Борок — деревня, 55.
Борщево — село, 10, 17—19, 117, 149, 150, 152, 280.
Боршевский могильник, 10—12, 17—19, 102.
Бржецлав — город, 72.
Брно — город, 55.
Бугрики — сарматский могильник, 149.
Булгар — древний город, 127.
Булгары, 86.
Быстрая Сосна — река, 15—17, 151.
Васит — древний город, 271.
Васит — древний город, 117, 271.
Верхне-Салтовское городище, 107, 126, 154.
Верхнее Салтово — село, 126, 144.
Верхне-Салтовский могильник, 126, 144, 167.
Волго-Окское междуречье, 169.
Волынцево — село, 55.
Волынцевское городище, 55, 157.
Воргол — река, 17.
Воргольское городище, 17, 147, 175.
Воронеж — город, 8, 9, 12, 15, 20, 151.
Воронеж — река, 4, 5, 8, 9, 11, 15, 16, 150—152.
Восточная Европа, 153, 172, 174, 269.
Восточные славяне, 4, 13, 42, 56, 65, 69, 77, 85, 88, 127, 146, 148, 165, 166, 259.
Вострь (Осетр) — река, 138.
Врановичи — могильник, 122.
Вщижское городище, 74.
Вышгородское городище, 72.
Вятичи, 4, 19, 70, 153, 154, 158, 162, 165, 166, 174.
Галич — древнерусский город, 46.
Гнездовский могильник, 72, 140, 141.
Голышевское городище — см. Архангельское городище.
Городеск — городище, 49, 55.
Городище у Дома отдыха им. М. Горького—см. Кузнецовское городище.
Девица — река, 10, 60.
Девица — село, 117.
Десна — река, 138.
Дивногорье — хутор, 17.
Димитровское поселение, 107.
Днепр — река, 103 .
Днестр — река, 52.
Дольни Вестонице — могильник, 123.
Дон — река, 1, 3—6, 10, 11, 13, 15—17, 20, 52, 68, 69, 114, 117, 118, 127—129, 138, 141—143, 149—154, 158, 165, 166, 172, 173, 176, 278—284.
Екимауцы — городище, 122, 123, 138, 140, 145.
Ефремов — город, 17.
Железницкий клад, 119, 122, 144.
Закавказье, 127.
Западная Европа, 60.
Западная Сибирь, 172.
Западные славяне, 52, 85, 259.
Зарайский клад — см. Железницкий клад.
Звенигород — город, 85.
Зубовское городище, 9.
Изяславль — древнерусский город, 146.
Итиль — древний город, 127.
Казаки — село, 17.
Карнауховское поселение, 60.
Киев — древнерусский город, 5, 55, 71, 85, 137, 146, 269.
Киевский некрополь, 167.
Колочин — городище, 76.
Костенки — село, 12, 17, 150.
Костенки — городище, 12, 17.
Красивая Меча — река, 15—17.
Крюковско - Кужновский могильник, 76, 159, 160.
Крым, 125.
Кузнецовское городище, 9, 12, 16, 45, 50, 69, 102, 112, 117, 122, 127, 167, 175.
Курган — городище, 55.
Ладога — см. Старая Ладога.
Лебедка — селище, 74, 76, 103.
Липецк — город, 15.
Луцк — город, 137.
Лысогорский могильник, 8, 9, 11, 12, 15, 16, 152.
Лядинский могильник, 74, 96, 126, 159.
Макашеевка — слобода, 117.
Малаешты, 171.
Малое Боршевское городище, 10, 12, 18, 45, 48, 66, 69, 102, 103, 114, 137, 175.
Малышево — село, 17.
Маяки — городище, 146.
Меря, 85, 86, 94.
Микульчицы — городище, 78.
Михайловский Кордон — городище, 9, 12, 16, 50.
Могилы — местечко, 78.
Мокша — река, 28.
Моравия, 86, 122.
Мордва, 28, 86, 94, 126, 127, 140, 158—160, 162, 174.
Мощинское городище, 96.
«На валах» — могильник, 122.
Нижне-Покровка — слобода, 117.
Нижний Воргол — село, 17.
Новгород — древнерусский город, 53, 71, 95, 96, 119, 127, 141, 146.
Нови пазар — могильник, 126.
Новотроицкое городище, 35, 44, 51, 53, 54, 60, 63, 65, 72, 74, 103, 119, 122, 144, 145, 155, 157.
Ока — река, 16, 103, 151, 153, 158, 165.
Опошнянское городище, 54, 103, 157.
Орловка — село, 17.
Павловск — город, 5.
Павловское — село, 117.
Перемчалкинский могильник, 140, 144.
Переяславль — древнерусский город, 46, 137.
Петровское городище, 157.
Печенеги, 65, 138, 150, 151.
Плисненское городище, 45, 48, 55, 56, 78, 96, 171.
Поганско — городище, 72.
Полесье, 72.
Поломский могильник, 138.
Полтавский клад, 144, 145.
Поляне, 70.
Потудань — река, 10.

Прибалтика, 169.
Прикамье, 78, 169.
Приуралье, 169.
Причерноморье — см. Северное Причерноморье.
Псёл — река, 138.
Псков — древнерусский город, 53, 69, 73.
Радимичи, 153.
Рамонь — поселок, 12, 15.
Родановское городище, 78.
Руссы, 65.
Рязань — см. Старая Рязань.
Саконы — городище, 28.
Салтово — село, 125.
Салтово—городище, см. Верхне-Салтовское городище.
Салтовский могильник — см. Верхне-Салтовский могильник.
Самарканд — древний город, 117, 271, 273.
Саниба — могильник, 126.
Саниба — аул, 126.
Саркел-Белая Вежа — древний город, 48, 55, 56, 74, 95, 103, 123, 126, 127, 144, 146, 161, 162, 171.
Северное Причерноморье, 128, 173.
Северный Кавказ, 126, 144.
Северский Донец — река, 107.
Северяне, 70, 153, 154, 158.
Семилуки — город, 12.
Синдровское городище, 28.
Смоленск — город, 141.
Сосновка — село, 16.
Средняя Азия, 117, 118, 128, 142, 143, 173.
Старая Ладога — древнерусский город, 53, 61, 69, 73, 94, 103, 147.
Старая Ладога — могильник, 141.
Старая Рязань — древнерусский город, 42, 43, 54, 74, 131.
Старая Хворостань — село, 17, 149.
Старый Замок — городище, 55.
Сторожевое — городище, 10, 17.
Стугна — река, 138.
Судова Вишня — городище, 137.
Сула — река, 138.
Талица — село, 16.
Тамань, 123.
Тамбов — город, 96.
Татары, 150.
Тимеровский могильник, 147, 171.
Титчиха — хутор, 20, 149.
Томниковский могильник, 144.
Трубеж — река, 138.
Тумовское селище, 123.
Тушков — древнерусский город, 71.
Тюркские народы, 161.
Ужгородское поселение, 45.
Урыв — село, 117.
Устье — село, 12, 17, 151.
Устье — городище, 17.
Финно-угры, 5, 28, 56, 127, 158, 169, 173.
Хазары, 9, 70, 152, 153, 166.
Харьков — город, 10, 146.
Хворостань — река, 150.
Херсонес — древний город, 95, 123, 125, 127.
Хотомель — городище, 72, 122, 145.
Цар Крум — село, 161.
Цар Крум — городище, 161.
Червленный Яр, 152.
Черная могила — курган, 167.
Черное море, 123.
Чертовицкое — село, 152.
Шилово — село, 12.
Шуклинское городище, 157.
Южные славяне, 52.
Ярославль — город, 147.
Ярославские могильники, 167, 171.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

А — Археологія. Сборник статей, издаваемых ИА УССР
АП — Археологічні пам'ятки УРСР
АС — Археологический съезд
ВГПИ — Воронежский государственный педагогический институт
ВУАК — Воронежская ученая архивная комиссия
ВГУ — Воронежский государственный университет
ВДИ — Вестник древней истории
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ИА — Институт археологии Академии Наук СССР
ИА УССР — Институт археологии Академии Наук УССР
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИЗ — Исторические записки
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии Наук СССР
КСИА — Краткие сообщения ИА АН СССР о докладах и полевых исследованиях
КСИИМК — Краткие сообщения ИИМК о докладах и полевых исследованиях
ЛОИА — Ленинградское отделение института археологии АН СССР
МАО — Московское археологическое общество
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОИПК — Отдел истории первобытной культуры Эрмитажа
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
PA — Památky archeologické
AR — Archeologické rozhledy

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
Введение 5
Глава I. Полевые исследования памятников боршевской культуры 8
Глава II. Городище Титчиха 20
Глава III. Жилые и хозяйственные постройки 37
Глава IV. Хозяйство 63
Глава V. Система укреплений. Вооружение 129
Глава VI. Датировка 142
Глава VII. Этнический состав населения 152
Глава VIII. Общественный строй. Черты языческого культа 163
Заключение 173

Приложения

Выдержки из полевых дневников 179
Планы и профили полуземлянок 216
Планы и профили хозяйственных ям 239
Планы и профили валов 248
Г. А. Вознесенская. Обработка черного металла на городище Титчиха 251
Н. В. Рындина. Заключение об оптическом исследовании шлаков с городища Титчиха 263
П. Б. Раскатов. Заключение об исследовании древесины с городища Титчиха 265
Ю. Л. Щапова. Результаты спектрального анализа бус и браслета с городища Титчиха 267
С. А. Янина. Опись куфических монет из раскопок 1957—1961 гг. на городище Титчиха 270
Е. К. Сычевская. Рыбы с городища Титчиха 278
В. И. Цалкин. Результаты определения костных остатков животных из раскопок городища Титчиха 285
Библиография 286
Именной указатель 302
Указатель археологических памятников, географических и этнических названий 306
Список сокращений 309

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
7	5 сверху	(1954—1963 гг.)	(1954—1962 гг.)
76	3 снизу	Колчин	Колочин
125	22 сверху	рис. 45	рис. 43
293	17 и 18 снизу	Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое. „Труды Волго-Донской археологической экспедиции", МИА № 74, 1958	Ляпушкин И. И. Городище Новотроцкое, МИА № 74, 1958
295	14 сверху	Нидрле Л.	Нидерле Л.
304	2 снизу	Rauhotova J.	Rauhutova J.

Заказ 1582, тир. 3000

Технический редактор Ю. А. Фосс
Корректор О. П. Шишова

ЛЕ 00569. Подп. в печ. 17.III 1965 г. Форм. бум. 60×90¹/₁₆.
Печ. л. 19,5 + 1 вклейка. Уч.-изд. л. 21. Тираж 3000. Заказ 1582.
Цена 1 р. 40 к.

Издательство Воронежского университета
Городская типография
Воронеж, ул. Пушкинская, 3

Анна Николаевна Москаленко

ГОРОДИЩЕ ТИТЧИХА

(Из истории древнерусских поселений на Дону)

Редактор В. М. Поваляев
Оформление художника В. А. Преснякова
Технический редактор Ю. А. Фосс
Корректор О. П. Шишова

ЛЕ 00569. Подп. в печ. 17.III 1965 г. Форм. бум. 60×90¹/₁₆.
Печ. л. 19,5 + 1 вклейка. Уч.-изд. л. 21. Тираж 3000. Заказ 1582.
Цена 1 р. 40 к.

Издательство Воронежского университета
Городская типография
Воронеж, ул. Пушкинская, 3